

2023. Vol. 16. Is. 1

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2023. Т. 16. № 1

Ориентал
студии

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкоznанию, фольклористике, литературопроведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкоznание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюргеев*, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сүхэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трапавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*, Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагарунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татников*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);

Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);

Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);

Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);

Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);

Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);

Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;

Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);

Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);

Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbee*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);

Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);

Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);

Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);

Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);

Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);

Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);

Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);

Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);

Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);

Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryeva*

Translator: *S. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dz. Tatninov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Каманджаев Н. А.</i> Совет экономической взаимопомощи в поисках путей развития сельского хозяйства Монголии: доклад экспертной группы от 12 сентября 1963 г.	8
Отечественная история	<i>Удербаева С. К.</i> Другой Валиханов	21
	<i>Курапов А. А.</i> Переводческая и издательская деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области)	33
	<i>Юсупова Т. И.</i> Подарки и их смыслы в деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923–1926 гг.) (по новым архивным документам)	44
	<i>Ковальская С. И., Любичанковский С. В.</i> Феномен движения в жизни и культуре кочевых казахов на территории фронтира (конец XIX – начало XX в.)	59
	<i>Оконов Б. А.</i> Корпус первых секретарей Калмыцкого обкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (1921–1991 гг.)	75
	<i>Очиров У. Б., Воробьева В. Н.</i> Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР)	85
Археология	<i>Андреев К. М., Андреева О. В., Алешинская А. С., Кулькова М. А., Васильева И. Н.</i> Стоянка-мастерская Кряж II — новый памятник эпохи камня в лесостепном Поволжье	109
Источниковедение	<i>Аваков П. А., Митруев Б. Л.</i> Первая печать тайши Аюки (1684 г.)	144
Этнография и антропология	<i>Михалев А. В.</i> Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы	153
	<i>Айыжы Е. В., Айыжы А. В., Хомушку А. В.</i> Обряд сватовства у тувинцев Монголии (полевые материалы авторов)	163
Языкоизнание	<i>Рыкин П. О.</i> О некоторых редких и малоизвестных военных терминах в монгольских летописях XVII в.	171
	<i>Цзинь Т.</i> Мотивированность языка как проявление тенденциозности когниции (на примере знаков для номинации результата депозионирования объекта в паре языков русский-китайский)	193
	<i>Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В.</i> Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык	211
Литературоведение	<i>Лукашев А. А.</i> «Средневековый BLM»: образ чернолицего в персидской суфийской поэзии	222
	<i>Темиргазина З. К., Андрющенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В.</i> Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева — поэта азиатского фронтира	232

CONTENTS

World History	Kamandzhaev N. A. Council of Mutual Economic Assistance in Search of Ways to Develop Agriculture in Mongolia: Analyzing the Expert Group Report of 12 September 1963	8
National History	Uderbayeva S. K. Another Valikhanov	21
	Kurapov A. A. Translation and Publishing Activities of Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast	33
	Yusupova T. I. Gifts and Their Meanings in Activities of P. Kozlov's Expedition to Mongolia and Tibet, 1923–1926: Analyzing Newly Discovered Archival Documents	44
	Kovalskaya S. I., Lyubichankovskiy S. V. Phenomenon of Movement in the Life and Culture of Nomadic Kazakhs across the Frontier Zone, Late 19 th to Early 20 th Century	59
	Okonov B. A. First Secretaries of Kalmykia Komsomol Committee: 1921–1991	75
	Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a Prosopography Database of 1941–1945 Fatal Casualties among Military Servicemen Conscribed in One Region: The Case of the Kalmyk ASSR	85
Archaeology	Andreev K. M., Andreeva O. V., Aleshinskaya A. S., Kulkova M. A., Vasiljeva I. N. Kryazh II — a Newly Discovered Stone Age Workshop Site in the Forest-Steppe Volga Region	109
Sources Studies	Avakov P. A., Mitruev B. L. The First Seal of Taishi Ayuka (1684)	144
Ethnology & Anthropology	Mikhalev A. V. Russian Places of Memory in Contemporary Harbin: Imperial Meanings and Soviet Symbols	153
	Aiyzhy E. V., Aiyzhy A. V., Khomushku A. V. Matchmaking Ceremony of Mongolia's Tuvans: Analyzing Authors' Field Data	163
Linguistics	Rykin P. O. Some Rare and Little-Known Military Terms from 17 th -Century Mongol Chronicles Revisited	171
	Tszin T. Language Motivation as a Manifestation of Biased Cognition: Analyzing Signs Denoting a Result of an Object's Position Shift in Russian and Chinese	193
	Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N. V. Translating Russian Fiction into Chinese: The Specifics in Building Chains of Pragmatic Markers .	211
Literary studies	Lukashev A. A. Medieval BLM: Black Face in Persian Sufi Poetry	222
	Temirgazina Z. K., Andryuchshenko O. K., Aselderova R. O., Nikolaenko S. V. Pavel Vasiliev — A Poet of the Asian Frontier: Specifics of Orientalist Motifs Revisited	232

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 8–20, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-8-20

Совет экономической взаимопомощи в поисках путей развития сельского хозяйства Монголии: доклад экспертной группы от 12 сентября 1963 г.

Нарма Арсланович Каманджаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

ID 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Каманджаев Н. А., 2023

Аннотация. Введение. Ко времени вступления Монголии в состав Совета экономической взаимопомощи ее экономика имела явную сельскохозяйственную направленность, что обусловило закономерность обращения монгольских представителей к проблемам сельского хозяйства своей страны в процессе их участия в работе органов Совета. Целью исследования является изучение конкретных решений, повлекших составление доклада экспертной группы стран-членов Совета экономической взаимопомощи от 12 сентября 1963 г., а также анализ его основных положений. Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужили материалы фондов 561 (Секретариат Совета экономической взаимопомощи) и 302 (Постоянное представительство СССР при Совете экономической взаимопомощи) Российского государственного архива экономики, а также фонда 10 (Международные совещания и встречи) Российского государственного архива новейшей истории. Наряду с общенаучным методом синтеза и анализа были использованы такие специальные методы, как историко-описательный и историко-генетический. Результаты. Составление доклада было осуществлено группой экспертов по сельскому хозяйству стран-членов Совета экономической взаимопомощи, работавшей в Монголии с 13 августа по 12 сентября 1963 г. Выезд экспертов был следствием изменения первоначальной процедуры выработки предложений по совершенствованию сельскохозяйственного производства Монголии. Выводы. Подготовка доклада экспертной группы стран-членов Совета экономической взаимопомощи от 12 сентября 1963 г. имеет сложную и витиеватую предысторию, прослеживаемую еще со времени XVI сессии Совета экономической взаимопомощи, на которой Монголия была принята в состав организации. Композиционно он состоит из 7 однотипных разделов, представлявших собой описание разных направлений помощи сельскому хозяйству Монголии. В процессе работы над докладом экспертной группой был скорректирован список и объем позиций предлагаемой помощи сельскому хозяйству Монголии, и при этом, что самое главное, была оказана экспертная поддержка монгольской стороне, которой

еще предстояло отстоять реализацию зафиксированных в докладе мероприятий в ходе координации народнохозяйственных планов стран-членов Совета экономической взаимопомощи.

Ключевые слова: Монголия, Совет экономической взаимопомощи, сельское хозяйство, животноводство, растениеводство, экспертная группа, доклад, помощник

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Каманджаев Н. А. Совет экономической взаимопомощи в поисках путей развития сельского хозяйства Монголии: доклад экспертной группы от 12 сентября 1963 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 8–20. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-8-20

Council of Mutual Economic Assistance in Search of Ways to Develop Agriculture in Mongolia: Analyzing the Expert Group Report of 12 September 1963

Narma A. Kamandzhaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© КалмНИЦ РАН, 2023

© Kamandzhaev N. A., 2023

Abstract. *Introduction.* By the time Mongolia joined the Council for Mutual Economic Assistance, it was a remarkably agriculture-oriented economy, which made it logical that Mongolian representatives would raise the problems of their national agriculture at meetings and sessions of the Council's bodies. *Goals.* The study aims to investigate some specific decisions that facilitated the compilation of the CMEA expert group report dated 12 September 1963, and attempts an analysis of its key provisions. *Materials and methods.* The paper focuses on archival materials contained in Collections 561 ('CMEA Secretariat') and 302 ('Permanent Mission of the USSR to the CMEA') of the Russian State Archive of the Economy, as well as files from Collection 10 ('International Conferences and Meetings') of the Russian State Archive of Contemporary History. The main research methods employed are the historical-descriptive and historical-genetic ones. *Results.* The report was prepared by a group of agricultural experts representing CMEA member countries which worked in Mongolia from 13 August to 12 September 1963. The experts' departure was a consequence of a change in the initial procedure for developing proposals aimed at improving Mongolia's agricultural production. *Conclusions.* The CMEA expert group report of 12 September 1963 had a complicated and ornate background be traced back to the 16th Session of the CMEA which admitted Mongolia to the organization. Structurally, it consists of 7 same-type sections describing various areas of assistance to Mongolia's agriculture. In the course of the works, the expert group reviewed the list and scope of positions for the proposed assistance, and at the same time — most importantly — expert support was provided to meet the requests of Mongolia's representatives, while the latter were still to defend the implementation of the measures recorded in the Report in the course of coordinating the national economic plans of the CMEA member countries.

Keywords: Mongolia, CMEA, agriculture, livestock breeding, crop production, expert group, report, assistance

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Kamandzhaev N. A. Council of Mutual Economic Assistance in Search of Ways to Develop Agriculture in Mongolia: Analyzing the Expert Group Report of 12 September 1963. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 8–20 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-8-20

Введение

В последние годы тематика Совета экономической взаимопомощи (далее — СЭВ), по мнению доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН М. А. Липкина, переживает настоящий исследовательский бум, и связан он с приходом в науку нового поколения исследователей, сфокусировавших свое внимание на объективном изучении феномена данной организации [Липкин 2019: 19]. Данное обстоятельство вкупе с тем фактом, что в течение последнего двадцатилетия для исследователей стали доступны архивные материалы СЭВ, постепенно выводят изучение истории данной организации на качественно иной уровень. Прекрасным примером этому является процитированная выше монография М. А. Липкина, комплексно раскрывающая основные перипетии развития организации в 1950–1970-е гг. При этом на сегодняшний день имеются и специализированные исследования, шаг за шагом воссоздающие картину деятельности отраслевых органов организации — Постоянных комиссий [Глазов 2021; Курапова 2019; Попов 2018; Попов 2021; Сафонов 2021; Сафонов 2022].

Монголия со времени вступления в состав организации в 1962 г. так же, как и другие страны-члены СЭВ, принимала активное участие в работе постоянных комиссий. В этой связи изучение истории взаимодействия МНР и СЭВ немыслимо без анализа деятельности Постоянных комиссий СЭВ в отношении Монголии. В свою очередь весомое место сельского хозяйства в структуре монгольской экономики, а также его относительная отсталость сделали абсолютно естественным начало работы монгольских представителей в сельскохозяйственном направлении, тем самым активно вовлекая в нее и Постоянную комиссию по сельскому хозяйству.

Таким образом, в рамках данной статьи рассматривается деятельность монгольских представителей в СЭВ и его Постоянной комиссии по сельскому хозяйству в деле выработки рекомендаций по развитию сельскохозяйственного производства респу-

блики, вылившихся в составление доклада экспертной группы стран-членов СЭВ от 12 сентября 1963 г.

Данная тема до сих пор не являлась предметом какого-либо специального исследования. В существующей историографии имеются весьма скучные сведения о работе экспертной группы стран-членов СЭВ в Монголии в августе — сентябре 1963 г., ограниченные простым упоминанием [Гомбожав 1969: 59–59; Окнянский 1984: 214–215; Шинкарев 2006: 214–215]. Очевидно, что проблематика, касающаяся изучения конкретных решений, повлекших составление данного доклада, а также анализа его основных положений до сих пор остается неразрешенной. Изучение данных вопросов и является целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Источниковой базой настоящего исследования послужили архивные материалы фондов 561 («Секретариат СЭВ») и 302 («Постоянное представительство СССР при СЭВ») Российского государственного архива экономики. С их помощью была изучена деятельность как главных органов Совета — Сессий и Исполнительного комитета, так и профильного — Постоянной комиссии по сельскому хозяйству. Вспомогательными же в данном исследовании выступили материалы фонда 10 («Международные совещания и встречи») Российского государственного архива новейшей истории.

С точки зрения методологии в рамках настоящего исследования наряду с общенаучным методом синтеза и анализа были использованы такие специальные методы, как историко-описательный и историко-генетический.

Предыстория подготовки доклада

Первоначальная постановка вопроса монгольской стороной

Согласно архивным документам, корни исследуемого доклада прослеживаются еще в тот период, когда Монголия только входила в состав СЭВ. Как известно, случилось это 7 июня 1962 г. на XVI (внеочередной) Сессии Совета, которая лишь протокольно

оформляла решения проходившего в это же время Совещания представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц СЭВ. Главами делегаций на этом Совещании являлись первые лица правящих партий стран-членов СЭВ, что говорит о высоком уровне данного мероприятия.

Для участия в нем была приглашена и монгольская делегация во главе с первым секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП) и председателем Совета министров Монгольской Народной Республики (МНР) Юмжагийн Цеденбалом. В своем докладе на одном из заседаний Совещания монгольский лидер обратился к присутствовавшим со следующей просьбой: «в ближайшем будущем рассмотреть вопрос о возможности вступления МНР в организацию Совета экономической взаимопомощи» [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 232]. «Ближайшее будущее» настало уже через несколько часов, так как на вчернем заседании делегации стран-членов СЭВ проголосовали за вхождение Монголии в состав организации [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 254–255].

Однако следует отметить, что просьба о вступлении в организацию являлась, безусловно, главной, но не единственной смысловой составляющей речи Ю. Цеденбала. Лидер монгольских коммунистов и председатель правительства страны перед тем, как выразить просьбу о вступлении в состав организации, призвал страны-участницы Совета усилить оказываемую Монголии помощь и даже привел конкретные направления, где эта помощь требовалась. Так, в области животноводства были отмечены такие направления, как улучшение кормовой базы, совершенствование водоснабжения пастбищ, строительство помещений для содержания скота, улучшение воспроизводства стад, борьба с болезнями скота, и повышение его продуктивности. В земледелии же Ю. Цеденбал призывал решить три вопроса: разработка и применение научной системы ведения земледелия, развитие орошения и использование удобрений [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 240–243].

При этом мотивацию к тому, чтобы страны-члены СЭВ обратили свое «особое внимание» на приведенные в докладе направления и усилили экономическую помощь Монголии, Ю. Цеденбал выводил из

необходимости выравнивания уровня экономического развития Монголии с уровнем передовых социалистических стран. В свою очередь данная необходимость, по его словам, проистекала из «закона планомерного, пропорционального развития всех стран социализма» [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 249].

XVI сессия СЭВ в целом стала знаковым событием для самой организации. Ее решения переформатировали и некоторые структурные элементы Совета. В их числе можно отметить и преобразование Совещания представителей стран СЭВ в постоянно действующий орган — Исполнительный комитет СЭВ [Липкин 2019: 92], первое заседание которого состоялось 10–12 июля 1962 г. В своем докладе на нем монгольский представитель в СЭВ Д. Моломжамц сообщил намечаемые монгольским руководством направления развития сельского хозяйства страны, в целом акцентировав главные положения выступления Ю. Цеденбала на июньском совещании и несколько дополнив его [РГАЭ. Ф. 562. Оп. 4. Д. 6. Л. 34–36]. При этом он обратился к присутствовавшим с предложением об организации в Монголии международной комплексной сельскохозяйственной экспериментальной станции [РГАЭ. Ф. 562. Оп. 4. Д. 6. Л. 36].

В докладе также отмечалось и стремление монгольского руководства «за короткий срок» повысить уровень производительности труда: в животноводстве — в 4–5 раз, а в растениеводстве — в 2–3 раза. Естественно, что данный процесс предполагалось провести путем повышения уровня механизации сельскохозяйственного производства. В этой связи монгольской стороной была озвучена просьба о «возрастающих из года в год» поставках сельскохозяйственной техники и специального оборудования [РГАЭ. Ф. 562. Оп. 4. Д. 6. Л. 37].

Вопрос об организации международной комплексной сельскохозяйственной экспериментальной станции был вновь поднят монгольской стороной на втором заседании Исполнительного комитета Совета, состоявшемся 25–28 сентября 1962 г. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 41с. Д. 14. Л. 97]. Исполком СЭВ внял просьбе монгольской стороны. В своем постановлении он поручил Постоянной Комиссии по сельскому хозяйству

рассмотреть этот вопрос и в первом полугодии 1963 г. представить по нему свои соображения [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 41с. Д. 13. Л. 29].

Остальные же направления, озвученные монгольской стороной ранее, стали предметом конкретного обсуждения несколько позже — на XVII сессии Совета, состоявшейся 14–20 декабря 1962 г. Сессия поручила Постоянной комиссии СЭВ по сельскому хозяйству рассмотреть поставленные МНР вопросы «об оказании ей помощи в расширении сельскохозяйственного производства». Предложения по этому вопросу Комиссия должна была представить на суд Исполкома в 1963 г. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 41с. Д. 2. Л. 21].

Таким образом, из вышеописанного очевидно, что инициатором изучения возможностей по расширению сельскохозяйственного производства Монголии стала сама монгольская сторона, причем активное лоббирование этого предложения началось еще в процессе принятия Монголии в состав организации.

Последующая деятельность Постоянной комиссии СЭВ по сельскому хозяйству

Дальнейшая разработка мероприятий по совершенствованию сельскохозяйственного производства Монголии велась Постоянной комиссией СЭВ по сельскому хозяйству, которая на своем 13-м заседании (19–22 февраля 1963 г.) утвердила первоначальный план решения данного вопроса. Согласно ему, монгольская сторона была обязана представить свои предложения до 1 апреля 1963 г. Затем отдел сельского хозяйства Секретариата СЭВ должен был разослать их странам-членам организации для ознакомления. Ответные соображения необходимо было представить Комиссии в срок до 15 июля 1963 г. Наконец, отделу сельского хозяйства полагалось их обобщить и направить в Исполком до ноября 1963 г. [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 88].

Однако монгольская сторона представила свои предложения лишь 27 мая 1963 г. Документ под названием «Вопросы МНР об оказании помощи в расширении сельскохозяйственного производства» по сравнению с прежними просьбами монгольских представителей более полно раскрывал позицию

монгольской стороны. Знаменательной особенностью этого документа было то, что по каждому пункту предполагаемой помощи впервые указывались те страны, от которых требовалось содействие [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 80–87].

Примечательно еще и то, что в этом документе отсутствовал пункт об организации в Монголии международной комплексной сельскохозяйственной экспериментальной станции. Связано это было с несогласием советской стороны по данному вопросу. Первоначально оно было озвучено в письме советской части Постоянной комиссии по сельскому хозяйству к постоянному представителю СССР в СЭВ М. А. Лесечко от 9 февраля 1963 г. Вместо данного пункта рекомендовалось усилить существующие научные учреждения Монголии путем командирования ученых из стран-членов СЭВ [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 9–10].

Для окончательного решения данного вопроса в Монголию была командирована группа советских экспертов. 17 мая она встретилась с Ю. Цеденбалом, который согласился с предложениями советской стороны [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 93–94]. По-видимому, этим фактом может быть объяснена задержка в представлении монгольской стороной своих предложений.

В целом направления, в которых Монголия нуждалась в помощи стран-участниц СЭВ, были следующими: сельскохозяйственное водоснабжение, ветеринария, механизация животноводства, использование лесных ресурсов, сельскохозяйственное освоение бассейна реки Халхин-Гол, полеводство, производство удобрений и ядохимикатов, создание учебно-производственной базы по подготовке национальных кадров, производство сухого молока [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 81–86].

В том же документе монгольская сторона сообщала, что не располагает достаточными финансовыми средствами на осуществление представленных мероприятий и рассчитывает на помощь стран-участниц СЭВ либо в безвозмездной форме, либо в форме льготных кредитов. Отдельной строкой было прописано то, что кредиты предполагается погашать продукцией тех предприятий, на строительство которых будут представлены заемные средства [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 86].

В итоге после получения вышеозначенного документа отдел сельского хозяйства Секретариата СЭВ в своем письме от 14 июня 1963 г. предложил изучить поставленные монгольской стороной вопросы на месте путем командирования в Монголию специалистов стран-членов Совета [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 159. Л. 89]. Данное предложение было утверждено на 14-м заседании Постоянной комиссии по сельскому хозяйству, состоявшемся 25–28 июня 1963 г. Мотивировалось такое решение целесообразностью «конкретизации и соответствующего обоснования предложений о формах и размерах помощи МНР в развитии сельскохозяйственного производства и укреплении научно-исследовательских учреждений» [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 31. Л. 17].

Насчет последних в постановлении заседания имелся отдельный пункт, в котором указывалось, что в связи с «дополнительными соображениями монгольской стороны» вместо создания упомянутой выше станции целесообразно было бы укрепить и оснастить имеющиеся в Монголии научные учреждения [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 31. Л. 16].

Таким образом, за полгода работы органов СЭВ по данному вопросу был изменен первоначальный порядок выработки предложений и отвергнута идея строительства в Монголии международной комплексной сельскохозяйственной экспериментальной станции, что подчеркивает сложность и витиеватость процесса подготовки предложений.

Доклад экспертной группы стран-членов СЭВ

Общие аспекты работы экспертной группы стран-членов СЭВ

Работа экспертной группы началась 13 августа 1963 г. В соответствии с постановлением 14-го заседания Постоянной комиссии по сельскому хозяйству командирование специалистов стран-членов СЭВ осуществлялось за счет направлявших сторон. Группу возглавил специалист отдела сельского хозяйства Секретариата Совета — А. Калашников. В состав интернациональной группы вошли: З. Гастони, Р. Рюффлер (отдел сельского хозяйства), Г. Генков, И. Ченчев, (Болгария), И. Бодолай, А. Легел

(Венгрия), П. Рыбка, А. Франц (ГДР), Ф. Голошевский, Б. Банашек (Польша), А. Некшою, Н. Ивэнэску (Румыния), Е. Удовенко, Е. Савенков, Ю. Чамов, А. Кондратьев (Советский Союз), И. Фолтын, А. Ковачик, Я. Дамашка (Чехословакия) [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 256].

В ходе работы участники группы изучили подготовленные Министерством сельского хозяйства МНР материалы, касавшиеся состояния и перспектив развития сельскохозяйственной отрасли республики, а также предложения монгольской стороны о формах и размерах необходимой помощи. Эксперты побывали в десяти аймаках республики, где на месте ознакомились с работой шести сельскохозяйственных объединений (кооперативов), десяти госхозов, четырех машинно-животноводческих станций, пяти научно-исследовательских институтов и опытных станций, четырех государственных племенных станций, 12 лесоперерабатывающих и других предприятий [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 256].

С монгольской стороны в поездках по республике, подготовке и обсуждении готовившихся группой предложений принимали участие многие ответственные работники министерств, ведомств и научно-исследовательских учреждений Монголии, в том числе министр сельского хозяйства республики Б. Балжиням и его заместители Л. Ринчин, Б. Аюш и Ж. Чогдон [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 256].

Итогом совместной работы стал составленный 12 сентября 1963 г. в г. Улан-Баторе семидесятистраничный «Доклад группы специалистов сельского хозяйства стран-членов СЭВ о предложениях по оказанию помощи Монгольской Народной Республики в развитии сельскохозяйственного производства и укреплении научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству». Содержание доклада разделено на 7 разделов, которые, по сути, представляют собой описание разных направлений помощи сельскому хозяйству Монголии. У всех разделов идентична логика повествования: сначала краткий очерк состояния проблемы, затем анализ монгольских предложений по этому вопросу и в самом конце дополнительные предложения экспертной группы. Последние содержат сугубо мето-

дический характер, поэтому были выведены за рамки настоящего исследования.

Сельскохозяйственное освоение бассейна реки Халхин-Гол

Как следует из документа, монгольская сторона обратилась с просьбой о помощи в создании в бассейне реки Халхин-Гол десяти государственных хозяйств (далее — госхозы). Экспертной группой была установлена возможность создания в этом регионе только девяти госхозов зерново-животноводческого направления на площади пахотных земель в 273,6 тыс. га. Отмечено, что на данной территории наблюдались благоприятные природные условия для возделывания яровой пшеницы, а также наличие 1 800 тыс. га пастбищ и 312 тыс. га сенокосов [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 259].

Экспертами была вычислена потребность в технике и кадрах для будущих госхозов. Для их эффективной работы необходимо было 660 гусеничных и 1 900 колесных тракторов, 700 комбайнов и 2 000 грузовых машин. В целях обслуживания такого большого парка техники предусматривалось строительство одного ремонтного завода. В свою очередь совокупный штат госхозов должен был составлять 8 600 чел. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 261–262].

Согласно предварительным оценкам, всего на строительство 9 госхозов должно было быть затрачено 460,4 млн тугриков. Основная часть этой суммы приходилась на приобретение техники (168,2 млн тугриков) и строительство жилых и культурно-бытовых помещений (155,2 млн тугриков) [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 325].

Укрепление кормовой базы животноводства

В своих предложениях монгольская сторона затронула и насущную для себя проблему обеспечения кормами скота в южных и юго-западных аймаках. Экспертная группа признала целесообразным приобретение 160 грузовых машин для перевозки кормов и строительство под них необходимых складских помещений. При этом в просьбе о строительстве 15 комбикормовых заводов было отказано ввиду значительного превышения потенциального объема производства на этих заводах над текущим объемом потребления комбикормов. В связи с этим

было рекомендовано строительство 12 цехов при мелькомбинатах и госхозах и трех малогабаритных комбикормовых завода [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 266–267].

Также монгольской стороне было не рекомендовано строительство и оснащение заводов по производству минеральной подкормки для скота. Вместо этого предлагалось в срок до 1970 г. наладить опытное производство данных компонентов при солевых производствах. Недостающие при производстве комбикормов и подкормок микроэлементы экспертная группа посчитала необходимым закупать у других стран-членов СЭВ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 268–269].

Обводнение и орошение сельскохозяйственных угодий и водоснабжение сельских населенных пунктов

В данной области экспертная группа пришла к выводу о целесообразности предоставления помощи по целому ряду пунктов. Во-первых, было рекомендовано строительство пяти полигонов по изготовлению железобетонных изделий производительностью 2,5 тыс. м³ для оборудования водопойных пунктов [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 273].

Во-вторых, было признано необходимым построить пять тыс. шахтных колодцев, 0,5 тыс. водозаборных сооружений и 0,7 тыс. трубчатых колодцев, чтобы увеличить площадь обводненных пастбищ. Даные цифры оказались несколько меньше тех, что изначально были запрошены монгольской стороной [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 272, 280].

В-третьих, была признана рациональной поставка необходимого оборудования для строительства 11 тыс. водопойных пунктов и 1 тыс. трубчатых колодцев для водоснабжения сельских населенных пунктов [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 276, 280].

В-четвертых, была отклонена просьба монгольской стороны в переброске стока рек Байдраг-Гол, Буридин-Гол, Туйн-Гол, Тацайн-Гол, Аргун-Гол и Онгин-Гол и создании в их бассейнах водохранилищ. Основываясь на более раннем опыте сооружения и эксплуатации водохранилищ на территории Монголии, экспертная группа посчитала экономически неэффективным осуществлять такой затратный проект об-

щей стоимостью 850 млн тугриков. Однако было одобрено составление схемы использования водных ресурсов этих рек [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 278–279].

В-пятых, экспертная группа сочла целесообразным проведение гидрологических и геофизических изысканий с целью определения мест для строительства шахтных и трубчатых колодцев. И, в-шестых, для осуществления общей методической помощи было рекомендовано командировать в Монголию специалистов водного хозяйства стран-членов СЭВ. Всего на осуществление вышеописанных пунктов требовалось потратить порядка 200 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 281].

Механизация и электрификация сельского хозяйства

Экспертная группа признала необходимой поставку запрашиваемых монгольской стороной 1 160 тракторных навесных косилок, 800 граблей и некоторого количества другой сеноуборочной техники. При этом в сторону некоторого уменьшения была одобрена поставка 560 комплектов оборудования для механизированной дойки коров, причем рекомендовалось применять именно передвижные доильные станции [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 283–284].

Согласно произведенным расчетам, вместо запрашиваемых монгольской стороной 1 697 стригальных агрегатов эксперты посчитали необходимой поставку лишь 1 030 шт. Экспертная группа также предложила оснастить ремонтные мастерские при госхозах и МЖС 140 передвижными мастерскими. В полном объеме была признана правильной просьба монгольской стороны о поставке до 1970 г. 620 электростанций общей мощностью 50 тыс. киловатт. Таким образом, общие затраты в области механизации и электрификации сельского хозяйства МНР должны были составить 90 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 285–286].

Развитие животноводства и улучшение ветеринарного дела

Вследствие того, что к началу 1960-х гг. Монголия испытывала ощутимые проблемы в области воспроизводства и здоровья скота, группой экспертов особое внимание было уделено именно этим сферам, что

явствует из весьма подробного описания предполагаемой по ним помощи. Так, был признан полностью целесообразным запрос монгольской стороны на поставку 150 передвижных пунктов искусственного осеменения скота и об оснащении оборудованием 54 государственных племенных станций. Общая стоимость данных мероприятий составляла 9,9 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 288–289].

Учитывая особенно тяжелую ситуацию с распространением среди сельскохозяйственных животных таких болезней, как сап, бруцеллез и туберкулез, группа экспертов рекомендовала в течение трех лет командировать в Монголию 18 ветеринарных отрядов в составе 60 врачей и 120 лаборантов. Отряды должны были работать по 6 месяцев и быть оснащены всем необходимым оборудованием. В денежном выражении такая помощь оценивалась в 8 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 292].

Помимо прямой ветеринарной помощи, экспертами было предусмотрено и содействие в техническом укреплении местной ветеринарии. Была одобрена возможность поставки оборудования для 18 аймачных и 90 межсомонных ветеринарно-бактериологических лабораторий общей стоимостью 9,7 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 293–294].

В области ветеринарной фармацевтики эксперты пришли к необходимости строительства завода по производству антибиотиков, мощность которого должна была составить 4 тонны очищенных и 20 тонн неочищенных антибиотиков в год, а его ориентировочная стоимость — 3,2 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 292].

По просьбе монгольской стороны было также рекомендовано расширить Улан-Баторский медицинский фармацевтический завод с целью переработки имевшихся в Монголии лекарственных растений и минералов. Работы по этому направлению должны были обойтись примерно в 20 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 293].

Укрепление сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений и совершенствование подготовки специалистов

Экспертной группой было признано нецелесообразным дальнейшее нахождение

и расширение научно-исследовательского института животноводства в г. Улан-Баторе. Рекомендовалось перевести его в поселок Булган Южно-Гобийского аймака, где располагалась подведомственная институту сельскохозяйственная опытная станция. На новом месте должны были быть построены административный корпус, оснащенный лабораториями, помещения для животных, механизированный убойный пункт, жилищные и культурно-бытовые объекты. Наряду с этим эксперты сочли рациональным преобразовать Южно-Гобийскую опытную станцию в комплексную станцию путем совершенствования ее материально-бытовой базы. Вместе с осуществлением дополнительных мероприятий общие затраты должны были составить порядка 34 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 298–299].

Для научно-исследовательского института растениеводства и земледелия в пос. Зун-Хара эксперты посчитали нужным построить главный корпус института вместе с многочисленными вспомогательными постройками, в том числе теплицы, парники, хранилища и мастерские. Рекомендовалось также обеспечить оборудованием девять лабораторий, поставить необходимую сельскохозяйственную технику и семена. Наконец, в комплексе института рекомендовалось развернуть жилищное и культурно-бытовое строительство [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 303–305].

Наряду с совершенствованием материально-технической базы головного института эксперты посчитали необходимым усилить эту составляющую на его трех опытных станциях: Шамарской, Халхин-Гольской и Булгано-Кобдосской [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 305–306]. Таким образом, общая предполагаемая стоимость работ по растениеводческому научно-исследовательскому институту и его опытным станциям составила примерно 19,7 млн тугриков.

Вместе с совершенствованием научно-исследовательских разработок экспертная группа посчитала рациональными соображения монгольской стороны по строительству нового сельскохозяйственного техникума. Располагаться он должен был в пос. Зун-Хара, где уже находился растениеводческий институт, и иметь основное направление в подготовке механизаторов и агротехников. Общие затраты на строитель-

ство техникума должны были составить 4,9 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 309–310].

Мероприятия по использованию лесных ресурсов

В области лесной промышленности монгольская сторона выдвинула просьбу об оказании ей помощи в строительстве двух объектов: завода по сухой перегонке древесины и завода по производству дубильных экстрактов. По первому из них экспертная группа дала положительное заключение, объяснив это тем, что после строительства Бугунтайского леспромхоза в Монголии будет обеспечена необходимая для завода сырьевая база. Сопутствующими факторами, склонившими экспертов к положительному решению, были также небольшой объем капиталовложений (2,5 млн тугриков) и незначительная потребность в рабочей силе (60 чел.) [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 312–313].

Строительство завода для производства дубильных экстрактов было признано необоснованным, так как даже при максимальной загрузке Тосын-Ценгельского комбината завод работал бы только на 60 % своей мощности. К тому же экспертов смущала довольно большая цена строительства завода — 15 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 314–315].

Раздел, посвященный развитию лесной промышленности, завершает доклад. В самом его конце была указана примерная стоимость осуществления всех мероприятий, представленных в докладе, — 885,9 млн тугриков [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24. Д. 37. Л. 317], что являлось довольно внушительной суммой в масштабах Монголии. Для сравнения: в бюджете МНР за 1963 г. общие затраты на развитие народного хозяйства составили 671,1 млн тугриков [БНМАУ-ын 1964: 20].

В целом основные разделы, указанные в докладе, воспроизводят те, что были изложены ранее в письме от 27 мая 1963 г. Разница прослеживается в самом наборе мероприятий: одни из них отсутствовали в начальных предложениях, другие отвергнуты экспертной группой за ненадобностью. Экспертной группой также были скорректированы (в основном в сторону уменьшения) объемы некоторых поставок техники и объектов строительства. Однако, по наше-

му мнению, наиглавнейшим итогом работы экспертов было то, что они смогли обосновать целесообразность осуществления каждого из одобренных ими мероприятий, тем самым предоставив экспертную поддержку пожеланиям монгольской стороны.

**Дальнейшая судьба доклада
Окончательные предложения монгольской стороны**

22 октября 1963 г. руководитель монгольской делегации в Постоянной комиссии по сельскому хозяйству, министр сельского хозяйства МНР Б. Балжиням направил заведующему отделом сельского хозяйства Секретариата СЭВ С. Бычварову уточненные и конкретизированные с помощью экспертной группы предложения об оказании помощи в развитии сельского хозяйства Монголии. В сопроводительном письме Б. Балжиням просил отдел разослать данные предложения остальным руководителям делегаций [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 76].

Предложения воспроизводят основные положения описанного выше доклада, но с тем основным отличием, что в них по каждому из пунктов предполагаемой помощи были указаны страны, от которых данная конкретная помощь требовалась. При этом объемы испрашиваемой помощи по всем пунктам были такими же, как в докладе. Наряду с этим следует отметить, что в начале документа было указано и то, что помощь требовалась главным образом в течение предстоящей пятилетки 1966–1970 гг. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 77].

Приведем наиболее показательные статьи запрашиваемой монгольской стороной помощи. Так, например, распределение «долей» участия стран-участниц СЭВ в помощи по строительству девяти госхозов в бассейне р. Халхин-Гол выглядит следующим образом: по одному госхозу от Болгарии, Польши, Румынии и ГДР, два — от Чехословакии и три — от Советского Союза. При этом среди стран (Польши, Румынии, Болгарии и Советского Союза) были распределены и общие работы по обустройству инфраструктуры будущих госхозов [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 79]. Отдельно указывалось, что оснащение планируемых госхозов техникой «было бы желательно» привести Советскому Союзу, причем средства

на эту технику должны были предоставить строящие эти госхозы страны-члены СЭВ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 88].

Предполагавшееся строительство завода по производству антибиотиков было доверено Чехословакии, расширение Улан-Баторского фармацевтического завода — Венгрии, а поставку оборудования для 18 аймачных и 90 межсомонных лабораторий — Польше [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 81].

Технику для сенокошения, оборудование для стрижки скота, двигатели для создания ремонтного фонда, а также электростанции монгольская сторона запросила у СССР. Стационарные и передвижные ремонтные мастерские было доверено поставить Польше, а доильные агрегаты и технику по транспортировке молока — ГДР [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 82].

В области водохозяйственного строительства основная нагрузка также ложилась на советскую сторону: ее озадачили поставкой полигонов по изготовлению железобетонных изделий и необходимого оборудования для строительства водопойных пунктов и трубчатых колодцев. У Венгрии была запрошена помощь в области гидро-геологических и геофизических изысканий для строительства будущих колодцев [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 82–83].

В лесообрабатывающей отрасли монголы запросили строительство двух заводов (по сухой перегонке древесины и по производству дубильных экстрактов) у Румынии [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 83]. Из этого очевидно, что в данном вопросе монголы отошли от положений доклада, так как экспертная группа рекомендовала не строить завод по производству дубильных экстрактов.

Все предполагаемые экспертной группой мероприятия по научно-исследовательскому институту животноводства монгольская сторона предлагала осуществить ГДР, в то время как модернизацию растениеводческого института и его опытных станций монгольская сторона возложила на Чехословакию. ГДР просили также построить сельскохозяйственный техникум [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 83–86].

В конце документа мы находим важные положения, не зафиксированные в докладе экспертной группы. Так, монгольская сто-

рона рассчитывала, что материально-техническое обеспечение строительства объектов будет вестись за счет помогавших в том или ином мероприятии сторон. Исключение делалось только по тем строительным материалам, которые можно было бы изыскать в Монголии. Ссылаясь на недостаток в рабочей силе, монгольская сторона также просила командировать рабочих для строительства крупных объектов и даже намекнула, что «было бы желательным» прислать и обслуживающий персонал (врачей, поваров, связистов и др.) вместе с необходимым оборудованием [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 87].

С точки зрения финансового вопроса на строительство большинства объектов монголы планировали получить льготные кредиты. При этом на сооружение научно-исследовательских институтов и техникума, а также на проведение мероприятий по развитию животноводства, его кормовой базы и ветеринарии монгольская сторона видела возможным получить от стран-членов СЭВ безвозмездную помощь. Погашение значительной части кредитов предполагалось совершить за счет продукции будущих го-схозов [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 160. Л. 88].

Последующая оценка работы экспертной группы

Обсуждение результатов работы экспертной группы состоялось на 16-м заседании Постоянной комиссии по сельскому хозяйству, проходившей 18–20 февраля 1964 г. В постановлении заседания работа группы была признана положительной. Другим пунктом комиссии были приняты к сведению заявления руководителей делегаций о готовности их стран оказать помощь Монголии. При этом указывалось, что конкретные размеры и формы помощи в настоящий момент будут обсуждаться в двустороннем порядке [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48. Д. 159. Л. 8]. Под двусторонним порядком здесь, очевидно, понимаются двусторонние консультации плановых органов, первый круг которых Монголия прошла в сентябре – октябре 1963 г.

20 февраля монгольские предложения были переданы в Секретариат организации. Их обсуждение на уровне главных органов Совета состоялось на 12-м заседании Исполкома, прошедшего 21–25 апреля 1964 г.

В его постановлении отмечено, что Исполком одобрил работу Постоянной комиссии по сельскому хозяйству в деле оказания помощи МНР, а также отметил, что «все страны-члены СЭВ с должным пониманием отнеслись к выполнению поставленной Исполнительным комитетом задачи и намечают конкретные меры по оказанию помощи МНР, которые будут определены на двусторонней основе» [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 44с. Д. 8. Л. 28].

Таким образом, следующий этап работы по совершенствованию сельскохозяйственного производства Монголии должен был осуществляться плановыми органами МНР, задачей которых было отстаивание зафиксированных в докладе мероприятий в процессе координации народнохозяйственных планов стран-членов СЭВ.

Заключение

Доклад экспертной группы стран-членов СЭВ от 12 сентября 1963 г. имеет сложную и витиеватую предысторию, прослеживаемую еще со времени XVI сессии СЭВ, на которой Монголия была принята в состав организации. Именно в ходе нее монгольской стороной была высказана просьба о помощи в расширении сельскохозяйственного производства.

Последующая работа в этом направлении была связана с дальнейшими просьбами монгольской стороны и ответной деятельностью по ним со стороны органов Совета. Следствием изменения первоначальной процедуры выработки предложений по данному вопросу и был выезд в Монголию группы специалистов сельского хозяйства стран-членов СЭВ в августе 1963 г., результатом работы которой стал исследуемый доклад.

Сам доклад был разделен на 7 однотипных разделов, представлявших собой описание разных направлений помощи сельскому хозяйству Монголии. Тематика разделов не была нова, так как эти направления уже были указаны в предыдущих предложении монгольской стороны, однако новшество доклада прослеживается в его содержании. Экспертной группой был скорректирован список и объем позиций предполагаемой помощи сельскому хозяйству Монголии, и при этом, что самое главное, была оказана экспертная поддержка просьбам монгольской

стороны, которой еще предстояло отстоять реализацию зафиксированных в докладе ме-

роприятий в ходе координации народнохозяйственных планов стран-членов СЭВ.

Источники

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

Литература

БНМАУ-ын 1964 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 1963 онд. Статистикийн эмхэтгэл (= Народное хозяйство МНР в 1963 г. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1964. 123 х.
Глазов 2021 — Глазов А. А. Европейские страны — члены СЭВ в поисках решения проблемы дефицита нефтяного сырья: создание Бюро по нефти в 1973 г. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 194–210.
Гомбожав 1969 — Гомбожав Д. Роль экономического сотрудничества в развитии МНР. М.: Экономика, 1969. 112 с.
Курапова 2019 — Курапова Е. Р. «Позицию румынской делегации нельзя признать обоснованной». Отчет руководителя советской части Постоянной комиссии СЭВ по нефтяной и газовой промышленности В. А. Каламкарова о 14-м заседании Комиссии. Бухарест, 1963 г. // Исторический архив. 2019. № 4. С. 33–43.
Липкин 2019 — Липкин М. А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь мир, 2019. 184 с.
Окнянский 1984 — Окнянский В. В. Научно-техническое сотрудничество МНР со странами-членами СЭВ (1962–1982). М.: Наука, 1984. 176 с.

References

Glazov A. A. European Comecon members in search of oil shortage solutions: The establishment of the Petroleum Bureau in 1973. Izvestia. *Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts.* 2021. Vol. 23. No. 4. Pp. 194–210. (In Russ.)
Gombojav D. The Role of Economic Cooperation in the MPR's Development. Moscow: Ekonomika, 1969. 112 p. (In Russ.)
Kurapova E. R. “The position of the Romanian delegation cannot be considered as justified”. The report, drawn up by V.A. Kalamkarov, head of the Soviet part of the Permanent Commission

Sources

Russian State Archive of Contemporary History.
Russian State Archive of the Economy.

Попов 2018 — Попов А. А. Из истории Совета экономической взаимопомощи: проекты долгового участия в сырьевом секторе (1950–1960-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 105–119.

Попов 2021 — Попов А. А. Уголь – план – коммунизм: Как успех сотрудничества в распределении сырья привел к провалу долгосрочной координации стран СЭВ // Новый исторический вестник. 2021. № 3. С. 44–59.

Сафонов 2021 — Сафонов А. В. Координация Советом экономической взаимопомощи технической помощи развивающимся странам в 1961–1967 гг. [электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840015361-6-1> (дата обращения: 25.10.2022).

Сафонов 2022 — Сафонов А. В. Рабочая группа по фосфоритам СЭВ и поиски коллективного решения проблемы дефицитного сырья социалистическими странами в 1970-е гг. [электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6. URL: <https://history.jes.su/s207987840021880-7-1/> (дата обращения: 25.10.2022).

Шинкарев 2006 — Шинкарев Л. И. Цеденбал и его время. Документальное повествование в двух томах. Т. 1. М.: Собрание, 2006. 496 с.

of Comecon for the Oil and Gas Industry, on the 14th Session of a Commission. Bucharest, 1963. *Historical Archive.* 2019. No. 4. Pp. 33–43. (In Russ.)

Lipkin M. A. Council for Mutual Economic Assistance: A Historical Experience of Alternative World Order, 1949–1979. Moscow: Ves Mir, 2019. 184 p. (In Russ.)

National Economy of the MPR: 1979. Statistical digest. Ulaanbaatar: State Publishing Committee, 1964. 123 p. (In Mong.)

Oknyansky V. V. Mongolian People's Republic and Comecon Member Countries, 1962–1982:

- Cooperation in Science and Technology. Moscow: Nauka, 1984. 176 p. (In Russ.)
- Popov A. A. Coal – Plan – Communism: How the success of cooperation in the distribution of raw materials led to the failure of long-term coordination among the CMEA countries. *The New Historical Bulletin*. 2021. No. 3. Pp. 44–59. (In Russ.)
- Popov A. A. From the history of the Council for Mutual Economic Assistance: Share participation projects in the raw-materials sector (1950s – 1960s). *The New Historical Bulletin*. 2018. No. 1. Pp. 105–119. (In Russ.)
- Safronov A. V. Coordination of technical assistance for developing countries by the Council for Mutual Economic Assistance in 1961–1967. *ISTORIYA* (online journal). 2021. Vol. 12. No. 4. Available at: <https://history.jes.su/s207987840015361-6-1> (accessed: 25 October 2022). (In Russ.)
- Safronov A. V. The CMEA Working Group on Phosphorites and the search for a collective solution to the problems of scarce raw materials by socialist countries in the 1970s. *ISTORIYA* (online journal). 2022. Vol. 13. No. 6. Available at: <https://history.jes.su/s207987840021880-7-1/> (accessed: 25 October 2022). (In Russ.)
- Shinkarev L. I. Tsedenbal and His Era: A Documentary Narrative. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Sobranie, 2006. 496 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 21–32, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 433.93 + 929.522.25 + 930 (574) + 94 «19-20»
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-21-32

Другой Валиханов

Сауле Карибаевна Удербаева¹

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, старший преподаватель
 0000-0002-0322-964X. E-mail: saule-uderbaeva[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
 © Удербаева С. К., 2023

Аннотация. Введение. В плеяде деятелей казахского общества имперского периода широко известно имя выдающегося ученого, путешественника, кадрового офицера Российской империи Чокана (Мухаммеда-Ханафии) Валиханова. Однако в важных событиях истории этого периода также принимал активное участие другой Валиханов — Гази. С Чоканом Валихановым его связывало многое: родственные узы, трагические судьбы. Однако в силу целого ряда обстоятельств его имя не так широко известно. Целью данной статьи является изучение происхождения, жизни и деятельности видного казахского общественного деятеля дореволюционного периода — почетнейшего ордынца, кадрового офицера Российской армии, генерала, султана Гази Булатовича Валиханова. На основе документальных источников и существующей историографии путем сравнительного анализа автор попытался последовательно проследить основные вехи биографии Гази Валиханова, определить его роль в истории Казахстана, осмыслить события и обстоятельства, повлиявшие на становление личности и формирование судьбы Г. Б. Валиханова.

Результаты. Удивительное переплетение судеб Чокана и Гази Валихановых стало причиной ряда исторических неточностей и предвзятых предположений. Изученные материалы позволили сделать выводы о том, что предположения о сложных, враждебных взаимоотношениях двух казахских султанов — Гази и Чокана — не имеют серьезных оснований. За свою жизнь султан Гази Валиханов сделал немало: построил блестящую военную карьеру, параллельно занимаясь исследовательской деятельностью, являлся членом Императорского Русского географического общества, участвовал в Амударьинской экспедиции, стал одним из инициаторов создания и учредителем Мусульманского благотворительного общества в Петербурге, он сотрудничал с видными просветителями и деятелями того времени, в частности И. М. Гаспринским. Гази Валиханов является достойным представителем казахского народа XIX–XX вв. Его имя в настоящее время уже не в числе забытых. Тем не менее его жизнь и результаты общественно-политической, исследовательской деятельности нуждаются в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова: Гази Валиханов, Чокан Валиханов, Российская империя, султан, ордынец, кадровый офицер, генерал, полковник, штабс-ротмистр

Для цитирования: Удербаева С. К. Другой Валиханов // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 21–32. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-21-32

Another Valikhanov

Saule K. Uderbayeva¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Senior Lecturer

 0000-0002-0322-964X. E-mail: saule-uderbaeva[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Uderbayeva S. K., 2023

Abstract. *Introduction.* The constellation of Kazakh public activists from the imperial period is distinguished by the outstanding scientist, traveler, and commissioned officer of the Russian Empire Chokan (Muhammed Qanafiya) Valikhanov. However, another Valikhanov — Gazi — was also substantially involved in important historical events of that period. One can trace quite a number of parallels between the two figures — family ties, tragic destinies. Still, due to some circumstances the latter's name is not that widely known. *Goals.* The article aims to explore genealogical backgrounds, professional and personal life of the prominent Kazakh public figure — the most honored representative of the Horde, a regular officer of pre-revolutionary Russia's army, General and Sultan Gazi Bulatovich Valikhanov. *Materials and methods.* Comparative insights into documentary sources and available historiography serve to consistently trace key milestones in the biography of Gazi Valikhanov, determine his role in the history of Kazakhstan, comprehend the events and circumstances that influenced the shaping of his personality and fate. *Results.* The amazing intertwining of Chokan Valikhanov and Gazi Valikhanov's destinies has led to several historical inaccuracies and preconceived assumptions. But the examined materials attest to that assumptions about somewhat complicated, hostile relationships between the two Kazakh sultans have no serious grounds. In his lifetime Sultan Gazi Valikhanov did a lot: he built a brilliant military career and was simultaneously engaged in research activities as a member of the Imperial Russian Geographical Society, attended the Amu Darya Expedition, was an initiator and co-founder of the Muslim Charitable Society in St. Petersburg, and also assisted some prominent educators and figures of that time, in particular, I. Gasprinsky. Gazi Valikhanov is a worthy ethnic Kazakh of the 19th–20th centuries. His name has been revived from oblivion. However, his life and results of sociopolitical, research activities need further investigation.

Keywords: Gazi Valikhanov, Chokan Valikhanov, Russian Empire, sultan, most honored member of the Horde, commissioned officer, general, colonel, staff captain

For citation: Uderbayeva S. K. Another Valikhanov. *Oriental Studies.* 2023; 16(1): 21–32. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-21-32

Введение

В настоящее время интенсивно развивается одно из направлений истории — персонифицированная история. Изучаются биографии многих преданных забвению казахских деятелей. Создание просопографических коллективных биографий становится тенденцией новейшей казахстанской исторической науки.

Одним из ярких представителей казахского общества второй половины XIX — начала XX в. является Гази Була-

тович¹ Валиханов (Вали-хан), проживший интересную, насыщенную жизнь, но о нем до настоящего времени практически ничего не было известно широкой общественности. Его неординарную личность можно отнести к плеяде выдающихся казахских деятелей.

В советской историографии в забвении оказались не только репрессированные советским режимом деятели, но и те, кто на-

¹ В разных источниках имеется разное написание имени отца Гази — *Булат* или *Болат*. В нашей работе принято написание *Булат*.

ходился на службе Российской империи. Исключением стал, пожалуй, Чокан Валиханов, также трудившийся на благо Российской империи, которого с Гази Валихановым связывают не только родственные узы. Многие обстоятельства их жизни и смерти по сей день полны тайн и загадок.

В данной статье на основе документальных источников и имеющейся историографии мы попытаемся последовательно проследить основные вехи жизни и деятельности Гази Валиханова, определить его роль в истории Казахстана, осмыслить события и обстоятельства, повлиявшие на становление личности и формирование судьбы.

Источники и историография

Важными для изучения жизни и деятельности Гази Валиханова стали архивные документы о его жизни и деятельности из архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан, в частности «Дело о переводе из казачьего полка в Алатавский округ поручика сultана Гази Булат Валиханова», в котором, в частности, содержится полный послужной список сultана [ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 21. Д. 223].

Биографические сборники документов и материалов, которые были созданы в ряду просопографических исследований коллективных биографий казахстанских деятелей, также составили источникную базу данной работы. Так, например, это сборники документов и материалов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах» [О почетнейших 2006: 151] и «Казахи в России» [Казахи 2008: 47], в которых содержатся сведения о сultане Гази Валиханове. Составители этих сборников впервые ввели в научный оборот архивные материалы по многим казахским деятелям, представив для широкого круга исследователей и читателей новые сведения.

Одними из первых современных казахстанских исследователей жизни и деятельности Гази Валиханова можно назвать К. К. Абуева, Г. М. Кенесарину и О. А. Онищенко, которые попытались раскрыть некоторые обстоятельства жизни и деятельности Гази Валиханова. В своей статье о Г. Б. Валиханове они пишут, что «сведений о нем в казахской историографии нет, лишь в исторической беллетристике его имя упоминается в двух произведениях, посвященных жизни и деятельности более известного его

родственника — Чокана Валиханова» [Абуев, Кенесарина, Онищенко: 2005: 139].

Здесь речь идет о романе-эпопее классика казахской литературы Сабита Муканова «Промелькнувший метеор» [Муканов 1984] и книге И. И. Стрелковой «Валиханов» из серии «ЖЗЛ», посвященных Ч. Ч. Валиханову [Стрелкова 1983]. Действительно, в книге И. И. Стрелковой есть довольно скучная информация о Гази Валиханове и его дедушке — сultане Губайдулле.

На самом деле портрет сultана Гази и сведения о нем впервые были представлены в биографической статье анонимного автора под названием «Султан Гази-Вали-Хан», посвященной тридцатилетию его офицерской службы и опубликованной в журнале «Нива» за 1891 год, еще при его жизни [Султан Гази 1891].

Долгое время автор биографического очерка к 30-летию офицерской службы внука последнего правителя казахов Старшего и Среднего жузов — сultана Гази Валиханова под подписью «П. Б.» оставался анонимным для исследователей. При этом эта статья, изданная в XIX в. в журнале «Нива», долгое время была практически единственной публикацией о жизни и деятельности Гази Валиханова.

Установить, кто скрывался под этими инициалами, удалось исследователю С. В. Дмитриеву. Он пишет, что инициалы «П. Б.» и авторство биографического очерка принадлежат известному библиографу и литератору Петру Васильевичу Быкову, сотрудничавшему со многими печатными изданиями того времени, автору тысячи биографических очерков в иллюстрированных журналах, среди которых и очерк об офицере Гази Валиханове. Черновик биографии сultана хранится в фонде П. В. Быкова в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме) [Дмитриев 2013: 311].

С. В. Дмитриев уделяет особое внимание исследовательской деятельности Гази Валиханова. Данная работа является наиболее серьезным и обстоятельным исследованием биографии Гази Валиханова и проливает свет на многие не изученные ранее факты из его биографии.

Тем не менее сведения из этого очерка о том, что Чокан Валиханов находился втайной вражде со своим родственником Гази Валихановым, вместе со своим отцом Чин-

гисом тайно доносил на Гази Валиханова генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю, подозревал его в коварных замыслах против России, повлияла на дальнейшее освещение их взаимоотношений в этом ключе.

Позже историк А. Н. Кашкимбаев напишет также о противостоянии Г. Б. Валиханова и генерал-губернатора Степного края барона М. А. Таубе по вопросам переселения крестьян из внутренних губерний России на территорию Акмолинской области [Кашкимбаев]. М. Р. Сатенова также внесла определенный вклад в изучение жизни и деятельности Гази Валиханова. Историк отмечает, что его личность примечательна не только совпадениями с жизнью Чокана Валиханова, значимыми успехами на военной службе, но и неразрывной связью его жизни с важнейшими военными и социально-политическими событиями в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. [Сатенова 2013: 65]. Автор данной статьи также обращался ранее к теме жизни и деятельности Гази Валиханова в докладе, опубликованном в материалах конференции [Удербаева 2014]. Известный историк, востоковед К. Ш. Хафизова раскрывает жизнь и деятельность Тезека Нуралиева, с которым были тесно связаны Гази и Чокан Валихановы, где, в частности, говорится и о характере их взаимоотношений [Хафизова 2019: 324]. Исследователь Г. К. Муканова на основе анализа издания конца XIX в. по истории полувековой деятельности Императорского Русского географического общества (1845–1895) установила, что Чокан и Гази Валихановы являлись членами указанного общества [Муканова 2018]. В следующей публикации Г. К. Муканова и А. М. Абдыхадырова обратились еще раз к этой теме [Муканова, Абдыхадырова 2018]. О. Ю. Бессмертная характеризует Гази Валиханова как посредническую фигуру во взаимоотношениях с имперской властью [Бессмертная 2017: 151].

Казахстанский публицист А. Михайлов, анализируя обстоятельства смерти Ч. Валиханова, предлагает свое видение трагического финала его жизни и роль его «двойника» Гази Валиханова в событиях после кончины Чокана Валиханова [Михайлов 2013]. Публицист, чокановед Ж. Бейсенбайулы в своей работе, посвященной жизни и дея-

тельности Ч. Ч. Валиханова, описывает две встречи певца, акына и композитора Жаяу Мусы и Гази Валиханова [Бейсенбайулы 2015: 62]. В публицистическом ключе на страницах популярных СМИ предложили свои размышления о жизни и деятельности двух потомков Абылай-хана казахстанские историки Ж. А. Ермекбай [Садырова 2021] и К. К. Абуев [Абуев 2021]. Так, Ж. А. Ермекбай в интервью «TengriMix» рассказал о «белых пятнах» из жизни Чокана Валиханова и изложил свое видение «сложных» взаимоотношений двух Валихановых [Садырова 2021]. Публикации в СМИ подчеркивают возрастающий интерес к судьбам двух султанов.

Сохранился портрет Г. Б. Валиханова, с фотографиями И. Я. Шюблера, опубликованной в журнале «Нива», на котором можно уловить очевидное внешнее сходство в облике двух Валихановых — Гази и Чокана [Султан Гази 1891: 260].

Такова не самая обширная историография касательно султана Г. Б. Валиханова. Как видно из обзора исследований, посвященных только Гази Валиханову, их немного, и большая часть работ раскрывает обстоятельства его жизни в связи с Чоканом Валихановым. Очевидно, что интерес к Гази Валиханову возрос именно в новом, XXI, тысячелетии.

Родословная Гази Валиханова и родственные связи с Чоканом Валихановым

Весьма интересно изучение генеалогического древа Гази Валиханова. Для казахов по сей день важно знание семи поколений одного рода, устанавливающих происхождение. Понятие «Жеті ата» и семипоколенный цикл являлись важной особенностью и основным способом самоорганизации традиционного кочевого казахского общества.

Гази Вали-хан является сыном султана Булата Губайдуллина, внуком султана Губайдуллы Валиханова. С Чоканом Чингизовичем Валихановым его связывает кровное родство — они потомки хана Абылайя.

Отец Гази, султан Булат Губайдуллин, служил управителем Кыргыз-Майлибатинской волости Кокчетавского внешнего округа. Дед — султан Губайдулла Валиханов — сын хана Уали (Вали) от его первой жены, внук Абылай-хана стал последним правителем Среднего жуза.

Сүлтан Гази Валиханов. Съ-фото: Гравюра И. Я. Шюблера

Фото 1. Султан Гази Валиханов. Фотогравюра И. Я. Шюблера в журнале «Нива»
[Султан Гази 1891: 260]

[Photo 1. Sultan Gazi Valikhanov. Photogravure by I. Schübler, *Niva* magazine, 1891]

Родословное древо Гази Валиханова можно представить так:

Абылай-хан — хан Казахского ханства
 ↓
 Вали (Уали) — хан Среднего жуза, старший сын Абылай-хана от второй жены (каракалпачки Сайман-ханым), имел 14 сыновей.
 ↓
 Губайдулла — хан Среднего жуза, старший сын и преемник Вали-хана
 ↓
 Булат — второй сын Губайдуллы, волостной управитель, имел пять сыновей
 ↓
 Гази

Для сравнения родословное древо Чокана Валиханова:

Абылай-хан — хан Казахского ханства
 ↓
 Вали (Уали) — хан Среднего жуза, старший сын Абылай-хана от второй жены (каракалпачки Сайман-ханым), имел 14 сыновей.
 ↓
 Чингис — старший султан Кокшетауского округа, сын Вали от второй жены Айганым
 ↓
 Чокан

Источники: статья П. В. Быкова из журнала «Нива» [Султан Гази 1891], исследования К. Ш. Хафизовой [Хафизова 2019], М. Сатеновой [Сатенова 2013: 65].

Исследователь М. Р. Сатенова пишет, что дед Гази — Губайдулла — был провозглашен ханом отдельных подразделений рода *атыгай* племени *арын*. Российская администрация, руководствуясь Уставом 1822 г., не утвердила его в этом звании [Сатенова 2013: 65].

До 1838 г. Губайдулла Валиханов служил старшим султаном Кокчетавского окружного приказа, согласно Табели о рангах, в чине подполковника. С началом восстания К. Касымова царское правительство обвинило султана Губайдуллу в пособничестве восстанию, арестовало и сослало его в Сибирь — в местность под названием Березово современного Ханты-Мансийского округа. Несмотря на ходатайства о невиновности султана от графа В. А. Перовского и самого К. Касымова, в ссылке Губайдулла Валиханов находился с 1841 по 1848 гг. По свидетельству современника, штатного смотрителя Березовского училища Н. А. Абрамова, в 1844 г. Губайдулле было 67 лет, в ссылке главным его занятием являлась молитва [Абуев, Жапекова 2017: 141].

После возвращения из ссылки в Кокчетав султан Губайдулла прожил до середины 1850-х гг., китайскими властями ему был пожалован титул Великого князя Китайской империи — Ван Гун [Абуев, Жапекова 2017: 144]. По мнению А. А. Шапкенова, поддержка Цинского императорского двора была необходима с целью восстановления традиционной ханской власти [Шапкенов 2018: 164].

К. Ш. Хафизова пишет, что Губайдулла не скрывал от омской администрации свое намерение получить ярлык императора Даогуана и, спасая от наказания своего сына Булата, находившегося в Омске, он письменно отказался от получения цинского патента на титул хана, но не приложил свою печать. По ее мнению, именно то, что Губайдулла, получивший инвеституру российской власти в форме ага-султана, не имел права принимать титул от третьей стороны, стало причиной его ссылки в Березово [Хафизова 2019: 29].

И. И. Стрелкова в своей книге дает довольно критичную характеристику султана Губайдуллы: «Губайдулла не блистал умом и не был готов применить заветы Аблая в новых исторических условиях» [Стрелкова 1983: 14].

У Губайдуллы было пятеро сыновей: Жанибек, Булат, Жошы, Ханкожа, Абильфеиз. Сыну Губайдуллы Булату в момент ссылки в Березово было шестнадцать лет, не принятые его отцом подарки были отправлены ему, он был произведен в чин майора [Султан Гази 1891: 259].

Булат жил в родовом имении Валихановых на берегу озера Котурколь. С 1828 по 1837 гг. служил волостным управителем, уволен со службы за неблаговидные поступки — притеснения казахов. Награжден чином 8-го класса, золотой медалью на Аннинской ленте, золотой саблей. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефона он обозначен как оратор и поэт, автор поэм «Козы-Корпеш и Баян-суллу», «Таргын-батыр», «Хан Абылай», «Кенесары-Наурызбай». Умер в 1866 г. в возрасте 58 лет [Гази Булатович Вали хан 1892: 808].

В мае 1842 г. у султана Булата родился сын Гази. По поводу года рождения разногласий у исследователей нет, но по дате рождения остаются вопросы. С. В. Дмитриев на основе служебного списка Гази Валиханова из фондов Российского государственного исторического архива в своей статье обозначил датой его рождения 23 мая [Дмитриев 2013: 312], исследователи М. Р. Сатенова, К. К. Абуев, Г. К. Жапекова на основе его служебного списка из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан указывают дату — 3 апреля [Сатенова 2013: 66; Абуев, Жапекова 2017: 147]. И это не единственный спорный аспект в его биографии.

Чокан Валиханов родился в 1835 г. Разница в возрасте между Валихановыми составляла семь лет. Отметим еще один факт из жизни Гази, который вновь связывает его с Чоканом. Гази Валиханов женился на родственнице старшего султана Адбановских волостей Тезека Аблайханова, на другой его сестре женился Чокан Валиханов [Хафизова 2019: 324]. Но, тем не менее, исследователь К. Ш. Хафизова не пишет четко, кем являлась султану Тезеку жена Гази: «другую свою родственницу (сестру?) Тезек выдал за Гази Булат-Валиханова» [Хафизова 2019: 324]. Таким образом, родственные узы Чокана и Булата укрепились.

М. Р. Сатенова отмечает, что осенью 1865 г. султан Гази находился в урочище

Тугерек, в кочевьях султана Тезека, и высказывает предположение, что, возможно, именно в это время Гази и Тезек породнились, причем указывает, что он женился на дочери Тезека. Однако брак оказался недолгим, летом 1868 г. супруга Гази скончалась [Сатенова 2013: 68]. Довольно трагична была судьба и супруги Чокана Валиханова. После его смерти в 1865 г. по казахским обычаям аменгерства¹ Айсару выдали замуж за его младшего брата Жакупа [Хафизова 2019: 324].

Образование и карьера

В 1853 г. генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорд уговорил Булата отдать своего сына, султана Гази, в Сибирский кадетский корпус в Омске [Дмитриев 2013: 312]: «девятилетний Гази был отправлен с дядей его Хан-Ходжей и 80 киргизами в Омск, где он и поступил в Сибирский кадетский корпус [Султан Гази 1891: 259].

Чокан Валиханов также учился и закончил Омский Сибирский кадетский корпус в 1853 г. в возрасте 17 лет, на год раньше своих сверстников, хотя срок обучения в кадетском корпусе составлял семь лет.

Султан Гази, в 16 лет окончив обучение, был произведен в корнеты с зачислением по армейской кавалерии и назначен в распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса.

В годы прилежной учебы в кадетском корпусе султан Гази в 1857 г. обращается к руководству учебного заведения с просьбой официально именовать его султаном, которая была удовлетворена [Абуев, Кенесарина, Онищенко 2005: 141].

Честолюбие и амбиции Г. Б. Валиханова были также позднее удовлетворены Правительствующим Сенатом после получения им чина полковника, что давало ему право на потомственное дворянство по Своду Законов 1876 г. После обращения султана Гази к императору о присвоении ему потомственного дворянства дело было передано в Правительствующий Сенат, который признал султана Гази Валиханова в потомственном дворянстве с правом внесения во

¹ Аменгерство (левиарат) — старинная патриархальная традиция казахов, согласно которой вдовы выходили замуж за одного из братьев умершего супруга.

вторую часть дворянской родословной книги с выдачей свидетельства, подтверждавшего дворянское достоинство [Дмитриев 2013: 317–318].

В октябре 1885 г. султан Гази обратился к императору уже с просьбой о даровании ему княжеского титула. Министр юстиции статс-секретарь граф К. И. Пален высказался на коллегии министерства, что Гази Валиханов не имеет права на княжеский титул Российской империи [Дмитриев 2013: 322]. Причиной отказа властей стало также, на наш взгляд, нежелание создавать прецедент, после которого другие потомки казахских ханов стали бы претендовать на княжеский титул.

Позже генерал-губернатор Западной Сибири Густав Гасфорд отправил новоиспеченного офицера к Черному Иртышу, поручив повлиять на казахов Семыз-Наймановского и других родов принять подданство России. Именно благодаря своему происхождению, отмечает П. В. Быков, султану удалось достичь миссии, заслужив еще большее расположение Г. Х. Гасфорда, который приставил его к военнопленным вельможам, представителям Кокандского ханства, находившимся в это время в Омске [Султан Гази 1891: 259].

Полученное в кадетском корпусе образование позволило Гази Валиханову сделать блестательную военную карьеру, а также проявить себя в общественной, научно-исследовательской сфере.

В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана дана такая информация о Гази: «чингизханид», султан Средней орды, по прямой линии последний из потомков царя сибирского Кучума; считается китайским ваном (князем), председатель Мусульманского Благотворительного Общества Санкт-Петербурга в 1890–1910-е гг., полковник лейб-гвардии атаманского полка [Гази Булатович Вали хан 1892: 808].

Весьма значим тот факт, что султан Гази был первым казахом, удостоившимся чина полковника не по должности, а на действительной службе в русской армии. Дело в том, что в первой половине XIX в., в связи с упразднением института ханства и введением в Степи окружной системы управления, старшим султанам округов присваивались военные звания майоров и подполковников, а со временем они за

службу удостаивались и чина полковника. Опасаясь выступления казахов, царское правительство не призывало их в армию. В кадетских корпусах Омска и Оренбурга, куда принимались отдельные представители казахской знати, запрещалось допускать их к занятиям по военным дисциплинам [Абуев, Кенесарина, Онищенко 2005: 140]. Ср.: Чокан Валиханов закончил обучение в кадетском корпусе на год раньше однокурсников, он не изучал курс специальных военных наук: тактику, артиллерию, фортификацию и другие.

12 сентября 1861 г. Гази был откомандирован для несения службы в Тобольский конный (11-й) полк Сибирского казачьего войска, но прослужил в Тобольске недолго, оттуда отправился в Петербург, где был представлен военному министру Д. А. Миллютину. 13 марта 1863 г. был откомандирован из полка с зачислением в 10-й полк Сибирского казачьего войска, с оставлением по армейской кавалерии в распоряжение начальника Алатауского округа [Казахи 2008: 47].

Командующий войсками Семипалатинской области — военный губернатор, генерал-майор Федор Андреевич Панов 8 июля 1863 г. отправил документы Гази Валиханова, полученные им от начальника штаба отдельного Сибирского корпуса (послужной список и 4 аттестата за № 155, 484, 483 и 482 о довольствии жалованьем, провиантом, фуражными и квартирными деньгами), отчисленного от лейб-гвардии казачьего полка в 10-й полк Сибирского казачьего войска с назначением в распоряжение начальника Алатауского округа и Киргиз-большой орды [ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 21. Д. 223. Л. 1-16б.].

Кроме того, уведомил его, что «кофицеру Г. Валиханову по сношению Военного министра с Министром финансов, выдан в пособие на подъем годовой оклад жалованья 340 руб. (за удержанием из них 10 процентов в пользу инвалидного капитала 34 руб. и 6 процентов в пользу ... кассы 18 руб. 36 коп.» [ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 21. Д. 223. Л. 1-16б.]. «Остальные 287 руб. 64 коп. сер. и двойные прогонные деньги от г. Вильно до укрепления Верного; по получении казовых денег поручик Валиханов выехал из Санкт-Петербурга к месту служения и 19 числа минувшего мая и 2-е, что аттестат об удовлетворении Валиханова жалованьем

1 апреля сего года отослан Управлением Иррегулярных войск в Комиссионный департамент для выдачи ему жалованья по первое минувшего мая», сообщает генерал-майор Ф. А. Панов [ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 21. Д. 223. Л. 1-16б.].

Гази Валиханов, находясь на службе у начальника Алатауского округа и казахов Большой Орды, принимал участие в военном походе генерала М. Г. Черняева на юг Казахстана и в Среднюю Азию. Был назначен начальником киргизской (казахской) милиции. Используя свои родственные связи со старшими сultanами Старшего жуза Тезеком и Али Аблай-ханом, содействовал переходу дулатов и кара-киргизов (бурутов) в российское подданство. После экспедиции, в результате которой была взята кокандская крепость Аулие-Ата, вышел в отставку. Однако вскоре снова был призван на службу в лейб-гвардию Атаманского Е. И. В. наследника цесаревича полка [ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 21. Д. 223. Л. 28, 29].

Во время коронации султан состоял почетным переводчиком при хивинском хане и бухарском эмире. Был неоднократно командирован пограничными властями на границы Китая для принятия посольств и дунганских депутатий [Султан Гази 1891: 259]. По некоторым сведениям, он вышел в отставку в 1903 г. в чине генерал-майора.

Общественная, научно-исследовательская и просветительская деятельность Гази Валиханова

Гази Валиханов является автором ряда сочинений о положении дел в областях, населенных казахским и киргизским народами. Одна из его статей опубликована в издании «Новое время», в которой затрагивался вопрос о возможности переселения в Акмолинскую область жителей внутренних губерний России [Валихан 1890]. Он также публиковался в журналах «Нива», «Порядок», «Голос» под различными псевдонимами.

По сведениям из энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрон, а также Русского биографического словаря, автором брошюры «300-летие Сибири», вышедшей в свет без указания авторства, является именно Гази Валиханов [Гази Булатович Валихан 1892: 808].

4 ноября 1892 г. султан Гази был принят в члены Императорского Русского географического общества. Г. К. Муканова нашла сведения, что Гази числился среди действительных членов Императорского Русского географического общества на конец 1895 г., напротив его фамилии указана буква «Э», обозначающая принадлежность персоналии отделению этнографии [Муканова 2018: 92].

Материалы о возможном участии Гази Валиханова в Амударыинской экспедиции обнаружены С. В. Дмитриевым в архиве академика, вице-президента Петербургской Академии наук (с 1893 г.) Л. Н. Майкова, который в 1872–1886 гг. занимал пост председателя этнографического отделения Императорского Русского географического общества. В частности им была обнаружена программа этнографического исследования с подписью-автографом штаб-ротмистра султана Гази Валиханова под названием «К программе этнографической Хивинской экспедиции» с датировкой от 5 марта 1874 г. [Дмитриев 2013: 315].

Эти материалы, по мнению С. В. Дмитриева, характеризуют султана Гази как достаточно эрудированного, хорошо владеющего русским литературным языком и довольно реалистично относящегося к себе как возможному исследователю, члену научной экспедиции [Дмитриев 2013: 314].

Г. Б. Валиханов был одним из инициаторов создания Мусульманского благотворительного общества вспомоществования и содействия российским подданным мусульманам, обучавшимся в г. Санкт-Петербурге, пользовался исключительным авторитетом в среде петербургского мусульманского общества. В рамках общества предполагалось организовать клуб ориенталистов, собрать богатую коллекцию книг по Востоку [Дмитриев 2013: 317].

О. Ю. Бессмертная сообщает, что в 1893 г. Гази Валиханов, один из учредителей Мусульманского благотворительного общества в Петербурге, высказал Исмаилу Гаспринскому свои сомнения в авторстве книг петербургского ахуна, касимовского татарина А. Баязитова, критически характеризуя его как безграмотного человека. Сомнения Гази Валиханова, по мнению О. Ю. Бессмертной, могут свидетельствовать о его неприятии ведшейся ахуном А. Баязитовым русскоязычной полемики об исламе, ее оправданности, нужности, а так-

же о его персональной неприязни к ахуну [Бессмертная 2017: 153].

Сам факт переписки Гази Валиханова с видным крымско-татарским просветителем, основоположником джадидизма, издателем, политиком И. Гаспринским, доказывает мнения исследователей о его высоком авторитете в мусульманских кругах России и отражает его своеобразную экспертную оценку мусульманского движения имперской России, частью которой он сам являлся.

Этапы научно-исследовательской, общественной деятельности Гази также свидетельствуют о сходстве его биографии с судьбой брата Чокана Валиханова.

О еще одних объединяющих жизненных коллизиях Гази и Чокана Валихановых пишет Ж. Бейсенбайулы, сообщая, что казахский певец, акын, композитор Жаяу Муса познакомился с Гази, когда жил у Чокана [Бейсенбайулы 2015: 62].

Трагический финал

Смерть генерал-майора царской армии Гази Булатовича Валиханова была очень трагичной. Востоковед С. В. Дмитриев, опровергая неверные данные о его кончине в 1919 г., сообщает, что он погиб 22 июня 1909 г. на своей даче в Саблино от рук своей прислуги во время ограбления [Дмитриев 2013: 322].

В Петербург его тело было доставлено на поезде 1 июля, где его встречали представители Мусульманского общества: его председатель полковник А. А. Девлечин, товарищ председателя Загид Шамиль, полковник Чернышев¹, купец М. А. Максудов, петербургские ахуны и муллы и др. Лейб-гвардии Атаманский полк, где служил султан Гази, выслал депутатию, которая возложила венок на его могилу. Тело покойного султана сопровождал батальон 92-го пехотного Печерского полка. Дружины Саблинской пожарной команды несли его ордена. Султан Гази был погребен на мусульманском участке Ново-Волковского кладбища в Санкт-Петербурге, ныне не существующем, пишет С. В. Дмитриев [Дмитриев 2013: 322].

Оказанные почести и то, что в последний путь казахского султана, кадрового офицера, полковника царской армии, почтеннейшего ордынца Гази Булатовича Валиха-

¹ К сожалению, автору статьи не удалось установить его имя.

нова провожали такие видные мусульманские деятели, говорит о его чрезвычайно высоком статусе в петербургских высших кругах. Так, например, З. Шамиль (внук имама Шамиля, генерала русской армии) являлся одной из самых крупных фигур умеренного крыла политического движения мусульман России в начале XX в., меценат, член мусульманской партии «Иттифак-и-Муслимин», один из организаторов Бюро российских мусульман, Российского мусульманского Конгресса, основатель первого в России семейного татарского журнала «Тарбия-Атфаль» [Захид Шамиль].

Заключение

Судя по собранной по крупицам информации из архивных фондов и различных исследований о султане Гази Валиханове, существует ряд противоречий в его характеристике и описании жизни и деятельности. Но даже эти противоречивые источники ценные, так как проливают свет на неизвестные страницы жизни и деятельности одного из незаурядных казахских деятелей XIX в.

Многое объединяет Чокана и Гази Валихановых. Чокан и Гази являлись представителями кочевой казахской аристократии, потомками легендарного казахского хана Абылай, были связаны кровнородственными узами. Оба были равны по происхождению, по образованию, по карьере, закончили Омский кадетский корпус — старейшее и ведущее военное учебное заведение Сибири и Российской империи, совершили

блестательную военную карьеру, оба служили на благо Российской империи кадровыми офицерами российской армии. Звание штабс-ротмистра Чокан получил в 25 лет, Гази — в 26 лет. Они даже были похожи внешне, что подтверждают их портреты.

Оба столкнулись с трудноразрешимыми противоречиями как офицеры Российской империи, вынужденные строго подчиняться приказам при взятии Аулие-Ата, после этого оба подали в отставку. Личная жизнь двух Валихановых тоже была полна трагизма. Однако изученные материалы позволяют усомниться в сложных, враждебных взаимоотношениях двух казахских султанов Гази и Чокана. Удивительное переплетение их судеб стало причиной ряда исторических неточностей и предвзятых предположений.

Гази Валиханов построил блестящую военную карьеру, параллельно занимаясь исследовательской деятельностью, являлся членом Императорского Русского географического общества, участвовал в Амударыинской экспедиции, стал одним из инициаторов создания и учредителем Мусульманского благотворительного общества в Петербурге, сотрудничал с видными просветителями и деятелями того времени.

Оба Валихановы — Чокан и Гази — сделали немало. Другой Валиханов, султан Гази, является достойным представителем казахского народа XIX–XX вв. Его жизнь и общественно-политическая, исследовательская деятельность нуждаются в дальнейшем исследовании.

Источники

ЦГА РК — Центральный Государственный Архив Республики Казахстан.

Литература

- Абуев 2021 — Абуев К. К. Были ли недруги у Шокана? [электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2021. 29 января. URL: <http://kazpravda.kz/n/byli-li-nedrugi-u-shokana> (дата обращения: 29.01.2021).
- Абуев, Жапекова 2017 — Абуев К. К., Жапекова Г. К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность: монография. Павлодар: Кереку, 2017. 169 с.
- Абуев, Кенесарина, Онищенко 2005 — Абуев К. К., Кенесарина Г. М., Онищенко О. А. Султан-газы Валиханов // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия

Sources

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

- и современность: мат-лы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова (тезисы докладов и сообщений) / под ред. А. П. Толочко. Омск: ОмГУ, 2005. С. 139–144.
- Бейсенбайулы 2015 — Бейсенбайулы Ж. Адъютант по особым поручениям. К 180-летию со дня рождения Чокана Валиханова // Простор. 2015. № 12. С. 43–93.
- Бессмертная 2017 — Бессмертная О. Ю. Только ли маргинации? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 139–179.

- Валихан 1890 — *Валихан Г.* По вопросу корреспонденции из Акмолинской области // *Новое время*. 1890. 4 декабря (№ 5305).
- Гази Булатович — Гази Булатович (Вали-Хан, Чингисханид) [электронный ресурс] // Русский биографический словарь. URL: <http://rulex.ru/01040814.htm> (дата обращения: 01.05.2022).
- Гази Булатович Вали-хан- Гази Булатович Вали-хан // Энциклопедический словарь: в 86 т. (Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон). Т. VIIА. СПб.: Типолитогр. И. А. Ефона, 1892. С. 808–809.
- Дмитриев 2013 — *Дмитриев С. В.* Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов: страницы биографии // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. Центральная Азия и Дальний Восток / под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. М.: Вост. лит., 2013. С. 311–324.
- Захид Шамиль — Мухаммад Захид Шамиль. 1859–1924 [электронный ресурс] // Родовид. URL: <http://sr.rodovid.org/wk/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE:ChartInventory/637186> (дата обращения: 22.03.2021).
- Казахи 2008 — Казахи в России: Биографический сборник в 2 тт. Т. 1 / авт.-сост.: С. М. Джуламанова и др.: ред. Н. А. Абыканов. М.: Вега, 2008. 308 с.
- Кашкимбаев — *Кашкимбаев А. Н.* Историей сказано: здесь быть столице [электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. URL: <http://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/istoriey-sказано-zdes-byt-stolitse> (дата обращения: 03.04.2022).
- Михайлов 2013 — *Михайлов А.* Чокан Валиханов — смерть под прикрытием? [электронный ресурс] // ЦентрАзия. 22.02.2013. URL: <http://centrasia.org/newsA.php?st=1361477520> (дата обращения: 22.05.2021).
- Муканов 1984 — *Муканов С. М.* Промелькнувший метеор. Роман: в 2 тт. / пер. с каз. А. Брагина. Т. 1. Алма-Ата: Жазушы, 1984. 334 с. Т. 2. Алма-Ата: Жазушы, 1984. 333 с.
- Муканова 2018 — *Муканова Г. К.* Чокан и Гази Уалихановы // Мысль. 2018. № 8. С. 90–95.
- Муканова, Абдыхадырова 2018 — *Муканова Г. К., Абдыхадырова А. М.* Уникальное издание XIX века о казахах — исследователях Центральной Азии // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия «Журналистика». 2018. № 3(49). С. 55–62.
- О почетнейших 2006 — О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках / сост., предисл., комментарии и указатели Б. Т. Жанаева. Т. VIII. Ч. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.
- Садырова 2021 — *Садырова С.* «Париж, полковник, двоюродный брат». Историк рассказал о «белых пятнах» в наследии Шокана Уалиханова [электронный ресурс] // TengriMix. 2021. 7 января. URL: <http://mix.tn.kz/mixnews/parij-polkovnik-dvouongodnyubrat-istorik-rasskazal-belyih-424074> (дата обращения: 03.04.2022).
- Сатенова 2013 — *Сатенова М. Р.* Гази Булат Валиханов и его политические взгляды // Отан-тариҳы. 2013. № 2 (62). С. 65–73.
- Стрелкова 1983 — *Стрелкова И. И.* Валиханов. Вып. 6. (635). М.: Мол. гвардия, 1983. 284 с. (Серия: Жизнь замечательных людей).
- Султан Гази 1891 — Султан Гази-Вали-Хан // Нива. 1891. № 11. С. 258–260.
- Удербаева 2014 — *Удербаева С. К.* Почетнейший ордынец, кадровый офицер Российской армии, казахский чиновник Алатавского округа Гази Булатович Валиханов // Социальные и культурные практики Евразии в имперском пространстве: мат-лы Междунар. конф. (г. Усть-Каменогорск, 28–29 июля 2014 г.). Усть-Каменогорск: Берел, ВКГУ им. С. Аманжолова, 2014. С. 63–70.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Шапкенов 2018 — *Шапкенов А. А.* Из истории избрания старших султанов Кокшетауского округа в 20–50-х годах XIX века // Шоқан-нокулары 22: Мат-лы науч.-практ. конф. (г. Кокшетау, 27 апреля 2018 г.). Кокшетау: Кокшетау мемлекеттік университеті, 2018. С. 162–167.

References

- Abuev K. K. Did Shokan have enemies? On: *Kazakhstanskaya Pravda* newspaper (website). Posted on 29 January 2021. Available at: <http://kazpravda.kz/n/byli-li-nedrugi-u-shokana>

(accessed: 29 January 2021). (In Russ., Kaz. and Eng.)

- Abuev K. K., Kenesarina G. M., Onishchenko O. A. Sultan-Gazy Valikhanov. In: Tolochko A. P. (ed.) *The Eurasian Steppe: Cultural Interactions*

- in Past and Present Times. Jubilee conference proceedings. Omsk: Omsk State University, 2005. Pp. 139–144. (In Russ.)
- Abuev K. K., Zhapekova G. K. Gubaidulla Walikhanov: Life and Sociopolitical Activities. Monograph. Pavlodar: Kerek, 2017. 169 p. (In Russ.)
- Bessmertnaya O. Yu. Mere marginalia? Three cases of 'Muslim Russian' in the late Russian Empire (the 1890s–1910s). *Islamology*. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 139–179. (In Russ.)
- Beysenbayuly Zh. The Special Duty Officer: Celebrating the 180th birthday of Chokan Valikhanov. *Prostor*. 2015. No. 12. Pp. 43–93. (In Russ.)
- Dmitriev S. V. Member of the Russian Geographical Society General Sultan Gazi Valikhanov: Pages of biography. In: Popova I. F., Skrynnikova T. D. (eds.) Countries and Peoples of the East. Vol. XXXIV: Central Asia and the Far East. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2013. Pp. 311–324. (In Russ.)
- Dzhulamanova S. M. et al. (comps.) Kazakhs in Russia: A Biographical Reference Book. In 2 vols. Vol. 1. N. Abykanov (ed.). Moscow: Vega, 2008. 308 p. (In Russ.)
- Gazi Bulatovich (Vali-Khan, Chingiskhanid). On: The Russian Biographical Dictionary (website). Available at: <http://rulex.ru/01040814.htm> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Gazi BulatovichVali Khan // Encyclopedic Dictionary (Brockhaus and Efron). T. VIIA. SPb., 1892. S. 808–809. (In Russ.)
- Kashkimbayev A. N. The history says: Be the capital founded here. On: Information Analysis Center of Moscow University (website). Available at: <http://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/istoriey-ska-zano-zdes-byt-stolitse> (accessed: 3 April 2022). (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Steppe Rulers and Their Diplomaticies in the 18th and 19th Centuries. Monograph. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Mikhaylov A. Chokan Valikhanov — death under cover? On: CentrAsia (online news outlet). Posted on 22 February 2013. Available at: <http://centrasia.org/newsA.php?st=1361477520> (accessed: 22 May 2021). (In Russ.)
- Muhammad Zahid Shamil. 1859–1924. On: Rodovid (free multilingual family tree portal). Available at: <http://sr.rodovid.org/wk/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE:ChartInventory/637186> (accessed: 22 March 2021). (In Russ.)
- Mukanov S. M. The Flashed Meteor. Novel. In 2 vols. A. Bragin (transl.). Alma-Ata: Zhazushy, 1984. Vol. 1. 334 p. Vol. 2. 333 p. (In Russ.)
- Mukanova G. K. The Walikhanovs — Chokan and Gazi. On: *Mysl*. 2018. No. 8. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Mukanova G. K., Abdykhadyrova A. M. The unique edition of the XIX century about Kazakhs-researchers of Central Asia. *Bulletin of KazNU. Herald of Journalism*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 55–62. (In Russ.)
- Sadyrova S. 'Paris, colonel, cousin': Historian tells about some 'gaps' in Shokan Walikhanov's legacy. On: Tengrinews.kz (online media outlet). Posted on 7 January 2021. Available at: <http://mix.tn.kz/mixnews/parij-polkovnik-dvoyurodnyiy-brat-istorik-rasskazal-belyih-424074> (accessed: 3 April 2022). (In Russ.)
- Satenova M. R. Gazi Bulat Valikhanov and his political views. *Otan Tarihy (History of the Homeland)*. 2013. No. 2 (62). Pp. 65–73. (In Russ.)
- Shapkenov A. A. Elections of Senior Sultans in Kokshetau District, 1820s–1850s: Glimpses of history. In: Shoqanoqlary 22. Conference proceedings (Kokshetau, 27 April 2018). Kokshetau: Kokshetau State University, 2018. Pp. 162–167. (In Russ.)
- Strelkova I. I. Valikhanov (The Lives of Remarkable People 635). Moscow: Molodaya Gvardiya, 1983. 284 p. (In Russ.)
- Sultan Gazi-Vali-Khan. *Niva*. 1891. No. 11. P. 258–260 (In Russ.)
- Uderbayeva S. K. Gazi Bulatovich Valikhanov: The most honored representative of the Horde, permanent officer of Imperial Russia, Kazakh executive of Alatau District. In: Social and Cultural Practices of Eurasia in Imperial Environments. Conference proceedings (Ust-Kamenogorsk, 28–29 July 2014). Ust-Kamenogorsk: Berel (Amanzholov East Kazakhstan University), 2014. Pp. 63–70. (In Russ.)
- Valikhan G. Revisiting the issue of correspondence from Akmolinsk Oblast. *Novoye vremya*. 1890. December, 4 (№ 5305). (In Russ.)
- Zhanaev B. T. (comp.) History of Kazakhstan in Russian Sources. Vol. 8. Parts 1–2: About the Most Honored and Influential Representatives of the Horde. Almaty: Daik-Press, 2006. Part 1. 716 p. Part 2. 962 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 33–43, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.46=512.37)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-33-43

Переводческая и издательская деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области)

Андрей Алексеевич Курапов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© КалМНЦ РАН, 2023

© Курапов А. А., 2023

Аннотация. Введение. В статье исследуется переводческая и издательская деятельность православных миссионеров в Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. на материалах вводимых в научный оборот документов фонда 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области. Материалы и методы. В исследовании использовался метод сравнительно-исторического анализа. Основной источниковой базой и объектом исследования стали неопубликованные архивные дела фонда 597 Государственного архива Астраханской области, относящиеся к переводческой и издательской деятельности Астраханского епархиального комитета в XIX – начале XX вв.: рапорты миссионеров, ежегодные отчеты комитета, межведомственная переписка, переписка комитета с региональными отделениями Православного миссионерского общества, с Казанской духовной академией и ее представителями, командированными в Калмыцкую степь, с Переводческой комиссией православного братства св. Гурия, со Св. Синодом, с российскими монголоведами К. Ф. Голстунским и А. М. Позднеевым. Результаты. В научный оборот введены документы, относящиеся к основным этапам переводческой и издательской деятельности Астраханского епархиального комитета в XIX – начале XX вв. Выводы. Исследование документов, выявленных в фонде 597, позволило рассмотреть переводческую и издательскую деятельность членов комитета в ее эволюции, межрегиональное взаимодействие миссионерских комитетов, с целью обмена и уточнения переводов православной литературы на калмыцкий язык, участие в переводческой и издательской деятельности комитета Св. Синода, преподавателей Казанской духовной академии, Санкт-Петербургского университета, выдающихся российских монголоведов.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханский епархиальный комитет, Андреевское братство, Казанская духовная академия, христианизация, переводческая деятельность, миссионер, епископ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А. Переводческая и издательская деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 33–43. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-33-43

Translation and Publishing Activities of Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast

Andrey A. Kurapov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kurapov A. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article introduces into scientific circulation a set of documents contained in Collection 597 — ‘Astrakhan Diocesan Committee of the Missionary Orthodox Society’ — of the State Archive of Astrakhan Oblast to examine translation and publishing activities of Orthodox missionaries in Kalmyk Steppe during the 19th – early 20th centuries. *Materials and methods.* The method of comparative historical analysis proves instrumental in investigating unpublished archival files from Collection 597 of Astrakhan Oblast’s Archive dealing with translation and publishing endeavors of Astrakhan Diocesan Committee during the mentioned period, namely: reports by individual missionaries, annual activity reports of the Committee, interdepartmental correspondence, correspondence of the Committee with regional branches of Orthodox Missionary Society, Kazan Theological Academy and its representatives sent to Kalmyk Steppe, Translation Commission affiliated to the Orthodox Christian Brotherhood of St. Gury, the Holy Synod, and Russian academic Mongolists K. Golstunsky and A. Pozdneev. *Results.* The paper introduces documents covering the main stages in translation and publishing activities of Astrakhan Diocesan Committee during the 19th – early 20th centuries. *Conclusions.* The study of the documents discovered in Collection 597 makes it possible to consider translation and publishing activities of the Committee members in their evolution, interregional interaction between missionary committees aimed at exchanging and clarifying Kalmyk translations of Orthodox Christian texts, identify impacts of the Holy Synod into the mentioned processes, including those made by teachers of Kazan Theological Academy, St. Petersburg University, and outstanding Russian Mongolists.

Keywords: Kalmyk Steppe, Astrakhan Diocesan Committee, St. Andrew’s Brotherhood, Kazan Theological Academy, Christianization, translation activity, missionary, bishop

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kurapov A. A. Translation and Publishing Activities of Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 33–43. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-33-43

Введение

Значительное внимание в миссионерской деятельности Русской православной церкви (далее — РПЦ) во второй половине XIX — начале XX вв. уделялось переводам и изданию православной религиозной литературы на языках народов, обращаемых в православие. В Калмыцкой степи перевод православной литературы на калмыцкий язык активизируется после организации Астраханского епархиального комитета (далее — АЕК) Православного миссионерского общества (далее — ПМО). Исследователи истории православной миссии в Калмыцкой степи XIX — начала XX вв. затрагивали тему переводческой деятельности АЕК в калмыцких улусах. В частности член АЕК, коллежский асессор Ф. М. Юштин в своем исследовании приводил рапорт миссионера П. А. Смирнова архиепископу Астраханскому и Енотаевскому Афанасию от 2 сентября 1869 г., в котором священник призывал к проповеди на калмыцком языке, автором также был приведен список богослужебной литературы, переведенной на калмыцкий язык П. А. Смирновым [Юштин 1883: 60, 62].

Протоиерей И. О. Савинский в «Исторической записке об Астраханской епархии» и цикле статей 1910—1911 гг., посвященном деятельности АЕК в «Астраханских епархиальных ведомостях», также отмечал значимость проповеди на национальном языке, переводческой деятельности П. А. Смирнова, использование переводной литературы для подготовки миссионеров, переводческой деятельности комитета в конце 70—80-х гг. XIX в. [Савинский 1903; Савинский 1910; Савинский 1910a; Савинский 1910b].

Современные исследователи христианизации Калмыцкой степи также затрагивают тему переводческой деятельности членов АЕК в XIX — начале XX вв. [Доржиева 1995: 91—114; Орлова 2006: 125—130; Орлова 2007: 42—44; Орлова 2009: 287—290; Орлова 2018: 242—291; Белоусов 2015: 29, 203; Баянова, Санджиев 2012: 45—46; Просянова 1999: 243—245]. В частности Т. Н. Просянова подчеркивает большую роль переводческой деятельности П. А. Смирнова в деле

распространения христианства в Калмыцкой степи в 60—70-е гг. XIX в. [Просянова 1999: 244].

К. В. Орлова, проанализировав опыт переводческой деятельности XVIII—XIX вв. подчеркивает ее особую значимость в процессе распространения православия в калмыцких улусах, считая ее особым и важным методом христианизации. К. В. Орлова отмечает наличие рекомендаций для активизации перевода богослужебной литературы и проповеди на национальном языке в программах христианизации калмыцкого народа главного попечителя К. А. Костенкова (1867 г.) и миссионера П. А. Смирнова (60-е гг. XIX в.) [Орлова 2007: 42].

Характеризуя переводческую деятельность православных миссионеров Нижневолжского региона периода существования АЕК, К. В. Орлова особо выделяет деятельность П. А. Смирнова, отмечая такие его переводы 70-х гг. XIX в., как «Улигерун далай (Море притч)» (перевод с монгольского на русский язык), «Послание святого Джебзун Дамба ламы» (перевод с калмыцкого на русский язык), «Символ веры», «Десять заповедей», «Священная история», «Житие и чудеса Святого Николая Чудотворца», «Катехизис в вопросах и ответах» (переводы с русского на калмыцкий язык) [Орлова 2006: 125—126].

К. В. Орлова характеризует как значимую переводческую деятельность миссионеров 70-х гг. XIX вв. М. К. Здравосмыслова, И. Шигиденова, К. С. Розова [Орлова 2006: 126—127]. Исследователь отмечает определенные недостатки переводов, в частности перегруженность работ миссионеров-переводчиков терминологией [Орлова 2006: 130].

С. С. Белоусов подчеркивает, что культурно-просветительская деятельность в миссионерских центрах Калмыцкой степи в начале XX в. оставалась важным направлением деятельности РПЦ, не указывая на активизацию переводческой деятельности в регионе в этот период [Белоусов 2015: 29, 203].

А. Т. Баянова и Ч. А. Санджиев утверждают, что переводческая деятельность православных миссионеров, обдуманно по-

дошедших к выбору переводных сочинений и изданию богослужебной литературы, сыграла значительную роль в процессе обращения калмыков в христианство [Баянова, Санджиев 2012: 46].

Документы, выявленные в фонде 597 «Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области, позволяют исследовать миссионерскую деятельность РПЦ в Калмыцкой степи и дополнить существующие исследования по этой теме. Это предопределило цель — изучить переводческую и издательскую деятельность АЕК с привлечением неопубликованных документов Государственного архива Астраханской области.

Материалы и методы

Архивные дела фонда 597 «Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области явились основной источниковой базой исследования. Объектом изучения стали архивные дела фонда, относящиеся к переводческой и издательской деятельности АЕК в XIX – начале XX вв. В ходе исследования архивных дел использовался метод сравнительно-исторического анализа, что позволило проследить эволюцию переводческой и издательской деятельности АЕК в рассматриваемый период и определить основные ее этапы.

Переводы и издания миссионеров АЕК в конце XIX – начале XX в.

АЕК, начавший свою работу 3 января 1871 г., являлся отделением ПМО, учрежденного в 1865 г. Переводческая деятельность, в соответствии с уставом общества, являлась одним из основных видов его работы: «Миссионерское общество... доставляет материальные пособия... на издание книг, приспособленных к разумению и духовным потребностям инородцев» [Устав 1869: 4].

Переводческая и издательская деятельность АЕК осуществлялась с первых лет существования комитета, во многом благодаря активности священника-миссионера П. А. Смирнова, осуществлявшего переводы богослужебной литературы на калмыцкий язык с 40-х гг. XIX в. Значительный

объем переписки П. А. Смирнова с иерархами Астраханской и Енотаевской епархии отложился в делах фонда 578 Государственного архива Астраханской области.

28 августа 1872 г. Астраханская духовная консистория (далее — АДК) сообщала в АЕК, что священник Николаевской походно-улусной церкви П. А. Смирнов 14 июля 1872 г. представил астраханскому епископу Феогносту Катехизис, переведенный на калмыцкий язык, прося разрешение на его литографирование Управлением государственных имуществ, на что получил одобрение [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

В своем рапорте епископу Феогносту от 28 ноября 1872 г. П. А. Смирнов сообщал, что калмыки, работавшие на ватагах, демонстрировали особое уважение к св. Николаю Мирликийскому, что дало повод миссионеру более подробно рассказать некоторым из них о нем, в связи с чем он дал обет перевести на калмыцкий язык житие святителя [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 1].

П. А. Смирнов предоставил епископу перевод на калмыцкий язык книги «Жизнь и чудеса св. Николая Чудотворца», изданной в Москве в 1870 г., обращаясь за благословением на литографирование своего труда Управлением государственных имуществ, для раздачи перевода по улусным школам Калмыцкой степи [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 1б.]. 11 января 1873 г. АЕК заслушал рапорт П. А. Смирнова, одобрив литографирование 200 экземпляров [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

В декабре 1873 г. главный попечитель калмыцкого народа статский советник В. Ф. Милов передал в АЕК 190 экземпляров Катехизиса, переведенного П. А. Смирновым, оставив 10 экземпляров для калмыцкого училища в Астрахани [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 26. Л. 6].

3 декабря 1875 г. АДК сообщала в АЕК, что священник П. А. Смирнов предоставил перевод «Последование часов» на калмыцкий язык, который был передан в Управление калмыцким народом. Стоимость литографирования 200 экземпляров составила 13 руб. 70 коп. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

7 января 1876 г. П. А. Смирнов направляет очередной рапорт астраханскому епископу Хрисанфу, в котором сообщал о переводе им на калмыцкий язык прокимнов,

тропарей и кондаков Двунадесятых праздников [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

В планах миссионера было проведение православных литургий на калмыцком языке, для чего он планировал перевести все ектении и фразы, произносимые священником во время службы. По мнению П. А. Смирнова, этот перевод должен был сделать доступней для прихожан-калмыков процесс православного богослужения [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

19 января 1876 г. АЕК, заслушав рапорт П. А. Смирнова, подтвердил необходимость издания его новых переводов в количестве 100 экземпляров, объявив священнику благодарность. Вместе с тем комитет не разделил его мнение о необходимости перехода на калмыцкий язык при богослужении в миссионерских храмах, отметив, что на это требовалось особое разрешение Св. Синода [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 5].

18 февраля 1876 г. П. А. Смирнов направил новый рапорт на имя епископа Хрисанфа, в котором представил свои переводы (чин чтения 12 псалмов) [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 6].

Активная переводческая деятельность сказалась на здоровье немолодого миссионера. В своем отношении в АЕК 19 января 1877 г. П. А. Смирнов сообщал, что по состоянию здоровья не может больше заниматься переводами богослужебной литературы на калмыцкий язык. Миссионер отмечал, что свой последний перевод литургии св. Иоанна Златоуста (слова священнослужителя, текст, читаемый на клиросе) он направил на согласование епископу Хрисанфу [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-10б.].

С 1875 г. активизируется межрегиональное взаимодействие отделений ПМО по вопросам перевода богослужебной литературы на калмыцкий язык. В октябре 1875 г. Совет Ставропольского Андреевского братства обратился в АЕК с просьбой предоставить 3 экземпляра переводов Катехизиса и Св. писания, выполненных П. А. Смирновым. Переводы были направлены в Ставрополь в декабре 1875 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 1].

18 февраля 1876 г. Андреевское братство направило в АЕК переводы молитв и десяти заповедей, выполненные преподавателем калмыцкого языка Кавказской духовной семинарии К. С. Розовым, которые ко-

митет мог литографировать и использовать для собственных нужд. Кроме того, Андреевское братство выступило с инициативой премирования миссионеров-переводчиков [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 2-20б.].

АЕК передал полученные переводы преподавателю калмыцкого языка Астраханской семинарии А. И. Воронцову для изучения и определения целесообразности их дальнейшего использования и публикации [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 5]. 4 июля 1876 г. А. И. Воронцов направил епископу Хрисанфу развернутый доклад о работах К. С. Розова, в котором высказался против публикации, найдя в переводах многочисленные ошибки [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 6].

По мнению А. И. Воронцова, переводческой деятельностью необходимо было заниматься «...неспешно, весьма осторожно, обдуманно, при переводах нужно обладать особым искусством, как передать известные христианско-богословские, догматические термины на калмыцко-ламайский, богословский язык...» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 10]. А. И. Воронцов считал, что неудачный перевод мог привести к исказению христианских истин и разить в обращенных калмыках двоеверие [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 10].

В продолжение темы о премировании переводчиков-миссионеров Совет Андреевского братства 4 ноября 1876 г. представил в АЕК на рассмотрение «Соображения члена Совета Ставропольского Андреевского братства, инспектора Кавказской семинарии Н. А. Цареградского, относительно премии за религиозно-литературные произведения на калмыцком языке, как переводные, так и оригинальные» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 13]. Н. А. Цареградский предлагал премировать переводчиков, выделив 4 категории текстов, определив премию от 25 до 40 руб. за лист переводного текста [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 14об.-15].

6 июля 1877 г. Совет Ставропольского Андреевского братства сообщал в АЕК, в числе прочего, что имеет в рукописи перевод на простонародный калмыцкий язык Евангелия от Матфея, сделанный преподавателем калмыцкой школы И. Шигиденовым, которую планировал представить в комитет для рассмотрения [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 46. Л. 18].

13 марта 1878 г. П. А. Смирнов, бывший на тот момент протоиереем семинарской Преображенской церкви, направил рапорт астраханскому епископу Герасиму, в котором сообщал о выполнении поручения епископа, просившего его рассмотреть перевод на калмыцкий язык Евангелия от Матфея, посчитав его неточным, без соблюдения грамматических правил языка [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 42. Л. 15].

В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. переводческая деятельность членов АЕК привлекла внимание ведущих российских монголоведов — К. Ф. Голстунского и А. М. Позднеева.

Св. Синод указом от 20 июня 1879 г. сообщал епископу Герасиму, что составленные священником П. А. Смирновым переводы на калмыцкий язык Евангелия, воскресных, двунадесятых и высокоторжественных праздников, Катехизиса, Краткой священной истории, Жития св. Николая, по мнению профессора факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунского, требуют пересмотра и исправления [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 2об.]. К. Ф. Голстунский предлагал создать комиссию по исправлению текстов, в которую, по его мнению, было необходимо включить П. А. Смирнова, М. К. Здравосмыслова [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 3].

Предложение К. Ф. Голстунского было одобрено Св. Синодом, который из капитала на распространение православия между язычниками выделил профессору 400 руб., и 4 июля 1879 г. комиссия начала свою работу [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 4]. Доработка переводов, на основании сделанных замечаний, была возложена на П. А. Смирнова. Однако, 22 февраля 1880 г. П. А. Смирнов и М. К. Здравосмыслов сообщали в АДК, что работа не может быть продолжена из-за состояния здоровья П. А. Смирнова. Редактирование переводов предложено было продолжить на восточном факультете Санкт-Петербургского университета под руководством К. Ф. Голстунского, которому тексты были переданы 2 декабря 1880 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 4].

АДК 14 мая 1882 г. передала в АЕК отношение К. Ф. Голстунского, который высказывал свое мнение о переводческой

деятельности комитета. Он считал, что переводить и издавать следует только необходимую для ознакомления с истинами христианской религии литературу [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 1]. По его мнению, к такой литературе относились: Евангелие, требник, молитвослов, Катехизис (молитва Господня, заповеди, Символ Веры), Краткая история Нового Завета, Житие св. Николая Чудотворца. К. Ф. Голстунский сообщал, что готов принять участие в переводческой деятельности комитета в качестве рецензента, соавтора П. А. Смирнова [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 151. Л. 2].

В 1883 г. АЕК, после указа Св. Синода, разрешавшего богослужение на калмыцком языке только по текстам, рассмотренным Переводческой комиссией, активизировал взаимодействие с православным братством св. Гурия. Отметим, что еще в 1865 г. ПМО в Казани была создана Переводческая комиссия при братстве св. Гурия, задачей которой был перевод Св. писания и богослужебной литературы на языки народов Европейской России и Сибири и их распространение в миссионерских школах [Никольский 1895: 95]. Примечательно, что в 90-е гг. XIX в. членом Переводческой комиссии был и представитель Калмыцкой степи — М. В. Бадмаев [Никольский 1901: 48]. М. В. Бадмаев — выпускник калмыцкого училища Астрахани — с 1884 по 1894 гг. вел практические занятия по калмыцкому языку в Казанской духовной академии [Ученые-исследователи 2006: 5].

16 мая 1883 г. председатель совета братства св. Гурия — епископ чебоксарский Кирилл — направил ответ на письмо АЕК от 6 апреля 1883 г., сообщив, что братство имеет следующие переводы на калмыцкий язык: 1) Букварь с повседневными молитвами; 2) Учение перед принятием св. крещения; 3) Краткое объяснение молитвы Господней, Символа веры и заповедей; 4) Священная история Ветхого и Нового завета; 5) Евангелие от Матфея, Марка, Луки. Епископ сообщал, что Переводческая комиссия согласилась принять к пересмотру и изданию имевшиеся в АЕК переводы богослужебной литературы на калмыцком языке [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 167. Л. 3]. 15 сентября 1883 г. АЕК вновь обратился в совет братства с просьбой прислать имевшиеся переводы для ис-

пользования в миссионерской деятельности в Калмыцкой степи, однако комиссия 15 декабря 1883 г. сообщила, что переводы находятся в процессе подготовки [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 167. Л. 4, 7].

30 апреля 1887 г. обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев направил епископу астраханскому Евгению переводы на калмыцкий язык Священной истории, Катехизиса, Жития св. Николая Чудотворца протоиерея П. А. Смирнова с отзывами К. Ф. Голстунского [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 208. Л. 2].

Профессор в своем отзыве от 15 апреля 1887 г., в частности, отмечал, что в переводах П. А. Смирнова «...немало неточностей и неправильностей и без тщательного пересмотра и сличения их с подлинниками они не могут быть допущены к употреблению» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 208. Л. 3об.].

АЕК в 80-е гг. XIX в. оказывал содействие в исследовательской и переводческой деятельности Казанской духовной академии в Калмыцкой степи. Профессор, инспектор академии В. В. Миротворцев 15 июня 1887 г. в своем письме к астраханскому епископу Евгению отметил, что направленным в Калмыцкую степь студенту академии, астраханцу К. В. Данилевскому и «природному калмыку» М. В. Бадмаеву было поручено «проверить среди калмыков» переведенную братством св. Гурия литературу [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 208. Л. 4-4об.].

В 80-е гг. XIX в. продолжается и переводческая деятельность на калмыцкий язык силами членов АЕК. Так, 28 февраля 1889 г. преподаватель, на тот момент уже бывший, Астраханской духовной семинарии, коллежский советник А. И. Воронцов направил доклад астраханскому епископу Евгению, в котором отмечал, что им был составлен «Подробный калмыцко-русский словарь», который был направлен на рассмотрение АЕК, с целью последующего издания. В марте 1889 г. словарь А. И. Воронцова был направлен на утверждение в Св. Синод [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 243. Л. 1].

14 июня 1890 г. обер-прокурор К. П. Победоносцев сообщал астраханскому епископу Павлу, сменившему епископа Евгения в декабре 1889 г., что словарь был направлен на проверку ординарному профессору Санкт-Петербургского универси-

тета А. М. Позднееву, прилагая его отзыв [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 243. Л. 4].

В своем подробном отзыве от 29 мая 1890 г., отложившемся в Государственном архиве Астраханской области, А. М. Позднеев отмечал, что калмыцкий язык остался практически неисследованным российскими лингвистами и восполнить этот недостаток взялся в своем словаре А. И. Воронцов [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 243. Л. 6, 8об.]. Вместе с тем А. М. Позднеев посчитал работу А. И. Воронцова, построенную на тезисе о незначительном различии между монгольским и калмыцким языками, несовершенной, имеющей одностороннее значение [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 243. Л. 8об.]. А. М. Позднеев рекомендовал перед изданием словаря А. И. Воронцова исправить его в орфографическом отношении, после чего словарь, по его мнению, можно было бы использовать для чтения литературы XVII–XVIII вв., но не для изучения современного калмыцкого языка [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 243. Л. 11об.].

Взаимодействие АЕК с Казанской духовной академией и Переводческой комиссией продолжилось и в конце XIX в. 28 ноября 1892 г. магистрант и профессорский стипендиат академии И. И. Ястребов, впоследствии член АЕК, направил прошение астраханскому епископу Павлу, в котором сообщал, что в октябре 1892 г. он был командирован Советом академии и Переводческой комиссией в Калмыцкую степь для практики в разговорном калмыцком языке, для перевода на калмыцкий язык православной литературы и изучения быта кочевников. И. И. Ястребов просил в том содействия епископа и главного попечителя калмыцкого народа В. А. Башкирова [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 332. Л. 1].

И. И. Ястребов также сообщал, что в июле 1892 г. Переводческая комиссия приступила к изданию литературы на калмыцком языке, часть из которой он привез для распространения среди членов АЕК: «Первоначальный учебник русского языка для калмыков», «Букварь для калмыцких улусных школ», «Огласительное поучение архиепископа Вениамина Иркутского на калмыцком языке». Вся литература, привезенная И. И. Ястребовым, была приобретена комитетом [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 332. Л. 7].

С декабря 1892 г. И. И. Ястребовым, совместно с «природными калмыками», в Калмыцкой степи осуществлялась переводческая деятельность. К июлю 1893 г. им были переведены: 1) Молитвы, с объяснениями; 2) О великохристианских праздниках; 3) Притчи Спасителя, с объяснениями; 4) Священная история Ветхого и Нового завета, 5) Учение перед Св. крещением Марка, алтайского миссионера; 6) Житие и чудеса св. и чудотворца Николая Мирликийского; 7) Православный катехизис; 8) Извлечение из «Училища Благочестия»; 9) Евангелие от Луки; 10) 11 утренних воскресных Евангелий; 11) Несколько подробных библейских рассказов; 12) Несколько научно-популярных статей о явлениях физической природы; 13) Букварь для калмыцких школ [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 332. Л. 10].

И. И. Ястребов приводил обращения астраханских священников-миссионеров И. Третьякова, В. Парабучева, Л. Лопатина о необходимости издания этих переводов, на которые была объявлена подписка и было собрано 218 руб., отмечая, что на издание потребуется 1 000 руб., из которых 500 руб. по-жертвует Переводческая комиссия [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 332. Л. 10б. – 11].

Анализ переписки и годовых отчетов АЕК, отложившихся в Государственном архиве Астраханской области, позволяет сделать вывод, что в конце XIX – начале XX вв. переводческая деятельность членами комитета не осуществлялась, приобреталась и издавалась преимущественно русскоязычная литература для миссионеров. 15 февраля 1899 г. Совет ПМО по просьбе члена АЕК, надворного советника М. И. Дубровского направил в АЕК 500 экземпляров изданной советом книги «Восемь поучений о миссионерском деле» для безвозмездного распространения ее между миссионерами епархии [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 435. Л. 4].

В фонде 597 Государственного архива Астраханской области отложились документы еще об одном значимом издании АЕК — речь идет о «Миссионерском сборнике статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии» [Миссионерский сборник 1910].

16 октября 1909 г. член АЕК протоиерей И. И. Саввинский направил доклад в комитет, в котором отметил, что для созываемо-

го в июне 1910 г. в Казани миссионерского съезда необходимо познакомить участников с историей астраханской миссии в Калмыцкой степи, для чего он предлагал составить историческую записку о деятельности АЕК и издать миссионерский сборник статей и заметок о миссионерской деятельности в епархии [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–10б.].

Инициатива И. И. Саввинского была горячо поддержанна АЕК и епископом Георгием, которые оперативно собрали средства на издание книги. Уже в мае 1910 г. составители «Миссионерского сборника», протоиереи И. И. Саввинский и М. Д. Благонравов, отчитались астраханскому епископу Георгию о подготовке сборника к изданию [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 655. Л. 9б.].

18 ноября 1910 г. протоиерей И. И. Саввинский направил рапорт астраханскому епископу Георгию, в котором отмечал необходимость издания инструкции для священников-миссионеров, в качестве образца им были приведены «Наставления священнику-миссионеру среди инородцев», составленные епископом Иннокентием и опубликованные в «Православном благовестнике» в 1895 г. И. И. Саввинский считал, что при сокращении и доработке эти наставления были бы полезны и для астраханских миссионеров [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–10б.].

19 ноября 1910 г. епископ Георгий одобрил предложение И. И. Саввинского. В 1911 г. в отдельном оттиске «Астраханских епархиальных известий» «Наставления» были опубликованы в количестве 300 экземпляров [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 707. Л. 1, 2]. Примечательно, что в ежегодном отчете АЕК за 1911 г. автором этой брошюры указан протоиерей И. И. Саввинский [Отчет 1912: 1].

В фонде АЕК Государственного архива Астраханской области отложились сведения о планировавшемся в 1914 г. сотрудничестве АЕК с профессором А. М. Позднеевым по переводу на калмыцкий язык богослужебной литературы. Об этом свидетельствует письмо А. М. Позднеева от 12 марта 1914 г. некоему о. Михаилу, в котором профессор сообщал о желании АЕК заказать ему перевод на калмыцкий язык «Служебника» и «Требника» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 822. Л. 1].

А. М. Позднеев отмечал, что до сентября 1914 г. был занят составлением «Учебника монгольского языка для средних и низших коммерческих учебных заведений», которые планировалось открыть Министерством торговли и промышленности в 1914–1915 гг., и не мог взять перевод только на себя, соглашаясь подготовить калмыцкий текст для рассмотрения его комиссией, в которую предлагал включить епископа Иннокентия, архимандрита Гурия, иеромонаха Амфилохия [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 822. Л. 3]. В качестве гонорара А. М. Позднеев просил 150 руб. за печатный лист текста [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 822. Л. 4].

Заключение

Документы Государственного архива Астраханской области свидетельствуют, что перевод и издание православной богослужебной и методической литературы осуществлялся на протяжении всей истории АЕК с разной степенью интенсивности. В 70–80-е гг. XIX в. переводами на калмыцкий язык активно занимались члены АЕК — П. А. Смирнов и А. И. Воронцов. С 1875 г. осуществлялся активный обмен переводами между АЕК и Ставропольским Андреевским братством. Переводчики АЕК

осуществляли проверку переводов, предоставленных братством. С конца 70-х гг. XIX в. переводы АЕК исследовались по просьбе Св. Синода профессором Санкт-Петербургского университета, монголоведом К. Ф. Голстунским, критически отнесшимся к переводам П. А. Смирнова. Профессором Санкт-Петербургского университета, монголоведом А. М. Позднеевым в 1890 г. был также представлен негативный отзыв на перевод А. И. Воронцова.

С 80-х гг. XIX в. АЕК активизирует взаимодействие с Казанской духовной академией, с Переводческой комиссией при братстве св. Гурия, также осуществляющими переводы богослужебной литературы на калмыцкий язык.

В конце XIX – начале XX вв. по инициативе протоиерея И. И. Саввинского АЕК издает две книги: «Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии» и «Наставления священнику-миссионеру среди инородцев». В фондах Государственного архива Астраханской области сохранилось письмо А. М. Позднеева 1914 г., которое свидетельствует о стремлении АЕК привлечь его к переводу на калмыцкий язык православных «Служебника» и «Требника».

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Литература

Баянова, Санджиев 2012 — *Баянова А. Т., Санджиев Ч. А. Православные издания на калмыцком языке (традиционная форма ойратской книги) // Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 1–2 ноября 2012 г.). Пенза; Саратов; Семей: Социосфера, 2012. № 37. С. 43–47.*

Белоусов 2015 — *Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианских вероисповеданий в первой половине XX века (1900–1956 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 236 с.*

Доржиева 1995 — *Доржиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.*

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Миссионерский сборник 1910 — Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань: Изд. Астрах. Ком. Православ. миссион. о-ва, 1910. 516 с.

Никольский 1901 — *Никольский А. В. Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия в Казани: Очерк из истории православной миссии среди инородцев России во второй половине XIX в. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1901. 70 с.*

Никольский 1895 — *Никольский А. В. Православное миссионерское общество: Ист. зап. о деятельности Общества за истекшее двадцатипятилетие (1870–1895 гг.). М.: печатня А. И. Снегиревой, 1895. 145 с.*

Орлова 2006 — *Орлова К. В. История христианизации калмыков (середина XVII – начало XX вв.). М.: Вост. лит., 2006. 207 с.*

Орлова 2007 — *Орлова К. В. Проблема христианизации калмыков в контексте внутренней и*

- внешней политики России (середина XVII в. – XX в.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 59 с.
- Орлова 2009 — *Орлова К. В.* Христианизация калмыков. Глава 3 // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 259–291.
- Орлова 2018 — *Орлова К. В.* Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII – начало XX вв.). М.: ИВ РАН, 2018. 398 с.
- Отчет 1912 — Отчет Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 г. Астрахань: Паровая типография Семенова, 1912. 24 с.
- Просянова 1999 — *Просянова Т. Н.* Пармен Андреевич Смирнов (биографическая справка) // Пармен Смирнов. Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 243–245.
- Саввинский 1903 — *Саввинский И. И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования: (С 162 по 1902 г.). Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1903. 390.
- Саввинский 1910 — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 563–578.
- Саввинский 1910а — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 595–613.
- Саввинский 1910б — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 18. С. 641–653.
- Устав 1869 — Устав Православного миссионерского общества. СПб.: Синодальная тип., 1869. 16 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX веков): библиографический указатель / сост.: П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.
- Юштин 1883 — *Юштин Ф.М.* Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань: Тип. Губернского правления, 1883. 64 с.

References

- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Scholarly Researchers of Kalmykia, 17th to Early 20th Centuries: A Biobibliographic Index. N. Ochirova (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Sandzhiev Ch. A. Kalmyk-language Orthodox Christian editions: A traditional form of Oirat book. In: Volkov S. N. et al. (eds.) Religion – Science – Society: Problems and Prospects of Interaction. Conference proceedings (1–2 November 2012). Penza, Saratov, Semey: Sotsiosfera, 2012. Pp. 43–47. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia, 1900–1956: State Policy towards Christian Denominations. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 236 p. (In Russ.)
- Charter of Orthodox Missionary Society. St. Petersburg: Most Holy Synod, 1869. 16 p. (In Russ.)
- Dorzhieva G. Sh. Buddhism and Christianity in Kalmykia, Mid-17th to Early 20th Centuries: Religious Policies of Imperial Russia's Government Analyzed. Elista: Dzhangar, 1995. 126 p. (In Russ.)
- Missionary Collection of Articles and Notes on Kalmyk and Kirghiz Nomads of Astrakhan Governorate. Astrakhan: Orthodox Missionary Society (Astrakhan Committee), 1910. 516 p. (In Russ.)
- Nikolsky A. V. Orthodox Missionary Society: Activity Report, 1870–1895. Moscow: A. I. Snegireva, 1895. 145 p. (In Russ.)
- Nikolsky A. V. Translation Commission of Orthodox Missionary Society affiliated to St. Gury's Brotherhood in Kazan: A Historical Essay on Orthodox Christian Missionary Activity among Indigenous Peoples of Russia in the Mid-to-Late 19th Century. Moscow: A. I. Snegireva, 1901. 70 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. A History of Christianization among Kalmyks, Mid-17th to Early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2006. 207 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. Christianization of Kalmyks, Mid-17th to 20th Centuries: Examining the Issue in the Context of Russia's Internal and External Policies. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2007. 59 p. (In Russ.)

- Orlova K. V. Christianization of Kalmyks, Mid-17th to Early 20th Centuries: A Perspective from Internal and External Policies of Russia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 398 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. Christianization of Kalmyks. Chapter 3. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), Gerel, 2009. Pp. 259–291. (In Russ.)
- Prosyanova T. N. Parmen Andreevich Smirnov: A biographical note. In: Smirnov P. Travel Notes from Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. Pp. 243–245. (In Russ.)
- Report by Astrakhan Diocesan Committee of Orthodox Missionary Society: The Year 1911. Astrakhan: Semenov, 1912. 24 p. (In Russ.)
- Savvinsky I. I. Astrakhan Diocesan Committee and its Christianization activity among Kalmyks and Kirghizes, 1871–1909. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. No. 16. Pp. 563–578. (In Russ.)
- Savvinsky I. I. Astrakhan Diocesan Committee and its Christianization activity among Kalmyks and Kirghizes, 1871–1909. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. No. 17. Pp. 595–613. (In Russ.)
- Savvinsky I. I. Astrakhan Diocesan Committee and its Christianization activity among Kalmyks and Kirghizes, 1871–1909. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. No. 18. Pp. 641–653. (In Russ.)
- Savvinsky I. I. Diocese (Eparchy) of Astrakhan: A History of 300 Years (1602–1902). Astrakhan: V. L. Yegorov, 1903. 390 p. (In Russ.)
- Yushtin F. M. Dissemination of Christianity among Kalmyks: A Review of the Government's Arrangements. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1883. 64 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 44–58, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 910.4:517.3 (09)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-44-58

Подарки и их смыслы в деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923–1926 гг.) (по новым архивным документам)

Татьяна Ивановна Юсупова¹

¹ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
РАН (д. 5, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

ID 0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Юсупова Т. И., 2023

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются акты дарения в ходе Монголо-Тибетской экспедиции известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, совершенной в 1923–1926 гг. Цель исследования. Автор ставит задачу проанализировать состав подарков, которые советское правительство разрешило П. К. Козлову выбрать из Государственного хранилища, причины, по которым путешественник получил дорогостоящие предметы из золота и серебра, обстоятельства их дарения, адресатов и рецепции одариваемых. Материалы и методы. Материалами для анализа являются документы из Государственного архива РФ и дневники П. К. Козлова, которые он вел в этой экспедиции. Поставленная задача раскрывается через персональные истории дарения представителям монгольской элиты и Далай-ламе XIII, их мотивациях и форме подношения. Результаты. Показано, что подарки являлись для путешественника не только формальным соблюдением местного обычая, но и важным инструментом коммуникаций с высшими монгольскими чиновниками и представителями власти для решения вопросов деятельности экспедиции. Никто из российских исследователей не имел в своем распоряжении в качестве подарков такие дорогостоящие предметы. Выводы. В этой связи мы можем говорить, что большевистское правительство связывало с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова определенные надежды на усиление позитивного восприятия советской России в Монголии и, в случае запланированной встречи с Далай-ламой, в Тибете. В качестве приложения к статье приводятся документы из Государственного архива РФ, отражающие состав подарков, имевшихся в распоряжении П. К. Козлова, и их персональное распределение.

Ключевые слова: Монголия, экспедиция, акты дарения, подарки, монгольские элиты, Далай-лама, коммуникации

Для цитирования: Юсупова Т. И. Подарки и их смыслы в деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923–1926 гг.) (по новым архивным документам) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 44–58. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-44-58

Gifts and Their Meanings in Activities of P. Kozlov's Expedition to Mongolia and Tibet, 1923-1926: Analyzing Newly Discovered Archival Documents

Tatiana I. Yusupova¹

¹ Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS, St. Petersburg Branch (5, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Yusupova T. I., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines gift donations practiced during the 1923–1926 expedition to Mongolia and Tibet led by the outstanding Russian explorer of Central Asia Pyotr K. Kozlov. *Goals.* The paper seeks to analyze items approved by the Soviet Government for P. Kozlov to have selected from the State Depository, reasons why the traveler did receive the precious artifacts of gold and silver, circumstances of donations, addressees, and the latter's perceptions. *Materials and methods.* The work focuses on materials from the State Archive of the Russian Federation and P. Kozlov's expedition diaries, the objectives set be articulated via individual gift donation stories (occasions) with Mongolian elites and the 13th Dalai Lama, corresponding motives and offering forms. *Results.* The paper shows the gift-giving practices were viewed by the traveler not only as some homage be paid to local cultures but rather as a means of communication with Mongolian officials and authorities for the latter's assistance in solving problems faced by the Expedition. No other Russian explorer ever delivered such high-value items to have been used as gifts. *Conclusions.* This suggests the Bolshevik Government was hoping — with the help of Kozlov's expedition — to facilitate positive images of Soviet Russia in Mongolia and Tibet (during a scheduled meeting with the Dalai Lama). The Appendix to the article includes several documents from the State Archive of Russia describing the selected gifts and their distribution by individuals.

Keywords: expedition, Mongolia, donation of gifts, Mongolian elites, Dalai Lama, communication

For citation: Yusupova T. I. Gifts and Their Meanings in Activities of P. Kozlov's Expedition to Mongolia and Tibet, 1923-1926: Analyzing Newly Discovered Archival Documents. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 44–58. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-44-58

Введение

Традиция дарения является одной из составных частей гостеприимства, формой этикета многих восточных народов. Учитывая этот факт, практика дарения широко использовалась руководителями экспедиций Русского географического общества (РГО) в страны Центральной Азии для налаживания контактов с местным населением. В своих отчетах путешественники, как правило, указывали, кого приветствовали, за что благодарили, какой преподносили подарок. Эти сведения, на наш взгляд, представляют собой ценную информацию для понимания характера и форм взаимодействия исследователей с народами и властями изучаемых

территорий, углубляют и дополняют наши знания о социальных контекстах деятельности российских экспедиций в этом обширном регионе. Данное утверждение мы хотели бы проиллюстрировать сюжетом из истории Монголо-Тибетской экспедиции под руководством известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова (1863–1935), совершенной в 1923–1926 гг. Наше внимание будет акцентировано на составе подарков, мотивациях и персональных историях дарения. Из многочисленных контактов экспедиции мы остановимся на коммуникациях только с представителями монгольской элиты, поскольку взаимодействия с ними были важны для организации

работы в Монголии, где на тот момент также, как и в России, произошли кардинальные социально-политические трансформации. В свою очередь рецепции подарков монгольскими чиновниками позволяют говорить не только о персональном отношении к П. К. Козлову, но и в целом к деятельности советских ученых на территории Монголии в тот момент.

Методы и источники

Значение подарков в культуре и ментальности монгольских народов, их исторические, этические, культурологическое, семантические и другие особенности подробно рассмотрены в целом ряде научных публикаций. Назовем здесь, например, широко известную работу видного монголоведа Н. Л. Жуковской, в которой приведена обширная библиография по этой проблематике на русском и иностранных языках [[Жуковская 2002](#)]. Однако в данной статье для нас главное не сама традиция подношения подарков, а их состав, смысловые нагрузки, сценарии и персональные истории дарения, совершенные в первые месяцы пребывания экспедиции в Монголии — в самый сложный период ее деятельности. В публикациях о жизни и деятельности путешественника эти вопросы, важные для понимания специфики его работы в Монголии, еще не нашли отражения [[Овчинникова 1964](#); [Юсупова 2016](#)]. При этом, учитывая, что в состав многочисленных преподносимых от имени экспедиции подарков, входили дорогостоящие предметы (как правило, из золота, с бриллиантами и драгоценными камнями), важно выяснить источники их формирования и причину, по которой государство выделило П. К. Козлову значительное количество столь неординарных предметов.

Исследование проведено на материалах Государственного архива РФ (ГА РФ), впервые вводимых в научный оборот. Были использованы документы, отложившиеся в фонде 8429 — Комиссия СНК СССР по со-действию работам АН СССР (1925–1930), которая контролировала, среди прочего, и работу Монголо-Тибетской экспедиции. Кроме того, были привлечены материалы Архива РГО (Ф. 18 — Фонд П. К. Козлова) и Архива мемориального музея П. К. Козлова в г. Санкт-Петербурге. Восстановить последовательность событий и их восприя-

тие П. К. Козловым помогли дневники путешественника [[Козлов 2003](#)], которые он вел в ходе экспедиции.

Формирование состава подарков

Первоначально Монголо-Тибетская экспедиция была заявлена П. К. Козловым как «Тибетская» [[Андреев, Юсупова 2001: 72](#)]. Ее главной целью должны были стать малоизученные территории Южной Монголии и Тибетского нагорья. П. К. Козлов также планировал посетить Лхасу — столицу Тибета — для встречи с его духовным главой Далай-ламой ХІІІ, от которого, по некоторым данным, имел персональное приглашение [[Цыремпилов 2011: 239–241](#)]. Путешественника поддержало РГО, и после долгого хождения документов по разнообразным академическим, государственным и политическим инстанциям экспедиция была утверждена постановлением СНК СССР от 27 февраля 1923 г. Все расходы по подготовке и проведению экспедиции правительство взяло на себя. Такое высокое внимание объяснялось тем, что руководство страны связывало с ее деятельностью определенные надежды на усиление позитивного восприятия большевистской России в буддийском мире. Кроме того, экспедиция П. К. Козлова — на тот момент самого известного, успешного и авторитетного российского путешественника по Центральной Азии — повысила престиж советской науки в изучении этого региона.

Монголо-Тибетская экспедиция стала первым масштабным путешествием советского времени в Центральную Азию и, одновременно, последней крупной российской экспедицией экстенсивно-описательного характера в этот регион, организованной еще в традициях позднеимперского периода, сформированных Н. М. Пржевальским. Свой опыт знаменитый путешественник изложил в очерке «Как путешествовать по Центральной Азии», который предварял отчет о его последней состоявшейся экспедиции в 1883–1885 гг. [[Пржевальский 1888](#)].

П. К. Козлов был преданным учеником и последователем Н. М. Пржевальского, продолжателем его исследовательского метода научных рекогносцировок. Формирование и снаряжение экспедиции, в том числе подбор подарков, организацию поле-

вой работы, выработку научной программы, П. К. Козлов осуществлял в соответствии с его советами.

Состав подарков Н. М. Пржевальский рассмотрел в разделе «Снаряжение». Известный своими имперскими взглядами и резкими высказываниями об азиатских народах, он объяснял необходимость запастись ими не правилами местного этикета, а, по его мнению, «нелепому обычая взаимного передаривания», без которых «шагу нельзя ступить в Азии». И рекомендовал прагматично использовать акты дарения, исключительно для «смазки <...> при всяком нужном деле» [Пржевальский 1888: 19].

В очерке Н. М. Пржевальский перечислил наиболее популярные у местного населения предметы, среди которых назвал: небольшие складные нейзильберовые зеркала (зеркала в оправе из нейзильбера (нем. *Neusilber* ‘новое серебро’) — сплава меди, никеля и цинка; по внешнему виду аналогичен мельхиору), ножи, ножницы, бритвы (в футлярах), серебряные карманные часы, «ящички с музыкой» (музыкальные шкатулки. — *T. Ю.*), стереоскопы, «в особенности с соблазнительными картинками», бинокли, магниты, духи и ручное мыло, сигары, «шкатулки малахитовые или из другого камня, красивые каменные плитки, сердоликовые кольца, печати» и др. Но особенно ценным подарком являлось, как отмечал Н. М. Пржевальский, «оружие, преимущественно револьверы» [Пржевальский 1888: 19–20].

Что касается П. К. Козлова, то его экспедиционные дневники свидетельствуют об уважительном отношении к культурным традициям изучаемых народов вообще и к дарению как особому ритуалу проявления дружеских намерений, в частности. Он широко использовал подарки и в качестве средств межличностной коммуникации. П. К. Козлов с особой тщательностью относился к формированию их состава. «Эта кропотливая, требующая много внимания работа, — писал он в дневнике, хотя и «днем отнимает много времени и как-то утомляет» [Козлов 2003: 541].

Подарки П. К. Козлов подразделял на «низшие», базовый список которых перечислен Н. М. Пржевальским, — для рядовых обывателей и «высшего порядка» — предназначенные для представителей местной

администрации и духовной власти. Иногда он выделял «экстраординарные» презенты, которые планировались для особо важных персон. В состав «высших и экстраординарных» подарков входили предметы из золота и серебра, драгоценных камней и самоцветов, высокохудожественные ювелирные изделия, дорогая парча и др.

Особое внимание П. К. Козлов уделял подаркам для Далай-ламы XIII, к встречам с которым он относился с большой ответственностью. С тибетским первосвященником он встречался два раза — в 1905 г. в Урге и в 1909 г. в монастыре Гумбум в Амдо во время Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1908 гг. Третий раз встретиться П. К. Козлов предполагал в 1914 г., в ходе его новой запланированной экспедиции. Но Первая мировая война разрушила все планы. Экспедиция была отменена; снаряжение передано на хранение в РГО. Подарки П. К. Козлов поместили в сейф в отделении Московского купеческого банка в Санкт-Петербурге, где хранились и его личные ценности. В начале 1918 г. они были конфискованы в ходе мероприятий по национализации банка. Среди пропавших предметов находились: «<...> восемь золотых парижских часов (одни украшенные бриллиантами), золотой с камнем сапфиром портсигар, золотые монеты XVIII и XX столетий, числом 20, набор золотых застежек и прочие мелочи» [Архив музея. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33; 21 июля 1922 г.].

В течение нескольких лет П. К. Козлов пытался вернуть ценности, но ему не помогло даже заступничество близкого друга семьи — Н. П. Горбунова (1892–1938), в то время управляющего делами Совнаркома РСФСР. На его официальный запрос в Гохран в сентябре 1922 г. был получен ответ: «<...> ценности не могут быть выданы вследствие того, что сейфы вскрывались на местах и направлялись в Гохран в обезличенном виде, в общей массе с другими ценностями, а посему установить их наличие в Гохране невозможно» [Левшин 1986: 216].

Поэтому при подготовке к новому путешествию вопрос о подарках «высшего порядка» и «экстраординарных» стоял весьма актуально. В проекте, представленном в правительство, П. К. Козлов писал, что «по примеру прежних экспедиций» подарки будут делиться на две категории. При этом

«подарки низшие» он предполагал приобрести «путем покупки», а вот «предметы высшего порядка», по его мнению, «должны быть отпущены из правительственные хранилищ» [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 302–304].

Монголо-Тибетскую экспедицию щедро профинансировали. Правительство выделило П. К. Козлову сто тысяч рублей золотом («из фондов золотой секции Наркомфина» [Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 12]) — очень большая сумма по тем временам. Прислушались также к пожеланиям начальника экспедиции относительно «экстраординарных» подарков: П. К. Козлову разрешили выбрать их из Государственного хранилища (Гохрана). Курировать отбор подарков было поручено Наркомату иностранных дел совместно с представителем Наркомфина [ГА РФ. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 9]. Кроме того, экспедиции дополнительно выделили четыре тысячи золотых рублей на покупку парчи известной московской фирмы Сапожникова, высоко ценившейся в Тибете [Андреев 1997: 96, 118; Козлов 2003: 385].

Акты дарения Монголо-Тибетской экспедиции в Урге, осенью 1923 г.

П. К. Козлов прибыл в Ургу 1 октября 1923 г., где остановился в доме бывшего участника его Тибетской экспедиции 1899–1901 гг. Ц. Г. Бадмажапова (1879–1937), на тот момент сотрудника министерства юстиции. На следующий он день встретился с советским полпредом в Монголии В. И. Юдиным (1892–1966). Сразу после обустройства экспедиционного лагеря П. К. Козлов начал сортировать подарки для подношения членам монгольского правительства [Козлов 2003: 47]. Мы полагаем, что при составлении списка «одариваемых» путешественник учитывал информацию В. И. Юдина и Ц. Г. Бадмажапова, поскольку в сложной и турбулентной политической обстановке в Монголии тех лет было непросто разобраться [Рошин 1999: 79–140].

Разносить подарки П. К. Козлов поручил своим помощникам — географу С. А. Глаголеву и политкомиссару экспедиции Д. М. Убугунову (1897–1938), назначенному Политбюро для контроля за деятельностью «старорежимного» путешественника [Андреев, Юсупова 2001: 58–60]. Одними из первых приветствия от Монголо-Тибетской

экспедиции получили премьер-министр Монголии Б. Цэрэндорж (1868–1928), с которым П. К. Козлов познакомился в Санкт-Петербурге в 1912 г. [Захарова, Мандрик 2016: 44–46], министр финансов и на тот момент главкомом монгольской армии С. Данзан (1885–1924), военный министр Хатан-Батор Максаржав (1878–1927), министр внутренних дел Цэцэн-хан (1877–1937) (см. о нем: [Кузьмин 2018]), а также председатель Ученого комитета Монголии О. Жамъян (1864–1930) (см. о нем: [Пүрэвжав 2003]), ученый секретарь Ц. Ж. Жамцарано (1880–1942) (см. о нем: [Ульмжиев, Цэцэгма 1999]).

Ритуал дарения проходил следующим образом: «Прежде чем поднести подарки члену монгольского правительства мои спутники, — писал П. К. Козлов в дневнике, — держали речь: „Тибетская экспедиция традиционно, по-прежнему, устанавливает лучшие отношения с монгольским правительством вообще, с Вами в частности, и надеется на Вас, что Вы будете также прекрасно относиться к экспедиции и будете оказывать ей внимание и содействие к достижению (ее) целей, к которым она стремится. И как скрепу наилучших отношений, залог дружбы, Тибетская экспедиция, ее начальник подносит Вам российские вещицы на память о себе“». Сказав это, мои спутники передавали подарки по назначению. Как и подобает в данном случае, следовал ответ от лица, получившего подарок. Во время вручения подарков все стояли» [Козлов 2003: 48]. П. К. Козлов привел ответную речь только премьер-министра Цэрэндоржа¹ (со слов помощников), который поблагодарил за новый знак внимания и дружбы со стороны его «старого знакомого, начальника экспедиции Козлова» и выразил надежду в скором времени увидеться с ним [Козлов 2003: 48].

П. К. Козлов отметил в дневнике, что по рассказам его помощников, все одариваемые принимали подношения «как должное», за исключением Ц. Ж. Жамцарано (ему вручили золотой портсигар [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20об.]). Он «несколько конфузился и уклонялся, но все же в конце концов принял с благодарностью» [Козлов 2003: 48]. На следующий день Ц. Ж. Жамцарано в каче-

¹ П. К. Козлов писал его имя «Цэрэн Доржэ».

стве отдарка поднес П. К. Козлову терракотовую статуэтку Ундор-гэгэна. Общение с Ц. Ж. Жамцарано — крупнейшим знатоком истории Монголии — было очень важно для П. К. Козлова и не только в стенах Ученого комитета. Но приходить к нему «маленькому» (с типичной монгольской скромностью говорил о себе ученый) домой было нежелательно до визитов путешественника к членам монгольского правительства, о чем П. К. Козлову сказал сам Ц. Ж. Жамцарано [Козлов 2003: 48–49].

12 октября представилась возможность преподнести подарки от экспедиции теократическому главе Монголии — бодо-гегену Джебдзун-Дамбе-хутухте VIII (1869–1924). Приветствовать бодо-гегена было вновь поручено С. А. Глаголеву и Д. М. Убугунову, а также Е. В. Козловой (1892–1975) — жене путешественника — и его старшему помощнику. Бодо-гегену были вручены: «морская с эмалью красная чаша, золотая с бриллиантами и другими камнями табакерка, нефритовый флакон для духов, серьги (золотые с камнями), камея, черепаховый веер» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20]. Женские украшения предназначались для жены главы буддийской церкви Монголии.

Через несколько дней П. К. Козлов сам стал наносить визиты представителям монгольской власти. Так 25–26 октября 1923 г. он посетил Цэрэндоржа, Цэцэн-хана, С. Данзана, Ц. Ж. Жамцарано [Козлов 2003: 58]. Все принимали П. К. Козлова «изыскано-вежливо», угождали чаем. После общих слов: «Как здоровы, как поживаете. <...> Спасибо за прием и оказание содействия, надеюсь, вновь увидимся и т. д.» разговор переходил на частные темы. Так с Цэрэндоржем «оживленно вспоминали прежние свидания». Он также интересовался раскопками П. К. Козлова в Хара-Хото, найденными там рукописями, картинами и пр. С С. Данзаном говорили об охоте и «о загадочном пресмыкающемся — хоргойе, величиною в две четверти, исчезающем незаметно» [Козлов 2003: 58]. Об этом таинственном существе, которое, якобы, водится в отдаленных частях пустыни Гоби, писал также американский исследователь Р. Ч. Эндрюс [Эндрюс 1927: 30].

Из полученных подарков П. К. Козлов отметил преподнесенный ему Цэцэн-ханом

«богатый шелковый хадак» и «две интересные вешицы» от С. Данзана: «оригинальной формы табакерку из слоновой кости и монгольскую спичечницу с крючком для вынимания табачного нагара» [Козлов 2003: 58–59].

Ответные визиты представителей монгольских властей начались через день, 28 октября. П. К. Козлова навестили Цэрэндорж, Цэцэн-хан и другие монгольские князья и чиновники. Цэрэндорж преподнес П. К. Козлову при голубом хадаке «серебряные вазы новейшего китайского изготовления», Цэцэн-хан — «маленький из 4-х предметов китайский сервис» и свою фотокарточку. «Около часа сидели у меня эти славные разумные люди, — описывал встречу путешественник, — симпатично относящиеся к моей научной экспедиции. <...> В заключение мы пожелали друг другу здоровья, всякого благополучия и новой встречи при возвращении из путешествия» [Козлов 2003: 61–62].

Надо отметить, что визиты к П. К. Козлову последовали после торжественного обеда, который устроил в его честь Монгольский Ученый комитет 27 октября. На этом приеме присутствовали Цэцэн-хан, С. Данзан, министр просвещения Э. Батухан (1888–1942) и другие высшие правительственные чины. П. К. Козлов благодарили Ученый комитет за гостеприимство, за допуск к исследованиям на территории Монголии. Однако позитивный настрой П. К. Козлова в этот же день был омрачен непонятным ему указанием из г. Москвы: выслать обратно в Россию часть сотрудников экспедиции. А через некоторое время поступил приказ вообще прекратить ее деятельность и вернуться на Родину. Эта драматическая страница в истории экспедиции подробно рассмотрена в ряде работ автора статьи. Здесь мы только скажем, что П. К. Козлов не выполнил приказ центра, остался в Урге и переориентировал географическое направление своих исследований с Тибета на Монголию. В 1924 г. его экспедиция провела раскопки в горах Ноин-Ула, к северу от Улан-Батора, где в захоронениях хуннской знати были сделаны уникальные археологические находки, благодаря которым советское правительство разрешило ему продолжить исследования в Монголии еще на два года [Юсупова 2010: 54–55].

Состав преподнесенных подарков монгольским элитам и Далай-ламе

Вернемся к актам дарения экспедиции осенью 1923 г. Что же дарил П. К. Козлов монгольским элитам во время пребывания в Урге / Улан-Баторе? Премьер-министру Монголии (с ноября 1924 г. МНР) и старому знакомому П. К. Козлова Цэрэндоржу были подарены: «ониксовое яйцо с рубинами, золотой портсигар с эмалью, нефритовый мундштук с каменьями, массивная золотая цепь с зеркальцем, брошь с рубинами и бриллиантами, подушечка для булавок» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20]. С. Данзану, одному из партийных лидеров, главкому и министру финансов, вручили: «золотой портсигар с эмалевым треугольником, золотая чашечка с рубином и бриллиантами; золотой браслет с аметистом, золотая зажигалка, брелок» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20]. Министру внутренних дел Цэцэн-хану подарили: «золотой портсигар с сапфиром, брелок — собачка с бриллиантами, браслет золотой с камнями, ценные серьги». Председателю Ученого комитета О. Жамъяну подарили золотые часы, золотую цепочку, нефритовую вставку, золотой карандаш, ценный брелок. Военному министру Хатан-Батору Максаржаву были преподнесены «золотой портсигар с драгоценными камнями, синяя золотая вазочка с руб. и брилл.»¹ [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20б.].

Ответный подарок Максаржав прислал через месяц, 28 ноября 1923 г.: «Посланец от князя, — отмечает П. К. Козлов в дневнике, вручил «отличную вазу-одиночку из очень порядочной фалани»² [Козлов 2003: 84].

Другие чиновники также получили не менее дорогие подношения. Самым распространенным подарком были золотые часы. Помощникам должностных лиц также в основном дарили золотые часы.

Главной целью своей последней экспедиции П. К. Козлов полагал изучение Тибета, включая посещение его столицы Лхасы,

¹ Здесь и далее мы оставляем слова без предположительного раскрытия в случае, когда неясно, в единственном или множественном числе они используются («рубин/рубины?; бриллиант/бриллианты?»).

² Имеется в виду ваза в технике перегородчатой эмали (от кит. *fàláng* ‘эмаль’).

продолжающейся оставаться запретной для иностранцев. Поэтому встречам с представителями тибетского Далай-ламы и подаркам для них П. К. Козлов придавал особое значение. В их состав входила специально приобретенная для этого случая сапожниковская парча, высоко ценимая в Тибете, золотые портсигары, золотые карандаши, золотые ножички, брелки и др. Тибетцам также передавались подарки для Далай-ламы, о чем неоднократно П. К. Козлов указывал в дневниках экспедиции. Так, 31 марта 1924 г. он делает следующую запись: «<...> тибетцы мне напомнили, что в этом 1924-м году Далай-ламе 49 лет, что это число в летоисчислении человека бывает фатальным, равно и число 81, кто имеет счастье дожить до такого возраста». П. К. Козлов первонациально предполагал поднести Далай-ламе подарок, состоящий из 49 предметов — 7x7 [Козлов 2003: 160–161]. Однако в отчете по завершении экспедиции, он указал, что подарил 81 предмет — 9x9. Возможно, как пожелание долгих лет жизни. Этот подарок был «секретно передан через представителя Тибета». В его состав вошли: «9 лучших часов, 9 портсигаров (золотых), 9 золотых цепочек, 9 браслетов, 9 каменных зверей и птиц, 9 предметов (части пояса) и китайский столовый прибор, 9 чарочек и брелки, 9 — очки и лорнеты» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 14–15].

Не менее щедро П. К. Козлов благодарил также тех, кто конкретно помогал деятельности экспедиции. Так, врачу П. Н. Шастину (1872–1953), одному из зачинателей монгольского здравоохранения, в знак благодарности были преподнесены золотые часы фирмы Буре (*Павель Буре*). В дневнике П. К. Козлов пишет об этом (10 октября 1924 г.): «Павел Николаевич сконфузился и не хотел никак принимать подарка, говоря, что он ничего не сделал для Тибетской экспедиции. Это скромность Павла Николаевича. Он сделал много не только по отношению к нам, членам Тибетской экспедиции, но и по отношению к нашим друзьям и знакомым — как соотечественникам, так и монголам» [Козлов 2003: 329].

Польскому колонисту И. Я. Ежо, много способствовавшему археологическим раскопкам в Ноин-Уле, 16 июня 1925 г. были подарены золотые часы фирмы Мозер (*Генри Мозер и Ко*). П. К. Козлов отмечал

в дневнике: «Иосиф Янович, по-видимому, был растроган, волновался и, сколько смог, выразил со своей стороны свою высочайшую трогательную благодарность» [Козлов 2003: 523–524].

Подарки («серебряный портсигар с камнями, мундштук янтарный с рубином, брошь — аист, дамский портсигар с эмалью, белый медведь (работы Фаберже)» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 15] также получал Ц. Г. Бадмажапов и его жена, в доме которых останавливался в Урге П. К. Козлов.

В начале августа 1925 г. экспедиция П. К. Козлова после почти двухлетнего изучения Северной Монголии смогла выдвинуться вглубь страны. Оставшиеся ценные подарки были оставлены на хранение в советском полпредстве, откуда П. К. Козлов забрал их перед возвращением на родину, в сентябре 1926 г. По описи среди «оставшихся на лицо» ценностей были уникальные и очень дорогие предметы: «сабля золотая с бриллиантами и такой же кинжал золотой с бриллиантами, нефритовое блюдо с художественной платиновой отделкой и камнями, трое золотых часов, одни с лунным ходом и боем, два платиновых портсигара, один с жемчугами, другой с бриллиантами, бинокль золотой с голубой эмалью, каменный ларец из уральских камней, яшмовый, с рубиновыми глазками, голубок работы Фаберже, дамский золотой несессер с сапфирами, женское грудное золотое украшение с жемчугами, бирюзой и кораллами, <...> драгоценная художественная табакерка, <...> золотые часы с гравированным драконом, золотой, осыпанный бриллиантами и рубинами мундштук, дамский золотой эмалированный с бриллиантами портсигар» и др. [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 28, 28об.]. По прибытии в Ленинград ценности хранились в помещении РГО (Демидов пер., 8).

Подарки в системе государственной отчетности

Надо отметить, что путешественник не скучился, раздавая подарки. При этом он действовал, исходя из важности одариваемого для деятельности экспедиции или своих симпатий к людям, которые оказывали помощь в ее работе. Подарки для П. К. Козлова были не только знаком уважения, благодарности или вежливости, инструментом коммуникации, но, можно предположить, и

показателем его статуса в научной элите Советской России. Однако он не учел важного обстоятельства: в новых социальных условиях за расходование финансовых средств и ценных подарков он нес ответственность перед государственными органами, а не перед РГО — главным спонсором его прежних экспедиций, доверием которого он «был более, чем наделен» и «более, чем записную маленькую книжечку по отделам трат денег» не имел [Козлов 2003: 268].

В ноябре 1926 г. и в январе 1927 г. П. К. Козлов докладывал о научной деятельности экспедиции на заседании Монгольской комиссии СНК СССР (с января 1927 г. вошла в состав Академии наук СССР), созданной в 1925 г. для координации работы советских исследователей в соседней стране. Вопрос о ценностях обсуждался вне протокола. Комиссия приняла решение, что оставшиеся неиспользованными подарки, «будут приняты Академией наук по описи с соответствующей объяснительной запиской» П. К. Козлова для последующей передачи в Совнарком [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 1]. Такую опись по ряду причин П. К. Козлов представил только осенью 1927 г., причем не в Академию наук, а непосредственно Н. П. Горбунову, управляющему делами Совнаркома и правительствуенному куратору Монголо-Тибетской экспедиции. При этом П. К. Козлов известил его о желании организовать еще одно путешествие в Тибет и в связи с этим попросил разрешения пока не возвращать подарки [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 5, 6].

По настоянию заведующего Отдела научных учреждений Совнаркома в ноябре 1927 г. П. К. Козлов все же представил и ему опись подаренных и оставшихся после завершения экспедиции ценностей (см. приложение к статье) [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 6, 7, 8]. Получив информацию путешественника, чиновники были весьма озабочены: проверить его данные было невозможно. Во-первых, Наркомфин, как оказалось, не имел точного списка выданных ему ценностей из Гохрана, а во-вторых, советское полпредство в Монголии не могло подтвердить их распределение: П. К. Козлов действовал самостоятельно и ни с кем не согласовывал раздачу подарков. Эта сложная с точки зрения бюрократической отчетности ситуация могла закончиться

печально для П. К. Козлова. Но, по-видимому, учитывая вину в произошедшем Наркомфина и Наркоминдел, а также высокий международный авторитет П. К. Козлова и выдающиеся археологические результаты его последней экспедиции, дальнейшее разбирательство было прекращено. В феврале 1928 г. директивные органы отказали П. К. Козлову в организации новой экспедиции, и Отдел научных учреждений направил ему указание выслать оставшиеся ценности «при точной описи через Фельдъегерскую службу ОГПУ¹ в адрес Горбунова» [ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 11, 30].

Осенью 1928 г. постановлением Совнаркома от 26 октября 1928 г. путешественнику за «исключительные заслуги» в исследовании Центральной Азии была назначена персональная пенсия. Таким образом закончилась экспедиционная деятельность П. К. Козлова.

Заключение

Акты дарения Монголо-Тибетской экспедиции дают возможность проследить их трансформацию от формального соблюдения традиции и формы этикета к важному коммуникативному действию по установлению персонифицированных контактов с

местными элитами. Подарки, преподносимые членам монгольского правительства от имени Монголо-Тибетской экспедиции и лично П. К. Козловым, представляли собой ценные золотые или высокохудожественные ювелирные изделия. В этой связи они приобретали еще одно значение — показателя статуса самого П. К. Козлова в среде советской научной элиты, что, несомненно, повышало заинтересованность представителей монгольской власти в поддержке деятельности его экспедиции.

История подарков Монголо-Тибетской экспедиции — довольно уникальный сюжет. Ни до, ни после этой экспедиции никто из российских путешественников не имел в своем распоряжении такое количество столь дорогостоящих предметов. В этой связи мы можем говорить, что они также свидетельствовали о значении, которое большевистское правительство придавало Монголо-Тибетской экспедиции в структуре советско-монгольских отношений в тот момент, в частности в вопросе повышения позитивного восприятия советской России в Монголии. Эту задачу экспедиция выполнила, но не только подарками, а, прежде всего, исследовательской деятельностью, результаты которой внесли значительный вклад в изучении природы и истории Монголии и положили начало советско-монгольскому научному взаимодействию.

Приложение

№ 1. Письмо Отдела научных учреждений при СНК СССР в Наркомфин

5 марта 1928 г.

С[овершенно] секретно

О ценностях, выданных путешественнику
П. К. Козлову для подарков.

НКФ СССР — ГОСФОНД — тов. Ланда

При отправке в свое время научной экспедиции Русского географического общества в Монголию и Тибет, руководителю ее, путешественнику П. К. Козлову, были выданы, согласно постановлению СНК РСФСР от 8-го мая 1923 г. (пр. № 566), предназначенные для подарков в Тибет, ценные предметы.

Отдел научных учреждений при СНК СССР просит сообщить все известные Вам по этому делу данные и, в частности, точную опись полученных П. К. Козловым ценностей.

Заведующий
Отделом научных учреждений при СНК СССР

(Е. Воронов)

ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 31. Отпуск.

№ 2. Опись израсходованных подарков, составленная П. К. КозловымСекретно**Подарки, израсходованные МТЭ**

ЧТО	КОМУ
1. Морская с эмалью красная золотая чаша	Богдо-хану и его жене
2. Золотая с бриллиантами и друг[ими] камнями табакерка	
3. Нефритовый флакон для духов	
4. Серьги (зол[отые] с камнями)	
5. Камея	
6. Черепаховый веер	
7. Ониксовое яйцо с рубинами	Премьеру Цэрэн Дорчжэ
8. Золотой портсигар с эмалью	
9. Нефритовый мундштук с каменьями	
10. Массивная золотая цепь с зеркальцем	
11. Брошь с рубинами и бриллиантами	
12. Подушечка для булавок	
13. Золотой портсигар с эмалев[ым] треугол[ьником]	Главкому Данзану
14. Золотая чашечка с руб. и бриллиантами	
15. Золотой браслет с аметистом	
16. Золотая зажигалка	
17. Брелок	
18. Золотой портсигар с сапфиром	М[инист]ру внутр[енних] дел
19. Брелок — собачка с бриллиантами	Цэцэн-хану
20. Браслет золотой с камнями	
21. Ценные серьги	
22. Зол[отая] чашка с сапфирами	М[инист]ру юстиции
23. Золотая табакерка	Соном-Дорчжэ
24. Кольцо с сапфиром	
25. Нефритовый брелок	
26. Каменный слон	
27. Золотой портсигар с сапфиром	М[инист]ру финансов
28. Золотая изящная спичечница	Дорчжэ

29.	Зол[отой] браслет	
30.	Брелок	
31.	Золотой карандаш	
32.	Зол[отой] портсигар с драгоц[енными] камнями	Военному м[инист]ру Хото-Баторвану
33.	Синяя золотая вазочка с руб. и брилл.	
34.	Драгоценный набалдашник	Председателю военного совета
35.	Золотые часы	
36.	Золотой портсигар	Секретарю Ученого комитета
37.	Золотые часы с репетитором	
38.	Золотая цепочка с нефрит[овым] брелк[ом]	М[инист]ру иностранных дел Гонгору
39.	Золотой портсигар с эмалью	
40.	Брошь	
41.	Каменное животное	
42.	Золотые часы	
43.	Брошь (пет[ушок] и курочка с бриллиант.)	Управл[яющему] делами м[инистра] в[нутренних] дел Ламанжану
44.	Золотые часы	
45.	Брошь с драгоц[енными] жучками	Управл[яющему] делами м[инистра] юст[иции] Тунжэн-тури
46.	Золотые часы	
47.	Золот[ая] цепочка	Управл[яющему] делами м[инистра]ин[оstrанных] дел Дэбчину
49 ¹	Золотые часы	
50.	Золотая цепочка	Управл[яющему] делами м[инистра] финансов Бэйса-лама-Зайту
51.	Золотые часы	
52.	Золотой карандаш	Председателю ЦК партии Данзану
53.	Серебряные часы	
54.	Коралл[овые]серьги	Председателю Союза молодежи
55.	Золотой брелок	

¹ Так в оригинале: после № 47 идет № 49.

56.	Золотые часы	Председателю Ученого комитета
57.	Золот[ая] цепочка	Джамъян-гуну
58.	Нефритовая вставка	
59.	Золот[ой] карандаш	
60.	Ценн[ый] брелок	
61.	Сер[ебряный] портсигар с камнями	Советнику мин[истра] юстиции
62.	Мундштук янтарный с рубин.	и ви[утренних] дел
63.	Брошь — аист	Ц. Г. Бадмажапову]
64.	Дамский портсиг[ар] с эмал[ью]	
65.	Бел[ый] медведь (раб[оты] Фаберже)	
66.	Золотые часы	Монгол[ьское]
67.	Золотой браслет с брилл.	представ[ительство] в Москве
68.	Два кам[енных] животных	
69.	Золотые часы	Монг[ольский] предст[авитель], зам[еститель] Джа-Дамба
70.	9x9=81 — символ Набор из лучших подарков: лев, часы, портсигары, цепочки, брас- леты, монеты, чарки, каменные живот[ные], зол[отые] очки и лорнеты и проч., китайск[ий] обед[енный] золот[ой] прибор, пепельница	секретно передано через пред- ставителя Тибета Д[алай]-л[ама] и его свите. (при шелковом плате счастья) (непременно нечетные цифры)

Х. 1923, Урга

[подпись П. Козлова]

[подпись С. Глаголева]

[Печать Монголо-Тибетской экспедиции]

[Внизу листа рукой П. К. Козлова: «Здесь подпись Д. М. Убугунова»]

[ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 20, 20об., 15, подлинник (автограф П. К. Козлова)].

№ 3. Опись оставшихся ценностей, составленная П. К. КозловымСекретно

Копия с копии

Полномочное представительство СССР в Монголии

января « »¹ 1926 г.**Опись (оставшихся на лицо) ценностей**

1. Сабля золотая с бриллиантами и такой же кинжал золотой с бриллиантами.
2. Нефритовое блюдо с художественной платиновой отделкой и каменьями.
3. Троє золотых часов, одни с лунным ходом и боем.
4. Два платиновых портсигара, один с жемчугами, другой с бриллиантами.

¹ Дата не указана.

5. Бинокль золотой с голубой эмалью.
6. Каменный ларец из уральских камней.
7. Яшмовый, с рубиновыми глазками, голубок работы Фаберже.
8. Дамский золотой несессер с сапфирами.
9. Женское грудное золотое украшение с жемчугами, бирюзой и кораллами.
10. Кубок золотой.
11. Каменный бегемот.
12. Розовый каменный слон.
13. Женское украшение с зеркальцем на длинной массивной золотой цепочке.
14. Три золотых эмалированных карандаша.
15. Золотой карандаш.
16. Золотая с опалом головная шпилька.
17. Драгоценная художественная табакерка.
18. Золотая, с темно-синей эмалью и миниатюрой табакерка с двумя брелками.
19. Золотые часы с гравированным драконом.
20. Золотой, осыпанный бриллиантами и рубинами мундштук.
21. Дамский золотой эмалированный с бриллиантами портсигар.
22. Дамский (малый) розовый с бриллиантами портсигар.
23. Золотая ручка.
24. Аметистовая рыбка.
25. Золотая жемчужная брошь с темно-красным камнем.
26. Золотой наперсток.
27. Каменная с рубиновыми глазками, свинка.
28. Два перочинных ножичка.

Всего по порядку двадцать восемь (28) номеров.

Полномочный представитель СССР в Монголии

Никифоров

1-й секретарь Полномочного
представительства СССР в Монголии

А. Соловьев

Начальник экспедиции

П. Козлов

Отпечатано в трех (3) экземплярах.

Все ценности доверяю получить моему старшему помощнику С. А. Глаголеву.
Начальник экспедиции [подпись П. К. Козлова]
10.09.1926

28 номеров ценностей получил начальник экспедиции [подпись П. К. Козлова]

10.09.1926.

Начальник экспедиции [подпись П. К. Козлова]

Помощник начальника экспедиции [подпись С. А. Глаголева]

[На подписях П. К. Козлова и С. А. Глаголева — печать Монголо-Тибетской
экспедиции]

Из поездки вглубь Монголии осталось четыре портсигара (три мужских и один
дамский)

[подпись П. К. Козлова]

Помощник начальника экспедиции [С. А. Глаголев]

[Печать Монголо-Тибетской экспедиции]

2 ноября 1927 года

Ленинград

[ГА РФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 92. Л. 28, 28об. Подлинник (Автограф П. К. Козлова)].

Источники

Архив музея — Архив Музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге.
 Архив РГО — Архив Русского географического общества.
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

Pyotr Kozlov Memorial Museum in St. Petersburg, Archive.
 Russian Geographical Society, Archive.
 State Archive of the Russian Federation.

Литература

- Андреев 1997 — *Андреев А. И. От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет)*. СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. 337 с.
- Андреев, Юсупова 2001 — *Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.*
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика*. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Захарова, Мандрик 2016 — *Захарова И. М., Мандрик М. В. Делегация автономной Монголии в России в 1912–1913 гг. // Mongolica-XVII: сб. науч. ст., посвящ. 110-летнему юбилею монгольского учёного-монголоведа, общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 42–47.
- Козлов 2003 — *Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 гг.* СПб.: Наука, 2003. 1039 с.
- Кузьмин 2018 — *Кузьмин С. Л. Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года // Восточный архив. 2018. № 2. С. 89–99.*
- Левшин 1986 — Николай Петрович Горбунов. *Воспоминания. Статьи. Документы / отв. ред. Б. В. Левшин*. М.: Наука, 1986. 238 с.
- Овчинникова 1964 — *Овчинникова Т. И. Исследователь Центральной Азии П. К. Козлов*. М.: Наука, 1964. 200 с.
- Пржевальский 1888 — *Пржевальский Н. М. Как путешествовать по Центральной Азии // Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование Северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима*. СПб.: Изд. ИРГО, Тип. В. С. Балашева, 1888. С. 1–66.
- Пурэвжав 2003 — *Пурэвжав Э. Онходын Жамьян*. Улаанбаатар: Согоонуур, 2003. 152 х. (Монгол Улсын Шинжлэх ухаан. Боть 2 (Наука Монголии. Т. 2).
- Рощин 1999 — *Рощин С. К. Политическая история Монголии, 1921–1941*. М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- Ульмжиев, Цэцэгма 1999 — *Ульмжиев Д. Б., Цэцэгма Ж. Цыбен Жамцарано: научная просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1934 гг.)*. Улан-Удэ: БГУ, 1999. 168 с.
- Цыремпилов 2011 — *Цыремпилов Н. В. Новые сведения о советско-тибетских отношениях в 20-х гг. XX в. // Письменные памятники Востока. 2011. № 2. С. 238–247.*
- Эндрюс 1926 — *Эндрюс Р. Ч. По следам первобытного человека*. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1927. 112 с.
- Юсупова 2010 — *Юсупова Т. И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67.*
- Юсупова 2016 — *Юсупова Т. И. Путешествие как образ жизни: исследователь Центральной Азии П. К. Козлов*. СПб.: Нестор-История. 164 с.

References

- Andrews R. C. *On the Trail of Ancient Man*. Leningrad: P. Soykin, 1927. 112 p. (In Russ.)
- Andreyev A. I. *From Lake Baikal to Sacred Lhasa: Some Newly Discovered Materials on Early-to-Mid 20th Century Russian Expeditions to Central Asia (Buryatia, Mongolia, Tibet)*. St. Petersburg, Samara, Prague: Agni, 1997. 337 p. (In Russ.)

Andreyev A. I., Yusupova T. I. *History of one not-that-ordinary trip: The 1923–1926 expedition of P. Kozlov to Mongolia and Tibet. Studies in the History of Science and Technology*. 2001. No. 2. Pp. 51–74. (In Russ.)

Kozlov P. K. *Diaries of the 1923–1926 Expedition to Mongolia and Tibet*. St. Petersburg: Nauka, 2003. 1039 p. (In Russ.)

- Kuzmin S. L. Satsan-Khan Navannaran before and after Mongolian Revolution of 1921. *Vostochnyi arkhiv*. 2018. No. 2. Pp. 89–99. (In Russ.)
- Levshin B. V. (ed.) Nikolay Petrovich Gorbunov: Memoirs, Articles, Documents. Moscow: Nauka, 1986. 238 p. (In Russ.)
- Ovchinnikova T. I. Pyotr K. Kozlov — an Explorer of Central Asia. Moscow: Nauka, 1964. 200 p. (In Russ.)
- Przhevalsky N. M. How to travel in Central Asia. In: Przhevalsky N. M. From Kyakhta to Upper Reaches of the Yellow River: Exploring Northernmost Tibet and Travelling via Lop Nur across the Tarim Basin. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, V. Balashev, 1888. Pp. 1–66. (In Russ.)
- Pürevjav E. Onkhodyn Jamyan (Science of Mongolia 2). Ulaanbaatar: Sogoonuur, 2003. 152 p. (In Mong.)
- Roshchin S. K. A Political History of Mongolia: 1921–1941. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. New evidence on Soviet-Tibetan relations in the 20s of the 20th century. *Written Monuments of the Orient*. 2011. No. 2. Pp. 238–247. (In Russ.)
- Ulymzhiev D. B., Tsetsegma Zh. Tsyben Jamtsarano: Scientific, Educational and Sociopolitical Endeavors in Mongolia, 1911–1934. Ulan-Ude: Buryat State University, 1999. 168 p. (In Russ.)
- Yusupova T. I. The accidental and the regular in archeological discoveries: P. K. Kozlov's Mongol-Tibetan expedition and the excavation of Noin-Ula. *Studies in the History of Science and Technology*. 2010. No. 4. Pp. 26–67. (In Russ.)
- Yusupova T. I. The Journey as a Lifestyle: The Central Asia explorer P. Kozlov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 164 p. (In Russ.)
- Zakharova I. M., Mandrik M. V. The delegation of autonomous Mongolia in Russia in 1912–1913. In: Mongolica-XVII. In memoriam Mergen-Gun Gombojav. Collected papers. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. Pp. 42–47. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 59–74, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47):008:39-057.66
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-59-74

Phenomenon of Movement in the Life and Culture of Nomadic Kazakhs across the Frontier Zone, Late 19th to Early 20th Century

Svetlana I. Kovalskaya¹, Sergey V. Lyubichankovskiy²

¹ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010008 Astana, Republic of Kazakhstan)
 Dr. Sc. (History), Professor

0000-0001-7613-7597. E-mail: skovalsk[at]mail.ru

² Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

0000-0001-8349-1359. E-mail: sylubich[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kovalskaya S. I., Lyubichankovskiy S. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Nomads once maximally incorporated into nature and surrounding landscapes had tended to retain their identity through the pastoral way of life, way of thinking, and mentality. The gradual — though further accelerated — emergence of the new development logic set forth by the Russian Empire made the Kazakhs develop new adaptation mechanisms for survival and self-realization in the suggested circumstances. *Goals.* The article analyzes a variety of sources, works and studies characterizing existential specifics of nomadic economic patterns — to examine the shaping of new life strategies adopted by Kazakh nomads across the frontier zone in the 19th and early 20th centuries. *Materials and methods.* The analyzed materials include those contained in Collection 175 of the State Archive of Orenburg Oblast, Interim Provisions on Governance in Steppe Areas of Orenburg and West Siberian Governorates-General, and Materials on Kirghiz Land Use published between 1896 and 1915. Besides, a number of Kazakh literary works that serve as unique historical sources have been considered. *Results.* The critical approach to different historical sources makes it possible to compare factual materials and reconstruct the transformation and changes in self-identity and outlooks of ex-nomads. At the turn of the 20th century, Kazakh elites were trying to answer the traditional questions of the intelligentsia: Who is to blame and what is to be done? Then and there it was urgent to decide on further prospects of life — whether to preserve nomadism or to seek for other forms of semi-nomadic life, or gradually get sedentarized at all. *Conclusions.* The Russian Government did not interfere with the nomads' land use practices, and tended to solve land matters of exclusively plowmen's communities. In these conditions, the nomadic Kazakhs were left to themselves. As a result, they had to develop new daily practices. Having lost their traditional lifestyle, the Kazakhs still succeeded in preserving their national distinctness in terms of language, oral folklore, genealogies, rituals, etc. The specificity of the frontier zone manifested itself in that

Kazakh nomads were actively involved in daily life transformations and developed a habit of turning to local authorities for support (rather than relying on their own resources only) to defend lands from competing peasant immigrants.

Keywords: Kazakh nomads, nomadism, nomads, imperative of behavior, life strategy, frontier, acculturation, Russian Empire

For citation: Kovalskaya S. I., Lyubichankovskiy S. V. Phenomenon of Movement in the Life and Culture of Nomadic Kazakhs across the Frontier Zone, Late 19th to Early 20th Century. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 59–74. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-59-74

Феномен движения в жизни и культуре кочевых казахов на территории фронтира (конец XIX – начало XX вв.)

Светлана Ивановна Ковальская¹, Сергей Валентинович Любичанковский²

¹ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. Сатпаева, 010008 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0001-7613-7597. E-mail: skovalsk[at]mail.ru

² Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0001-8349-1359. E-mail: svlubich[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ковальская С. И., Любичанковский С. В., 2023

Аннотация. Введение. Кочевники, максимально вписанные в природу и окружающий ландшафт, сохраняли свою идентичность посредством реализации пасторального образа жизни, типа мышления и ментальности. Постепенное, все более активное проявление новой логики развития, предлагаемой Российской империей, заставила казахов выработать новые механизмы выживания и самореализации в предложенных обстоятельствах. Цель. В статье на основе анализа различных источников, а также трудов и исследований, посвященных характеристики специфики существования номадических форм хозяйствования, проанализирован процесс формирования новых, отличных от традиционных, жизненных стратегий казахов-кочевников имперской фронтальной зоны XIX – начала XX вв. Материалы и методы. К анализу были привлечены материалы фонда 175 Государственного архива Оренбургской области, а также «Временные положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» и «Материалы по киргизскому землепользованию», изданные в период с 1896 по 1915 год. Кроме того, были привлечены отдельные произведения казахской литературы, которые являются уникальными историческими источниками. Результаты. Критический подход к различным историческим источникам позволил сопоставить разноплановый фактологический материал и реконструировать трансформацию и изменение самосознания и мироощущения вчераших кочевников. Казахская элита рубежа XIX–XX вв. стремилась дать ответы на классические вопросы интеллигенции: кто виноват и что делать? Необходимо было определить дальнейшую перспективу жизнедеятельности: сохранять кочевые, искать иные замещающие формы полукочевого хозяйствования или же постепенно переходить к оседлости. Выводы. Российское государство не вмешивалось в вопросы землепользования кочевников, решая вопросы исключительно земледельческой общины. В этих условиях казахи-кочевники были предоставлены сами себе. В итоге им пришлось вырабатывать новые повседневные практики. Утратив традиционный уклад жизнедеятельности, казахи смогли сохранить свою самость в языке, устной народной памяти, генеалогии, поведенческих ритуалах казахской культуры и т. д. Специфика фронтальной территории проявилась в том, что казахи-кочевники были активно втянуты в процесс преобразований повседневной жизни и для защиты своих

земель от все возрастающей конкуренции в лице крестьян-переселенцев научились опираться не только на собственные ресурсы, но и находить поддержку у местных властей.

Ключевые слова: казахи-кочевники, кочевничество,nomады, императив поведения, жизненная стратегия, фронт, аккультурация, Российская империя

Для цитирования: Ковальская С. И., Любичанковский С. В. Феномен движения в жизни и культуре кочевых казахов на территории фронтира (конец XIX – начало XX вв.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 59–74. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-59-74

Introduction

Resorting to the study of 19th to early 20th century nomadic experiences of the Kazakhs is not accidental since the latter are one of the few nations to have preserved nomadic lifestyle up to the 1930s and lost it only as a result of forced collectivization. Substantial — although not that sizeable — historiography of nomadism has been created [Khazanov 2002; Oushakine 2012; Bruno 2017]. It is supplemented with modern historiography of the phenomenon of imperial acculturation policy, the study of which in Russia is just starting [Lyubichankovskiy 2017; Dmitriev, Lyubichankovskiy 2017; Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy 2017b; Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy 2017a; Vasilyev 2018]. Authors of the mid-20th century undoubtedly made their unique contribution to the development of the history of nomadism although not all of their assertions are now perceived as indisputable. So, the phenomenon of nomadism — largely due to A. Toynbee — gradually turned into a ‘forced’ concession to the environment, and the nomads were thereby gradually perceived as failure in land cultivation [Toynbee 1991; Markov 1976: 279].

In the 1960s, the Kazakh Soviet Republic and the whole country witnessed the emergence of a special generation — the so-called ‘Sixtiers’, men of the sixties who laid a foundation for the neo-renaissance of Kazakh culture and philosophy. A kind of informal center of this movement was the group of authors of the joint monograph titled ‘*Nomads. Aesthetics. Cognition of the World by Kazakh Traditional Art*’. That was the first fundamental work by Kazakh authors on nomadism which disclosed its universal human essentials. All the articles were pursuant to the common task of ‘comprehending and reconstructing the spiritual world of nomadic society’ [Auezov, Karataev 1993: 3]. Unfortunately, for many years very few people

were aware of this book since in the late 1970s it was withdrawn from sale for censorship reasons, namely — ‘absence of a class approach and idealization of the past’ — and it was not until 1993 that it found its readers again.

In the 1970s, G. Deleuze and F. Guattari proposed a new unique approach to analysis of the world in the format of nomadology, which is confirmed by the emergence of the nomadic project concurrently in different parts of the world, including the one closed from the rest of humanity by the Iron Curtain. Kazakh authors proceeded from characteristics of exclusively Kazakh nomadic culture, which was understandable since it was an attempt to move away from the complex of nomadism and civilizational rehabilitation of the latter. Gilles Deleuze and Felix Guattari rightly stress that ‘... history is always written from the viewpoint of the sedentary ... even if there are nomads in its center’ and thus go far beyond the national boundaries [Deleuze, Guattari 2010].

We understand movement / mobility as a synonym for nomadism. First of all, we will talk about physical mobility overcoming various boundaries (existing and imaginary ones). The article will proceed from the methodological position of the Russian anthropologist A. V. Golovnev on the ‘anthropology of movement’ with the main emphasis laid on the thesis that a person on the move is he who communicates [Golovnev 2009: 5]. In addition, Tilman Mush’s position is used that ‘mobility does not exclude territoriality’ proposed by him in the article *Territoriality and mobility. Note on migrating communities and the question of territorial “rootedness”* [Mush 2012]. The monograph by N. E. Masanov *Kazakh Nomadic Civilization* in which the author traced the closest interaction between ecology and ethnic history of nomadic Kazakhs also serves as methodological basis of the article [Masanov 1995]. The features of ecological niche form a

system of material production which leads to the formation of unique everyday life practices and a system of values. In addition, movement for a nomad becomes the main imperative of behavior.

The concept of a ‘region’, the ideas, myths and images it is associated with undergo transformation in the course of time. One of the singularities in Kazakhstan’s history is that it was traditionally referred to different space-geographical categories.

The duality of space — the way of geographic opposing — was typical for Kazakhstan at different phases of history. The principle of opposing nomadic space to the areas of settled land cultivation remains most common. The distinction between steppe parts and oases of the Central Asian / Kazakhstan region can be traced from pre-Saka times (first millennium BC). The conditional boundary, as a rule, follows the line: Mangyshlak – Aral Sea – Syr Darya – Tashkent – Ketmen-Tyube Valley – Torugart Pass. The Syr Darya and the Tian Shan were a natural geographic boundary dividing the steppes of Eurasia from the agricultural oases of the south for centuries.

One of the varieties of this opposing paradigm is Kazakh Steppe (nomad space) and Turkestan (a settled land cultivation area). By the 19th century, dual geopolitical situation had taken shape when the region was both the northernmost tip of the Muslim world and the south of the Eurasian space [Kovalskaya 2014]. This article examines the territory of the Younger¹ and Middle Zhuzes², which is the most suitable one to delineate characteristics of a nomad space. In the mid-19th century, the territory of the Kazakh was divided into three governorates-general: Orenburg (Ural and Turgay regions), West Siberian (Akmola and Semipalatinsk regions), and Turkestan (Semirechye and Syr-Darya regions) ones. The processes to have occurred in the territory of Orenburg and West Siberian Governorates-General will be the subject of analysis in this article.

¹ Younger (or Kishi Zhuz) occupied the lands of the western part of Kazakhstan, starting from the lower reaches of the Syr Darya to the rivers Kayik and Tobol.

² Middle (or Orta Zhuz) occupied the central, northern and eastern parts of the modern territory of Kazakhstan.

Materials

The main source base for the study is a variety of primary and secondary sources. The primary documents include collections of the State Archive of Orenburg Oblast, as well as published materials included in the collections of documents. We have also examined diaries of priests and deacons contained in Collection 175 (Orenburg Diocesan Collection, Orthodox Missionary Society). Among them is the diary of Ven. Alexei Kilyachkov, priest of St. George Church of the city of Turgay, for the years 1902, 1903 and 1906.

The study explores published sources, such as ‘Interim Provisions on Governance in the Steppe Areas of Orenburg and West Siberian Governorates-Generals’, ‘Interim Regulations on Governance in Semirechenskaya and Syr-Darya Oblasts’, analyzes the Materials on Kirghiz Land Use issued between 1896 and 1915, materials collected and developed by various expeditions under the direction of F. A. Shcherbina, P. A. Khorostansky, P. A. Skrylev, V. Kuznetsov, P. P. Rumyantsev.

We also used ethnographic data collected and systematized by A. Seidimbek and Z. Suraganova. Literary works of Kazakh authors were also used as secondary sources. Those are ones by the poets of the ‘Zar-Zaman’ era (‘Era of Grief’, mid-19th century. — *author’s note*) — Shortambay Kanaev, Dulat Babatayev. These poets have taken a worthy place in the history of Kazakh literature since they created the mournful pedigree of the Kazakh people with their works. They described the tragedy of the people cut off from the nomadic way of life that had developed over the centuries, from the steppe institution of power developed by previous generations, the people who were forced to submit to the policy of colonization.

We also used works of classics of Kazakh literature from the mid 19th to early 20th centuries — Chokan Valikhanov, Ibrai Altynsarın, Abai Kunanbayev, Magzhan Zhumabaev and many others. They stood at the origins of Kazakh written literature. In addition to literary works, they wrote historical researches. All the authors deeply analyzed what was happening in the Kazakh Steppe and tried to find the answer to how to get out of the crisis into which the Kazakh society was falling deeper and deeper.

In particular, the novel by the famous Kazakh writer Abish Kekilbayev *Pleiades — The Constellation of Hopes* is dedicated to one of

the most interesting, in our opinion, periods in the history of Kazakhstan's accession to the Russian Empire. We took as a basis one of the novel's plots revealing the key idea of our article — the interaction of nomads with sedentary farmers in the conditions of a rapidly advancing frontier deep into the Kazakh Steppe.

External sociocultural and civilization characteristics of the Kazakh Steppe had substantially transformed during the period in question in connection with the establishment of the Russian administration and government system paralleled by traditional Kazakh socio-political institutions; concurrently in one territory, heterogeneous ethnosocial, ethnoreligious and ethnocultural structures were developing, co-existing to varying extents. So, the study of 19th to early 20th century nomadic experiences of the Kazakhs is not accidental because the Kazakhs are one of the few peoples to have preserved the nomadic lifestyle to the 1930s and lost the latter only as a result of Soviet forced collectivization. The article seeks to analyze how the phenomenon of nomadic movement correlated with features of the frontier zone, with the ever increasing influence of the Russian (sedentary) culture, and the Russian state system built on its basis.

Imperative behavior of Kazakh nomads: “Move! Don’t be sedentary!”

We need to determine the general basis on which sociocultural processes and phenomena develop throughout the development of the nation and its culture. This basis is a set of the most significant non-historical conditions, namely: geopolitical position, landscape, biosphere (habitat and other indicators), fundamental properties of this ethnos and the immediate ethnic environment. All of the above determines distinctness of the people and their culture, the national character, the historical destiny, the national image of the world (view of life, world outlook, which is manifested in mythology, folklore, customs, rituals, forms of religious worship, later in philosophy, literature, art, sociopolitical, state-legal, moral-ethical identity of the nation).

To describe all of the above, the term mentality is used which combines a variety of meanings one way or another associated with national identity. It should be remembered that the concept ‘mentality’ is broader in terms of semantic content than national peculiarity.

Among the diverse definitions of this concept, we have chosen the following one: the mentality of culture is the in-depth structure of culture historically and socially rooted in the consciousness and behavior of many generations of people, and therefore, for all its historic variability is fundamentally constant, representing the most common content, encompassing various historical epochs in the development of national history and culture. Unlike ideology, mentality is something common that unites the conscious and the unconscious, the rational and the intuitive, the social and the individual, the theoretical and the practical.

If we single out the national-psychological characteristics of the Kazakhs, among them, first and foremost, it is necessary to note the strong tribal links which in turn are highly binding to the community members. Respect for the elders and the so-called ‘institution of gifts’ are well developed [Suraganova 2009].

From times immemorial, the culture of speech, trust and respect for national traditions, habits, literature and art are valued. For the steppe people, a practical mindset is typical, a rational way of thinking, without abstract judgments and abstract concepts, with weakly expressed external emotionality, reserve, composure and discretion, obedience, honesty, respect to leaders and unpretentious life style. Kazakhs are intrinsically freedom-loving, hospitable, sociable, brave, keeping their word.

By date, several researches on the Kazakh mentality have been published, however, in fact, development of the topic is just beginning. First and foremost, it should be noted that the Kazakh ethnos had been forming over a fairly long time, and the people were able to preserve the mechanisms of national-cultural reproduction. Besides, a high level of national identity is characteristic of the Kazakhs. Among the characteristics of the Kazakh consciousness, first of all, the traditional system of law — *adat* — be singled out, strong bloodline relations and knowledge of genealogy, verbal folklore.

The article focuses on the fundamental basis of nomadic mentality — the imperative of behavior which was formulated between the late 1st millennium BC and the early-to-mid 1st millennium AD. It was during this period that the ideological canon of all Turks of Eurasia attributed to the half-legendary Oghuz Khan was formulated: ‘Move! Do not be sedentary!’ [Masanov 1995: 243]. The nomadic way of life

created the structure of nomadic man, N. Ma-sanov said, emphasizing that the contraposition of their culture and value stereotypes is a property of the ethnicity of nomadic culture. In the traditional mentality there was crystallized the thesis that only the dead stay where they are. Man must move, as does the sun, the moon, beasts, birds.

If we further trace history of the shaping of Eurasian nomads' value system, then the prohibition of transition to sedentary way of life was recorded in Genghis Khan's *Yassa*. The phrase attributed to Kasym Khan is widely known: 'We are steppe dwellers, we have neither rare nor expensive things, our wealth is chiefly in horses; meat and animal skin are our best food and clothing ... there are no gardens or buildings on our land; to admire the grazing cattle — that's the purpose of our walks; so let's go to the herd, look at the horses, and by the way, have a good time together in a pleasant company', which confirms the thesis about the economic-cultural opposition of nomads to the sedentary land-cultivating world [Doughlat 1969].

A certain disdain for sedentary farmers sitting on the land was expressed in the Kazakh language through words employed to denote the latter, e. g. *jatak* ('lazybones, lazy people') and 'grave-diggers' (those engaged in digging the earth). Even in the late 19th century, diggers for the construction of industrial facilities in the Kazakh Steppe had to be brought from other regions of the Russian Empire, mainly from Smolensk, Kaluga, Ryazan, Grodno, Orel, Tambov and other provinces [Bekmakhanova 1986: 102]. The need for specialists of this kind was not caused by a lack of manpower as such but rather by the attitude to work related to land in the mentality of nomads and their unwillingness to perform it. Something similar will manifest itself later in the events of 1916 when non-Slavs were requisitioned for rear work and considered it a humiliation for themselves. The Kazakh intelligentsia put a lot of effort into persuading the Tsarist Government of the need to form cavalry detachments of the nomadic Kazakhs. Unfortunately, their appeals went unheeded.

When it comes to address the way the main imperative of the nomads' behavior was circulating and who reproduced it in various forms, one should recall the classical Kazakh literature of the early 20th century. One of the best

examples, in our view, is the poem *I Love by* Magzhan Zhumabaev translated into Russian by L. Stepanova. Here is a fragment confirming our thesis:

'He looks half-eyed — and won't open eyes wide,

Walks on the steppe with laziness in tow
In malakhai pulled down low,
Lives like his ancestors as of old:
Strolls after flock of sheep,
Together they will graze and rest.
This is Alash, and I love him,
I do not understand

For what and why ...' [Zhumabaev 1991: 2–3].

The children of nomadic Kazakhs, boys, had such a custom, a kind of an omen: they would catch a ladybird at the start of migration, put it on the palm and shout in chorus: 'Where do the people go?'. The beetle climbed on the finger, stood up and a kind of looked around. The boys had to catch in what direction it was looking to answer their question. The boys resorted to all kind of tricks to turn the bug in the direction the *aul* was moving. And although in practice the direction could be completely different from what the bug showed, the boy who correctly indicated the direction felt like a hero. This custom taught the children to learn the nomadic process, the strategy of the steppe nomadic life [Seidimbek 2012: 285].

Under the conditions of easily alienated property of nomads, i. e. livestock, the custom of branding both large and small animals was widespread enough. This branding symbol was called '*tamga*'. During the branding of livestock the elderly people gave little children the cut pieces of sheep's ears sprinkled with milk, which the children had to throw into an ant-hill into which twigs of different heights were stuck. Firstly, this custom meant the desire to increase the livestock which was to multiply like ants. And secondly, the sign said: grass will rise to the height the ants will climb up along the twigs [Seidimbek 2012: 314]. The green of the grass determined the direction of nomads' movement. It was the main indication of the beginning and direction of the nomadic movement.

Personification of animals, giving them human essence was characteristic of many nations. Among the nomads, it was the main source of imagery. Four livestock species stood for the fullness of man's social status — horse,

camel, sheep, and cow. A special place, of course, belongs to the horse. In the epic, the horse always goes next to the hero. The animal is both a mentor and a friend. Tarlan helps Yer-Targyn, Tayburyl helps Koblandy, Baychubar helps Alpamys. The many proverbs also confirm a special significance of this animal: 'He who never sat on horseback is not a *jigit*', 'Horse is like wings to a true *jigit*'. It was believed that the horse is a heaven-sent being, a symbol of the Upper World, the world of wisdom and ancestors. It is no coincidence that all the key family rites, such as childbirth, funerals and weddings, were never performed without this animal in one form or another.

Interesting enough in this respect is the interrelation between the *yurt* interior and the traditional Kazakh calendar, consisting of a twelve-month animal cycle. A twelve-year cycle in the *yurt* decoration started with the mouse area — it was the place for chests where possessions were stored and where guests would take seats. Then there came that of the cow — the space up to the bed (*kobezhe*) embodying prosperity; tiger — the place where the host sat; hare — the hostess's place; snail — the place of food and gifts; snake — the place for pottery, boilers, kettles, buckets; horse — the area at the entrance as a symbol of movement; sheep — the space for small and poor ones; monkey — gourds with *koumiss*, weapons and horse trappings; bird — the place for youth and guests; dog — the place of male guests; boar — place of honorable guests and the most valuable property; the mouse completes the circle again. Ideally, the nomad would have liked to stay in the same place but was forced to move endlessly changing stay sites.

Steppe knowledge is conservative enough since it is oriented, first of all, to the connection with the ancestors, and only in the second place it serves to assume reality as such. At this point, it is appropriate to mention such a concept as 'generic time'. In general, the idea of time is one of the central organizing factors of nomadic literature. Time is perceived by a nomad as an indivisible whole, a synthesis of the past and the present. There is no future as such; it is an obligatory repetition of the past. If this past does not recur then there is no future, there is no prospect. Dead ancestors exist in the people's minds helping or opposing them in real life. Time is perceived as static, non-linear and is reflected in the Kazakh language today

too: 'He is three *mushels* old', '[Period of] time equal to a milking of one mare', '[Period of] time equal to what is required to boil milk'.

Ethical and aesthetic assessments and characteristics of the hero are connected with the static perception of time. The past always serves as a model for imitation. The ideal of medieval Kazakh poetry is *ataly* ('he who has glorious ancestors'). The more there were such ancestors, the better. You might have no merits but belonging to a clan that stems from the dignified was sufficient to determine your personal social status. The modern mentality has kept this feature in many respects.

Space for a nomad cannot be large or small but is necessary and appropriate depending on the extent of convenience and satisfaction of needs. The number of horses and the size of the land was the benchmark. The dwelling became that space which was clearly segmented and imposed certain bans on residents and guests. For example, it was considered an insult to the host if the guests stepped on the threshold; it was forbidden for guests to walk counter-clockwise in the *yurt*, etc.

The perception of space and time coincided in the consciousness of Kazakh nomads; there was an interdependent oneness of these categories. This thesis is fully supported by the classic phrase of Kazakh *zhyrau* Kaztugan: 'The steppe land is infinite like time' [Poets 1993: 29]. For example, the word *ұзак* (*uzak*) 'long' relates equally to time and space: a long road, a long day. Space was perceived in time parameters. We support the approach of A. Seidimbek who divides into four parts the real time that Kazakhs use: ecological, genealogical, situational, historical time [Seidimbek 2012: 221]. Ecological time is connected with the space through nomadic places of stay — winter place / *kystau*, spring place / *kokteu*, summer / *jailau*, autumn / *kuzeu*. Time and space are integrated. For example, the phrase 'during the movement to *jailau*' indicates the period of nomadic movement and the destination area, too.

It is very important that time is perceived by a nomad not linearly but cyclically, going round in circles. He is not interested in the usual course of time but in what happens within it. The movement started at the conditional point 'A' in the spring should be completed there, at the same place. Otherwise, the nomadic cycle is disrupted which leads to tragic consequences.

Length of the way is measured by time — the number of days it takes to move from one place to another. That is, time was perceived by the length in space, through the way made. Kanat Nurlanova who published a lot on this subject confirmed her thesis linguistically [Nurlanova 1994]. For example, *zaman* is the era, the age of man, the life of one generation. *Duniye* (*dyhue*) is the universe, the world, the world of man's things [Nurlanova 1993: 228].

Genealogical time, in addition to other grounds, is related to space too. Many expressions on genealogical facts contain information about the time / date and space / location. For example, 'it was on Arka, during the memorial *asa* (commemoration dinner a year after death) of Sagynay'.

Situational time is associated with life events or everyday practices. For example, 'when Ablai was elected Khan' or 'it was during the anniversary of Bogenbai Batyr'. Historical time is measured by the calendar dates of the annual cycles, by *mushels* equal to twelve years. Interestingly, a person's life is also measured in *mushels*. Kazakhs have the expression '*bir mushel otti*' (literally 'one mushel passed') which means '12 years have passed'. Five *mushels* form a 60-year *tolyk mushel* (complete mushel). The transition years (13th, 25th, 37th, 49th, etc.) are called *mushel zhas* — the year of the mushel which miraculously coincide with the periods of restructuring of the hormonal system of the human body. The time of the mushel is cyclical. This timing and spacing for nomads is the basis of the personal. Talking of a great man/national hero, they usually said: 'his age is equal to one hundred mushels'. This means that he deserved an eternal memory and his name became immortal.

For so long as ethnoses 'inscribed into nature' — including nomads — are able to preserve their individual self in the way of life, the type of thinking and mentality, they retain their subjectivity. However, when it comes to obey to logic of development they become an object that is manipulated. In this case, in our opinion, categoricalness is not entirely appropriate since freedom of will remains, and not only an individual person but even certain groups (ethnic, social or any other ones) have the right to determine their own destiny without replicating the life cycle of their ancestors or other predecessors, especially given that under the contemporary conditions such an opportunity

did exist. It is another matter how voluntary this new choice was, whether the people themselves wanted to meet this new pace of life. This, in our view, contains the main problem of the conflict of values, and it can be seen that it has several levels — from personal to ethno-national, and in either case the situation can be entirely different.

The process of Kazakhstan's accession to Russia had brought to life two trends in the nation's sociopolitical thought: pro-Russian and anti-Russian ones. Otherwise, those can be referred to as westerners and national loyalists, educators and conservatives. The latter are represented by poets of the 'Zar-Zaman' era ('Era of Grief'). Ardent criticism of everything that is characteristic of modern Kazakh life is the main feature of Shortambai Kanaev's and Dulat Babatayev's works.

Poets of the 'Zar-Zaman' era find nothing in the entire Kazakh reality that pleases the heart. Immorality, gossip, tongue-tied speech, contempt for the sufferings of others, stupidity, ignorance filled the Kazakh world, and it seems that even cattle became disobedient and obstinate. The criticism of the *aul* reality is supplemented with loathing of alien, non-Kazakh things to have penetrated into the steppe along with the colonization of Kazakhstan. The authors are deeply discouraged unable to find solace in anything. The past alone seems ideal to them, religion alone brings salvation. Preservation of the traditional nomadic lifestyle is viewed a salvation.

The crisis of the nomadic society was a turning point in the spiritual sphere of nomadism. Stratification of the nomadic society prompted a closer look at what was happening around, and most importantly they were looking for an answer to the question — what is to be done next? The clan, tribe, tribal union cease to be a relatively homogeneous mass — these motifs, new to steppe poetry, begin to appear in works of a number of poets, the first of which was Aktamberdy Sary-uly. Works by Chokan Valikhanov, Abai Kunanbayev, Ibrai Altynsarin, Mukhametzhhan Seralin, Sultanmakhmut Toraigyrov and many others are highly critical. However, unlike the poets of the 'Zar-Zaman' era, representatives of the Enlightenment were characterized by different sentiments — advance is possible and necessary. Education becomes the main value to them. Changes in the traditional nomadic way of life through

its combination with agricultural practices and other activities was deemed as salvation [Kendirbaeva 1999].

Contact with the sedentary world in some nomadic Kazakhs' opinion was in itself extremely dangerous, in the opinion of others — a useless pastime, in the opinion of the third group — a useful experience. One of the unique sources — diaries of the priests — contain an indirect confirmation thereto. All the material in the diaries of Aleksey Kilyachkov, Turgay district priest, for the years 1902, 1903 and 1906, can be conditionally divided into five groups: 1) Muslimism among the Kazakhs; 2) characteristics of sociopolitical situation in the Russian Empire and its impact on the situation in Kazakh society; 3) influence of the Russian language, education and Orthodox Christian religion on Kazakh culture, including the problems of the newly baptized Kazakhs; 4) characteristics given by Kazakhs and Russians to each other, and relationship between them; 5) the land issue and relations with the settlers which is most important to us. In his characteristics, we find both admiration of the migrants and resentment with their behavior towards the Kazakhs. In particular, A. Kilyachkov describes a meeting with 14 families of Ukrainian immigrants from the Caucasus who were heading for Pishpek (now Bishkek — authors' comment) on 40 carts with a huge number of cattle and sheep. They looked healthy but exhausted with too tanned faces and in shabby clothes.

'Wonderful people are these settlers! Since April moving to Asia unknown to them, without any interpreter, without a guide in the steppe for months, going at random, asking: Is this the right way to Turgay? Yes. On they go, a long way round. How patient, and what a humble submission to fate.'

Reasons for resettlement are thinness of cattle, shortage of lands in Stavropol Governorate. They marveled at our Turgay steppes: 'Oh, God, how much land our Tsar-Father has'. They have good cattle... Local people were amazed at the settlers' cattle, wanted to buy it but the *khokhly* (Ukrainians) did not sell a single head to them' [SAOO. Coll. 175. Cat. 1. File 40. P. 11].

Further the author continues: 'Simple-minded and good-natured are the Kirghiz! The *khokhly* (Ukrainians) have passed 600 miles and were not attacked or robbed anywhere.'

The Kirghiz did not care that thousands of cattle came to the steppe ruining their fodder. Unlike them, the *khokhly* were defiant, no subservience to the Kirghiz, feeling free, at home, and they even beat a Kyrgyz woman for not allowing them to trample grass at her wintering ground. She lamented a lot, saying: 'Bad *khokhol*!'. And at Batpak-Kara they started a fight over dried dung fuel. The Kirghiz beat one *khokhol* for taking dung without permission.

Khokhly attacked the Kirghiz, tied two. When 40 Kirghizes came to their rescue, the *khokhly* took out rifles and warned that they would shoot. Merchant Arkhipov reconciled them. The *khokhly* thought only of the cattle, forgetting, it seemed, of the soul, apparently, in alien lands. All of them seemed to have grown wild, torn from their native territories. Then they split up, 6 families wintered at Batpak-Kara and did not reach Atbasar' [SAOO. Coll. 175. Cat. 1. File 40. P. 11 rev.].

A. Kilyachkov writes this on the land question: the fact that 'Russian settlers occupy the Kirghiz steppes in Kostanay and Aktobe Districts is a tremendous harm to the Kirghiz and to livestock-breeding. More settlers cannot be allowed, otherwise the Kirghiz of Turgay will become poor. Particularly harmful it is for Perovsk District, Zhabas people because of the summer waterlessness' [SAOO. Coll. 175. Cat. 1. File 40. P. 9]. We see that the author is trying to objectively protect the interests of nomads, while acknowledging that land shortage and famine in their homeland forced the settlers to move further and further eastwards.

Fiction often gives unique examples of the relationship between Kazakhs and Russian immigrants which, unfortunately, are either not yet sufficiently explored or absent in other historical sources. In the novel of the famous Kazakh writer Abish Kekilbayev *Pleiades — the Constellation of Hopes* dedicated to one of the most interesting, in our view, periods in the history of Kazakhstan's accession to the Russian Empire, there is a short story about a rich and carefree steppe man Kumarbai who was very fond of merriment and naively lost the lands inherited from his ancestors [Kekilbayev 2009]. His Russians guests cheated him out of them.

'What did the Russians care about steppe loiterers? More and more of them kept coming over, where were they all coming and coming from? At first, the former were as humble as sheep. But as time went on, the Russians began

to throw out different things ... They plowed the earth, arranged some garden beds, shouting at Kazakhs: 'Do not trample our crops, do not touch our garden beds'. That's when Kazakhs realized it was no laughing matter, and ceased to sneer at the Russians, pottering about and toiling away like ants'. A long period of conflict began. This extract shows the difference in the value systems of nomads and farmers.

When one turns to sources of a different kind among which *Materials on Kyrgyz Land Use* take up a special place in terms of statistical information, it is possible to identify several stages of field research endeavors in the territory of the Kazakh Steppe for so-called 'land surpluses' that were to be transferred to the disposal of the Resettlement Foundation. The space sparsely populated by nomads and absence of traditions of cultivating land led to the imperial understanding of the 'terra nullius' (no man's land) principle [Etkind 2013: 144–148].

Despite the authorities were unaware of, and more often misunderstood or ignored cultural-historical and legal peculiarities, it was proposed to apply the general imperial jurisdiction to nomads. Politicians of that time believed that transfer of nomads to the legislation of the settled agricultural civilization would stimulate progressive process of transition to 'settled and civil way of life'.

The official political doctrine was the theory of S. E. Desnitsky, A. Smith's follower and the first Russian professor of law. Following his teacher, Desnitsky singled out four stages in the development of mankind, depending on the nation's subsistence sources: 1) gathering; 2) shepherding; 3) farming; 4) commercial stage. The first two stages are dominated by collective property which is conditioned, according to S. E. Desnitsky, by the imperfection of the labor process and absence of storage conditions for products.

The basis for his sociological and legal constructions with regard to shepherding peoples was also the assertion that the nomads had no right of 'alienation'. According to Desnitsky, the land does not belong to the nomads but is only in their use. It turned out that Kazakh lands formally did not belong to anyone, and it is impossible to buy 'nobody's land', so the very fact of transaction was considered unlawful [Kovalskaya 2003: 15].

Since the 1760s, the Russian Government had been gradually appropriating the right

to authorize the practical use of the Kazakh steppes issuing permits for house-building and similar activities, thereby acquiring proprietary rights. Another form of exercising actual ownership was land division, though secret at first (positions of land surveyors were introduced), followed by official administrative division after the adoption of respective governance statutes.

The problem of ownership of the nomadic territories would be resolved and arranged legally only in mid-19th century with the approval of the Interim Regulations on Governance in Semirechye and Syr-Darya Oblasts by Alexander II in 1867, and the Interim Regulations on Governance in Steppe Areas of Orenburg and West Siberian Governorates-General in 1868. So, Article 210 of the 1868 Interim Regulations fixed the transfer of Kazakh lands to the full jurisdiction of the Russian Empire. From this time on, we can talk about the colonial status of Kazakh lands in the Russian Empire. The fact that in peacetime all the power was held by military governors-general adds to the core characteristic of the land question.

To resolve the pressing problems of land allocation to the Russian peasants, the first expedition led by F. A. Shcherbina visited 12 districts of Akmola, Semipalatinsk and Turgay Oblasts from 1896 to 1903 [Materials 1898; Materials 1902; Materials 1907; Materials 1909; Materials 1903a; Materials 1903b; Materials 1908].

In 1904–1912, P. A. Khvorostansky's statistical crew was examining the resources of Ural and Turgay Oblasts [Materials 1910a; Materials 1910b; Materials 1915].

From 1906 to 1913, a research group led by P. A. Skrypnev was working in Syr-Darya Oblast [Materials 1911]. In 1907–1909, Akmola Oblast was again explored under the leadership of V. Kuznetsov, and the 1909–1913 expedition led by P. P. Rumyantsev explored Semirechie / Zhetsu Uyezds.

The expeditions were to determine appropriate land sizes required for nomadic farms, so that the rest of the 'surplus' be given to the settlers. Most of the expedition members had no idea of nomadic livestock breeding and the required conditions. This complicated question is only at the beginning of research. Unlike many, F. A. Shcherbina was a liberal and tended to sympathize with the 'Kazakh nomad oppressed by the authorities', though sought to provide

land plots for landless Russian peasants. With all the imperial contexts in which the expedition was working, F. A. Shcherbina calculated the land norms for nomadic Kazakhs with a significant excess of the latter's real needs [Yankovsky 1924]. Almost a century later, in the monograph of the world-famous Kazakh scientist N. E. Masanov *Kazakh Nomadic Civilization* one can find the actual norms of land use for nomadic economy with due account of the natural-climatic zone. For example, grazing of a single horse in the steppe zone requires at least 20 hectares of pastureland, while in the desert zone this number increases by several times. One sheep needs 15–24 hectares in the semi-desert zone of Kazakhstan, 18–24 hectares in deserts, and on average in Kazakhstan — 20.5 hectares of pastureland [Masanov 1995: 65].

Close contacts in the frontier zone resulted in a clash of vital interests of the nomadic Kazakhs, migrant peasants, Cossacks, administrative bureaucracy and clergymen, and each group had certain land plots and claims for their increase. But it was not only the matter of land claims to each other. What happened can be called reverse assimilation which Afanasy Shchapov described as reverse aspect of the Russian colonization — when the Russians were adopting skills, customs, tools, clothing, language and even appearances of the local population. This was particularly evident in the Cossack population during the latter's expansion into the Kazakh Steppe [Etkind 2013: 183–188]. There are also interesting examples of interaction between migrant peasants and nomadic Kazakhs in the construction of dwellings and organization of everyday life [Rakhimbekova 2013: 132–135]. It should be emphasized that, in our opinion, the use of the theoretical and methodological concept of 'domination without hegemony' by Ranajit Guha in the study of Kazakhstan's history in the imperial period would be most appropriate [Guha 1997].

Being an intermediary between the Kazakhs and the settlers, the colonial administration basically understood that sedentarization of nomads would not happen that soon. The Kazakh intelligentsia widely debated this issue too. The main discussion was between representatives of two national periodicals titled '*Kazakh*' and '*Aikap*'. The article by Gulnara Kendyrbai '*We are children of Alash ...*' outlines the main ideas of this discussion [Kendir-

baeva 1999]. The author concludes that the popularity of the so-called 'westerners' (representatives of the Alash Party and the *Kazakh* newspaper) was due to the way they understood transition to sedentarization and solution of the land problem integrally — opposition to further resettlement of Russian peasants and seizure of lands from Kazakhs, and demands to arrange land plots for both the Kazakhs and the already arrived peasants. They advocated a gradual and very cautious transition of nomads to a settled way of life which would preserve the national identity. The opposite side — referred to by the author as 'Islamists' — were also outspoken critics of Russia's agrarian policy and demanded the return of lands that were given to the peasants. Nevertheless, their propaganda of immediate sedentarization, in G. Kendyrbai's opinion, would have led in practice to destruction of the nomadic way of life since most Kazakhs were neither economically nor psychologically prepared for such a transition.

In the article by Peter Rottier *The Kazakhness of sedentarization: Promoting progress as tradition in response to the land problem*, transition of nomads to settled life is also analyzed [Rottier 2003]. The author infers that the national elites realized that nomadism ceased to be the only possible way of life to Kazakhs as a result of significantly changed reality and transfer of significant land areas to the Resettlement Foundation and Russian peasants. Therefore, the national intelligentsia advocated encouragement of changes in the Kazakhs' land relations that would make the nation part of the world community. From nomadism as a way of life the emphasis shifted to the notion of homeland, which formed a sense of national identity in accordance with other laws, different from the previous ones.

The colonial administration, being an intermediary between the Kazakhs and the arriving settlers, basically understood that transition of nomads to sedentary life would not take place soon. At the same time, the views of nomadic Kazakhs about the rules of nomadism changed significantly. In this respect, we agree with V. Martin that the local population began to understand the land use system in the colonial law [Martin 2001; Martin 2009]. We also support the view of the British scientist A. Morrison that the Russian Empire was unable to control all the spheres of the colonized societies [Mor-

rison 2008]. Moreover, under the influence of local legal and other traditions the colonial power was creating new models of governance that often incorporated local traditional institutions. It can be said that the colonial officials themselves became bearers and mouthpieces of certain ideas of nomads whose lives they ruled.

Conclusion

The value system of the nomadic Kazakhs had been rapidly transformed under the pressure of the changing world before the era of world wars. The ever-growing presence of the Russian Empire in the Kazakh Steppe, especially from the second half of the 19th century, led to gradual development of new adaptation strategies by Kazakh nomadic people to meet requirements of the new reality or survival. The need to address the situation caused by the agrarian crisis in the Russian Empire led the government to eventually develop policies for resettlement which brought about significant reductions of pastureland in favor of agricultural cultivation by the migrants. Russia's policy was aimed at expanding Cossack and peasant use of land in the steppes which was enshrined in a series of laws on withdrawal of Kazakh nomadic lands for the agricultural population. The spontaneous colonization was significantly supplemented by the government policy of resettlement since the 1880s and became mass-scale after P. A. Stolypin's reforms. The legal reforms made Kazakh lands the property of government, while it was recognized that they remain in the 'public use' of nomads.

The 1896–1903 statistical expedition for the study of steppe areas led by F. A. Shcherbina estimated the areas of lands that were to be taken from the Kazakhs for the Resettlement Foundation, which ultimately led to an unprecedented reduction of nomadic land use and

transformation of nomadic paths. According to the Soviet Kazakh scientist S. E. Tolybekov, even back in the 1970s there were distinct traces of nomadic paths that were hundreds or even thousands of kilometers long [Tolybekov 1971: 495–594]. One should also mention a desire of certain executives to transform the Kazakhs' nomadic lifestyle into a settled one, which did not contradict the civilizing mission of the Russian state at large [Bykov 2003: 95]. Nomadic communities survived relying not only on their own reserves and resources but, paradoxically, on local authorities to protect their territories from competitors. This was an essential feature of the frontier territory. As the materials of the statistical expedition of F. A. Shcherbina show, the determination of boundaries between nomadic communities continued to remain within the frames of their understanding of the valuable from the 'pre-Russian times' [Dzhambisoova 2014].

The Russian Government did not intervene in the nomads' land use issues, tended to maintain a status quo in this question, and solved exclusively the plowmen's land matters. In these conditions, the nomadic Kazakhs, in fact, were left to themselves. As a result, they had to develop new daily practices. For example, since the new laws fixed the wintering grounds (*kystau*) to certain nomadic groups, there were multiple complaints and petitions requesting for allocations of winter territories from the summer grounds [Adzhigali 1995]. With the loss of their traditional lifestyle, the Kazakhs lost their nomadic lands in the so-called pure form but were able to preserve their national distinctness in the language, oral folk memory, genealogy, behavioral rituals of Kazakh culture, in architecture and interior of their homes, elements of everyday and festive clothing, decorations, etc.

Sources

State Archive of Orenburg Oblast.

References

Adzhigali 1995 — *Adzhigali S.* Cultural and historical innovations in the traditional system of livestock breeding settlement, mid-19th century: Genesis of stationary *kystau* revisited. In: Shakhanova N. Zh. (ed.) Nomadic Culture at Turns of Centuries (19th–20th, 20th–21st Centuries): Questions of Genesis and Transformation. Almaty, 1995. Pp. 133–152. (In Russ.)

Источники

ГА ОО — Государственный архив Оренбургской области.

- Auezov, Karataev 1993 — *Auezov M. M., Karataev M. M. (eds.) Nomads. Aesthetics. Cognition of the World by Kazakh Traditional Art.* Almaty: Gylym, 1993. 264 p. (In Russ.)
 Bekmakanova 1986 — *Bekmakanova N. E. Multinational Population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Era of Capitalist Development, 1860s–1917.* Moscow: Nauka, 1986. 245 p. (In Russ.)

- Bruno 2017 — Bruno A. *A Tale of Two Reindeer: Pastoralism and preservation in the Soviet Arctic. Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia.* 2017. No. 6 (2). Pp. 251–271. (In Eng.)
- Bykov 2003 — Bykov A. Yu. *Russia and Kazakhstan, 17th–19th centuries.* In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) *Turcological Collection 2002: Russia and the Turkic World.* Moscow: Nauka, 2003. 415 p. (In Russ.)
- Deleuze, Guattari 2010 — Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia.* Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel, 2010. 895 p. (In Russ.)
- Dmitriev, Lyubichankovskiy 2017 — Dmitriev V. V., Lyubichankovskiy S. V. The southern periphery of the Russian Empire and a problem of colonialism (On materials of national policy of Russia in relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody.* 2017. Vol. 45. No. 3. Pp. 1010–1024. (In Russ.)
- Doughlat 1969 — Doughlat M. H. *Tarikh-i-Rashidi: [Sultan] Said Khan's Journey to Kazakhs of Kasym Khan.* In: Ibragimov S., Pishchulina K., Yudin V. (comps.) *Materials in the History of Kazakh Khanates, 15th–18th Centuries.* Alma-Ata: Nauka, 1969. Pp. 225–226. (In Russ.)
- Dzhampeisova 2014 — Dzhampeisova Zh. M. Pasture territory and its objects: Examining values of land resources owned by Kazakhs in Atbasar Uyezd, late 19th century. *Vestnik Evraziiskogo gumanitarnogo instituta.* 2014. No. 1–2. Pp. 48–53. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy 2017a — Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity. *Bylye Gody.* 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1194–1206. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy 2017b — Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. The missionary activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734). *The New Historical Bulletin.* 2017. No. 3. Pp. 172–191. (In Russ.)
- Etkind 2013 — Etkind A. Internal colonization: The Imperial Experience of Russia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. 448 p. (In Russ.)
- Golovnev 2009 — Golovnev A. V. Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia). Yekaterinburg: Ural Branch of the RAS; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.)
- Guha 1997 — Guha R. Dominance without Hegemony. History and Power in Colonial India. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 268 p. (In Eng.)
- Kekilbayev 2009 — Kekilbayev A. Pleiades — the Constellation of Hopes. Novel. Almaty: Zhazushy, 2009. 512 p. (In Russ.)
- Kendirbaeva 1999 — Kendirbaeva G. 'We are children of Alash ...': The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people. *Central Asian Survey.* 1999. No. 18(1). Pp. 5–36. (In Eng.)
- Khazanov 2002 — Khazanov A. Nomads and the External World. 3rd ed., suppl. Almaty: Daik-Press, 2002. 604 p. (In Russ.)
- Kovalskaya 2003 — Kovalskaya S. I. History of Kazakhstan, 1731–1916. Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2003. 86 p. (In Russ.)
- Kovalskaya 2014 — Kovalskaya S. I. The Kazakh steppes of the XIX – early XX century: The northernmost end of the Muslim world or the southern limit of the Eurasian space? In: The Image of Region in Eurasian Studies. Kolkata, 2014. Pp. 1–17. (In Russ.)
- Lyubichankovskiy 2017 — Lyubichankovskiy S. V. Policy of acculturation in the conditions of destruction of the empire: Incident of a volost zemstvo. *Tomsk State University Journal of History.* 2017. No. 50. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Poets 1993 — Magauin M. M. (comp.) Poets of the Five Centuries: 15th to Early 20th Century Kazakh Poetry. Almaty: Zhazushy, 1993. 336 p. (In Russ.)
- Markov 1976 — Markov G. E. Nomads of Asia: Economic and Social Structures. Moscow: Moscow State University, 1976. 320 p. (In Russ.)
- Martin 2001 — Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakh of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London: Routledge, 2001. 244 p. (In Eng.)
- Martin 2009 — Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakh of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Almaty: Sanat, 2009. 264 p. (In Russ.)
- Masanov 1995 — Masanov N. E. Kazakh Nomadic Civilization. Almaty: Sotsinvest; Moscow: GORIZONT, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Materials 1898 — Materials on Kirghiz Land Use Collected and Compiled by the Expedition for the Study of Steppe Territories. F. Shcherbinina (ed.). Vol. 1: Akmola Oblast, Kokchetav Uyezd. Voronezh: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands), 1898. 712 c. (In Russ.)

- Materials 1902 — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 2: Akmola Oblast, Atbasar Uyezd. Voronezh: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands), 1902. 540 c. (In Russ.)
- Materials 1903a — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 4: Semipalatinsk Oblast, Pavlodar Uyezd. Voronezh: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands), 1903. 695 c. (In Russ.)
- Materials 1903b — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 5: Turgay Oblast, Kostanay Uyezd. Voronezh: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands), 1903. 805 c. (In Russ.)
- Materials 1907 — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 3: Akmola Oblast, Akmola Uyezd. Part 1. St. Petersburg: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands) 1907. 766 c. (In Russ.)
- Materials 1908 — Materials on Kirghiz Land Use in Syr-Darya Oblast, Chimkent Uyezd. Vol. 1. Tashkent: Syr-Darya District Resettlement Dept., 1908. 648 c. (In Russ.)
- Materials 1909 — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 3: Akmola Oblast, Akmola Uyezd. Part 2. Chernigov: Ministry of Agriculture and State Property (Dept. of State-Owned Lands), 1909. [6], 153, 65-93 c. (In Russ.)
- Materials 1910a — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 2. Is. 1: Chimkent Uyezd. Tashkent: Syr-Darya District Resettlement Dept., 1910. IX, 277, [6] c. (In Russ.)
- Materials 1910b — Materials on Kirghiz Land Use. Vol. 2. Is. 2: Chimkent Uyezd. Tables. Tashkent: Syr-Darya District Resettlement Dept., 1910. [2], 4, 522, 56 c. (In Russ.)
- Materials 1911 — Materials on Kirghiz Land Use Collected and Compiled by the Statistical Crew of Turgay-Ural Resettlement District. Turgay Uyezd. Orenburg, 1911. [3], II, 265, 283 c. (In Russ.)
- Materials 1915 — Materials on Kirghiz Land Use in the Chu River Valley and the Lower Talas, Chernyaevsky and Aulieatinsky Uyezds of Syr-Darya Oblast. Tashkent: Syr-Darya District Resettlement Dept., 1915. 265 c. (In Russ.)
- Morrison 2008 — Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford and New York: Oxford University Press, 2008. 400 p. (In Eng.)
- Musch 2012 — Musch T. Territoriality and mobility. Note on migrating communities and the question of territorial “rootedness”. *Ural Historical Journal*. 2012. No. 2 (35). Pp. 15–19. (In Russ.)
- Nurlanova 1993 — Nurlanova K. Sh. Symbols of the world in Kazakh traditional art. In: Auezov M. M., Karataev M. M. (eds.) *Nomads. Aesthetics. Cognition of the World by Kazakh Traditional Art*. Almaty: Gylym, 1993. Pp. 208–261. (In Russ.)
- Nurlanova 1994 — Nurlanova K. Sh. Man and World: Kazakh National Idea. Almaty: Qarzhy-Qarazhat, 1994. 48 p. (In Russ.)
- Oushakine 2012 — Oushakine S. Guest editor’s introduction to the Forum. Traveling people: Nomadism today. *Ab Imperio*. 2012. No. 2. Pp. 53–82. (In Russ.)
- Rakhimbekova 2013 — Rakhimbekova A. K. [Russian] peasant immigrants and Kazakhs in everyday life during dwelling arrangements for the former, mid-to-late 19th century: Experiences of ethnocultural interaction reviewed. In: Kurseeva O. A. (ed.) *Russia under the House of Romanov: Celebrating the 400th Anniversary. Conference proceedings*. Sterlitamak: Bashkir State University (Sterlitamak Branch), 2013. Pp. 132–135. (In Russ.)
- Rottier 2003 — Rottier P. The Kazakness of sedentarization: Promoting progress as tradition in response to the land problem. *Central Asian Survey*. 2003, March. No. 22 (1). Pp. 67–81. (In Eng.)
- Seidimbek 2012 — Seidimbek A. The World of Kazakhs: Ethnocultural Rethinking. Astana: Foliant, 2012. 560 p. (In Russ.)
- Suraganova 2009 — Suraganova Z. K. Gift Exchange in Kazakh Traditional Culture. Astana: Foliant, 2009. 192 p. (In Russ.)
- Tolybekov 1971 — Tolybekov S. E. Kazakh Nomadic Society, 18th to Early 20th Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1971. 636 p. (In Russ.)
- Toynbee 1991 — Toynbee A. A Study of History. Moscow: Progress, 1991. 736 p. (In Russ.)
- Vasilyev 2018 — Vasilyev D. V., Lyubichankovskiy S. V. Kazakhs and Russians: Acculturation in the everyday life in the 19th century. *Voprosy Istorii*. 2018. No. 3. Pp. 151–165. (In Russ.)
- Yankovsky 1924 — Yankovsky M. K. Essay on the colonization of Akmola Governorate. *Statisticheskiy vestnik (Orenburg)*. 1924. No. 3. Pp. 71–72. (In Russ.)
- Zhumabaev 1991 — Zhumabaev M. I Love. *Prostor*. 1991. No. 1. Pp. 2–6. (In Russ.)

Литература

- Аджигали 1995 — *Аджигали С.* Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения середины 19 века (к вопросу о генезисе стационарных кыстау) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы: Государственный музей искусств им. А. Каステева, Ассоциация «Рафах», Студия «Параллель», 1995. С. 133–152.
- Бекмаханова 1986 — *Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху развития капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917). М.: Наука, 1986. 245 с.
- Быков 2002 — *Быков А. Ю.* Россия и Казахстан (XVII–XIX вв.) // Тюркологический сборник, 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 51–118.
- Васильев, Любичанковский 2018 — *Васильев Д. В., Любичанковский С. В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
- Головнев 2009 — *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Делёз, Гваттари 2010 — *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- Джампейсова 2014 — *Джампейсова Ж. М.* Пастбищная территория и ее объекты (на примере рассмотрения ценностного значения земельных ресурсов казахов Атбасарского уезда в конце XIX века) // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2014. № 1–2. С. 48–53.
- Джунджузов, Любичанковский 2017 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
- Жумабаев 1991 — *Жумабаев М.* Люблю // Простор. 1991. № 1. С. 2–6.
- Кекильбаев 2009 — *Кекильбаев А.* Плеяды — созвездие надежд. Роман. Алматы: Жазушы, 2009. 512 с.
- Ковальская 2003 — *Ковальская С. И.* История Казахстана. 1731–1916 гг. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2003. 86 с.
- Любичанковский 2017 — *Любичанковский С. В.* Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–37.
- Масанов 1995 — *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Марков 1976 — *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976. 320 с.
- Мартин 2009 — *Мартин В.* Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке. Алматы: Сантан, 2009. 264 с.
- Материалы 1898 — Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей / под ред. Ф. Щербина. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Т. I. Воронеж: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1898. 712 с.
- Материалы 1902 — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1902. 540 с.
- Материалы 1903а — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. IV. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1903. 695 с.
- Материалы 1903б — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1903. 805 с.
- Материалы 1907 — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. 1. СПб.: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1907. 766 с.
- Материалы 1908 — Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарыинской области. Чимкентский уезд. Т. 1. Ташкент: Переселенческое упр. в Сыр-Дарыинском р-не, 1908. 648 с.
- Материалы 1909 — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. II. Чернигов: МЗ и ГИ. Деп. гос. земельн. имуществ, 1909. [6], 153, 65–93 с.
- Материалы 1910а — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. 2. Вып. 1. Чимкентский уезд. Ташкент: Переселенческое упр. в Сыр-Дарыинском р-не, 1910. IX, 277, [6] с.
- Материалы 1910б — Материалы по киргизскому землепользованию. Т. 2. Вып. 2. Чимкентский уезд. Таблицы. Ташкент: Переселенческое упр. в Сыр-Дарыинском р-не, 1910. [2], 4, 522, 56 с.
- Материалы 1911 — Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разрабо-

- танные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. Оренбург: Переселенч. партия Тург.-Урал. р-на, 1911. [3], II, 265, 283 с.
- Материалы 1915 — Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Переселенч. упр. по Сыр-Дарьинскому р-ну, 1915. 265 с.
- Сейдимбек 2012 — Сейдимбек А. Мир казахов. Этноультрологическое переосмысление. Астана: Фолиант, 2012. 560 с.
- Кочевники 1993 — Кочевники. Эстетика. Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Гылым, 1993. 264 с.
- Нурланова 1994 — Нурланова К. Ш. Человек и мир: казахская национальная идея. Алматы: Қаржы-Қаражат, 1994. 48 с.
- Нурланова 1993 — Нурланова К. Символика мира в традиционном искусстве казахов // Кочевники. Эстетика. Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Гылым, 1993. С. 208–261.
- Тилман 2012 — Тилман М. Антропология движения: пути и коммуникации // Уральский исторический вестник. 2012. № 12. С. 15–19.
- Тойнби 1991 — Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Тарих-и-Рашиди 1969 — «Тарих-и-Рашиди» М. Х. Дулати о поездке Саид-хана к казахам Касым-хана // Материалы по истории казахских ханств в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Hayka, КазССР, 1969. 651 с.
- Толыбеков 1971 — Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1971. 636 с.
- Поэты пяти веков 1993 — Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV – начала XX веков. Алматы: Жазушы, 1993. 336 с.
- Рахимбекова 2013 — Рахимбекова А. К. Опыт этнокультурного взаимодействия крестьян-переселенцев и казахов в повседневной жизни при обустройстве жилища крестьян-переселенцев (вторая половина XIX в.) // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. / отв.ред О. А. Курсеева. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. С. 132–135.
- Ушакин 2012 — Ушакин С. Введение к форуму приглашенного редактора. О людях пути:nomadism сегодня // Ab-Imperio. 2012. № 2. С. 53–82.
- Хазанов 2002 — Хазанов А. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Эткинд 2013 — Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Янковский 1924 — Янковский М. К. Очерк колонизации Акмолинской губернии // Статистический вестник. Оренбург, 1924. № 3. С. 71–72.
- Dmitriev, Lyubichankovskiy 2017a — Dmitriev V. V., Lyubichankovskiy S. V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // Bylye Gody, 2017. Vol. 45. Is. 3. P. 1010–1024.
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy 2017b — Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // Bylye Gody. 2017. Vol. 46. Is. 4. P. 1194–1206.
- Guha 1997 — Guha R. Dominance without Hegemony. History and Power in Colonial India. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1997. 268 p.
- Kendirbaeva 1999 — Kendirbaeva G. «We are children of Alash». The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people // Central Asian Survey. 1999. № 18(1). Pp. 5–36.
- Morrison 2008 — Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford and New York: Oxford University Press, 2008. 400 p.
- Rottier 2003 — Rottier P. The Kazakness of sedentarization: promoting progress as tradition in response to the land problem // Central Asian Survey. 2003. March. No. 22 (1). Pp. 67–81.
- Virginia 2009 — Virginia M. Law and custom in the Steppe. The Kazakh of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century. Richmond, 2001. Pp. 35–47.

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 75–84, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-75-84

Корпус первых секретарей Калмыцкого обкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (1921–1991 гг.)

Баатр Андреевич Оконов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
 © Оконов Б. А., 2023

Аннотация. Введение. Статья посвящена истории калмыцкой региональной организации Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи в 1921–1991 гг. Целью статьи является изучение опыта формирования корпуса первых секретарей обкома РКСМ-ВЛКСМ Калмыкии 1921–1991 гг. Материалы и методы. Исследование проведено на архивных и опубликованных материалах Национального архива Республики Калмыкия. Анализ архивных материалов осуществлен на таких принципах, как объективность и историзм, позволивших исследовать проблему во взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами. Результаты. В результате исследования автор делает вывод о том, что особенностью в организации работы первых секретарей Калмыцкого обкома комсомола был небольшой срок пребывания в этой должности. Анализ характеристик корпуса первых секретарей Калмыцкого обкома ВЛКСМ показал, что в 1921–1943 гг. по социальному происхождению они в своем большинстве являлись выходцами из бедных крестьянских семей, не имевшими высшего образования, но с достаточным партийным стажем, сочетали комсомольскую и партийную работу. В послевоенный период повысился образовательный уровень секретарей обкома ВЛКСМ, все они имели высшее образование. В этот период сложилась система резерва кадров. Из комсомольских активистов выбирались преденденты на обучение в аспирантуре. Комсомол выступил резервом не только коммунистической партии, но и советских органов.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, советская власть, номенклатура, Калмыцкий обком РКСМ-ВЛКСМ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Оконов Б. А. Корпус первых секретарей Калмыцкого обкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (1921–1991 гг.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 75–84. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-75-84

First Secretaries of Kalmykia Komsomol Committee: 1921–1991

Baatr A. Okonov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Okonov B. A., 2023

Abstract. The article deals with the history of Kalmykia Komsomol Committee in 1921–1991. *Goals.* The paper aims to investigate personnel policies towards First Secretaries of Kalmykia Committee of the RKSM/VLKSM between 1921 and 1991. *Materials and methods.* The work analyzes archival and published materials from the National Archive of Kalmykia. The key principles employed are those of objectivity and historicism that prove instrumental in examining the issue in certain historical circumstances and contexts. *Results.* The study concludes somewhat specific factor that influenced activities by First Secretaries of Kalmykia's Komsomol was that their terms of tenure were not that long. The insights into their personal characteristics show in 1921–1991 the bulk of them came from poor peasant families and had no university degrees, though were experienced enough in party activities and tended to combine both Komsomol and party duties. The postwar period witnessed an increase in educational levels of Kalmykia's Komsomol executives, all of them had diplomas of higher education. A candidate pool system also took shape. Komsomol activists were recommended for postgraduate programs, and the organization served as cadre training unit not only to the Communist Party but rather to Soviet agencies at large.

Keywords: Kalmyk Autonomous Oblast, Soviet government, political elites, Kalmykia Committee of the RKSM/VLKSM

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Okonov B. A. First Secretaries of Kalmykia Komsomol Committee: 1921–1991. *Oriental Studies*. 2023: 16 (1): 75–84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-75-84

Введение

Калмыцкая комсомольская организация провела свой первый съезд в августе 1921 г. Празднование юбилея комсомола Калмыкии в 2021 г. послужило поводом к осмыслению уникального опыта этой организации. Подготовленный материал о руководящих деятелях калмыцкого комсомола дает возможность представить особенности кадровой политики партийного руководства того времени. Кроме этого, для современных объединений молодежи будет интересен опыт формирования корпуса секретарей областной комсомольской организации. Биографические данные, не во всех случаях полные, о первых секретарях Калмыцкого обкома ВЛКСМ дополнены личными делами комсомольских работников, впоследствии занимавших посты в управлеченческой

системе Калмыцкой АССР. При подготовке массива биографических данных использовались материалы Национального архива Республики Калмыкия (НА РК) (личные дела из фондов советских, партийных и комсомольских органов).

Целью данного исследования является изучение опыта формирования корпуса первых секретарей обкома РКСМ-ВЛКСМ Калмыкии.

Освещение формирования кадров региональных комсомольских организаций в научной литературе

Если рассматривать комсомольских работников как часть партийной номенклатуры, то в начале XXI в. интерес у отечественных историков вызывала проблема формирования кадров комсомольской и пар-

тийной организаций. Изучалась эволюция корпусов первых секретарей Калмыцкого обкома ВКП(б) [Сартикова 2020], секретарей первичных комсомольских организаций [Власова, Слезин 2018], кадровый состав обкома КПСС [Убушаев 2018], половозрастные характеристики комсомольского аппарата [Бредихин 2018].

Историки также активно изучали биографии комсомольских работников, впоследствии перешедших на руководящие должности партийных и советских органов [Коваева 1991; Чимидов 2003]. Необходимо также отметить работы бывшего секретаря Калмыцкого обкома ВЛКСМ И. Н. Басангова, который издал ряд документально-публицистических книг, часть которых была посвящена его современникам и истории калмыцкой комсомольской организации постдепортационного периода [Басангов 2012; Басангов 2018].

Таким образом, вопросы изучения опыта формирования корпуса первых секретарей РКСМ-ВЛКСМ Калмыкии, основных тенденций их ротации, анализа социально-демографических характеристик комсомольского областного аппарата практически не рассматривались.

Материалы и методы

Многочисленной группой источников, использованных при работе над статьей, являлись материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК). Среди них в первую очередь необходимо выделить документы Калмыцкого обкома комсомола (фонд П-22). Биографические данные, не во всех случаях полные, о первых секретарях Калмыцкого обкома ВЛКСМ расширены материалами из личных дел комсомольских работников, впоследствии занимавших посты в управленческой системе Калмыцкой АССР. Так, личное дело С. Д. Алексеева хранилось в фонде Совета Министров Калмыцкой АССР [НА РК. Ф.-Р-309. Оп. 1. Д. 36], личное дело Н. М. Бурикова хранилось в фонде КПСС [НА РК. Ф.-П-1. Оп. 6. Д. 1802] и т. д.

Материалы о деятельности первых секретарей размещались на страницах газет, в том числе в газете «Элистинская панorama». Необходимо отметить, что эти статьи имели не столько аналитический, сколько просветительский и пропагандистский характер. Тем не менее изучение этих статей

позволяет не только вовлечь в научный оборот фактический материал, но и выявить особенности, дух того времени, официальную политику и взгляды руководства на те или иные события.

Базовыми для исследования являются принципы научности, объективности и историзма. Это позволило исследовать изучаемую проблему в ее развитии и взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами, а также с опорой на факты и учетом как негативных, так и положительных явлений.

Начало работы комсомольской организации в Калмыцкой АССР

Одним из первых в национальных республиках Юга России, в феврале 1921 г., решением Калмыцкого обкома РКП(б) было образовано оргбюро Калмыцкого обкома комсомола по подготовке 1-го областного съезда. В августе 1921 г. в г. Астрахани прошел первый учредительный съезд комсомола Калмыкии. Его организаторами и активными участниками выступили молодые коммунисты Б. Джиринтеев, С.-Г. Манджиев, Э. Душан и др. В связи с тем, что местные комсомольские ячейки были немногочисленными, в помощь новой региональной организации были отправлены активисты от ЦК РКСМ — кандидат в члены ЦК РКСМ В. В. Толкунов, Астраханский губернский комитет партии РКСМ направил И. Уткина, П. Уткина, В. Горшкова¹.

Руководителем оргбюро, а впоследствии и первым секретарем Калмыцкого обкома комсомола стал В. В. Толкунов (1899–1937 гг.), уроженец г. Иваново. Всего, с 1921 по 1943 гг. калмыцкую комсомольскую организацию возглавляли 18 человек:

- В. В. Толкунов (1921 г.);
- И. Уткин (1921–1922 гг.);
- Д. Тришкиев (1923–1924 гг.);
- А. С. Сукачев (1924 г.);
- Б. М. Насунов (1924–1925 гг.);
- А. П. Пюреев (1925–1927 гг.);
- Д. П. Педеров (1927–1928 гг.);
- Л. К. Килганов (1928–1929 гг.);
- А. П. Хочинов (1929–1930 гг.);
- С. Д. Алексеев (1930–1931 гг.);
- Н. М. Буриков (1931–1932 гг.);
- У. Г. Харайкиев (1932–1933 гг.);

¹ Здесь и далее автору статьи не удалось выявить отчество первых секретарей Калмыцкого обкома ВЛКСМ.

- И. Ванькаев (?–1937 гг.);
- и. о. секретаря Ц. О. Саврушев (1937 г.);
- Г. С. Церенов (1937–1939 гг.);
- Б. А. Манцынов (1939–1940 гг.);
- Э. Э.-Л. Лиджи-Гаряев (1940–1943 гг.);
- К. Ц. Чурбанов (1943 г.).

Если сравнивать с корпусом секретарей Калмыцкого обкома ВКП(б), то за этот же период партийную организацию последовательно возглавляли всего 9 человек:

- А. Ч. Чапчаев;
- И. Р. Марбуш-Степанов;
- Т. К. Борисов;
- И. К. Глухов;
- Х. М. Джаликов;
- А. П. Пюрбеев;
- И. Н. Карпов;
- П. В. Лаврентьев;
- А. Ф. Ликомидов [[Сартикова 2020: 45](#)].

Таблица 1. Сведения о первых секретарях Калмыцкого обкома РКСМ-ВЛКСМ (1921–1943 гг.)

[*Table 1.* Data on First Secretaries of Kalmykia Committee of the RKSM/VLKSM, 1921–1943]

ФИО, год рождения	Год вступ- ления в долж- ность	Образование	Должность до назначения	Назначение после освобождения от должности
Валериан Васильевич Толкунов, 1899	1921		кандидат в члены ЦК РКСМ	ректор Нижне-Волжской коммунистической сельско- хозяйственной школы в г. Саратове (1933–1937 гг.). В 1937 г. был репрессирован и расстрелян
Иван Уткин	1921		член Астраханского губкома РКСМ	
Дорджи Тришкиев	1923		заведующий организацион- ного отделом Калмыцкого об- кома комсомола	
Александр Сидорович Сукачев, 1902	1924			
Берся Менкеевич Насунов, 1903	1924		секретарь комсомольской ячейки п. Долбан	в 1925 г., будучи на посту ответственного секретаря Калмыцкого обкома РКСМ, подал заявление на отпуск на учебу, по которому бюро обко- ма вынесло постановление об удовлетворении его просьбы
Анджур Пюрбеевич Пюрбеев, 1904	1925	1921–1925 — Калмыцкий педа- гогический техни- кум (спец. — учитель)	член обкома комсомола	с июля 1933 г. по ноябрь 1935 г. — 1-й секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б); с ноября по сентябрь 1937 г. — председатель СНК КАССР. В 1937 г. был репрессирован и расстрелян

Дорджи Педерович Педеров, 1903	1927	1911–1914 — сельская школа п. Долбан, 1921–1925 — Калмыцкий педаго- гический техникум (спец. — учитель)	секретарь Долбанского улускома ВЛКСМ	с 1928 г. старший инструктор обкома ВКП(б); 1957 г. — главный редактор Калмыцкой областной редакции по радиовещанию
Лиджи Карвенович Килганов, 1906	1928	1922 — областной сельхозтехникум, 1924–1927 — уче- ба в Коммуни- стическом универ- ситете трудяще- ся Востока им. Сталина, г. Москва	заведующий АПО ОК ВЛКСМ	1930 г. — заведующий отде- лом культуры и пропаганды Калмобкома ВКП(б)
Алексей Павлович Хочинов, 1906	1929	1924–1928 гг. — Калмыцкий педагогический техникум	1927–1928 гг. — отв. секретарь горкома ВЛКСМ	1930 г. — заведующий массотделом Областного отдела народного образования (ОблОНО)
Сари Джубляевич Алексеев, 1908	1930	1921–1922 гг. — Калмбазаринский детдом, 1922–1924 гг. — Калмбазаринская школа крестьянс- кой молодежи, 1924–1926 гг. — Калмыцкий педагогический техникум	1929–1930 гг. — проходил высшие курсы советского строительства при ВЦИК	1931–1932 гг. — 1-й секре- тарь Приволжского райкома ВКП(б); с 1932 г. — директор совхоза № 2
Намру Мацакович Буринов, 1908	1931	1925–1928 гг. — Калмыцкий педагогический техникум (доучился до 4 курса)	1930 г. — ре- дактор комсо- мольской газеты «Улан баңчуд» и заместитель редактора газе- ты «Ленинский путь»	1932 г. — заместитель заведующего агитационно- массовым отделом Калмыцкого обкома ВКП(б), впоследствии помощник областного прокурора
Убуш Гоблаевич Харайкиев 1910	1932	1922–1925 гг. — Ики-багутовская интернатная школа 1-й ступени, 1929–1931 гг. — Калмыцкая со- ветско-партийная школа	секретарь Ики- багутовской ячейки	член бюро Нижне- Волжского крайкома, член президиума областного совета профессиональных союзов
Иван Т. Ванькаев	1935			подвергся репрессиям в 1937 г., был осужден и выслан
Церен Очирович Саврушев, и. о. секретаря, 1910	1937	1926–1928 гг. — советско- партийная школа	1935 г. — 2-й секретарь Западного улускома ВКП(б)	председатель Калмыцкого Областного совета професси- ональных союзов (1961–1973)

Григорий (Савельевич) Церенович Джимбеев, 1908	1937	1928–1930 гг. — советско-партийная школа 2-й ступени (г. Астрахань), 1933–1936 гг. — Институт марксизма-ленинизма (г. Сталинград)	секретарь Лаганского улускома ВЛКСМ	
Басанг Амбукович Манцынов, 1914	1939	1929–1933 гг. — Калмыцкий педагогический техникум, 1934–1938 гг. — Московский педагогический институт	1938–1939 гг. — заведующий отделом молодежи обкома ВЛКСМ	в 1940 г. зачислен в высшую партийную школу при ЦК КПСС
Эрдя Лиджи-Горяевич Лиджи-Гаряев, 1917	1940		1938 г. — секретарь Лаганского райкома ВЛКСМ	1944–1957 гг. — на хозяйственной работе в Красноярском крае
Карл Цебекович Чурбанов, 1914	1943	1929–1933 гг. — Калмыцкий педагогический техникум	2-й секретарь Улан-Хольского районного комитета КПСС	1957 г. — первый секретарь Целинского РК КПСС; 1960 г. — председатель совета промысловой кооперации КАССР

Первыми секретарями Калмыцкого обкома комсомола в начале 1920-х гг. были назначены из других регионов страны. Но с середины 1920-х гг. в рамках политики коренизации кадров секретари обкома комсомола избираются только из представителей титульной национальности.

Несмотря на то, что в составе обкомов партии и комсомола были женщины, в корпусе секретарей Калмыцкого обкома ВКП(б) характерно подавляющее число мужчин [Сартикова 2020: 45]. Такая же тенденция наблюдается и в корпусе секретарей Калмыцкого обкома ВЛКСМ (см. таблицу 1).

Средний возраст секретарей Калмыцкого обкома комсомола составлял 21–23 года. Самыми «взрослыми» стали и. о. секретаря Ц. О. Саврушев и Г. Ц. Джимбеев (27 и 29 лет, соответственно), избранными на этот пост в результате массовых репрессий 1937 г., и К. Ц. Чурбанов (29 лет), избранный в годы Великой Отечественной войны.

Практически все секретари областного комитета как минимум имели среднее образование. Для калмыков-комсомольцев весь-

ма характерной была тяга к учебе, они использовали любую возможность для повышения образования, без колебаний жертвуя своей карьерой. Так, Берся Насунов убыл на учебу, Дорджи Педеров уехал учиться в Нижне-Волжский институт красной профессуры. Кузницей кадров, из которой вышло немало партийных и комсомольских деятелей, стал Калмыцкий педагогический техникум, образованный в 1920 г. приказом отдела народного образования Калмыцкой автономной области в виде двухгодичных курсов. В 1923 г. педагогические курсы преобразовались в Калмыцкий педагогический техникум с 4-годичным обучением. Семь секретарей Калмыцкого обкома комсомола получили образование именно там.

Одним из ключевых факторов работы обкома комсомола в Калмыкии являлась большая текучесть кадров. За период с 1921 г. по 1943 г. сменилось 18 секретарей, средний стаж их работы составил 1,2 года. Как уже упоминалось, активные комсомольцы стремились вступить в партию, после чего уходили на курсы повышения квалификации, на партийную или совет-

скую работу. За первые 4 года у калмыцкого комсомола сменилось 5 ответственных секретарей (считая оргбюро): Валериан Толкунов, Иван Уткин, Дорджи Тришкиев, Александр Сукачев, Берся Насунов (см. табл. 1). Шестым ответственным секретарем Калмыцкого обкома РЛКСМ в октябре 1925 г. стал Анджур Пюрбеев (1904–1938), незадолго до этого окончивший Калмыцкий педагогический техникум и успевший поработать заместителем заведующего орготделом обкома РЛКСМ. Будущий первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) и председатель Совнаркома Калмыцкой АССР проработал на этой должности 1,5 года.

1920-е гг. — период становления калмыцкой комсомольской организации, продвижение по карьерной лестнице было быстрым, ротация кадров была законом при недостатке управленцев в стране и республике.

В течение 1937 г. три человека сменились на посту первого (ответственного) секретаря. Так, секретарь И. Т. Ванькаев весной 1937 г. по надуманному обвинению в якобы участии в «буржуазно-националистической» организации в Калмыкии был снят с должности и осужден постановлением Особого совещания при НКВД СССР на 8 лет [Оконов 2020: 396].

В сентябре 1937 г. и. о. секретаря был назначен 2-й секретарь Западного улуского — Ц. О. Саврушев [НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 2887. Л. 26]. В октябре 1937 г. на XIV областной конференции ВЛКСМ пер-

вым секретарем обкома ВЛКСМ был избран Г. С. Джимбеев [НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 2002. Л. 11].

Менее года свое место занимал последний первый секретарь Калмыцкого комитета ВЛКСМ К. Ц. Чурбанов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 3874. Л. 9]. Небольшой срок его работы пришелся на период Великой Отечественной войны и депортацию.

Таким образом, корпус первых секретарей РКСМ-ВЛКСМ в 1921–1943 гг. представлял собой, несмотря на молодость, плеяду достаточно опытных управленцев. Большинство первых секретарей имели среднее образование, сочетали комсомольскую и партийную работу.

Комсомольская организация Калмыцкой АССР после депортации

После возвращения на родину и восстановления автономии республики в короткий срок были созданы и начали работу областные партийные и комсомольские организации. В середине ноября 1957 г. состоялось заседание организационного пленума Калмыцкого обкома ВЛКСМ. Калмыцкая комсомольская организация вошла в состав Ставропольского крайкома ВЛКСМ.

Первым секретарем Калмыцкого обкома ВЛКСМ по предложению секретаря Ставропольского крайкома В. М. Мироненко был избран Басанг Педерович Надбитов. Вторым секретарем по предложению Б. П. Надбитова был избран Виктор Сергеевич Бушин, заведующий отделом Ставропольского крайкома [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 175. Л. 2].

Таблица 2. Сведения о первых секретарях Калмыцкого обкома РКСМ-ВЛКСМ (1957–1991 гг.)

[Table 2. Data on First Secretaries of Kalmykia Committee of the RKSM/VLKSM, 1957–1991]

ФИО, год рождения	Время вступления в должность	Образование	Должность до назначения	Назначение после освобождения от должности
Басанг Педерович Надбитов, 1922	ноябрь 1957 г.	1937–1939 гг. — Калмыцкое педагогическое училище	1956 г. — секретарь первичной парторганизации Бийского комбината	1958 г. — начальник областного управления культуры, затем министр культуры Калмыцкой АССР

Виктор Сергеевич Бушин, 1928	июнь 1958 г.	в 1947 г. закончил Ипатовскую среднюю школу, заочно закончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова	1955 — член Ставропольского крайкома комсомола	в 1961 г. поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС
Владимир Павлович Дорджиев, 1934	октябрь 1961 г.	1952–1957 — Казахский государственный сельскохозяйственный институт	2-й секретарь обкома ВЛКСМ	1963 г. — директор совхоза № 108, 1967 г. — министр сельского хозяйства Калмыцкой АССР
Виктор Никитович Сафонов, 1935	ноябрь 1963 г.	заочно окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт	1-й секретарь Городовиковского райкома комсомола	с 1965 по 1967 гг. учился в Москве в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, 1967–1970 гг. — работает в органах КПСС в г. Ставрополе. С 1971 г. — на службе в органах государственной безопасности
Владимир Бадахаевич Убушаев, 1937	декабрь 1965 г.	в 1955 г. поступил на исторический факультет Новосибирского педагогического института	с 1960 по 1965 гг. — работа в аппарате Калмыцкого обкома и Элистинского горкома комсомола	1967 г. — работа в Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, 1972 г. — защита диссертации в Институте истории СССР АН СССР (г. Москва)
Владимир Сергеевич Матлаш, 1937	январь 1967 г.	Брянский лесохозяйственный институт, заочная аспирантура Всероссийского научно-исследовательского агролесомелиоративного института	2-й секретарь обкома ВЛКСМ, 1-й секретарь Элистинского горкома ВЛКСМ	заведующий отделом Калмыцкого обкома КПСС
Иван Нимгирович Басангов, 1939	декабрь 1970 г.	1959 г. — слушатель Высших курсов юристов при Министерстве юстиции РСФСР	2-й секретарь Калмыцкого обкома ВЛКСМ	министр культуры Калмыцкой АССР
Николай Дмитриевич Убушинев, 1946	декабрь 1975 г.	в 1970 г. окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, в 1989 г. Дипломатическую академию МИД	1-й секретарь Элистинского горкома ВЛКСМ	в 1989 г. принят на работу в Министерство иностранных дел, 2005 г. — Генеральный консул Российской Федерации в Хошимине (Вьетнам)
Геннадий Александрович Мазанов, 1949	декабрь 1980 г.	в 1971 г. окончил Калмыцкий государственный университет, в 1990 г. — Академию общественных наук при ЦК КПСС	1973 г. — заведующий орг. отделом Юстинского райкома ВЛКСМ	заведующий сектором печати в Калмыцком обкоме КПСС, в 1992 г. — управляющий Отделением ПФР по Республике Калмыкия

Владимир Харцаевич Бамбаев, 1951	декабрь 1983 г.	в 1981 г. окончил Волгоградский сельскохозяйственный институт	инструктор организационного отдела КПСС	первый секретарь Ики-Бурульского райкома партии, 1988 г. — секретарь Калмыцкого обкома партии, 1990 г. — депутат Верховного Совета Калмыкии, 1990 г. — президент Ассоциации фермеров Калмыкии
Валерий Зурганович Эрдни-Горяев, 1955	декабрь 1988 г.	в 1980 г. окончил Калмыцкий государственный университет	инструктор ЦК ВЛКСМ	заместитель председателя Совета министров Калмыцкой АССР, 2005 — начальник управления делами Министерства территориального развития Республики Калмыкия
Цецен Григорьевич Эрдниев, 1959	ноябрь 1990 г.	высшее, инженерный факультет Калмыцкого государственного университета	инструктор ЦК ВЛКСМ	1991 г. — управляющий отделением ПФР в Республике Калмыкия

В период восстановления автономии большую помощь областному комитету оказали представители ставропольского комсомола, впоследствии занимавшие руководящие должности в Калмыцком обкоме ВЛКСМ.

Одним из ключевых факторов работы обкома комсомола в Калмыкии, как и в предыдущий период, оставалась большая текучесть кадров. За период с 1957 по 1991 гг. сменилось 12 секретарей, средний стаж пребывания в должности составил 2,8 года. Практически все секретари в дальнейшем перешли на вышестоящие должности.

Средний возраст секретарей Калмыцкого обкома комсомола послевоенного периода составил 30 лет. Самым возрастным был 35-летний участник Великой Отечественной войны, бывший комсорг 133-го кавалерийского полка 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского Казачьего кавалерийского корпуса на 4-м Украинском фронте Б. П. Надбитов [Далаев 2013: 3]. Нужно отметить, что в послевоенный период повысился образовательный уровень секретарей обкома ВЛКСМ, практически все имели высшее образование. Кроме того, в рамках воспитания национальных кадров, зачастую из комсомольских активи-

стов выбирались претенденты на обучение в аспирантуре. Секретари обкома ВЛКСМ В. С. Матлаш и В. Б. Убушаев продолжили образование и впоследствии получили учёные степени кандидата и доктора наук.

В послевоенный период сложилась система резерва кадров, когда большинство руководителей определенное время до назначения на должность первого секретаря работали в составе бюро или на должности второго секретаря.

Заключение

Сравнительный анализ социальных и половозрастных характеристик корпуса первых секретарей Калмыцкого обкома комсомола в 1921–1991 гг. позволил создать коллективный портрет.

Особенностью в организации работы первых секретарей Калмыцкого обкома комсомола был небольшой срок пребывания в этой должности. Анализ характеристик корпуса первых секретарей Калмыцкого обкома ВЛКСМ показал, что в 1921–1943 гг. по социальному происхождению они в своем большинстве являлись выходцами из бедных крестьянских семей, не имевшими высшего образования, но с достаточным партийным стажем, сочетали комсомольскую и партийную работу. В послевоенный период

повысился образовательный уровень секретарей обкома ВЛКСМ, все они имели высшее образование. В этот период сложилась система резерва кадров. Из комсомольских

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Басангов 2012 — *Басангов И. Н. Современники*. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 256 с.
- Басангов 2018 — *Басангов И. Н. Нас водила молодость...* Комсомол Калмыкии: летопись славных дел. Элиста: НПП «Джангар», 2018. 80 с.
- Бредихин 2018 — *Бредихин В. Е. Комсомольский аппарат эпохи «номенклатурной революции» второй половины 1930-х гг.: половозрастная характеристика (на материалах территориальных организаций)* // Учет, анализ и аудит в условиях цифровой экономики: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 31 октября 2018 г.). Чебоксары: ЧГСА, 2018. С. 463–468.
- Власова 2018 — *Власова Т. А., Слезин А. А. Эволюция корпуса секретарей первичных комсомольских организаций в 1960-е годы* // Учет, анализ и аудит в условиях цифровой экономики: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 31 октября 2018 г.). Чебоксары: ЧГСА, 2018. С. 479–485.

References

- Basangov I. N. *Contemporaries*. Elista: Dzhangar, 2012. 256 p. (In Russ.)
- Basangov I. N. *We Were Led by Youth... Komsomol of Kalmykia: A Chronicle of Glorious Deeds*. Elista: Dzhangar, 2018. 80 p. (In Russ.)
- Bredikhin V. E. *Komsomol equipment of the era of the “nomenclature revolution” of the second half of the 1930s: Sex and age characteristics (On materials of territorial organizations)*. In: *Accounting, Analysis and Audit in Digital Economies. Conference proceedings* (Cheboksary, 31 October 2018). Cheboksary: Chuvash State Agricultural Academy, 2018. Pp. 463–468. (In Russ.)
- Chimidov Z. I. Basan B. Gorodovikov — The Military, Government and Community Leader. Cand. Sc. (history) thesis. Elista, 2003. 214 p. (In Russ.)
- Dalaev A. N. *They who were first ones. Elistinskaya panorama*. 2013. No. 156 (2137). P. 3. (In Russ.)
- Kovaeva N. Kh. Anjur Pyurbeev: Life and Deeds.

активистов выбирались председенты на обучение в аспирантуре. Комсомол выступил резервом не только коммунистической партии, но и советских органов управления.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Далаев 2013 — *Далаев А. Н. Они были первыми* // Элистинская панорама, 2013. 19 октября 2013 г. № 156 (2137). С. 3.

Коваева 1991 — *Коваева Н. Х. А. Пюрбеев: жизнь и деятельность*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 168 с.

Оконов 2020 — *Оконов Б. А. Repression against Komsomol activists in the late 1930s*. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 384–397. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-384-397

Сартикова 2020 — *Сартикова Е. В. Developing School Education in 20th-Century Kalmykia*. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p.

Убушаев 2018 — *Убушаев Е. Н., Каманджхаев Н. А. Анализ кадрового состава бюро Калмыцкого обкома КПСС в 1957–1991 гг.* // *Вестник Калмыцкого университета*. 2018. № 4 (40). С. 47–53.

Чимидов 2003 — *Чимидов З. И. Б. Городовиков — военачальник, государственный и общественно-политический деятель*: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2003. 214 с.

Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 168 p. (In Russ.)

Okonov B. A. *Repression against Kalmykia's Komsomol activists in the late 1930s*. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 384–397. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-384-397

Sartikova E. V. *Developing School Education in 20th-Century Kalmykia*. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)

Ubushaev E. N., Kamandzhaev N. A. *The review of the staff of the Bureau of the Kalmyk Regional Committee of the Communist Party from 1957 till 1991*. Bulletin of Kalmyk University. 2018. No. 4 (40). Pp. 47–53. (In Russ.)

Vlasova T. A., Slezin A. A. *Evolution of the corp[us] of secretaries of primary Komsomol organizations in 1960s*. In: *Accounting, Analysis and Audit in Digital Economies. Conference proceedings* (Cheboksary, 31 October 2018). Cheboksary: Chuvash State Agricultural Academy, 2018. Pp. 479–485. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 85–108, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108

Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР)

Уташ Борисович Очиров¹, Валентина Николаевна Воробьева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: [utash-ochirov\[at\]yandex.ru](mailto:utash-ochirov[at]yandex.ru)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0003-1527-7021. E-mail: [valenti9708\[at\]gmail.com](mailto:valenti9708[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Очиров У. Б., Воробьева В. Н., 2023

Аннотация. Введение. В статье рассматривается опыт составления базы данных безвозвратных потерь военнослужащих Красной армии в Великой Отечественной войне, призванных из Калмыцкой АССР. Анализ этой базы позволяет составить коллективный портрет этой категории участников войны 1941–1945 гг. Целью статьи является анализ опыта составления баз данных для просопографического исследования безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР). Результаты исследования показывают, что массовые источники, обладающие однородностью или тяготеющие к ней, представляют широкие возможности для реализации квантизативного подхода в изучении истории Великой Отечественной войны. При составлении базы данных могут возникнуть проблемы в связи со значительным количеством ошибок и неточностей, возникших изначально, техническими особенностями представления информации, требующими грамотной подготовки сведений для последующей машинной обработки. Тем не менее правильно составленная база данных безвозвратных потерь позволяет осуществить исследования по ряду параметров и составить их просопографический портрет.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Книга памяти, база данных, безвозвратные потери, статистический анализ, просопографические исследования

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 85–108. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108

Compiling a Prosopography Database of 1941–1945 Fatal Casualties among Military Servicemen Conscribed in One Region: The Case of the Kalmyk ASSR

Utash B. Ochirov¹, Valentina N. Vorobyova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215 E-mail: utash-ochirov[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Ochirov U. B., Vorobyova V. N., 2023

Abstract. *Introduction.* The article discusses our experience of compiling a database of fatal casualties among Red Army soldiers and officers conscribed in the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War. The analysis of the database makes it possible to draw a collective portrait of that category of 1941–1945 war participants. *Goals.* The paper aims to analyze some experiences of compiling prosopography databases of 1941–1945 fatal casualties conscribed in one region, and specifically in the Kalmyk ASSR. *Results.* The study shows that mass sources characterized by homogeneity or similar properties provide ample opportunities for a quantitative approach in the historical study of the Great Patriotic War. When it comes to compile a database, one may face a significant number of errors and inaccuracies that had arisen initially and result from procedural (technical) features of information delivery. So, there is a need of certain qualified preparation for subsequent machine processing. Still, a properly compiled database of fatal casualties affords insights on a number of parameters and facilitates a due prosopography.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, memorial book, database, quantitative analysis, fatal casualties, prosopographic studies

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a Prosopography Database of 1941–1945 Fatal Casualties among Military Servicemen Conscribed in One Region: The Case of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 85–108. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108

Введение

Развитие науки и техники, информационных технологий и клиометрических методов в последние десятилетия открыли широкие возможности для применения квантитативного подхода в самых разных

областях исторической науки. Анализ первичных массовых документов дает исследователю гораздо больше возможностей, чем изучение какого-то одного или нескольких документов, пусть даже и обобщающего характера. Однако работа с обширными

комплексами массовых источников, содержащими большие объемы количественных данных, выявление на их базе каких-то закономерностей или обобщений требуют активного использования междисциплинарного подхода, квалифицированного владения историческими, статистическими и математическими методами, компьютерными программами. На наш взгляд, квантитативный подход имеет широкие перспективы и в истории Великой Отечественной войны, в том числе для анализа больших групп военнослужащих (например, призванных из одного региона) по разным параметрам, сведения по которым однородны. Особенно эффективен этот подход, на наш взгляд, для исследования безвозвратных потерь, так как первичные массовые источники этой категории однотипны или, как минимум, тяготеют к некоему стандарту, что позволяет осуществлять их машинную обработку и анализ математическими методами.

Квантитативные исследования безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из различных регионов страны, начали осуществляться только в начале XXI в. Это было связано с накоплением в открытом доступе достаточного количества первичных массовых источников, которые начали формироваться в 1990-е гг. в рамках проекта Всероссийской книги памяти. Кроме того, примерно в эти же годы стали активно внедряться компьютерные программы, способные корректно обрабатывать столь крупные массивы данных. Благодаря этому появились исследования, в которых на базе массовых источников обсуждались различные проблемы анализа безвозвратных потерь военнослужащих, призванных из Татарской АССР [Иванов 2010], Куйбышевской области [Бушуева 2008; Игошина (Бушуева) 2020], Мордовской АССР [Скворцова 2009], Чувашской АССР [Ермолаев, Плотникова 2011], Калмыцкой АССР [Воробьева 2022] и др. В ряде случаев проводились сопоставительные исследования по нескольким регионам, например, Л. Г. Скворцова осуществила по одним и тем же категориям сравнительный анализ безвозвратных потерь призванных из Татарстана, Мордовии и Куйбышевской области [Скворцова 2015]. Авторы данной статьи провели просопографическое исследование калмыков-военнослужащих Крас-

ной армии, снятых с фронта после ликвидации калмыцкой автономии и направленных в Широковский лагерь НКВД [Очиров, Воробьева 2020]. А. С. Бушуев, исследуя одно из крупнейших воинских захоронений на территории Польши (в районе г. Сувалки), выделил из числа захороненных красноармейцев уроженцев Поволжского и Волго-Вятского макрорегионов и составил их просопографический портрет [Бушуев 2022].

Обзор массовых источников

Массовые источники, пригодные для составления просопографического портрета военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР и попавших в категорию безвозвратных потерь, должны иметь несколько важных черт, основными из которых является их однотипность (однородность) и возможность их машинной обработки. В целом основные массовые источники по теме исследования можно разделить на 3 группы: опубликованные (региональные, районные, сельские книги памяти; различные тематические аннотированные справочники и др.); материалы местных архивов (Национального архива Республики Калмыкия и военных комиссариатов); материалы федеральных архивов (большей частью оцифрованные корпорацией ЭЛАР и опубликованные в ОБД «Мемориал»). Рассмотрим их специфику и оценим их информативную ценность по отдельности.

Опубликованные источники

Опубликованные источники, в свою очередь, также можно разделить на три группы: а) региональные книги памяти; б) районные и сельские книги памяти; в) тематические аннотированные биографические справочники, в которых есть списки участников Великой Отечественной войны.

Региональные книги памяти

На региональном уровне для просопографических исследований безвозвратных потерь призванных из Калмыкии значимую ценность имеют лишь книги памяти двух регионов: Республики Калмыкия и Астраханской области (поскольку в последней с 1944 г. находятся два бывших калмыцких района — Долбанский и Приволжский). Также небольшой объем сведений о при-

званных из Калмыкии содержится в Книге памяти Светлоярского района Волгоградской области. Региональные книги памяти создавались в рамках единого проекта, узаконенного специальным Федеральным законом «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. Однако этот закон лишь указывал (помимо всего прочего), что имена погибших при защите Отечества *«и других сведений»* должны быть занесены в книги Памяти [ФЗ 1993]. Не было никаких параметров или требований к этому проекту, и регионы реализовали его, как могли. Это привело к тому, что информация в книгах памяти разных регионов подавалась по-разному и не всегда полноценно.

Книга памяти Республики Калмыкия называется «Память. Санл» и состоит из 4 томов, которые были изданы в 1995 г. (1-й и 2-й тома), 2005 г. (3-й том) и 2010 г. (4-й том) [Память, 1 1995; Память, 2 1995; Память 2005; Память 2010]. Они составлялись разными авторскими коллективами, по разным принципам, иногда основывались на разных источниках, что в отсутствие единого руководства отрицательно сказалось на их системности. В результате персоналии в 1 и 2-м томах сначала группируются по районам республики согласно современному административно-территориальному делению, а затем выстроены по алфавиту [Память, 1 1995: 8]. Фактически эти два тома создавались районными и городским советами ветеранов при поддержке соответствующих военкоматов и других организаций (в значительной степени путем подворовых обходов), и поскольку некому было обрабатывать поступающие данные, то их и представили в неотредактированном виде. При этом в состав списков включались не только призванные из соответствующих районов (включая тех, кто погиб еще до войны), но и призванные из других регионов, которые жили в Калмыкии до войны, либо погибли на территории Калмыкии и т. д. [Воробьева 2022: 688–689]. По некоторым персоналиям до сих пор неясно, почему их включили в «Санл».

В 3-м томе персоналии сразу выстроены по алфавиту без деления на районы, а в конце приведены дополнительные сведения на включенных в 1-й и 2-й тома [Память 2005: 148–152]. Персоналии 4-го тома

сначала группируются по районам республики согласно административно-территориальному делению на 1941 г. (который в значительной степени не совпадает с современным делением), а затем выстроены по алфавиту [Память 2005: 6]. Составители этого тома в большей степени опирались на документы военных лет и не успевали произвести «модернизацию» к юбилею Победы, к которому приурочивалось издание тома. Поэтому они решили использовать именно такой принцип группировки персоналий. Конечно, базы данных, составленные по этим томам, потребовали дополнительной работы по «стыковке» друг с другом. Кроме того, разделение сведений по районам представляет большие неудобства при реальной работе с поиском персоналий, поскольку они могут быть представлены в разных районах. Неудивительно, что поиск сведений хотя бы по одной персоналии требует просмотра всех 4 томов почти в трех десятках мест. Некоторые исследователи, постоянно работающие с «Память. Санл», были вынуждены приклеивать специальные закладки на каждый район.

Еще одним серьезным недостатком томов «Память. Санл», связанным с ошибками в организации составительской работы, явилось отсутствие реального редакторского центра, который бы мог проверять поступающие сведения, отсеивать дублирующие персоналии или уточнять информацию по ним. В итоге в ходе перепроверки, осуществленной соавторами при составлении базы данных (в том числе при помощи ОБД «Мемориал»), было обнаружено большое количество «дублей» внутри томов: в 1 и 2-м томах 1 328 повторов персоналий из 22 192 (т. е. почти 6 %); в 3-м томе — 20 повторов из 2 207 (почти 1 %); в 4-м томе — 470 повторов из 9 559 (4,9 %) [Воробьева 2022: 687]. Разумеется, повторы персоналий выявились и при сверке томов между собой. В общем по итогам анализа из сводной базы данных пришлось удалить из 34 497 персоналий 6 335 повторов, 1 684 призванных из других регионов и 20 погибших до начала Великой Отечественной войны [Воробьева 2022: 687–688].

При составлении биографических справок, опубликованных в томах «Память. Санл», планировалось включать в них следующую информацию: фамилию, имя, от-

чество, год и место рождения, районный военкомат (далее — РВК) и год призыва, воинское звание и место службы в момент гибели или пропажи без вести, дата и место безвозвратной потери. В некоторых случаях могло быть указано место захоронения. Однако в большинстве случаев большая часть данных отсутствовала: видимо, ее изначально не было в первоисточнике, или она не была зафиксирована при записи.

Книга памяти Астраханской области называется «Назовем поименно. Память» и состоит на данный момент из 16 томов. При этом составители, которые работали под единым руководством и по единим принципам, собрали и опубликовали сведения не только о погибших и пропавших без вести земляках, но и вернувшихся с фронта. В соответствии с этим первые 14 томов были разделены на две серии с самостоятельной нумерацией. В одной серии традиционно предоставлялись сведения о безвозвратных потерях, во второй — о вернувшихся с фронта. При этом тома разных серий называются одинаково (что вызывает некоторую путаницу для непосвященных) и отличаются только годом издания. Первые 6 томов серии, посвященной погибшим и пропавшим без вести, были изданы в 1995 г. [Назовем поименно, 1 1995; Назовем поименно, 2 1995; Назовем поименно, 3 1995; Назовем поименно, 4 1995; Назовем поименно, 5 1995; Назовем поименно, 6 1995]. Персоналии в них распределены по алфавиту без деления на районы, что заметно облегчает поисковую работу по персоналиям, но представляет некоторые трудности для анализа сведений по отдельному району. 7-й том этой серии вышел в 2010 г., в нем представлены сведения о неизвестных ранее персоналиях [Назовем поименно 2010].

Семь томов серии, посвященной вернувшимся с фронта, издавались в 2000–2010 гг. Персоналии в них также распределены по алфавиту, за исключением 7-го тома, в конце которого есть дополнительные сведения к персоналиям, опубликованным в пяти более ранних томах. После этого составители отказались от раздельных серий и стали предоставлять сведения в объединенных томах, выделив отдельные разделы по безвозвратным потерям и по вернувшимся с фронта. 8-й том серии вышел в 2015 г. [Назовем по-

именно 2015]. 9-й том серии «в бумаге» не издавался, но неоднократно публиковался в электронном формате. Он постоянно дополняется всеми новыми сведениями и персоналиями. Мы располагаем версиями 2016, 2020 и 2022 гг., из которых видно, что количество персоналий возросло с 1 238 чел. (включая 357 погибших и пропавших без вести) [Назовем поименно 2016: 4] до 3 298 чел. (включая 833 погибших и пропавших без вести) [Назовем поименно 2022: 4]. При этом в версии 2020 г. (и, соответственно, 2022 г.) есть списки, в которых приведены имена 691 военнослужащего, судьба которых осталась неизвестна [Назовем поименно 2020: 4]. Они распределены по районам, но сведения о них предельно краткие.

В биографических справках, опубликованных в томах серии, посвященной безвозвратным потерям, приводится (в большинстве случаев не всегда) следующая информация: фамилия, имя, отчество, воинское звание в момент потери, год и место рождения, место (РВК) и год призыва, место службы в момент гибели или пропажи без вести, дата и место безвозвратной потери. В некоторых случаях может быть указано место захоронения. Однако в большинстве случаев большая часть данных опущена, видимо, она изначально отсутствовала в первоисточнике или не была зафиксирована при записи. Благодаря тому, что проект реализовался под единым руководством и по единим методикам и требованиям, в книге памяти Астраханской области очень мало повторов, а сама информация подана относительно компактно, в отличие от «Санл». Благодаря этому поиск сведений по одной персоналии (даже с учетом вернувшихся с фронта, которых в «Санл» практически нет) в 16 томах требует просмотра всего шести мест.

Как уже упоминалось выше, в составе Астраханской области остались Долбанский и Приволжский районы, которые до начала 1944 г. входили в состав Калмыцкой АССР. После перехода в Астраханскую область Долбанский улус был переименован в Лиманский район. Большая часть Приволжского улуса вошла в состав Наримановского района, другие части — в состав Енотаевского (в том числе Джакуевский сельсовет) и Харабалинского (в том числе Актюбеевский сельсовет) районов. Соответственно,

военнослужащие, призванные Долбанским и Приволжским РВК Калмыцкой АССР, отражаются в Астраханской книге памяти, не учитывающей временной фактор. Всего в книгах памяти Астраханской области представлены сведения о 1 613 призванных Долбанским РВК и 405 призванных Приволжским РВК (сюда также включены персоналии, обозначенные как призванные Кануковским и Юстинским РВК, поскольку в указанных районах военкоматов на самом деле не было). Кроме того, там есть данные и о призванных военкоматами других улусов Калмыцкой АССР: Лаганским РВК — 37 чел., Черноземельским РВК — 4 чел., Малодербетовским РВК — 2 чел. Конечно, ряд персоналий, призванных из Калмыкии, оказались учтены как призванные Наримановским, Енотаевским или Харабалинским РВК, но таких вычленить из общей массы весьма сложно.

Таким образом, одни и те же персоналии могут оказаться как в книгах памяти Астраханской области, так и Калмыкии. Приведем пару примеров. В 1-м томе «Санл» указан Джальджаев Педи Хадаевич, 1913 г. рождения, призванный Долбанским РВК, служивший в 420-м стрелковом полку (далее — сп) 122-й стрелковой дивизии (далее — сд) и убитый 19 июля 1941 г. [Память, 1 1995: 338], а во 2-м томе «Назовем поименно» значится рядовой Джильдаев Пети Хадаевич, 1913 г. рождения, призванный Лиманским РВК и пропавший без вести 19 июля 1941 г. [Назовем поименно, 2 1995: 197]. Во 2-м томе «Санл» указан рядовой Китидов Шутджа Д., 1905 г. рождения, призванный Долбанским РВК, служивший в 1159-м сп и умерший от ран 7 октября 1943 г. [Память, 2 1995: 400], а в 3-м томе «Назовем поименно» указан Китидов Шутджа Дзяджеевич, рядовой, призванный Долбанским РВК и умерший от ран 7 октября 1943 г. в эвакуационном госпитале № 2151 [Назовем поименно, 3 1995: 128]. Очевидно, что это одни и те же люди, при этом данные из разных книг при сличении дополняют друг друга.

В книге памяти Светлоярского района Волгоградской области представлена еще одна группа наших земляков, призванных военкоматами Калмыцкой АССР и не вернувшихся с фронтов Великой Отечествен-

ной войны [Книга нашей 2020]. Таковых 64 чел. из 2 834 персоналий. Из них Малодербетовским РВК призвано 42 чел., Сарпинским РВК — 15 чел., Западным РВК — 2 чел., Лаганским РВК — 2 чел., Долбанским РВК — 1 чел., Черноземельским РВК — 1 чел., Элистинским ГВК — 1 чел. Составители отмечают, что использовали материалы из всех доступных источников, донесений о потерях, донесений подворового обхода военкоматов Стalingрадской области и др. [Книга нашей 2020: 2].

Районные и сельские книги памяти

Кроме республиканских книг памяти, в Калмыкии также стали издаваться и аналогичные работы на уровне районов и отдельных сел. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике имеется 13 районов, 3 города и 262 сельских населенных пункта [ВПН 2010].

Если говорить о книгах памяти районного уровня, в которых содержатся списки участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., то на данный момент такие справочники опубликованы по пяти районам: Приютненскому [Памяти живые 2015; Бессмертный полк 2021], Целинному [Башанкаев, Папуев 2008], Малодербетовскому [Книга памяти 2017; Книга памяти 2018; Книга памяти 2019; Книга памяти 2020], Яшкульскому [Книга 2015] и Черноземельскому [Солдаты 2015], при этом книга памяти Малодербетовского района является электронной. Если говорить о книгах памяти сельских муниципальных образований, то такого рода справочники опубликованы по трем населенным пунктам: Артезиану [Артезиан 2015], Чилгиру [Манджиев 2011] и Эрдниевскому [Бюргиев 2014].

При этом следует учитывать, что данные проекты были реализованы местными энтузиастами-краеведами, которые работали над ними в свободное время и осуществляли их по разным принципам и методикам, исходя из своих возможностей, замыслов и представлений. В отличие от составителей региональных книг памяти, которых федеральный закон обязывал вносить в них погибших и пропавших без вести земляков, составители районных и сельских книг памяти стремились внести в свои работы всех участников Великой Отечественной войны,

включая и тех, кто вернулся. Иногда в списки попадали и труженики тыла. Структура данных книг и конкретные показатели, отображенные в них (за некоторым исключением), описаны в статье одного из авторов [Воробьева 2020], поэтому мы не будем повторяться, а отметим общие тенденции и оценим информативную ценность этих книг как массовых источников.

Следует заметить, что составители работу осуществляли в зависимости от квалификации, компетенций, наличия материала и своего видения получаемого результата. В целом, оценивая информативность данных книг для нашей темы, все эти книги можно разделить на 3 группы.

Составители, которых можно отнести к первой группе, имели ограниченный круг материалов: как правило, различные списки участников Великой Отечественной войны, большей частью неаннотированные. Например, в книге о Приютненском районе, изданной в 2015 г., абсолютное большинство персоналий (3 494 чел. из 3 645) приведено в общем неаннотированном списке участников Великой Отечественной войны (в основном вернувшихся с фронта) и тружеников тыла [Памяти живые 2015], причем из этого списка неясно, кто является участником боевых действий, а кто — тружеником тыла. Впрочем, один из составителей этой книги — Н. В. Куникина не ограничилась этим, а продолжила работу, опираясь на собранные списки, и опубликовала новую книгу, на которой остановимся чуть позже. В книге памяти Целинского района приведен неаннотированный список 1 093 погибших, разделенных по сельсоветам [Башанкаев, Папуев 2008]. Значительная часть персоналий п. Эрдниевского также приведена в неаннотируемом списке: 102 чел. из 345 [Бюргичев 2014: 150–153]. При этом часть персоналий из 11 разных списков повторяются. Неаннотированные списки не пригодны для обработки в электронных базах данных и ничего не дают для составления коллективного портрета.

Составители книг второй группы провели гораздо больший объем работы по поиску земляков — участников Великой Отечественной войны. Как правило, они осуществили подворовые обходы (самостоятельно и/или при помощи коллег из местных сел) немногочисленных сел района и выявили всех ветеранов, вернувшихся с войны или после депортации. Однако сведений по всем землякам, особенно тем, кто не вернулся с войны, им установить не удалось. Например, в 4 томах книги памяти Малодербетовского района приведен аннотированный список 131 ветерана, включающий в себя как погибших, так и вернувшихся с фронта [Книга памяти 2017; Книга памяти 2018; Книга памяти 2019; Книга памяти 2020].

В опубликованной в 2011 г. книге, посвященной воинам Чилгира, приведен список 300 военнослужащих, в том числе 200, не вернувшихся с фронта. Лишь у некоторых персоналий есть информация о воинском звании, боевых наградах и месте гибели [Манджиев 2011].

Наконец, представители третьей группы не только использовали имеющиеся списки и провели подворовые обходы, но и сумели ввести в оборот все имеющиеся из опубликованных аннотированных справочников (книга «Память. Санл», тематические справочники «Широклаг. Широкстрой», «Солдаты Победы» и др.) и электронных баз данных — ОБД «Мемориал» [Мемориал 2006–2021] и «Подвиг народа» [Подвиг народа 2010–2020]. К таковым можно отнести книги памяти Черноземельского [Солдаты 2015] и Яшкульского [Книга 2015] районов, п. Артезиан [Артезиан 2015], а также еще одно издание по Приютненскому району, составленное Н. В. Куникиной на базе книги 2015 г. [Бессмертный полк 2021].

Для того чтобы оценить информативность указанных книг памяти для составления коллективного портрета безвозвратных потерь наших земляков в годы Великой Отечественной войны, приведем статистические сведения из этих массивов данных в сводной таблице (см. табл. 1).

Таблица 1. Статистические сведения из районных и сельских книг памяти Калмыкии

[Table 1. Statistical data from district and village memorial books of Kalmykia]

Название книги и год издания	Всего персоналий	Из них аннотированных	Безвозвратные потери	Наличие РВК Калмыцкой АССР
Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района (4 тома), 2017–2020 гг.	131	131	13	27
Памяти живые родники, 2015 г. (Книга памяти Приютненского района)	3 645	107	23 + 14 гражд.	7
Бессмертный полк Приютненского района РК, Ч. I. 2021 г. (новая книга памяти Приютненского района)	2 271	1 640	1 027	1 103
Целинный район, 2008 г. (Книга памяти Целинского района)	1 093	—	—	—
Солдаты Великой войны, 2015 г. (Книга памяти Черноземельского района)	762	566	—	156
Книга памяти, 2015 г. (Книга памяти Яшкульского района)	2 047	2 047	1 641	1 210
Артезиан. Мы помним и гордимся, 2015 г. (Книга памяти п. Артезиан)	211	211	—	40
Воины из Чилгира, 2011 г. (Книга памяти п. Чилгир)	300	26	214	—
Солдаты и труженики Эрдниевского, 2014 г. (Книга памяти п. Эрдниевский)	345	243	75	94

Как видно, наиболее информативной является книга памяти Яшкульского района, поскольку составитель использовал широкий спектр источников, как опубликованных, так и электронных.

Тематические аннотированные справочники

Третьей группой опубликованных масовых источников являются различные аннотированные справочники, посвященные определенным категориям наших земляков — участников Великой Отечественной войны: широклаговцам, пленным, военнослужащим одного соединения, участникам одного сражения и др.

Первым из таких справочников вышла книга «Широклаг. Широкстрой» [Широклаг 2000], которая включает в себя списки калмыков-военнослужащих, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. после ликвидации Калмыцкой АССР и направленных в Широковский исправительно-трудовой лагерь

НКВД СССР. Всего в справочнике числится 3 212 военнослужащих (за вычетом повторов) с краткими биографическими аннотациями, из которых 3 085 являлись калмыками [Очиров, Воробьева 2020: 345]. Следует заметить, что в этом справочнике приведены не все широклаговцы, в том числе отсутствуют имена большей части умерших [Очиров, Воробьева 2020: 351]. По данным Н. К. Шарапова, работавшего в отделе статистики Широклага, только за 1944 г. умерло 911 калмыков, однако в указанном справочнике приведены сведения только о 148 умерших в 1944–1945 гг. [Широкстрой 1994: 138]. Очевидно, что эта книга, в целом достаточно ценная и информативная, для составления коллективного портрета безвозвратных потерь дает не очень много сведений.

Следующей книгой, содержащей в себе аннотированные списки наших земляков — участников Великой Отечественной войны, стала работа А. Б. Цобдаева [Цобдаев 2004],

которая неоднократно дополнялась и переиздавалась [Цобдаев 2008; Цобдаев 2011]. Целью его исследований было выявление судеб военнослужащих Красной армии, попавших в плен, причем призванных не только из Калмыкии, но и из Дагестана и Чечни. В его последней работе указаны имена 750 воинов Красной армии, призванных из указанных регионов, в том числе 12 — из Калмыкии.

В 2007 г. главный библиограф Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН П. Э. Алексеева опубликовала составленный ею поименный список воинов 110-й Калмыцкой кавдивизии с краткими биографическими аннотациями [Солдаты Победы 2007]. Данная книга являлась вторым томом издания под названием «Солдаты Победы» и вышла под эгидой «Всероссийской книги памяти». Составитель, в течение долгого времени собиравшая материалы из различных источников (архивов, списков и сведений информантов, книг «Память. Санл» и «Широклаг. Широкстрой»), предоставила данные о 2,5 тыс. военнослужащих калмыцкого соединения, в том числе погибших на фронтах Великой Отечественной войны. После этого П. Э. Алексеева продолжила сбор материалов. В 2011 г. к проекту подключился внук комиссара 110-й кавдивизии С. А. Заярный. Он предоставил свои материалы, а также активно начал вводить в оборот сведения из ОБД «Мемориал». Благодаря этому удалось существенно уточнить судьбу многих воинов национального соединения, а также добавить более тысячи новых персоналий. Результаты этих исследований нашли отражение во 2-м, исправленном и дополненном издании 2-го тома «Солдаты Победы» [Солдаты Победы 2015].

В 2010 г., к очередному юбилею, под этим же названием — «Солдаты Победы» — совершенно иной составительский коллектив опубликовал еще один аннотированный список наших земляков — участников Великой Отечественной войны. Однако в эту книгу вошли списки ветеранов, доживших до празднования 65-летия Победы [Солдаты Победы 2010]. Очевидно, что данный источник для коллективного портрета безвозвратных потерь использовать не стоит.

В 2018 г. один из соавторов вместе с коллегами (С. Г. Ершовым и Е. А. Гунаевым) опубликовали книгу «Уроженцы Кал-

мыкии — участники Сталинградской битвы» [Очиров, Ершов, Гунаев 2018]. Авторы, опираясь на данные из ОБД «Подвиг народа» и «Мемориал», а также иные источники, опубликовали аннотированные списки 3 059 военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР и участвовавших в Сталинградской битве, в том числе 2 296 погибших и пропавших без вести.

Фонды местных архивов

Анализ региональных архивохранилищ показал, что массовые источники по изучаемой теме хранятся только в двух из них: Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) и архивах военкоматов Республики Калмыкия.

В НА РК в фондах Калмыцкого областного (Р-24) и районных (Р-30, Р-44, Р-57, Р-73 и т. д.) военкоматов дел периода Великой Отечественной войны нет, и, скорее всего, они туда и не поступали. Однако в составе региональных органов власти еще до войны были созданы специальные структуры, отвечавшие за мобилизационную работу. Соответственно, в фондах Калмыцкого обкома КПСС (П-1) и Совнаркома Калмыцкой АССР (Р-131) в некоторых делах отложились материалы по военным призывам, в том числе списки мобилизованных. Например, в нескольких делах фонда Совнаркома есть списки наших земляков, подлежащих мобилизации или призванных в разное время из разных сел или улусов. Например, в одном деле имеется ряд списков жителей Западного и Яшалтинского улусов, подлежащих мобилизации или призванных в сентябре 1941 г. — марте 1942 г. (если судить по имеющимся датам, однако датированы не все списки), в том числе направленных в 189-й Калмыцкий кавалерийский полк (далее — кп) и 111-ю Калмыцкую кавалерийскую дивизию (далее — кд). При этом указанные списки не имеют между собой никакой связи, во многих из них имеются исправления, включая вычеркивания персоналий и дописывания от руки новых имен. Кроме того, указанные списки разнотипны: в одних списках (помимо фамилии, имени, отчества и года рождения, которые есть везде) приводится партийность, национальность, образование, название населенного пункта, откуда был призван мобилизованный, в других — но-

мер ВУС (военно-учетной специальности) и категория воинского состава, в третьих могут встречаться комбинации тех или иных сведений [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1020. Л. 1–76]. Подобные списки могут встречаться и в других делах фонда Совнаркома (см., например: [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1022. Л. 22]). Следует также понимать, что подлежащий мобилизации не обязательно является мобилизованным.

В делах фонда Калмыцкого обкома КПСС встречаются именные списки военнообязанных, а также людей, предлагаемых в состав будущих партизанских отрядов в случае возможной оккупации и т. д. Однако большей частью эти списки относятся к предвоенному или послевоенному периоду. Например, в одном из дел есть список жителей Черноземельского района — участников Великой Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны в России в 1918–1920 гг., Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 369. Л. 32]. При этом список не разделен по военным конфликтам, что осложняет выборку интересующих нас персоналий.

В целом можно сказать, что списки призванных из Калмыцкой АССР, отложившиеся в фондах НА РК, неполные, разнотипные, малоинформативные, что весьма осложняет их машинную обработку для баз данных. Можно говорить о том, что такие списки могут иметь лишь вспомогательное значение для проверки сведений из основной базы данных.

Гораздо более информативными по участию наших земляков в Великой Отечественной войне оказались материалы архивохранилищ республиканского, городских и районных военкоматов. В них хранится значительное количество массовых источников разного рода, большей частью однотипных или тяготеющих к определенному стандарту, что позволяет осуществлять их машинную обработку. Наиболее информативными для нашей темы следует считать алфавитные книги погибших и пропавших без вести по Элистинскому ГВК, Городовиковскому и Яшалтинскому РВК, которые велись в 1944–1960-е гг. по единым правилам. В них указана следующая информация: дата поступления документа (извещения о потере), источник информации (большей частью это номер части или полевой почты,

либо управление по учету потерь Красной армии), фамилия, имя, отчество (или инициалы) погибшего или пропавшего без вести, его воинское звание, номер дела и лист, куда подшип документ, дата отправления извещения и название населенного пункта, куда его направили. В алфавитной книге по Элистинскому ГВК вместо последних трех колонок имеются колонки «Кому вручено извещение» (с указанием фамилии, имени и отчества адресата), «Назначена ли пенсия», «Дата вручения извещения». Есть также аналогичная книга по Приютинскому РВК¹, которая была начата в 1951 г. и заполнялась вплоть до 1990-х гг. Первые четыре колонки совпадают, но вместо трех последних есть колонки «Судьба военнослужащего» и «Кому вручено извещение» (с указанием фамилии, имени и отчества адресата, чего в предыдущих книгах нет). Также имеется колонка «№ дела и лист, где подшип документ», но она заполнялась только в 1950-е гг., а у большинства персоналий не заполнена вовсе.

Кроме того, в Элистинском ГВК имеется именной алфавитный список погибших, умерших и пропавших без вести, заполненный по стандартному формуляру воинских частей периода войны, который включает в себя: фамилию, имя и отчество персоналии, его воинское звание, партийность, год и место рождения, место и дата потери, а также фамилию, имя, отчество и адрес ближайшего родственника. Наконец, имеется ряд дел, в которых подшипы извещения о гибели или пропаже без вести наших земляков — военнослужащих Красной армии, также содержащие информацию, тяготеющую к определенному стандарту. Как видно, в архивах военкоматов Калмыкии отложились массовые источники по значительному количеству персоналий, но не по всем районам.

В военкоматах также имеются алфавитные книги учета призванных в Красную армию в 1943 и 1944 гг. Западным РВК, различные разрозненные списки военнослужащих, призванных Малодербетовским РВК, и другие документы. Однако для анализа безвозвратных потерь такие сведения больше имеют вспомогательное значение.

¹ Приютненский улус в 1938–1944 г. официально назывался «Приютинским».

В целом в базах данных военкоматов указаны сведения о 27 878 военнослужащих, погибших и пропавших без вести в 1941–1945 гг., и 453 — вернувшихся с фронта. Среди персоналий, погибших и пропавших без вести во время войны, 20 500 чел. были призваны военкоматами Калмыцкой АССР: 4 023 — Западным РВК (здесь же учтены призывники Яшалтинского улуса, поскольку у них своего военкомата не было); 3 251 — Приютинским РВК (с учетом призывников Троицкого улуса); 3 164 — Элистинским ГВК; 2 461 — Сарпинским РВК (с учетом призывников Кетченеровского улуса); 2 026 — Малодербетовским РВК; 1 452 — Черноземельским РВК; 1 189 — Приволжским РВК (с учетом призывников Юстинского улуса); 718 — Долбанским РВК; 2 177 — Лаганским РВК (с учетом призывников Улан-Хольского улуса), а еще 2 — Приморским РВК¹. Кроме того, еще 27 чел. указаны как призванные Калмыцким областным или республиканским военкоматом, 10 — Калмыцким обкомом и горкомом ВКП(б). При этом у 5 312 персоналий данных о месте призыва нет, и они также могут оказаться нашими земляками.

Источники из федеральных архивов

Большая часть массовых источников, связанных с безвозвратными потерями военнослужащих Красной армии в период Великой Отечественной войны, хранится в Центральном архиве Министерства обороны (далее — ЦАМО) и архиве военно-медицинских документов (ныне являющимся филиалом ЦАМО). Согласно закону об увековечивании памяти защитников Отечества, эти сведения активно вводятся в оборот. Они были оцифрованы корпорацией «ЭЛАР» и опубликованы в Объединенном банке данных «Мемориал» и ГИС «Память народа», что повысило их доступность и предоставило широкие возможности для проведения научных исследований.

Большой частью это донесения воинских подразделений о безвозвратных потерях, карточки военнопленных, документы из госпиталей и т. д., в которых сообщаются сведения о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в 1941–1945 гг. Чаще

¹ Приморский улус в 1935 г. был разделен на Долбанский и Лаганский улусы, из которых в 1938 г. был выделен Улан-Хольский улус.

всего в этих сведениях указываются: фамилия, имя, отчество персоналии, дата/возраст и место рождения, дата и место призыва, последнее место службы, воинское звание, причина и дата выбытия, первичное место захоронения, название и номер источника информации.

В целом в ОБД «Мемориал» на данный момент указаны сведения о 39 836 персоналиях, призванных из Калмыцкой АССР: 4 528 — Западным РВК; 7 293 — Приютинским РВК; 5 222 — Элистинским ГВК; 3 034 — Сарпинским РВК; 2 642 — Малодербетовским РВК; 2 388 — Черноземельским РВК; 2 924 — Приволжским РВК; 4 929 — Долбанским РВК; 5 063 — Лаганским РВК. Еще 1 813 персоналий обозначены как призванные Калмыцким областным военкоматом. Следует заметить, что здесь, как и книгах памяти, встречаются многочисленные повторы персоналий. Например, уроженец 2-го Икичоносовского сельсовета Яшалтинского района Бабур Домбирович Нусхинов, 1906 г. рождения, призванный Яшалтинским РВК (хотя в этом районе военкомата в годы войны не было), лейтенант 1137-го стрелкового полка, погибший 25 апреля 1944 г. на территории Крымской АССР, в ОБД «Мемориал» указан пять раз с небольшими искажениями в имени.

Кроме того, в ОБД «Мемориал» присутствуют персоналии, которые были ошибочно учтены как призывники других регионов. Так, значительная часть наших земляков отражены как призванные с территории Коми АССР, хотя названия РВК четко показывают, что речь идет о районах, входящих в состав Калмыцкой АССР. При анализе призыва из Коми АССР были выявлены 129 чел., призванных Западным РВК, 32 — Приютинским РВК, 14 — Элистинским ГВК, 14 — Троицким РВК (хотя в указанном улусе не было своего военкомата, и его военнообязанные призывались через Приютинский РВК), 48 — Сарпинским РВК, 57 — Малодербетовским РВК, 22 — Черноземельским РВК, 33 — Приволжским РВК, 4 — Юстинским РВК (призывались через Приволжский РВК), 58 — Долбанским РВК, 72 — Лаганским РВК. Среди других регионов заметно выделяется Сталинградская область, где ошибочно были учтены 172 персоналии (в том числе 88 из Астраханского округа), которые на самом деле призывались калмыцкими военкоматами.

Особенности подготовки сводной базы данных

Перед созданием базы данных массовые источники необходимо подготовить и привести в состояние, пригодное для машинной обработки. Чаще всего для работы с такими базами используют программы Microsoft Excel и Microsoft Access, что не исключает использование других приложений. Вся необходимая информация загружается в виде таблицы, при этом каждая колонка соответствует определенной категории и может фильтроваться в зависимости от заданных параметров. Следует строго следить за тем, чтобы сведения по каждой из категорий укладывались в свои колонки. Поскольку в исходных базах данных имелось много пропусков в разных категориях, то решение этого вопроса заняло большое количество времени.

Из категорий, представленных в вышеуказанных массовых источниках и пригодных для машинной обработки, мы выделили следующие параметры, по которым возможно составление сводной базы данных для просопографического исследования безвозвратных потерь военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР:

- 1) фамилия, имя, отчество;
- 2) год и место рождения;

- 3) год и место призыва;
- 4) воинское звание;
- 5) место службы в момент потери;
- 6) дата и регион потери;
- 7) категории потери.

При этом мы можем столкнуться с различными проблемами.

Первая из них связана с неправильным написанием имен собственных. Это неудивительно, поскольку многие сведения об участниках войны были написаны в «полевых условиях», причем зачастую нештатные ротные и взводные писари заполняли документы после тяжелых боев, в которых они участвовали наравне с остальными бойцами, при плохом освещении и находясь в состоянии усталости и стресса. Хотя командиры старались в писари выбирать грамотных бойцов, это удавалось не всегда. Большие проблемы для писарей иных национальностей представляли калмыцкие имена и топонимы. Немало ошибок было допущено на современном этапе при наборе текстов. Поэтому при подготовке базы данных важно правильно реконструировать написание фамилии, имени и отчества, а также названия населенных пунктов, районов, регионов. Приведем несколько примеров подобного рода ошибок, зафиксированных нами в книге «Память. Санл» и ОБД «Мемориал» (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2. Сведения о гибели лейтенанта Бадмы Улазгиновича Авляева
 [Память, 1 1995: 25; Память, 2 1995: 6; Память 2010: 4; Мемориал 2006–2021]
 [Table 2. Data on the death of Lieutenant Badma U. Avlyaeve]

Источник	ФИО	Год рожд.	Место рождения	Место призыва	Звание и должность	Воинская часть	Дата потери
[Память, 1 1995: 25]	Авляев Бадма Улейтинович	1921	—	Калмыцким РВК	лейт.	1118-й сп	погиб 21.03.1943
[Память, 2 1995: 6]	Авляев Бадма Улазгинович	—	—	Сарпинским РВК	—	—	пропал без вести
[Память 2010: 4]	Авяев Бадна Улезгинович	—	Хошгутовский с/с, Кетченеровский р-н Калм. АССР	Эли-стинским ГВК	лейт.	—	убит 21.01.1942

«Мемориал», приказ ГУФУ КА об исключении из списков ¹	Авляев Бадьма Улейтинович	1921	—	—	лейт., ком. взвода	1118-й сп	погиб 21.01.1942 на Южном фронте
«Мемориал», донесение о потерях 333-й сд ²	Авляев Бадьма Улейтинович	1921	Хачедовский с/с, Кодненовский р-н Коми АССР	—	лейт., ком. взвода	1118-й сп 333-й сд	—
«Мемориал», извещение о гибели ³	Авяев* Бадна Улезгинович	—	Хошгутовский* с/с Кетченеровский р-н Калм. АССР	—	лейт., ком. взвода	—	убит 21.01.1942 под с. Маяки Сталинской обл., похоронен в п. Щурово
«Мемориал», список братской могилы ⁴	Авляев Бадна Улезгинов	—	—	—	лейт.	—	погиб 21.01.1942, могила №11 п. Щурово, г. Красный Лиман

* В оригинале документа написано «Авляев» и «Хошгутовский».

При этом в его учетно-послужной карточке, доступной на сайте ГИС «Подвиг народа», указано, что Авляев Бадма Улазгинович, 1921 г. рождения, калмык, член ВЛКСМ с 1938 г., образование среднее, 9 июня 1941 г. окончил пехотное училище. По его окончании приказом командующего Северо-Кавказским военным округом № 00124 получил воинское звание «лейтенант» и назначен командиром взвода

1118-го сп. В приказе 9-й армии № 0182 от 15 марта 1942 г. указано, что он «погиб в боях за родину». Аналогичный приказ Главного управления формирования и комплектования Красной армии (ГУФУ КА) № 0160 вышел 9 мая 1942 г. [Память народа 2015–2021]. При этом следует учесть, что в поисковой строке объединенных банков данных следует использовать написание фамилии в форме «Авляев» и «Авяев».

Таблица 3. Сведения о гибели младшего лейтенанта Сангаджи Улазгановича Мочаева

[Память 1995, 1: 122; Память 1995, 2: 284; Мемориал 2006–2021]

[Table 3. Data on the death of Sub-lieutenant Sangadzhi U. Mochaev]

Источник	ФИО	Год рожд.	Место рождения	Место призыва	Звание	Воинская часть	Дата потери
[Память, 1 1995: 122]	Могаев Санджи Батаевич	—	п. Чилгир Калм. АССР	Яшкуль-ским РВК	мл. лейт.	273-й кп	пропал без вести 19.12.1942

¹ ОБД «Мемориал», приказ ГУФУ КА об исключении из списков [электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_prikaz9055125/?static_hash=9683fbbf0c7df5e-663faaa2165a9eff6v2 (дата обращения: 15.10.2022).

² ОБД «Мемориал», донесение о потерях 333-й сд [электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie51865107/?static_hash=9683fbbf0c7df5e663faaa2165a9eff6v2 (дата обращения: 15.10.2022).

³ ОБД «Мемориал», извещение о гибели [электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie73719051/?static_hash=9683fbbf0c7df5e-663faaa2165a9eff6v2 (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ ОБД «Мемориал», список братской могилы [электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie83681615/?static_hash=9683fbbf0c7df5e663faaa2165a9eff6v2 (дата обращения: 15.10.2022).

[Память, 1 1995: 122]	Могаев Санджи Уланович	—	Калм. АССР	—	мл. лейт.	110-я кд	пропал без вести 19.12.1942 под с. Битсей
[Память, 2 1995: 284]	Мочаев Сангаджи Уланович	1915	Калм. АССР	Черноземельским РВК	мл. лейт., ком. взвода	311-й кп 110-й кд	пропал без вести 19.12.1942
«Мемориал», приказ об исключении из списков ¹	Мочаев Сангаджи Уланович	1915	—	—	мл. лейт., ком. взвода	311-й кп 110-й кд	пропал без вести 19.12.1942

Кроме того, в ОБД «Мемориал» есть доносение Элистинского ГВК о направлении 4 января 1942 г. уроженца с. Чилгир Мачаева Сангаджи Умомджиевича (в оригинале написано «Сангаджи Улюмджиевич»), 1923 г. рождения, в Пятигорск, в кавалерийское училище. В ГИС «Память народа» имеется его учетно-послужная карточка, в которой написано, что Мочаев Сангаджи Лозганович, 1923 г. рождения, был призван в 1942 г., имел звание младшего лейтенанта и якобы служил в 37-й армии.

Однако этот человек является родственником (двоюродным братом матери) одного из соавторов статьи, поэтому его биография нам хорошо известна. Сангаджи Улазганович Мочаев, 1915 г. рождения, был уроженцем Зюнгар-Бадмахиновского рода, которых обычно записывали уроженцами с. Чилгир Черноземельского (ныне — Яшкульского) района Калмыцкой АССР. Он работал учителем, был призван на службу в 110-ю Калмыцкую кд, откуда его направили на обучение в калмыцкий взвод национального отделения Новочеркасского кавалерийского училища, эвакуированного в Пятигорск. Летом 1942 г. училище принимало участие в боях с противником. В октябре 1942 г. часть калмыков-курсантов была выпущена офицерами. Младший лейтенант С. У. Мочаев был назначен командиром пулеметного взвода 311-го кп 110-й Калмыцкой кд. Комсогр 311-го кп М. И. Гучинов в своем дневнике писал, что в ночь с 17 на 18 декабря 1942 г. 311-й кп выступил из аула

Бейсей на штурм аула Ямангой, занятых сильным гарнизоном. В ходе тяжелого боя 4-й эскадрон, к которому были прикомандированы пулеметчики С. У. Мочаева, понес большие потери и стал отступать по ровной, лишенной растительности степи. Противник стал расстреливать отступающих кавалеристов. Тогда пулеметчики офицеров-комсомольцев Г. Лебедева и С. У. Мочаева, расположившись на скирдах соломы, стали подавлять вражеские огневые точки. Фашисты перенесли огонь на скирды, зажгли их, накрыли огнем минометов. Оба офицера были ранены, но продолжали вести огонь по врагу. Тогда немцы подтянули на этот участок артиллерию и уничтожили обе огневые точки. Рассказ М. И. Гучинова завершается словами: «Смертью храбрых погибли пулеметчики Георгий Лебедев и Санджи Мачаев» [В боях 1973: 75–76].

Как видно, даже офицер-калмык, опытный политработник не смог правильно записать имя и фамилию земляка. Что же говорить о писарях иных национальностей? Мы специально в качестве примера взяли офицеров, на которых имеется больше информации, включая специальную картотеку в Центральном архиве Министерства обороны. Очевидно, что в ходе работы над именами собственными в базе данных, помимо сличения персоналий в поисках повторов, необходимо также хорошо разбираться в антропонимике и топонимике соответствующих регионов, особенно национальных.

¹ ОБД «Мемориал», приказ об исключении из списков [электронный ресурс] // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memori-al-chelovek_prikaz74682396/?static_hash=9683fb-f0c7df5e663faaa2165a9eff6v2

(дата обращения: 15.10.2022).

Еще одной проблемой стал формат даты, которая должна быть пригодной для машинной обработки. Привычный формат (номер дня, название месяца, номер года, например, 22 июня 1941 г.) здесь не подходит, так как в электронных программах Microsoft Excel и Microsoft Access очень сложно будет подбирать фильтр на отдельные месяцы, группу месяцев или года. Такие же сложности возникнут и при сокращенном цифровом формате (например, 22.06.41). Для того чтобы большие массивы информации можно было фильтровать по дате, все сведения о датах необходимо записывать в классическом цифровом формате (например, 22.06.1941). Это позволит проводить анализ отдельно по годам, месяцам и даже дням.

Немало проблем может вызвать и работа с географическими объектами. Ведь в XX в. наша страна пережила несколько серьезных административно-территориальных реформ и несколько волн переименований населенных пунктов, районов, регионов и макрорегионов. Рассмотрим эти проблемы на конкретном примере. Лиджи Сарангович Багеев, 1893 г. рождения в книге «Широклаг. Широкстрой», указан уроженцем станции Лихая Ворошиловградской области Украинской ССР [Широклаг 2000: 26]. На самом деле, в 1893 г. указанная станция относилась к Области Войска Донского. В 1920–1924 гг. эта территория входила в состав Донецкой губернии Украинской ССР, при этом Ворошиловградская область была образована только в 1938 г. В 1924 г. Шахтинский округ (в который входила Лихая) был передан из Донецкой губернии Украинской ССР в Юго-Восточную область РСФСР, которая многократно переименовывалась и изменяла свои границы. С 1937 г. и по сей день указанные территории находятся в составе Ростовской области. Таким образом, в справочнике имели место модернизация названия региона и макрорегиона, и указанные наименования не соответствовали реальным ни на момент рождения, ни на момент заполнения карточки в 1944 г., ни на какую-либо другую дату.

Таким образом, видно, что при работе с географическими объектами проблемы могут возникнуть (помимо искажения наименования) и с переименованиями объекта, и с его административно-территориаль-

ной принадлежностью, так как населенные пункты могут относиться к разным районам, регионам и даже союзным республикам. Это заметно искажает результаты квантитативного анализа и делает некорректным составленный просопографический портрет. Для получения точных результатов необходимо зафиксировать административно-территориальное устройство страны и наименование населенных пунктов, районов, регионов и макрорегионов на определенную дату. Нами была выбрана дата 22 июня 1941 г., на которую реконструируются названия всех населенных пунктов и их административная подчиненность. Соответственно, в базе данных место рождения Л. С. Багеева мы указали как станция Лихая Шахтинского района Ростовской области. Любопытно отметить, что в другом аннотированном справочнике — 1-м томе книги «Солдаты Победы» этот человек отмечен как уроженец станицы Батлаевской Калмыцкого района Ростовской области [Солдаты Победы 2005: 21].

Большой объем работы пришлось осуществлять и при анализе места службы в момент гибели или пропажи без вести искомых персоналий. Как правило, в книгах памяти и иных базах данных указывается часть (полк) и, в лучшем случае, дивизия. Однако эти структуры слишком многочисленны, что не позволяет делать сколь-нибудь значимые обобщения. Для того чтобы понять, на каких участках фронта концентрировались уроженцы нашего региона, требуется более крупные структуры. Соответственно, необходимо установить, в какие вышестоящие соединения и объединения входили указанные части в интересующий нас период. Для этого пришлось осуществить реконструкцию и выявить соответствующие номера корпусов, армий и названия фронтов. Для этого использовались справочник «Боевой состав Советской армии», в котором приведены сведения о всех соединениях и отдельных частях Красной армии периода Великой Отечественной войны на 1-е число каждого месяца [Боевой состав 1964; Боевой состав 1966; Боевой состав 1972; Боевой состав 1988; Боевой состав 1990], а также сайты «Память народа», «Танкфронт» и «Солдат.ру». Эти данные в большинстве случаев позволяют реконструировать необходимые сведения.

Приведем пару примеров таких реконструкций. Например, в 3-м томе книги «Память. Санл» указано, что Сакил Мудаевич Нахатанов, погибший на территории Калмыцкой АССР 20 ноября 1942 г., служил в 107-м гв. сп 34-й гв. сд [Память 2005: 95]. Обращение к справочнику позволило установить, что эта дивизия на указанную дату входила в состав 28-й армии Сталинградского фронта (2-го форм.) [Боевой состав 1966: 216]. В этот период 34-я гв. сд действительно сражалась на территории Калмыкии и 20 ноября 1942 г. приняла участие в наступлении под Хулхутой.

Однако часто бывают случаи, когда номер части и соединения указан с ошибкой, что требует более тщательного анализа. Например, во 2-м томе книги «Память. Санл» указано, что уроженец Долбанского улуса Тунгута Маштыков, умерший от ран 11 сентября 1943 г. и захороненный в с. Безымянное Курской области, служил в 199-м сп 90-й сд [Память, 2 1995: 367]. Обращение к справочникам показало, что в указанный период 199-й сп входил в состав 39-й сд 59-го стрелкового корпуса (далее — ск) 1-й армии Дальневосточного фронта и никак не мог участвовать в боях с фашистами. 90-я сд в указанный период входила в состав 67-й армии Ленинградского фронта и тоже не могла сражаться на указанном участке фронта. Однако здесь мы предположили, что при записи номера части было опущено слово «гвардейский» — вполне распространенная ошибка. Выяснилось, что 199-й гв. сп входил в состав 67-й гв. сд 23-го гв. ск 6-й гв. армии Воронежского фронта и летом 1943 г. принимала участие в Курской битве и Белгородско-Харьковской наступательной операции, что соответствует месту гибели искомой персоналии.

Презентация результатов анализа

Поскольку сама база данных изначально формировалась в виде таблицы, то, очевидно, результаты исследования также можно излагать в этой форме. При этом результаты можно выявлять не по одной, а нескольким категориям, выставив соответствующие фильтры в колонках.

Например, возможно осуществить анализ распределения потерь по временным периодам, а затем установить, на каких участках фронта наши земляки понесли

наибольшие потери. Осуществив такой анализ имеющейся на сегодня базы данных (составленной на основе сведений, выявленных в книге «Память. Санл»), удалось установить, что наибольшее количество безвозвратных потерь военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, приходится на следующие участки:

- в 1941 г. — на Южный фронт (33,9 %), где явно преобладает 38-я кд;
- в 1-м полугодии 1942 г. — на Юго-Западный фронт (33,2 %), где выделяются 3-й гв. кавалерийский корпус (далее — кк) и 226-я сд;
- во 2-м полугодии 1942 г. — на Сталинградский и Донской фронты (39,6 %), где выделяются 3-й гв. кк, 14-я гв., 226-я, 248-я сд;
- в 1-м полугодии 1943 г. — на Южный фронт (35,2 %), где выделяются 34-я гв., 248-я сд, 159-я стрелковая бригада;
- во 2-м полугодии 1943 г. — на Южный фронт (40,3 %), где выделяются 34-я гв., 130-я, 248-я сд;
- в 1944–1945 гг., после массового снятия калмыков, особо выделяющихся фронтов уже нет.

Другим способом представления проведенного анализа могут стать графики, которые также позволяют получить интересные результаты. Приведем графики распределения безвозвратных потерь по годам рождения призывников из трех регионов (см. рис. 1).

Любопытно отметить, что во всех трех регионах, не граничащих между собой и имеющих сильно отличающиеся экономическую структуру, социальный и национальный облик, мы замечаем схожую картину (при некоторых расхождениях): трезубец с зубцами разной длины, относящимися примерно к 1912, 1918 и 1924 гг. При этом в 1925–1926 гг. во всех трех регионах отмечается резкий спад. Очевидно, что два крупных «провала» связаны с падением рождаемости в Первой мировой и Гражданской войнах соответственно, причем большая часть калмыков в царской России не несла воинской повинности, но подверглась мобилизации на тыловые работы в 1916 г., поэтому в Калмыкии спад начался позже, чем в других регионах, в которых массовый призыв на военную службу начался еще в 1914 г. Голод в Поволжье 1921–1922 гг. в средневолжской Куйбышевской области отразился гораздо

глубже, чем в нижневолжской Калмыкии и волго-вятской Мордовии. Поэтому в 1922 г. в Куйбышевской области происходит еще больший спад рождаемости, в то время как в Калмыкии и Мордовии после характерной «ступеньки» 1921 г. начинается демографический рост. Спад после 1925–1926 г. связан с тем, что призыв 1943 г. (основу которого составила молодежь 1926 г. рождения) в

войска попал после полугодового обучения, при этом многих направляли в тыловые части, а призыв 1944 г. (основу которого составила молодежь 1927 г. рождения) на фронт практически не попал. Таким образом, видно, что результаты анализа безвозвратных потерь имеют прямую зависимость от демографической структуры населения и могут быть использованы для ее реконструкции.

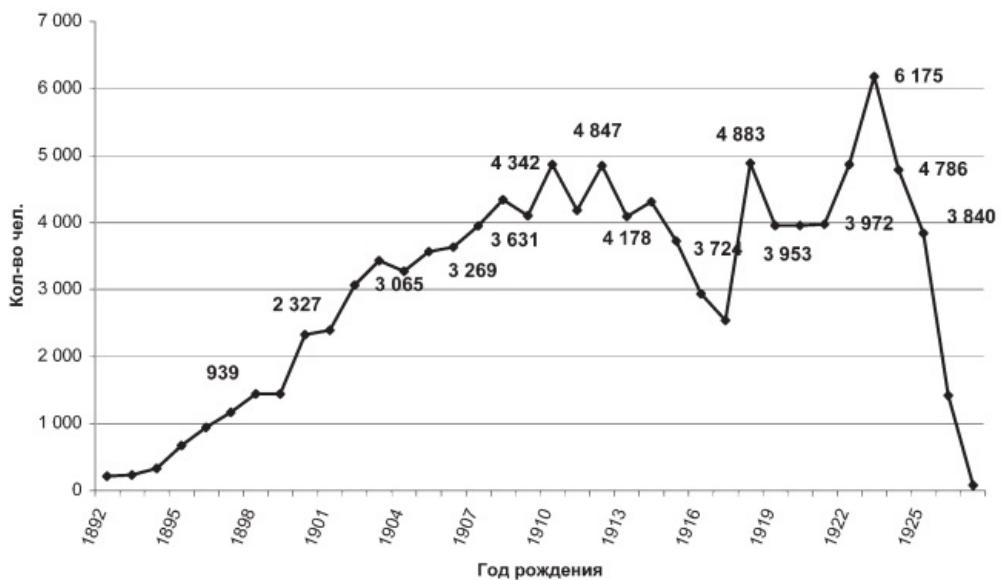

Рис. 1. Распределение безвозвратных потерь по годам рождения призывников из Мордовской АССР [Скворцова 2009: 202]

[Fig. 1. Fatal casualties among servicemen conscripted in the Mordovian ASSR, by year of birth]

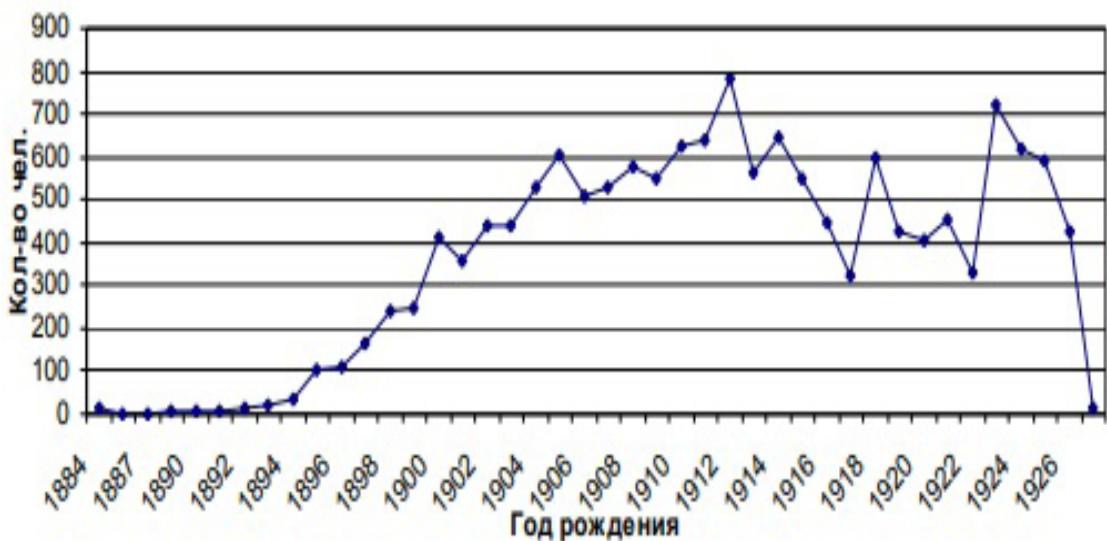

Рис. 2. Распределение безвозвратных потерь по годам рождения призывников из Куйбышевской области [Бушуева 2008: 1128]

[Fig. 2. Fatal casualties among servicemen conscripted in Kuybyshev Oblast, by year of birth]

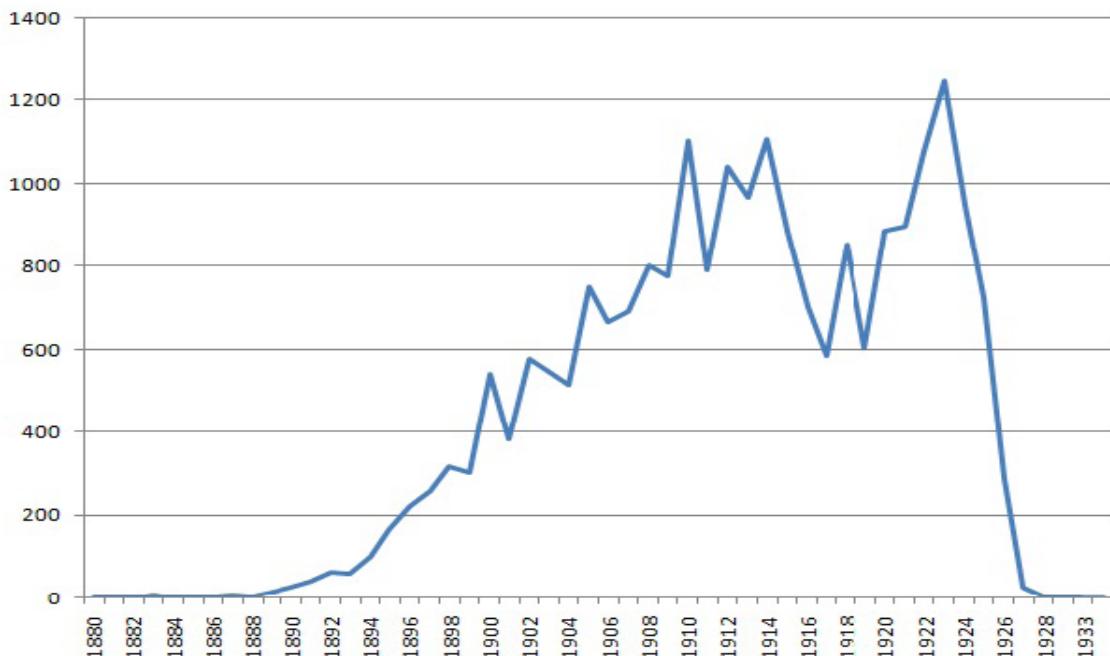

Рис. 3. Распределение безвозвратных потерь по годам рождения призывников из Калмыцкой АССР [Воробьев 2022: 692]

[Fig. 3. Fatal casualties among servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by year of birth]

Заключение

Результаты исследования показывают, что работа с массовыми источниками и квантитативные исследования имеют огромный потенциал и в сфере военной истории, в том числе в изучении вопроса безвозвратных потерь периода Великой Отечественной войны. Конечно, такая работа весьма сложна в силу массивности источников, наличия значительного количества ошибок, неточностей и пропусков, но при их исправлении и реконструкции, грамотный анализ мас-

совых источников представляет широкие перспективы для изучения истории войны 1941–1945 гг., в частности составления просопографического портрета военнослужащих Красной армии, призванных из отдельных регионов по разным категориям параметрам (время и место рождения, место призыва и службы и т. д.). Такие исследования являются важным инструментом для более точного понимания и реконструкции реальной истории Великой Отечественной войны.

Боевой состав 1972 — Боевой состав Советской армии. Ч. III: январь–декабрь 1943 года. М.: Воениздат, 1972. 336 с.

Боевой состав 1988 — Боевой состав Советской армии. Ч. IV: январь–декабрь 1944 года. М.: Воениздат, 1988. 376 с.

Боевой состав 1990 — Боевой состав Советской армии. Ч. V: январь–сентябрь 1945 года. М.: Воениздат, 1990. 216 с.

Бюргиев 2014 — Бюргиев З. Б. Книга Памяти «Солдаты и труженики Эрднинского». Элиста: НПП «Джангар», 2014. 192 с.

В боях 1973 — В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.

Источники

Артезиан 2015 — Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 168 с.

Башанкаев, Папуев 2008 — Башанкаев В., Папуев В. Целинный район. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 248 с.

Бессмертный полк 2021 — Бессмертный полк Приютненского района РК / сост. Н. В. Куникина, И. П. Морозова. Ч. 1. Ставрополь: Сервисшкола, 2021. 296 с.

Боевой состав 1964 — Боевой состав Советской армии. Ч. I: январь–декабрь 1941 года. М.: Воениздат, 1964. 84 с.

Боевой состав 1966 — Боевой состав Советской армии. Ч. II: январь–декабрь 1942 года. М.: Воениздат, 1966. 265 с.

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.11.2022).
- Книга 2015 — Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Т. Б. Инжиева и др. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 460 с.
- Книга нашей 2020 — Книга нашей Памяти. Светлоярский район, Волгоградская область. Выпуск 1-й. Жители района, отдавшие жизнь за Родину на фронтах Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / авт.-сост. А. А. Смирнов. Волгоград: ООО «Новые краски», 2020. 344 с.
- Книга памяти 2017 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. I. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtualnaya-vystavka/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyyu-tom.pdf> (дата обращения: 05.01.2023).
- Книга памяти 2018 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. II. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (дата обращения: 05.01.2023).
- Книга памяти 2019 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. III. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (дата обращения: 05.01.2023).
- Книга памяти 2020 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. IV. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. 26.05.2020. URL: <http://malderadm.ru/arkhivom-administracii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voynu-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (дата обращения: 05.01.2023).
- Манджиев 2011 — Манджиев Н. Ц. Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 80 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия
- Назовем поименно, 1 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. I. А–В. 480 с.
- Назовем поименно, 2 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. II. Г–И. 512 с.
- Назовем поименно, 3 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. III. К–Л. 488 с.
- Назовем поименно, 4 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. IV. М–П. 544 с.
- Назовем поименно, 5 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. V. Р–Т. 464 с.
- Назовем поименно, 6 1995 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. VI. У–Я. 440 с.
- Назовем поименно 2010 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 7 т. Астрахань: Управление делами губернатора Астраханской области, 2010. Т. VII. Погибшие и пропавшие без вести (дополнительно). 346 с.
- Назовем поименно 2015 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. В 8 т. Астрахань: Управление делами губернатора Астраханской области, 2015. Т. VIII. А–Я (дополнительно). 390 с.
- Назовем поименно 2016 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. 2016. Т. IX. А–Я (доп.) [электронный ресурс] // Астраханская областная общественная организация по патриотическому, правовому и физическому развитию молодежи. Справочники. Книги памяти. URL: <https://astrakhanskie-patrioty.ru/spravochniki/knigi-pamyati> (дата обращения: 25.12.2022).
- Назовем поименно 2020 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. 2020. Т. IX. А–Я (доп.) [электронный ресурс] // Астраханская областная общественная организация по патриотическому, правовому и физическому развитию молодежи. Справочники. Книги памяти. URL: <https://astrakhanskie-patrioty.ru/>

- справочники/книги-памяти (дата обращения: 25.12.2022).
- Назовем поименно 2022 — Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. 2020. Т. IX. А–Я (доп.) [электронный ресурс] // 9 мая. Память военных лет. Книга памяти Астраханской области. URL: <https://9may.astrobl.ru/pamyat-voennuykh-let/kniga-pamyati-astrakhanskoy-oblasti> (дата обращения: 25.12.2022).
- Мемориал 2006–2021 — ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». Военно-мемориальный центр ВС РФ, МО РФ; корпорация «ЭЛАР». URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 16.11.2021).
- Память народа 2015–2021 — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 05.12.2022).
- Подвиг народа 2010–2020 — ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». МО РФ: Департамент развития информационных технологий, Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 07.12.2022).
- Памяти живые 2015 — Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н. В. Кункина, О. В. Чернышова. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 304 с.
- Память 1 1995 — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 2 1995 — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл / сост.: А. В. Цюрямов и др.; редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Солдаты Победы 2005 — Солдаты Победы. Т. I. Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской об- ласти / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 203 с.
- Солдаты Победы 2007 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.
- Солдаты Победы 2010 — Солдаты Победы. Са- мара: ИД «Агни», 2010. 420 с.
- Солдаты 2015 — Солдаты Великой войны: Спички, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА «Калмыкия», 2015. 120 с.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- ФЗ 1993 — Федеральный закон от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 19 июля 2018 г.) «Об уве-ковечении памяти погибших при защите Отечества» // [электронный ресурс] // Зако-нодательство Российской Федерации. Сбор-ник основных федеральных законов. URL: <https://fzrf.su/zakon/1993-01-14-n-4292-1/> (дата обращения: 05.01.2023).
- Цобдаев 2004 — Цобдаев А. Б. Судьба военно- пленного. Художественно-документальное повествование. Махачкала: Полиграф-Экс-пресс, 2004. 107 с.
- Цобдаев 2008 — Цобдаев А. Б. Судьба военно- пленного. Художественно-документальное повествование (доп. и переизд.). Элиста: НПП «Джангар», 2008. 227, [13]с.
- Цобдаев 2011 — Цобдаев А. Б. Судьба военно- пленного: художественно-документальное повествование. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 464 с.
- Широкстрой 1994 — Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участ-ников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки кал-мыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: спи-ски калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фрон-тов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа) Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Alekseeva P. E. (comp.) *Soldiers of the Victory. Vol. 1: A Name List of War (1941–1945) Participants Native to Kalmytsky District (Raion) of Rostov Oblast*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 203 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Bayanova A. T., Zayarny S. A., Lantsanova L. Yu. (comps.) *Soldiers of the Victory. Vol. 2: A Name List of Soldiers and Officers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division*. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 373 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) *Soldiers of the Victory. Vol. 2: A Name List of Soldiers and Officers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 272 p. (In Russ.)
- Bairova A. B., Bembeeva T. Ch., Lidzhi-Goryaeva S. E., Neyachenko R. V. (comps.) *The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name Lists of Kalmyk Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Front Line Combat Service in 1944–1945*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Basangov I. N. (comp.) *Artezian: We Remember, We Are Proud*. Elista: Dzhangar, 2015. 168 p. (In Russ.)
- Bashankaev V., Papuev V. *Tselinny District [Republic of Kalmykia, Russia]*. Elista: Dzhangar, 2008. 248 p. (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 1: А–Б. 480 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 2: Г–И. 512 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 3: К–Л. 488 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 4: М–П. 544 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 5: Р–Т. 464 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 6 vols. Volgograd: Committee for Press, 1995. Vol. 6: У–Я. 440 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 7 vols. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Oblast Governor, 2010. Vol. 7: KIAs and MIAs (add. vol.). 346 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 8 vols. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Oblast Governor, 2015. Vol. 8: А – Я (add. vol.). 390 p.* (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. 2016. Vol. 9: А – Я (add. vol.). On: Astrakhan Oblast Public Organization for Patriotic Education, Legal Awareness and Physical Development of Youth. Reference and memorial books*. Available at: <https://astrakhanskie-patrioty.rf/spravochniki/knigi-pamyati> (accessed: 25 December 2022). (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. 2020. Vol. 9: А – Я (add. vol.). On: Astrakhan Oblast Public Organization for Patriotic Education, Legal Awareness and Physical Development of Youth. Reference and memorial books*. Available at: <https://astrakhanskie-patrioty.rf/spravochniki/knigi-pamyati> (accessed: 25 December 2022). (In Russ.)
- Be They Known by Names. *The Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. 2020. Vol. 9: А – Я (add. vol.). On: 9 May. Memory of the War Years. The Memorial Book of Astrakhan Oblast*. Available at: <https://9may.astrobl.ru/pamyat-voennykh-let/kniga-pamyati-astrakhanskoy-oblasti> (accessed: 25 December 2022). (In Russ.)
- Byurchiev Z. B. *Soldiers and Home Front Workers of Erdnievsky: A Memorial Book*. Elista: Dzhangar, 2014. 192 p. (In Russ.)
- Combat Strength of the Soviet Army. Pt. 1: January–December 1941. Moscow: Voenizdat, 1964. 84 p. (In Russ.)
- Combat Strength of the Soviet Army. Pt. 2: January–December 1942. Moscow: Voenizdat, 1966. 265 p. (In Russ.)
- Combat Strength of the Soviet Army. Pt. 3: January–December 1943. Moscow: Voenizdat, 1972. 336 p. (In Russ.)
- Combat Strength of the Soviet Army. Pt. 4: January–December 1944. Moscow: Voenizdat, 1988. 376 p. (In Russ.)
- Combat Strength of the Soviet Army. Pt. 5: January–September 1945. Moscow: Voenizdat, 1990. 216 p. (In Russ.)
- Federal Law of 14 January 1993 no. 4292-1 (rev. 19 July 2018) on Perpetuating the Memory of Those Who Were Killed Defending Homeland.

- On: Legislation of the Russian Federation. Collection of Key Federal Laws. Available at: <https://fzrf.su/zakon/1993-01-14-n-4292-1/> (accessed: 5 January 2023). (In Russ.)
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) *The Memory*. Sanl. Vol. 3. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 156 p. (In Russ.)
- Inzhieva T. B. et al. (comps.) *The Memorial Book: 1941–1945*. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Dzhangar, 2015. 460 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. (comp., ed.) *In Battles for the North Caucasus: Personal Recollections by Soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 124 p. (In Russ.)
- Kunikina N. V., Chernyshova O. V. (comps.) *The Living Springs of Memory: Priyutnensky District of Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Elista: Dzhangar, 2015. 304 p. (In Russ.)
- Kunikina N. V., Morozova I. P. (comps.) *The Immortal Regiment of Priyutnensky District* [Republic of Kalmykia, Russia]. Pt. 1. Stavropol: Servisshkola, 2021. 296 p. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. *Warriors from Chilgir* [Republic of Kalmykia, Russia]. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Dzhangar, 2011. 80 p. (In Russ.)
- Neyachenko R. V. (comp.) *The Memorial Book of Kalmyk Deportation*. Vol. 3. Book 2: Collected Personal Recollections by Kalmyk Red Army Soldiers Involved in the Construction of the Shirokovsky Dam. Elista: Dzhangar, 1994. 190 p. (In Russ.)
- OBD Memorial (online database). Available at: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: 16 November 2021). (In Russ.)
- OBD Pamiat Naroda (online database). Available at: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 5 December 2022). (In Russ.)
- OBD Podvig Naroda (online database). Available at: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (accessed: 7 December 2022). (In Russ.)
- Russian Census of 2010. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 25 November 2022). (In Russ.)
- Smirnov A. A. (comp.) *The Book of Our Memory: Svetloyarsky District of Volgograd Oblast. Vol. 1: Residents of the District Killed in the Great Patriotic War (Celebrating the 75th Anniversary of the Victory)*. Volgograd: Novye Kraski, 2020. 344 p. (In Russ.)
- Soldiers of the Great War: Lists, Biographical Notes, Photographs of War Participants and Veterans (1941–1945) Native to Chernozemelsky District of Kalmykia. Elista: RIA Kalmykia, 2015. 120 p. (In Russ.)
- Soldiers of the Victory. Samara: Agni, 2010. 420 p. (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 1. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtual-naya-vystavka/kniga-pamyati.-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (accessed: 5 January 2023). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 2. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (accessed: 5 January 2023). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 3. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (accessed: 5 January 2023). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Posted on 26 May 2020. Available at: <http://malderadm.ru/arkhivom-administraci-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otchestvennoy-voynы-1941-1945-gg-podgotovlen-bullet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (accessed: 5 January 2023). (In Russ.)
- Tsobdaev A. B. *The Fate of a POW: A Fiction and Documentary Narrative*. Makhachkala: Poligraf-Ekspress, 2004. 107 p. (In Russ.)
- Tsobdaev A. B. *The Fate of a POW: A Fiction and Documentary Narrative*. Suppl. Elista: Dzhangar, 2008. 227, [13] p. (In Russ.)
- Tsobdaev A. B. *The Fate of a POW: A Fiction and Documentary Narrative*. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Dzhangar, 2011. 464 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. et al. (comps.) *The Memory*. Sanl. K. Ilyumzhinov et al. (eds.). Vol. 4. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)

Vaskin S. S. et al. (comps.) *The Memory. Sanl.* In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)

Vaskin S. S. et al. (comps.) *The Memory. Sanl.* In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)

Литература

Бушуев 2022 — *Бушуев А. С.* Уроженцы Поволжья и Волго-Вятского района в составе боевых потерь РККА при освобождении северо-восточной Польши в 1944–1945 гг. // Регионы России в военной истории страны: мат-лы IV Всеросс. научно-практ. конф. (г. Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 179–191.

Бушуева 2008 — *Бушуева О. Ю.* Безвозвратные потери уроженцев Куйбышевской области на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1125–1130.

Воробьева 2020 — *Воробьева В. Н.* Мемориализация участников Великой Отечественной войны в книгах памяти районов и сел Калмыкии // Бюллентень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 40–54. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54

Воробьева 2022 — *Воробьева В. Н.* Количественный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697

Ермолаев, Плотникова 2011 — *Ермолаев Д. Е., Плотникова Е. В.* Анализ безвозвратных потерь военнослужащих, призванных в РККА в годы Великой Отечественной войны из Чувашии // Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей республиканской научно-практической конференции, посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (Чебоксары, 19–20 февраля

2010 г.). Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2011. С. 141–146.

Иванов 2010 — *Иванов А. А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны (анализ и интерпретация массовых источников) // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 25–34.

Игошина (Бушуева) 2020 — *Игошина О. Ю.* Электронные исторические источники по проблеме безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Куйбышевской (Самарской) области) // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 220–225.

Очиров, Воробьева 2020 — *Очиров У. Б., Воробьева В. Н.* Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357

Очиров, Ершов, Гунаев 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.

Скворцова 2009 — *Скворцова Л. Г.* Боевые потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 199–205.

Скворцова 2015 — *Скворцова Л. Г.* Боевые потери уроженцев Куйбышевской области, Мордовской и Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Экономическая история. 2015. № 3 (30). С. 32–41.

Igoshina O. Yu. Historical e-sources on the problem of the irrevocable human losses during the great Patriotic war of 1941-1945 (by the example of the Kuibyshev (Samara) Region). *Samara Journal of Science*. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 220–225. (In Russ.)

Ivanov A. A. Combat casualties among peoples of Tatarstan during the Great Patriotic War: Analysis and interpretation of mass sources. *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)*. 2010. No. 2. Pp. 25–34. (In Russ.)

Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020.

References

- Bushuev A. S. Liberating Northeast Poland, 1944–1945: Fatal casualties among Red Army servicemen native to the Volga and Volga-Vyatka regions. In: Regions of Russia in National Military History. Conference proceedings (Yoshkar-Ola, 16–17 November 2022). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 2022. Pp. 179–191. (In Russ.)
- Bushueva O. Yu. The irrevocable human losses of Kuibyshev Region during the Great Patriotic War. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2008. Vol. 10. No. 4. Pp. 1125–1130. (In Russ.)

- Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
- Ochirov U. B., Yershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia — Participants of the Battle for Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Skvortsova L. G. Combat losses of natives of Kuibyshev Region, Mordovian and Tatar ASSR during the Great Patriotic War (The comparative analysis). *Russian Journal of Economic History*. 2015. No. 3 (30). Pp. 32–41. (In Russ.)
- Skvortsova L. G. The battle losses among natives of the Mordovia during the Great Patriotic War (The comparative analysis). *Izvestiya of Altai State University*. 2009. No. 4–3 (64). Pp. 199–205. (In Russ.)
- Vorobyova V. N. The memorialization of the participants of the Great Patriotic War in the memorial books of the regions and villages of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 40–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54
- Vorobyova V. N. The Memory. Sanl: A quantitative analysis of the consolidated database by time and place of birth and conscription. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 684–697. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684–697
- Yermolaev D. E., Plotnikova E. V. Analyzing fatal casualties among military personnel conscripted during the Great Patriotic War in Chuvashia. In: Chuvashia before and during the Great Patriotic War. Jubilee conference proceedings (Cheboksary, 19–20 February 2010). Cheboksary: Ulyanov Chuvash State University, 2011. Pp. 141–146. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 109–143, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-109-143

Стоянка-мастерская *Кряж II* — новый памятник эпохи камня в лесостепном Поволжье

Константин Михайлович Андреев¹, Ольга Викторовна Андреева², Анна Сергеевна
 Алешинская³, Марианна Алексеевна Кулькова⁴, Ирина Николаевна Васильева⁵

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького,
 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3707-3142. E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

² Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького,
 443099 Самара, Российская Федерация)

лаборант

 0000-0003-3698-3224. E-mail: olgayer@mail.ru

³ Институт археологии Российской академии наук (д. 19, ул. Дмитрия Ульянова, 117292 Москва,
 Российская Федерация)

кандидат географических наук, заведующий лабораторией

 0000-0002-3177-3482. E-mail: asalesh@mail.ru

⁴ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48/12, наб. реки
 Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат геолого-минералогических наук, доцент

 0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova@mail.ru

⁵ Самарское археологическое общество (д. 127, ул. Ленинская, 443041, Самара, Российская
 Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0808-1285. E-mail: in.vasil@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Андреев К. М., Андреева О. В., Алешинская А. С., Кулькова М. А., Васильева И. Н., 2023

Аннотация. Введение. Статья посвящена представлению результатов раскопок на стоянке-мастерской эпохи камня *Кряж II*, расположенной в лесостепном Поволжье. Данный памятник является уникальным и содержит выразительную коллекцию изделий из кремня и отходов их производства. Целью работы является введение в научный оборот материалов из

раскопок 2017–2019 гг. В задачи исследования входит описание и характеристика полученных археологических комплексов, определение их культурно-хронологической принадлежности и природно-климатического контекста формирования культурного слоя. *Материалы*. За три полевых сезона (2017–2019 гг.) на стоянке была изучена площадь в 192 м². Общая коллекция артефактов насчитывает 5 989 единиц, из них около 250 единиц — керамика и более 5 700 экземпляров — изделия из кремня, из которых пластин около 6 %, а орудий и нуклеусов — менее 1,5 %. Подавляющее большинство находок на всей площади раскопа залегало в небольшой по мощности прослойке (15–20 см) темно-коричневого и в верхней части коричневого суглинка. Проведенный палинологический анализ позволил выделить три спорово-пыльцевых спектра в разрезе культурного слоя. Получено 6 радиоуглеродных дат, маркирующих время бытования стоянки. *Результаты*. Уникальность кремневого комплекса стоянки *Кряж II* связана с повышенной концентрацией кремневых артефактов на квадратный метр изученной площади, абсолютным преобладанием отходов производства и высоким процентом изделий с желвачной коркой, что позволяет интерпретировать памятник в качестве стоянки-мастерской. С типологической точки зрения большая часть керамической коллекции и кремневого инвентаря обнаруживает сходство с материалами средневолжской культуры развитого неолита. В то же время отдельные изделия из кремня и несколько фрагментов керамики по ряду признаков близки энеолитическим древностям региона. Период формирования культурного слоя памятника связан со второй половиной VI – первой половиной V тысячелетия до н. э. и бытование лесостепных ландшафтов, близких современным. *Выводы*. Исследование стоянки-мастерской *Кряж II* позволило получить уникальную для лесостепного Поволжья коллекцию изделий из камня, относящихся преимущественно к поздненеолитическому времени.

Ключевые слова: неолит, энеолит, стоянка-мастерская, лесостепное Поволжье, кремневый инвентарь, радиоуглеродное датирование, палинологический анализ

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации научного проекта РНФ № 19-78-10001 «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)». Палинологические исследования проводились в рамках выполнения темы НИР Института археологии РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (номер госрегистрации: 122011200264-9). Авторы выражают огромную признательность Алексею Алексеевичу Ластовскому, Анастасии Васильевне Чамара, Ирине Романовне Гавриш за рисунки изделий из камня и Елене Валерьевне Хуртиной — за прорисовки керамики.

Для цитирования: Андреев К. М., Андреева О. В., Аleshinskaya A. С., Kulkova M. A., Васильева И. Н. Стоянка-мастерская *Кряж II* — новый памятник эпохи камня в лесостепном Поволжье // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 109–143. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-109-143

Kryazh II — a Newly Discovered Stone Age Workshop Site in the Forest-Steppe Volga Region

Konstantin M. Andreev¹, Olga V. Andreeva², Anna S. Aleshinskaya³, Marianna A. Kulkova⁴, Irina N. Vasiljeva⁵

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3707-3142. E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

² Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Research Laboratory Assistant

 0000-0003-3698-3224. E-mail: olgayer@mail.ru

³ Institute of Archaeology of the RAS (19, Dm. Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation)
 Cand. Sc. (Geography), Head of Laboratory
 0000-0002-3177-3482. E-mail: asalesh[at]mail.ru

⁴ Herzen University (48/12, Moyka Emb., 191186 St. Petersburg, Russian Federation)
 Cand. Sc. (Geology and Mineralogy), Associate Professor
 0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova[at]mail.ru

⁵ Samara Archaeological Society (127, Leninskaya St., 443099 Samara, Russian Federation)
 Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0002-0808-1285. E-mail: in.vasil[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Andreev K. M., Andreeva O. V., Aleshinskaya A. S., Kulkova M. A., Vasiljeva I. N., 2023

Abstract. *Introduction.* The article outlines the results of excavations at *Kryazh II* workshop site located in the forest-steppe Volga region. The site is unique and contains an impressive collection of flint products and manufacturing wastes. *Goals.* The work aims to introduce materials from the excavations of 2017–2019 into scientific circulation. To facilitate this, the study shall describe and characterize the archaeological complexes, determine their cultural and chronological affiliations, and clarify the natural and climatic contexts to have witnessed the formation of the occupation layer. *Materials.* During three field seasons (2017–2019), an area of 192 m² was studied. The total collection of artifacts numbers 5,989, of which ca. 250 items are ceramics and over 5,700 items are flint products — flakes and tools estimated at 6 % and less than 1.5 %, respectively. The majority of the finds over the entire area of the excavation lay in a thin layer (15–20 cm) of dark brown loam and in the upper part of brown loam. The performed palynological analysis makes it possible to identify three spore-pollen spectra in the section of the occupation layer. The paper also reveals six radiocarbon dates marking the time when the site was active. *Results.* The uniqueness of the flint complex at *Kryazh II* is determined by an increased concentration of flint artifacts per square meter of the studied area, an absolute predominance of manufacturing wastes, and a high percentage of products with indurated nodules, which makes it possible to interpret the site as a workshop. From a typological point of view, most of the ceramic items and flint inventory reveal similarities with materials of the Middle Volga culture from the Late Neolithic. At the same time, individual flint items and several fragments of ceramics are close enough to Eneolithic antiquities of the region in a number of aspects. The formation period of the site's occupation layer dates to the mid-6th – mid-5th millennia BC characterized by the existence of forest-steppe landscapes close to modern ones. *Conclusions.* The study of *Kryazh II* workshop site has provided a collection of stone products — unique for the forest-steppe Volga region and dating mainly to the Late Neolithic era.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, workshop site, forest-steppe Volga region, flint inventory, radiocarbon dating, palynological analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-78-10001 ‘Ethnocultural Interaction of the Middle Volga Population in the Stone Age (Mesolithic-Eneolithic)’. Palynological research was carried out within R&D no. 122011200264-9 (Institute of Archaeology of the RAS) ‘Exploring the Formation and Development of Ancient and Medieval Anthropogenic Ecosystems: An Interdisciplinary Approach’. The authors express deep gratitude to Alexei A. Lastovsky, Anastasia V. Chamara, Irina R. Gavril for drawings of flint tools, and to Elena V. Khurtina for drawings of ceramics.

For citation: Andreev K. M., Andreeva O. V., Aleshinskaya A. S., Kulkova M. A., Vasiljeva I. N. *Kryazh II* — a Newly Discovered Stone Age Workshop Site in the Forest-Steppe Volga Region. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 109–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-109-143

Введение

Большое значение для изучения древней истории населения Волго-Уральского региона имеет оперативное введение в научный оборот материалов из раскопок новых памятников региона. Стоянка-мастерская *Кряж II*, исследованная в лесостепном Поволжье, представляет повышенный интерес в связи с тем, что в ходе ее изучения была получена уникальная по объему коллекция изделий из камня, а также естественнонаучные данные. Предварительные результаты раскопок памятника были введены в научный оборот [Андреев 2019: 98–105]. Целью данной работы является обобщение всей накопленной в ходе исследования стоянки информации, описание и характеристика материальных комплексов, а также представление результатов естественнонаучных анализов.

Материалы

Местоположение стоянки и общие сведения

Стоянка *Кряж II* находится в 2 км к северу от пос. Кряж Куйбышевского района г. о. Самара Самарской области. Она расположена в юго-восточной части останца мыса, окруженного с востока и юга старицким озером и примыкающей заболоченной ложбиной, ответвлением озера Гатное, на левом берегу реки Самара. Поверхность стоянки ровная, задернована и возвышается над урезом воды в озере на 2 м. Край мыса порос редкими деревьями, отдельно расположенные деревья растут и на его площадке (рис. 1: 2–3). Для площадки памятника характерно систематическое подтопление во время сильных половодий, вероятно, аналогичная ситуация имела место и в древности. Следствием данного обстоятельства является отсутствие остеологического материала в коллекции стоянки, наличие патины на изделиях из камня и окатанность фрагментов керамики.

Стоянка *Кряж II* открыта в 2006 г. В. А. Цибиным, были заложены три рекогносцировочных шурфа размерами 1×1 метр, в двух из которых (№№ 1 и 2) выявлено наличие культурного слоя. В 2015 г.

памятник осмотрен повторно А. С. Кутявиной и К. М. Андреевым. В целях выявления пределов распространения культурного слоя и определения границ стоянки на ее территории заложено еще десять рекогносцировочных шурфов размерами 1×1 м, три из которых (шурфы №№ 1, 3 и 9) показали наличие культурного слоя, остальные позволили локализовать границы его распространения. В 2017–2019 гг. исследование памятника осуществлялось экспедицией Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) под руководством К. М. Андреева и О. В. Андреевой (см. рис. 1: 1–3). Работы носили научно-исследовательский характер и проводились с применением методики трехмерной фиксации выявленных артефактов и полного просеивания культурного слоя. Всего за три полевых сезона изучена площадь в 192 м². Общая коллекция полученных артефактов составляет 5 989 единиц. Керамики выявлено 254 фрагмента, из них 150 размерами менее 2×2 см, при этом к 1–2 сосудам Нового времени относится 58 черепков (около 1 % от всей коллекции находок), остальные — к эпохе камня (3,2 % от всей коллекции находок). Изделия из камня насчитывают 5 735 единиц, что составляет 95,8 % от всей коллекции артефактов.

Стратиграфия стоянки и планиграфическое распределение материала

Материковый рыхий с темно-коричневыми пятнами суглинок подстилает культурный слой памятника. Над материком на всей площади раскопа располагается слой коричневого плотного, вязкого, комковатого при высыхании суглинка с редкими корешками растений, мощностью от 21 до 35 см. Контакт обозначенного слоя с нижележащим относительно четкий, фиксируется благодаря цветовым различиям в структуре данных литологических горизонтов и их плотности. Над слоем коричневого тяжелого суглинка залегает слой темно-коричневого тяжелого суглинка мощностью от 12 до 24 см. Контакт между ними нечеткий, на отдельных участках профилей фиксируются затеки, различия в цветовой

структуре и плотности незначительные. Все указанные слои перекрываются дерниной — рыхлой по структуре черного цвета, мощностью до 12 см, в среднем 8–10 см. В южной линии секторов раскопа между слоем темно-коричневого тяжелого суглинка и дерном фиксировалась прослойка (намыв) желтого — светло-коричневого песка или легкой супеси, насыщенной корнями растений и с редкими норами землероев, в которой встречались раковины моллюсков (улиток), контакт с нижележащим слоем плавный, достаточно четкий (см. рис. 1: 4).

В ходе раскопок памятника были сделаны важные стратиграфические и планиграфические наблюдения. Глубина залегания культурного слоя на вскрытой площади не равномерна и увеличивается по мере приближения к стариичному озеру из-за наличия прослойки намыва. На удаленных от водоема участках основная концентрация находок связана со слоем темно-коричневого плотного суглинка и верхней частью слоя суглинка коричневого цвета. Артефакты залегали достаточно плотной «пачкой», мощностью 15–20 см, сразу же после дерна. В южных и восточных секторах раскопа, расположенных ближе к озеру, находки располагались под слоем балласта и в глубинном отношении составляли более мощную «прослойку» в 15–35 см. Наиболее насыщенными материалом являлись северные сектора раскопа, в то время как южные, располагающиеся ближе к стариичному озеру, имели немногим меньшую концентрацию артефактов на квадратный метр, однако в целом находки на всей вскрытой площади распределяются достаточно равномерно, не образуя скоплений.

Палинологический анализ

На стоянке Кряж II палинологическим методом было изучено 6 образцов, отобранных в квадрате № 10. Образцы 1 и 2 из прослойки желтого — светло-коричневого песка или легкой супеси; образцы 3 и 4 — из слоя темно-коричневого тяжелого суглинка; образцы 5 и 6 — из слоя коричневого тяжелого суглинка (см. рис. 1: 4).

В результате проведенного анализа по исследованному разрезу было выделено 3 спорово-пыльцевых комплекса, которые следуют снизу вверх (см. рис. 2). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качествен-

ный и количественный состав доминирующих форм.

Большинство образцов содержали достаточно для статистической обработки количество пыльцы и спор разной сохранности. В образцах 5, 6 были отмечены лишь единичные пыльцевые зерна сосны (*Pinus*) и злаков (Poaceae). Среди пыльцы травянистых растений много форм очень плохой сохранности, которые нельзя определить даже до уровня семейства. Помимо пыльцы и спор, во всех образцах содержалось большое количество различных органических остатков и непыльцевых палиноморф.

В общем составе во всех образцах преобладает пыльца травянистых растений (67–76 %), пыльца древесных пород составляет от 17 до 28 %, споры — 4–7 % (см. рис. 2).

Спорово-пыльцевой комплекс I (береза, сосна с участием липы и ольхи) выделяется по образцу 4 из слоя темно-коричневого суглинка.

Среди древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (39 %) и сосны (*Pinus*) (28 %). Часто встречается пыльца липы (*Tilia*) (13 %) и ольхи (*Alnus*) (14 %). Также отмечена пыльца ели (*Picea*) (2 %) и лещины (*Corylus*) (4 %).

В группе травянистых растений больше всего пыльцы разнотравья (92 %), основу которого составляет пыльца подсемейств астровых (Asteroideae) (12 %) и цикориевых (Cichorioideae) (28 %).

Характер спорово-пыльцевых спектров свидетельствует о том, что в это время здесь существовали лесостепные пространства. Небольшие по площади лесные массивы могли быть смешанными березово-сосновыми с участием липы и лещиной в подлеске. В то же время не исключено существование и чисто бересовых колков, а в благоприятных местообитаниях сосново-широколиственных лесов и сосновых боров.

Что касается открытых пространств, то здесь были широко представлены разнотравные сообщества, состав которых не отличался многообразием. Это были в основном представители подсемейств астровых, цикориевых и семейства гречишных, среди которых встречаются и различные сорные растения. Очень мало злаков, что нетипично для степных ландшафтов. Скорее всего, здесь мы имеем узколокальное

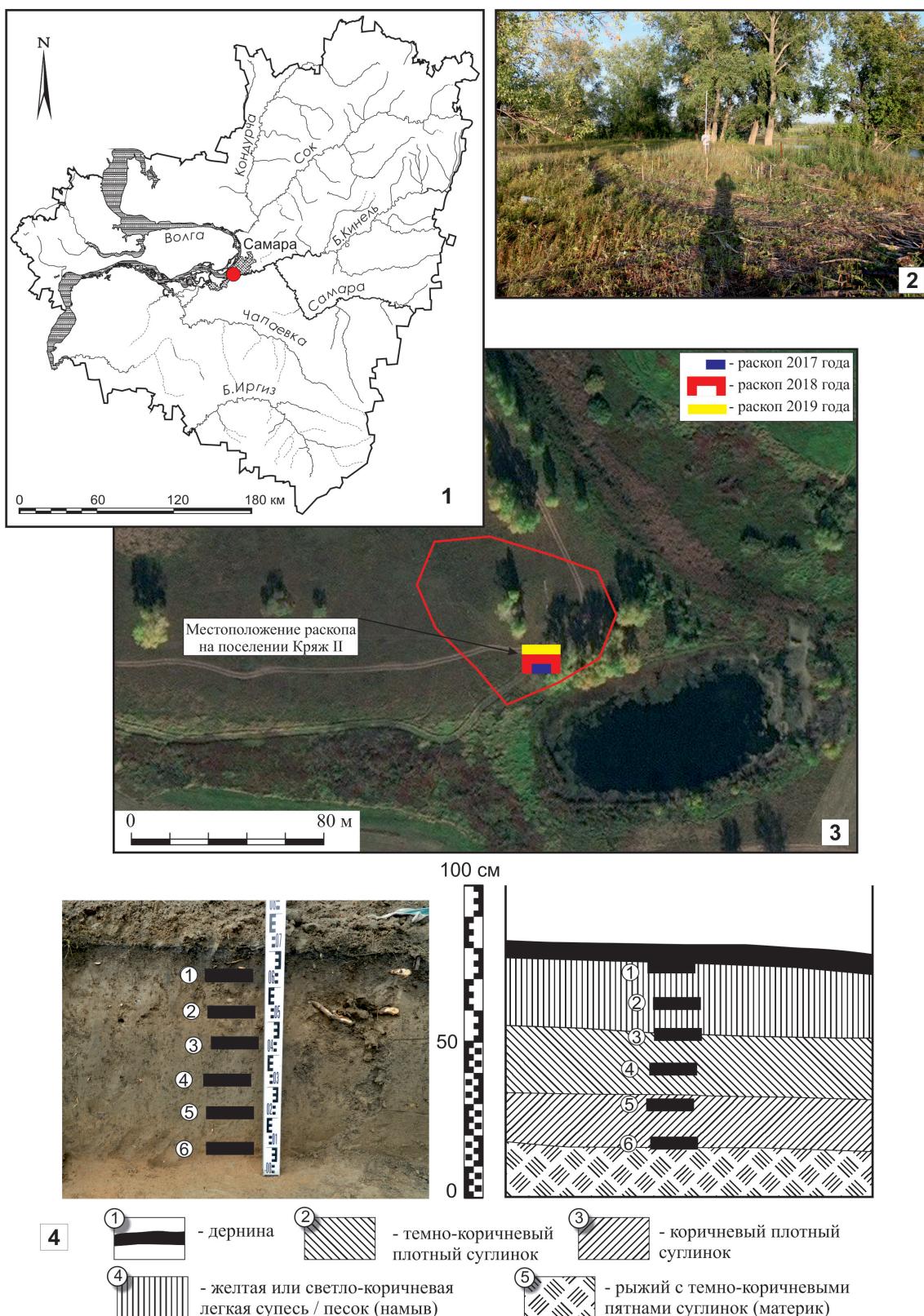

Рис. 1. Местоположение стоянки Кряж II на карте Самарской области (1), вид на стоянку с запада (2), космоснимок места стоянки (3), разрез культурного слоя стоянки (квадрат 10) с указанием мест отбора образцов на палинологический анализ (4)

[Fig. 1. *Kryazh II* on the map of Samara Oblast (1), view of the site from the west (2), space image of the site (3), profile of the occupation layer (square 10) indicating the sampling spots for palynological analysis (4)]

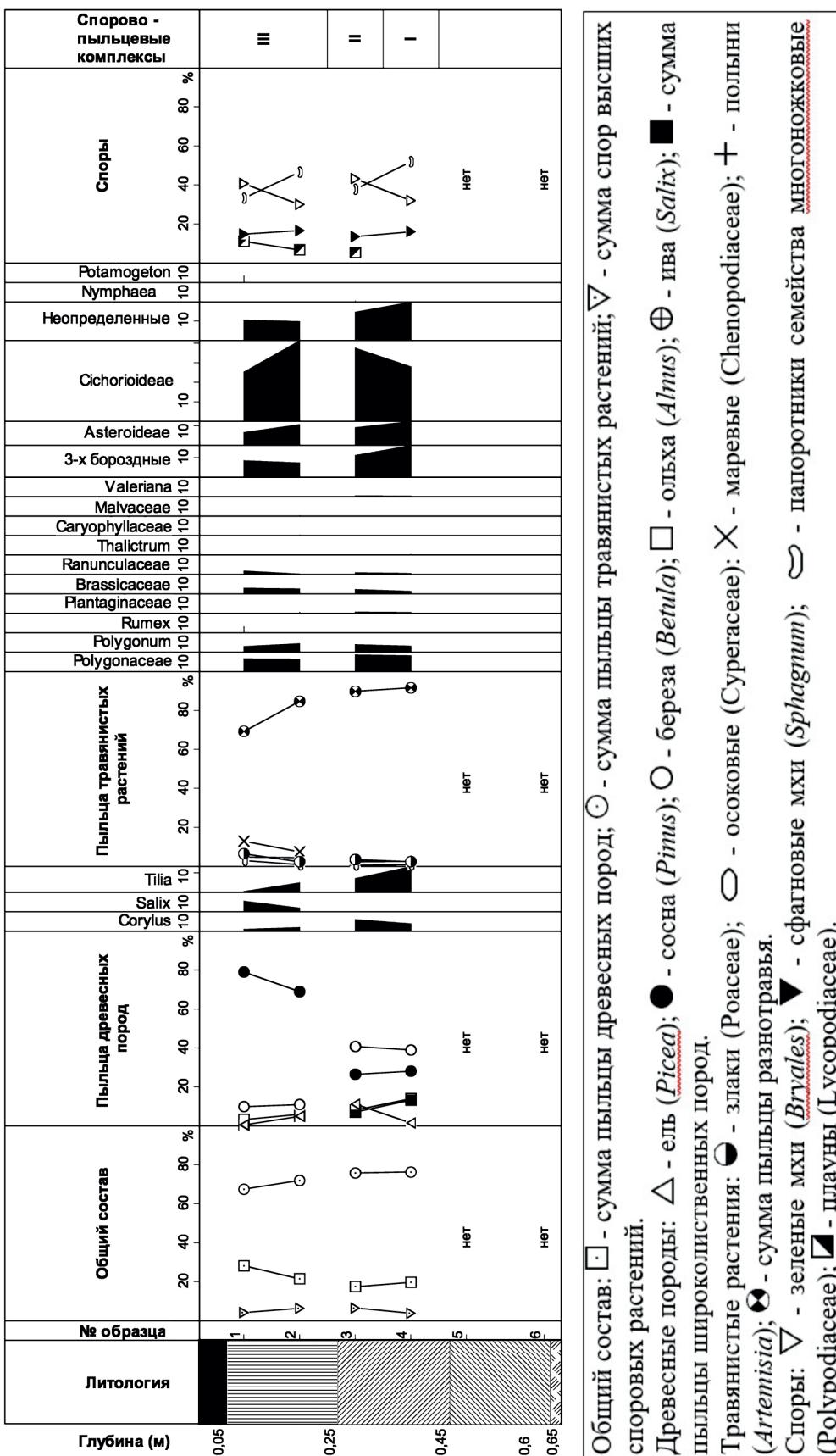

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на стоянке *Kryzhan II*
[Fig. 2. Pollen-pollen diagram along the section at *Kryzhan II*]

сообщество, не связанное с зональной рас-
тительностью, характерной для территории
в целом.

Судя по составу древесных пород с
большим количеством липы, это был самый
теплый этап из всех изученных в разрезе.
Возможно, что он соответствует второй по-
ловине атлантического периода голоцена.

Спорово-пыльцевой комплекс II (бере-
за, сосна с участием ели, ольхи и широколи-
стенных пород) описан по образцу 3 из
слоя темно-коричневого суглинка.

В целом данный комплекс мало отличается от предыдущего. Отличия касаются появления пыльцы ели (11 %) и уменьшения до 7 % содержания пыльцы липы (*Tilia*).

Судя по составу спорово-пыльцевых спектров, характер ландшафтов не сильно изменился по сравнению с предыдущим этапом. Здесь по-прежнему существовали лесостепные ландшафты. Изменения произошли в составе лесов: уменьшилась доля липы, и стало больше ели. Вероятно, этот период был прохладнее предыдущего, по времени ближе к концу атлантического периода.

Таким образом, формирование культурного слоя укладывается в рамки: вторая половина атлантического периода – начало суб boreального периода (6 000–4 000 л. н.). К сожалению, дать более точную временную привязку всего по двум образцам невозможно. Тем не менее данный интервал не противоречит датировкам по С14, полученным по керамике стоянки (см. ниже).

Спорово-пыльцевой комплекс III (сосна с незначительным участием березы) охарактеризован по образцам 1 (дернина) и 2 (желтый – светло-коричневый песок).

В общем составе отмечается незначительное снижение количества пыльцы травянистых растений (до 68–72 %). В то же время содержание пыльцы древесных пород увеличивается до 22–28 %. Споры составляют 4–7 %.

Состав древесных пород резко меняется, что свидетельствует о перерыве в осадкона-
коплении. На первое место выходит пыльца сосны (*Pinus*), достигая 69–79 %, а содержание пыльцы других пород снижается.

В группе травянистых растений также отмечаются некоторые изменения. Среди основных трав увеличивается количество пыльцы злаков (Poaceae) (до 7 % в образ-

це 1), семейства маревых (Chenopodiaceae) (8–13 %), рода полыней (*Artemisia*) (5 %). В то же время снижается содержание пыльцы разнотравья. В его составе становится больше пыльцы подсемейства цикориевых (Cichorioideae) (25–41 %).

Данный состав спектров характеризует природную среду уже субатлантического периода голоцена. В это время на данной территории по-прежнему существовал лесостепной ландшафт, но по сравнению с предыдущим этапом площади лесов немногого увеличились, и кардинально изменился их состав. Это были преимущественно сосновые боры с примесью бересы. Доля липы сильно сократилась. В напочвенном ярусе имели развитие различные мхи и папоротники. В подлеске росла лещина. На более влажных участках произрастала ольха.

На открытых пространствах, как и раньше, доминировало разнотравье, с преобладанием подсемейств астровых, цикориевых и семейства гречишных. В то же время отмечается некоторое увеличение роли злаков и растений из семейства маревых.

Каменный инвентарь

Кремневое сырье, представленное на стоянке, обладает разными цветовыми и качественными характеристиками, единично обнаружены изделия из кварцита. В коллекции представлено 3 195 мелких (менее 2x2 см) чешуек и осколков кремня (55,7 %)¹, 1 115 крупных отщепов (19,4 %), из них 17 с регулярной и нерегулярной ретушью, 137 кусков кремня без следов вторичной обработки (2,4 %), 596 осколков кремня (10,4 %), из них 7 с регулярной и нерегулярной ретушью, и 258 продольных и поперечных сколов (4,5 %), из них 16 с регулярной и нерегулярной ретушью. Таким образом, отходы производства составляют 92,6 % каменного инвентаря. Около 40 % изделий из камня покрыты желвачной коркой.

Выявлено 343 пластины, что составляет 6 % от всего каменного инвентаря (см. рис. 7–11). Целых экземпляров – 13 (3 ретушированных), проксимальных – 98 единиц (9 ретушированных), медиальных – 156 экземпляров (21 с ретушью) и дистальных – 66 единиц (11 ретушированных). Представленные пластины имеют ширину

¹ Здесь и далее указан процент от всех каменных артефактов.

от 0,7 до 1,5 см (79,3 %) и толщину — от 0,2 до 0,5 см (86,6 %). На 44 пластинах и их фрагментах ретушь нанесена по одной (20 единиц) или двум граням (24 единицы), в основном с дорсальной стороны (33 единицы), реже — с центральной (10 единиц), в одном случае зафиксирована противолежащая ретушь (см. рис. 7–8).

Нуклеусы и морфологически выраженные орудия представлены 80 экземплярами, что составляет около 1,4 % от всего комплекса находок. Нуклеусов выявлено 22 экземпляра: 18 торцевых и 4 аморфных (см. рис. 3). Морфологически выраженные орудия насчитывают 58 единиц. Скребков — 20 штук, для их изготовления заготовками служили продольные сколы (11 единиц), пластины (5 единиц) и отщепы (4 единицы), они представлены следующими типами: концевые (11) с круглым (5), прямым (3) или скошенным (3) рабочим краем, угловатые (2), боковые (3) и скребки-ложкари (4) (рис. 4). Достаточно выразительна серия наконечников — 17 единиц, из них 11 листовидных, 3 — черешковых, 1 — треугольный и 2 — на пластинах с частичной ретушью пера и насада (см. рис. 5: 1–15). Перфораторов в коллекции — 12 единиц, они в равном количестве изготовлены на продольных сколах, пластинах и отщепах (см. рис. 6: 3–12). Резцов всего 4 экземпляра, все они углового типа на пластинах (3) или продольном сколе (1) (см. рис. 6: 13–14). Выявлено два орудия с выемками (скобеля) на отщепе и продольном сколе (см. рис. 7: 12), одна заготовка крупного бифаса (см. рис. 5: 16), два небольших деревообрабатывающих орудия (топор и долото) (см. рис. 6: 1–2) и один отбойник. В коллекции также представлены 7 абразивов, из них 4 с круглыми пазами-выемками, которые допустимо интерпретировать в качестве «выпрямителей» древков стрел (см. рис. 12: 20–22).

Типология и технология изготовления керамики

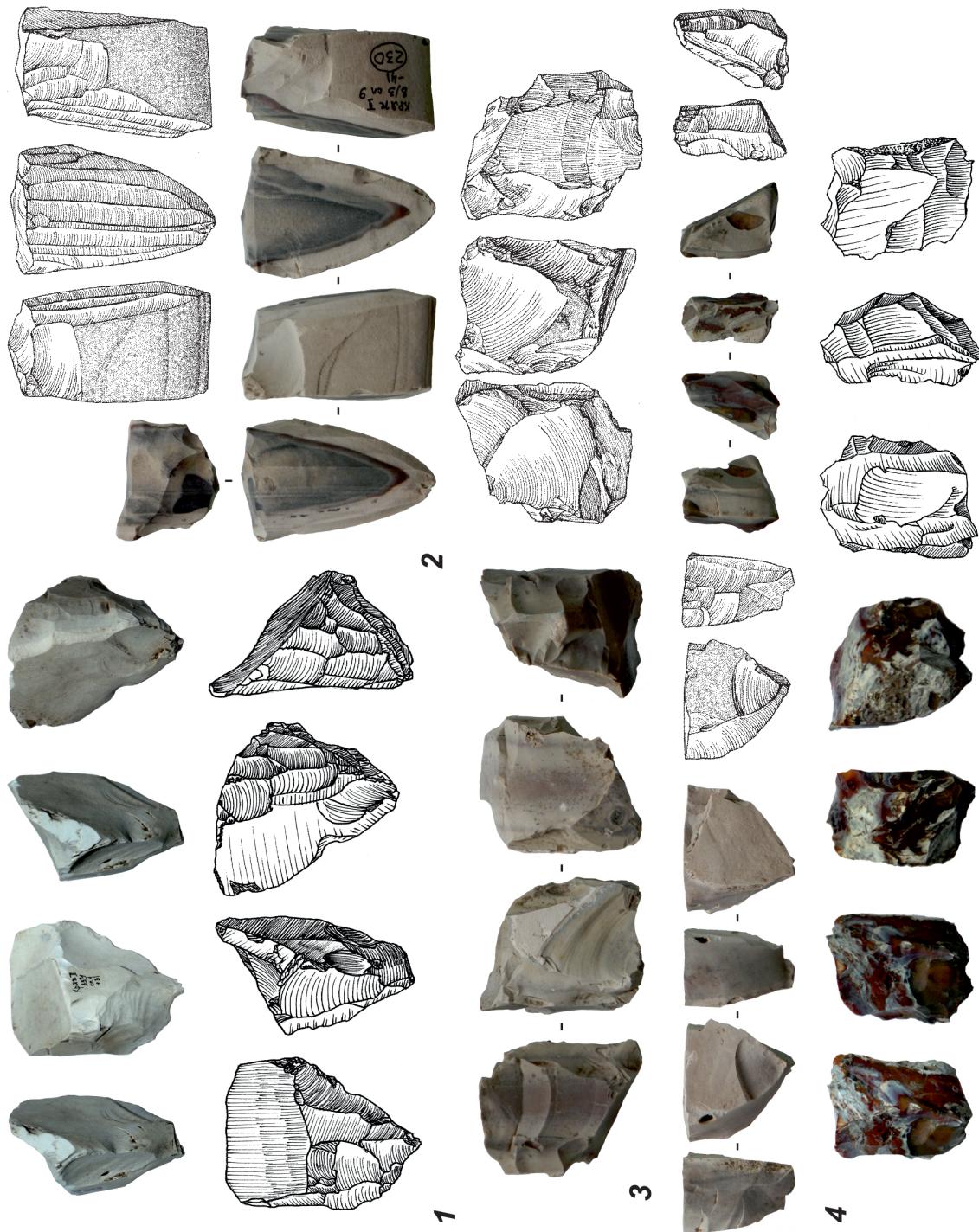
Керамическая коллекция стоянки Кряж II фрагментирована и невыразительна (рис. 12: 1–19). С основным комплексом памятника не связаны 58 фрагментов от 1–2 сосудов Нового времени, остальные 196 единиц имеют отношение к эпохе камня, из них около 130 размерами менее 2x2 см. Стоит отметить, что фрагменты керамики сильно окатаны (замылены), и орнамент

на большинстве из них плохо различим. В коллекции представлено 7 фрагментов венчиков, 6 придонных частей от плоскодонных сосудов и 15 орнаментированных стенок, остальные — фрагменты неорнаментированных стенок. Орнамент наносился наколами или ямками различной формы в разреженной манере (округлые, овальные, тычковые) и оттисками узкого и широкого гребенчатого штампа; единично представлены фрагменты, украшенные орнаментом, напоминающим линочные вдавления и отпечатки шнуря. По всей видимости, с типологической точки зрения, в керамической коллекции стоянки преобладают фрагменты, которые могут быть отнесены к эпохе неолита, а также есть небольшая группа чашек, которые, возможно, связаны с культурами меднокаменного века.

Технико-технологическому анализу, по методике А. А. Бобринского [Бобринский 1978; Бобринский 1999], было подвергнуто 10 образцов керамики, относящихся к эпохе камня. Все изученные сосуды были изготовлены в рамках домашних производств, с помощью ручных способов лепки (предположительно, лоскутного налепа) и обработки поверхностей (заглаживания и уплотнения), а также термических приемов придания прочности и водонепроницаемости (низкотемпературный обжиг, с кратковременной выдержкой при температурах каления 650–700°C°).

По совокупности близких традиций отбора пластичного сырья и составления формовочных масс керамический комплекс стоянки Кряж II разделен на две группы.

К первой группе (60 % от изученных образцов) отнесены сосуды, изготовленные из илистых жирных (высокопластичных) ожелезненных глин, которые содержат пылевидный песок размером менее 0,1 мм; железистые конкреции и оолитовый бурый железняк; углефицированные остатки растительности в условно небольшой концентрации (обрывки стеблей, водорослей, листьев длиной менее 1 мм); единично встречались мелкие обломки раковины пресноводных моллюсков. Рецепты формовочных масс данной группы обладают определенной устойчивостью: илистая глина + шамот из сильноожелезненной обожженной глины (размером менее 3 мм, в концентрации 1:3/4) + органический раствор (пред-

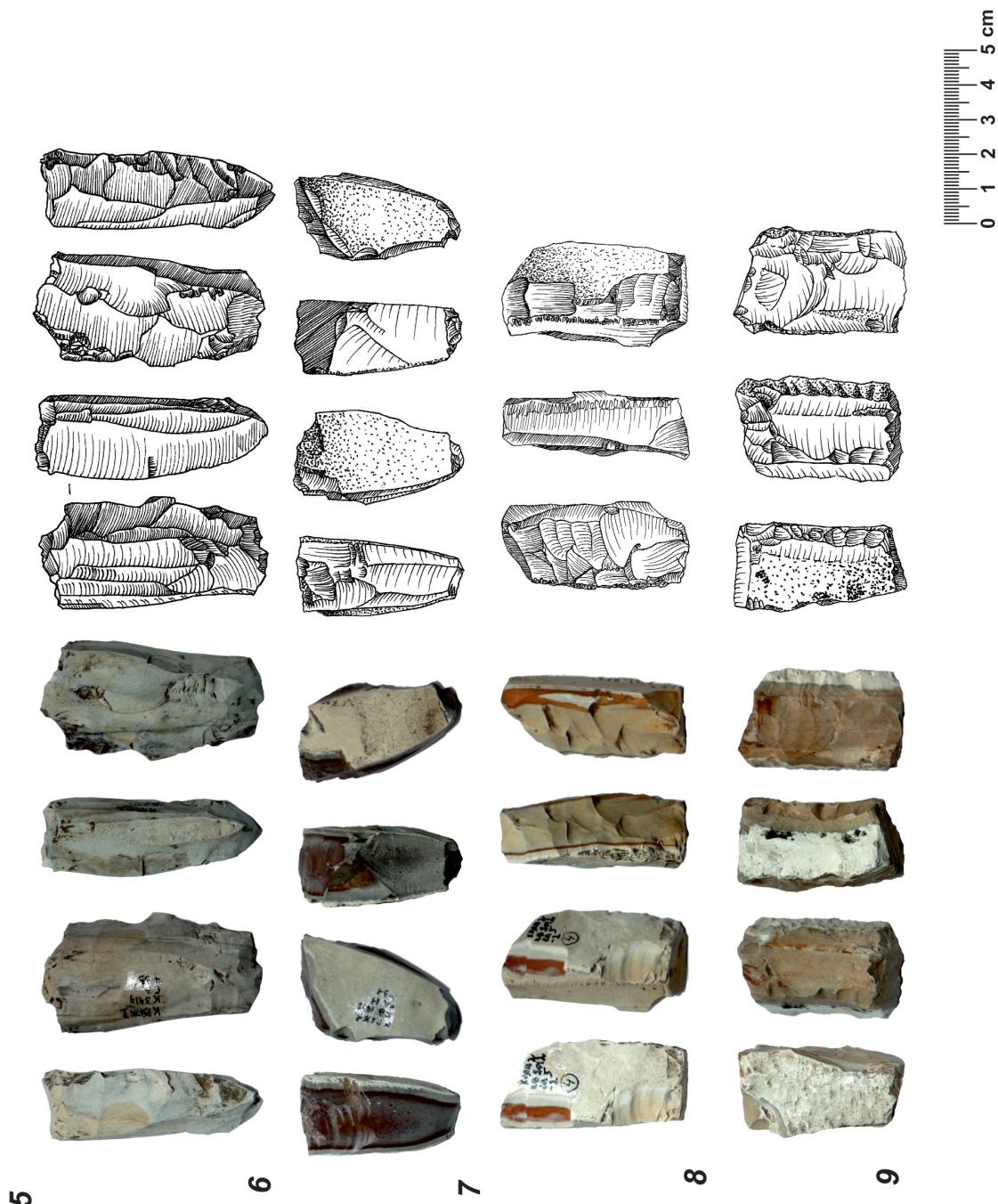

Рис. 3. Нуклеусы

[Fig. 3. Cores]

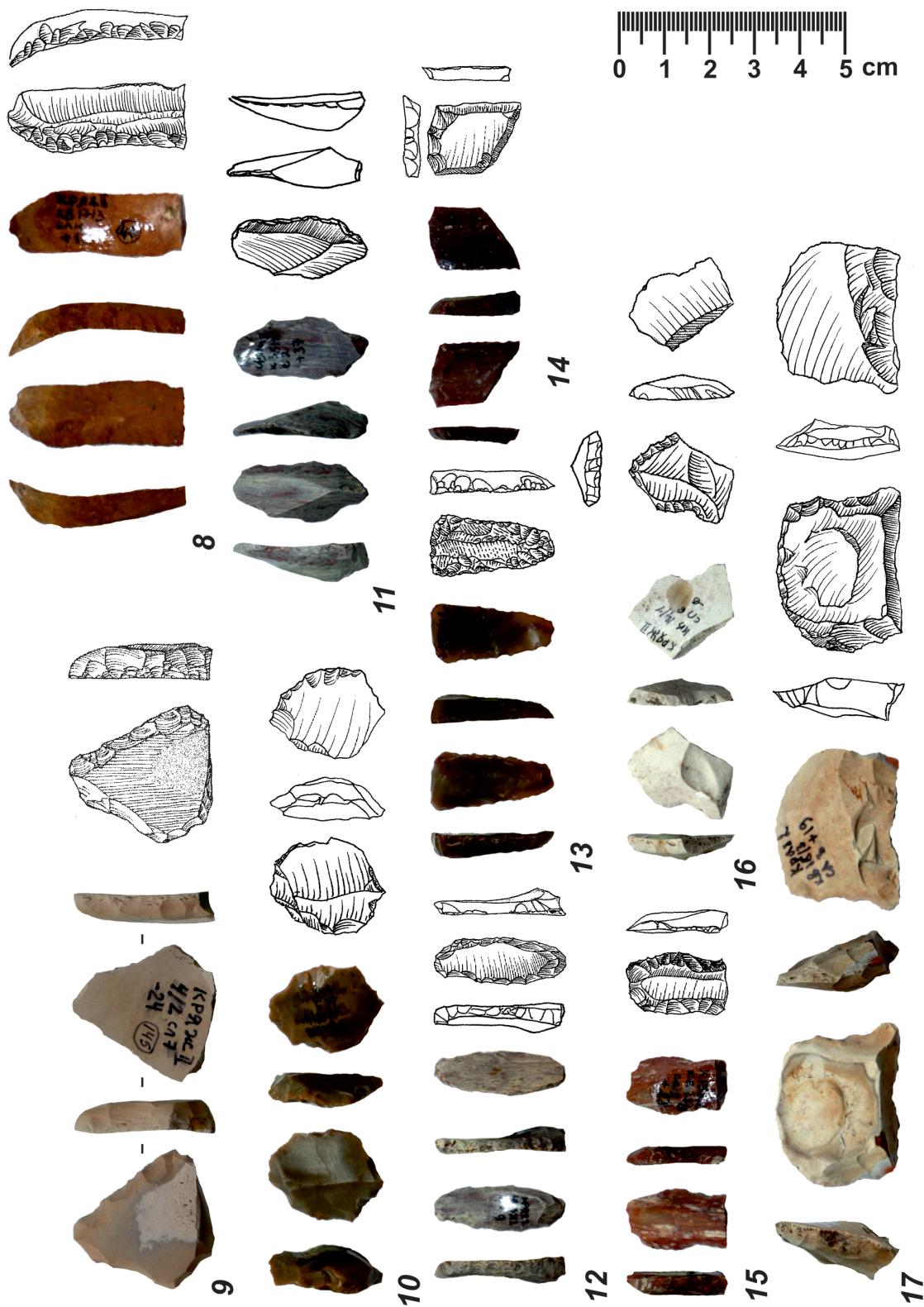

Рис. 4. Скребки

[Fig. 4. Scrapers]

положительно, жидкое kleящее вещество животного или растительного происхождения, от которого в черепке сосудов остались аморфные пустоты с черным маслянистым налетом по стенкам и участки черепка, пропитанные коричневым жидким веществом). Для большей части сосудов характерен специфичный обжиг, предполагавший более длительный период пребывания в окислительной среде, что отразилось в оранжевой окраске внешних поверхностей.

Вторая группа объединяет сосуды (40 % от изученных образцов), для изготовления которых использовались илистые жирные (слабозапесоченные) и тощие (среднезапесоченные) глины, в минеральный состав которых входит большее количество песка размером 0,1–1 мм; детрит (измелченные углефицированные остатки растительности); железистые включения. Формовочные массы включают илистые глины + органический раствор, + предположительно, дробленую раковину. Обломки раковины полностью разрушены, от них остались лишь плоские щелевидные пустоты размером менее 3 мм, однако их концентрация указывает на вероятность искусственного происхождения примеси раковины. Цвет сосудов этой группы преимущественно буровато-серый с черной сердцевиной.

Радиоуглеродное датирование

Исследования стоянки *Кряж II* носили комплексный характер и включали радиоуглеродное датирование отдельных материалов и комплексов памятника, которое было осуществлено в Лаборатории изотопных исследований Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). По фрагментам неорнаментированной придонной части, происходящей с уровня материала стоянки, получена дата, относящаяся ко второй четверти V тысячелетия до н. э. (таблица 1: 1), близкое значение получено по

неорнаментированным тонкостенным фрагментам (таблица 1: 5). Мелкие фрагменты боковин разных сосудов, орнаментированных оттисками гребенчатого штампа, были датированы первой четвертью V тысячелетия до н. э. (таблица 1: 6). Наконец, наиболее раннее радиоуглеродное определение было получено по неорнаментированным толстостенным фрагментам с включениями охристого цвета (шамот из сильноожелезненной обожженной глины) в тесте, которое относится к третьей четверти VI тысячелетия до н. э. (таблица 1: 4).

Еще две датировки по углистой почве из очага, выявленного на уровне материала в квадрате № 47. Образец, происходящий непосредственно из очага и содержащий наибольшее количество углистых включений, дал дату начала н. э. (таблица 1: 2), которая является явно омоложенной и не имеет отношения к культурному слою памятника. Причиной некорректности данной датировки могли являться недостаток гуминовых кислот и загрязненность образца более молодым гумусом. Второе значение по почве вокруг очага, содержащей угольки в меньшей концентрации, выглядит более приемлемым, хотя примерно на 500 лет моложе основной группы датировок по керамике (таблица 1: 3), что также может быть связано с недостатком гуминовых кислот. Таким образом, время формирования культурного слоя памятника в широком диапазоне может быть определено в пределах третьей четверти VI – второй четверти V тысячелетия до н. э., в узком диапазоне, который нам представляется более приемлемым, — первая-вторая четверть V тысячелетия до н. э. В завершение представления полученных абсолютных дат стоит отметить, что они в целом не противоречат палинологическим наблюдениям, описанным в начале данной работы.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты, полученные по материалам стоянки Кряж II

[Table 1. Radiocarbon dates for *Kryazh II*]

№	Материал	Лаб. индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)*
1	Керамика (фрагменты неорнаментированной придонной части)	SPb – 2848	5725±100	1σ 4690–4460 2σ 4790–4360
2	Углистая почва из очага (кв. 47/4, слой 6)	SPb – 3329	1936±50	1σ 10–130 AD 2σ 50–220 AD
3	Углистая почва вокруг очага (кв. 47/4, слой 6)	SPb – 3330	5450±70	1σ 4370–4230 2σ 4450–4220

4	Керамика (неорнаментированные толстостенные фрагменты)	SPb – 3522	6415±120	1 σ 5490–5290 2 σ 5650–5050
5	Керамика (неорнаментированные тонкостенные фрагменты)	SPb – 3521	5850±120	1 σ 4840–4540 2 σ 5050–4400
6	Керамика (орнаментированная гребенчатым штампом)	SPb – 3520	6050±100	1 σ 5070–4800 2 σ 5220–4720

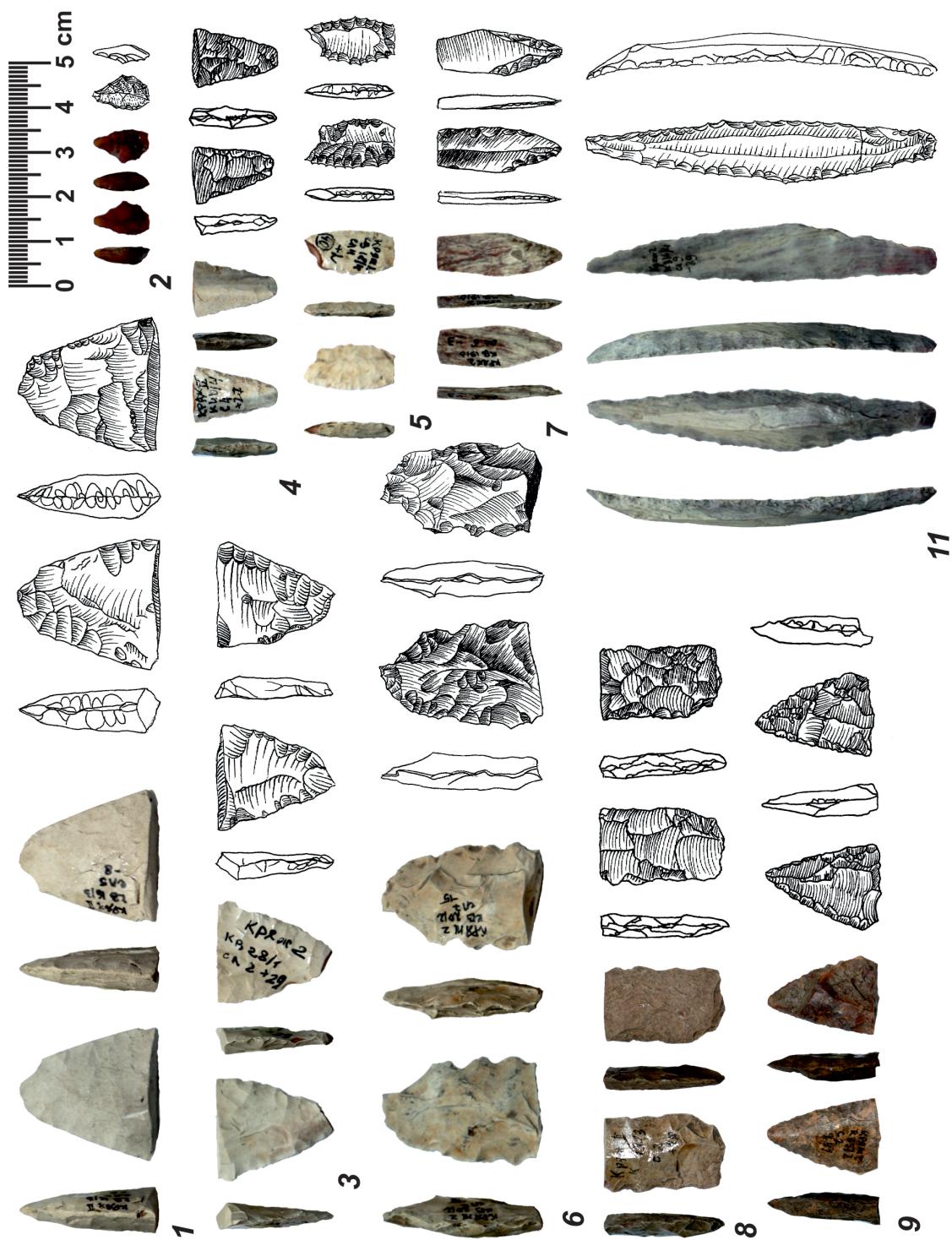
*В работе использованы калиброванные значения, полученные при помощи программы OxCal v3.10

Место комплекса стоянки *Кряж II* в системе культур эпохи камня лесостепного Поволжья

Коллекция изделий из камня стоянки *Кряж II* является уникальной для лесостепного Поволжья. Данное обстоятельство связано, во-первых, с повышенной концентрацией кремневых артефактов на квадратный метр вскрытой площади — около 30 единиц. Для большинства неолитических стоянок региона обозначенный показатель не превышает 1–2 единиц на квадратный метр (*Ильинка* [Мамонов 1988: 92–105; Мамонов 2002: 148–162]; *Калмыковка I* [Андреев, Выборнов, Васильева 2018: 143–160]; *Лужки II* [Сомов, Андреев 2021: 8–9]; *Ивановка* [Моргунова 1980: 104–124; Моргунова 1988: 106–122]; *Нижняя Орлянка II* [Колев, Ластовский, Мамонов 1995: 50–110] и др.), лишь на стоянке *Троицкое I* [Ластовский 2008: 26–39] обнаружено около 8 единиц изделий из кремня на квадратный метр изученной площади. Во-вторых, для кремневого комплекса стоянки *Кряж II* характерно абсолютное преобладание чешуек, отщепов и осколков над пластинами и морфологически выраженным орудиями, что также не типично для остальных памятников каменного века региона, на которых отходы производства кремневых орудий не превышают 50–70 % изделий из камня, за исключением уже упомянутой стоянки *Троицкое I*, где данный показатель достигает 88 %. Как следствие, количество морфологически выраженных орудий в изученном нами комплексе менее 1,5 %, в то время как для кремневой индустрии ранее исследованных памятников каменного века лесостепного Поволжья численность орудий почти всегда превышает 10 % (см., например: [Андреев, Выборнов, Васильева 2018; Колев, Ластовский, Мамонов 1995; Мамонов 1988; и др.]). В-третьих, весьма высоким является количество первичных и вторичных отщепов и изделий с желвачной коркой в комплексе стоянки *Кряж II*. Представленные обсто-

ятельства свидетельствуют об активной и целенаправленной деятельности по расщеплению кремня на площади памятника его обитателями и позволяют характеризовать *Кряж II* в качестве стоянки-мастерской. Показательно, что аналогичный таксономический статус имеет и *Троицкое I* [Ластовский 2008: 26–39], с которым обнаруживается большое количество аналогий. Малочисленность керамической коллекции, не превышающей 10–15 сосудов, на наш взгляд, свидетельствует о кратковременном пребывании на площади памятника его обитателей. В то же время типологическое разнообразие выявленных фрагментов свидетельствует о его многократном посещении в позднем неолите и, возможно, раннем энеолите. Как нами показано в специальной работе, для обитателей каменного века лесостепного Поволжья была характерна специфическая модель добычи кремня, которая предполагала подготовку и первичное расщепление сырья на специализированных стоянках-мастерских, расположенных вблизи легкодоступных или известных выходов кремневой породы и его последующую транспортировку на значительные расстояния [Андреев, Сомов 2020: 76–80].

Предпринятые в ходе обработки материалов попытки систематизировать отходы производства и орудия из разных сортов кремня не позволили определить какую-либо локальную концентрацию находок: по всей видимости, все представленные в комплексе виды кремневого сырья использовались на памятнике одновременно, и коллекция является гомогенной. Выявленные на стоянке *Кряж II* пластины, с точки зрения метрических показателей, являются типичными для мезо-неолитических комплексов региона за исключением нескольких достаточно широких экземпляров, которые, возможно, получены технологией усиленного отжима и могут быть связаны с эпохой энеолита (см. рис. 7: 1, 7; 9: 1).

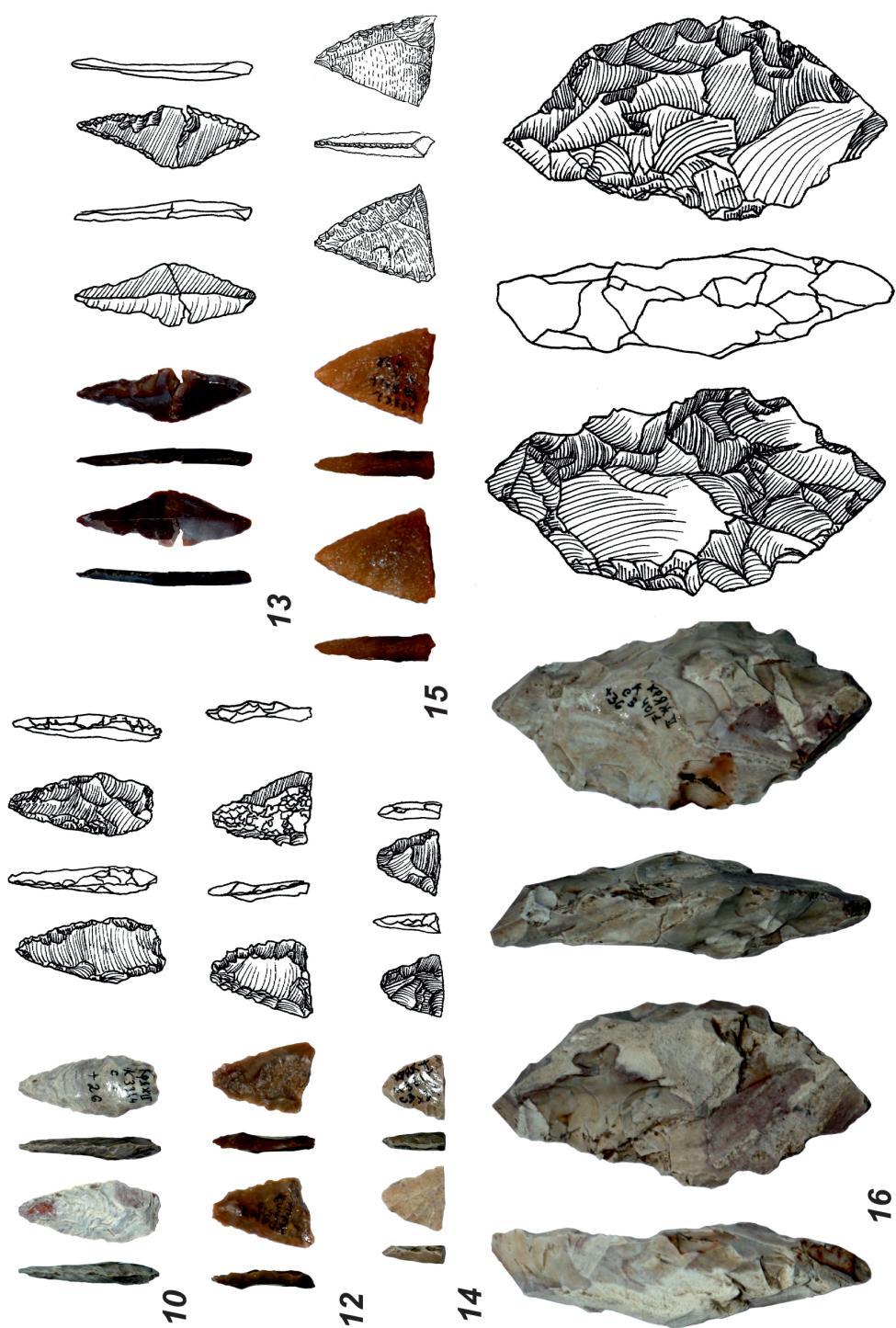
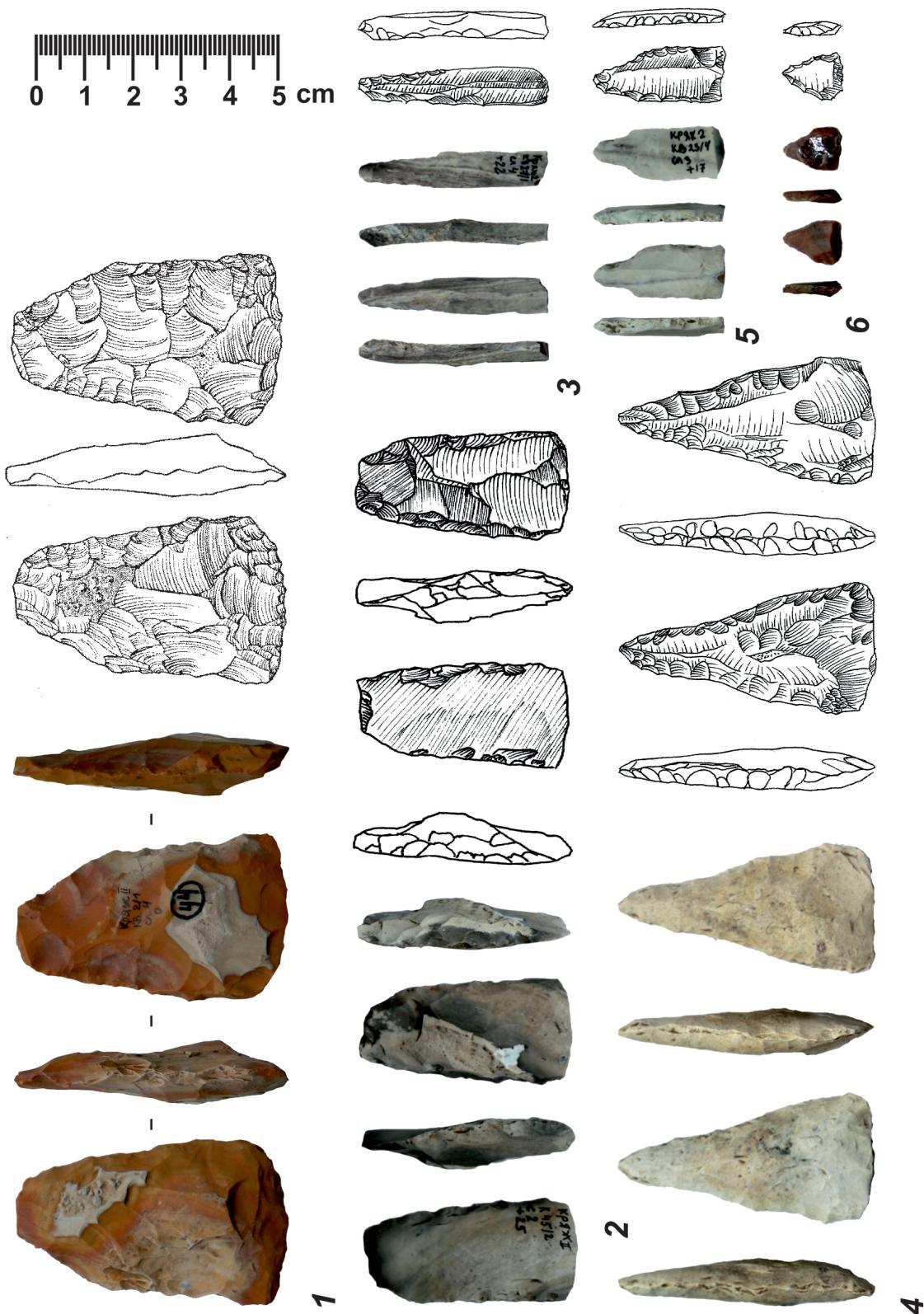
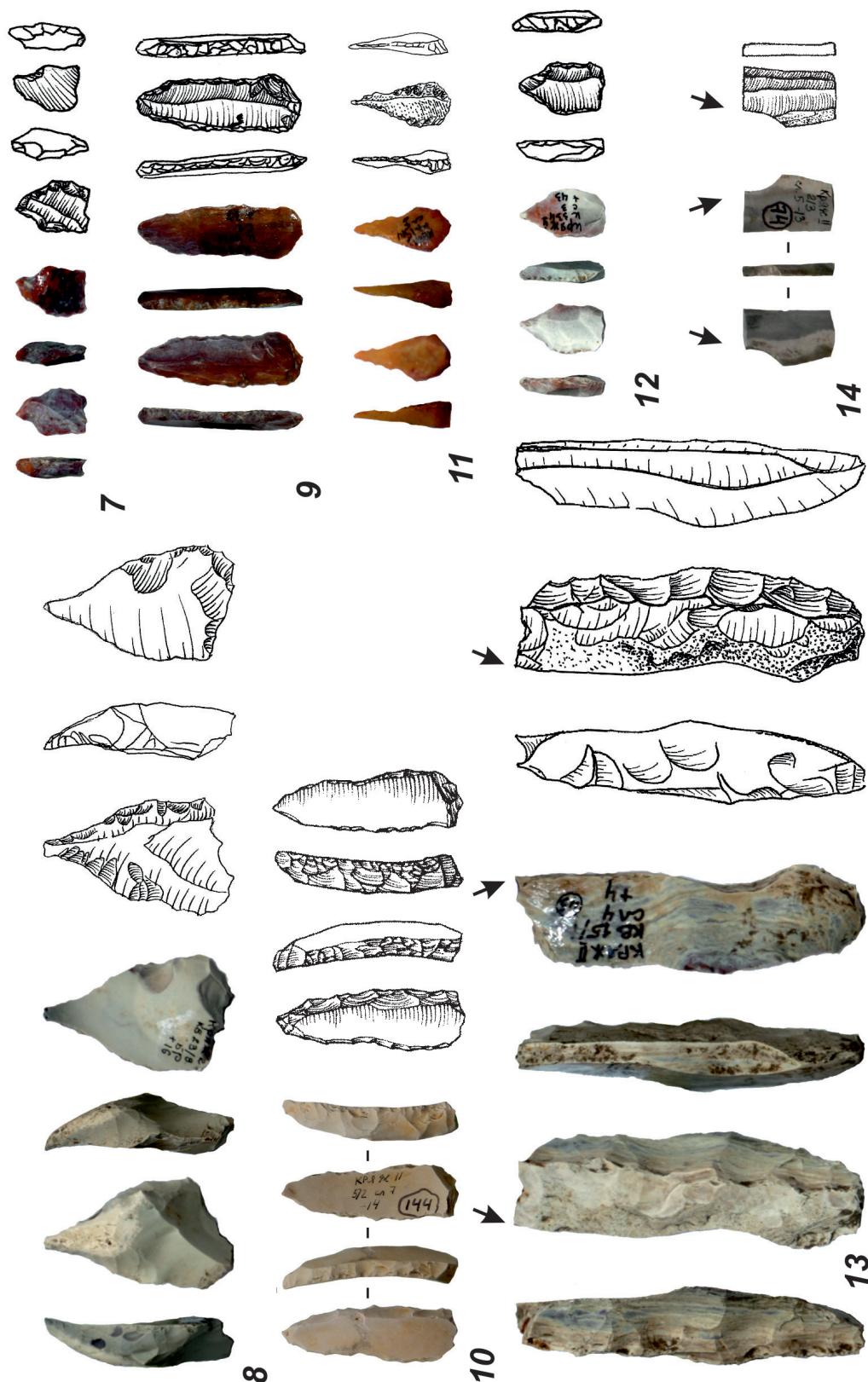

Рис. 5. Наконечники (1–15) и заготовка бифаса (16)

[Fig. 5. Arrowheads (1–15) and a biface preform (16)]

Ris. 6. Топор (1), тесло (2), перфораторы (3–12, резцы (13–14))
 [Fig. 6. Ax (1), adze (2), perforators (3–12), cutting tools (13–14)]

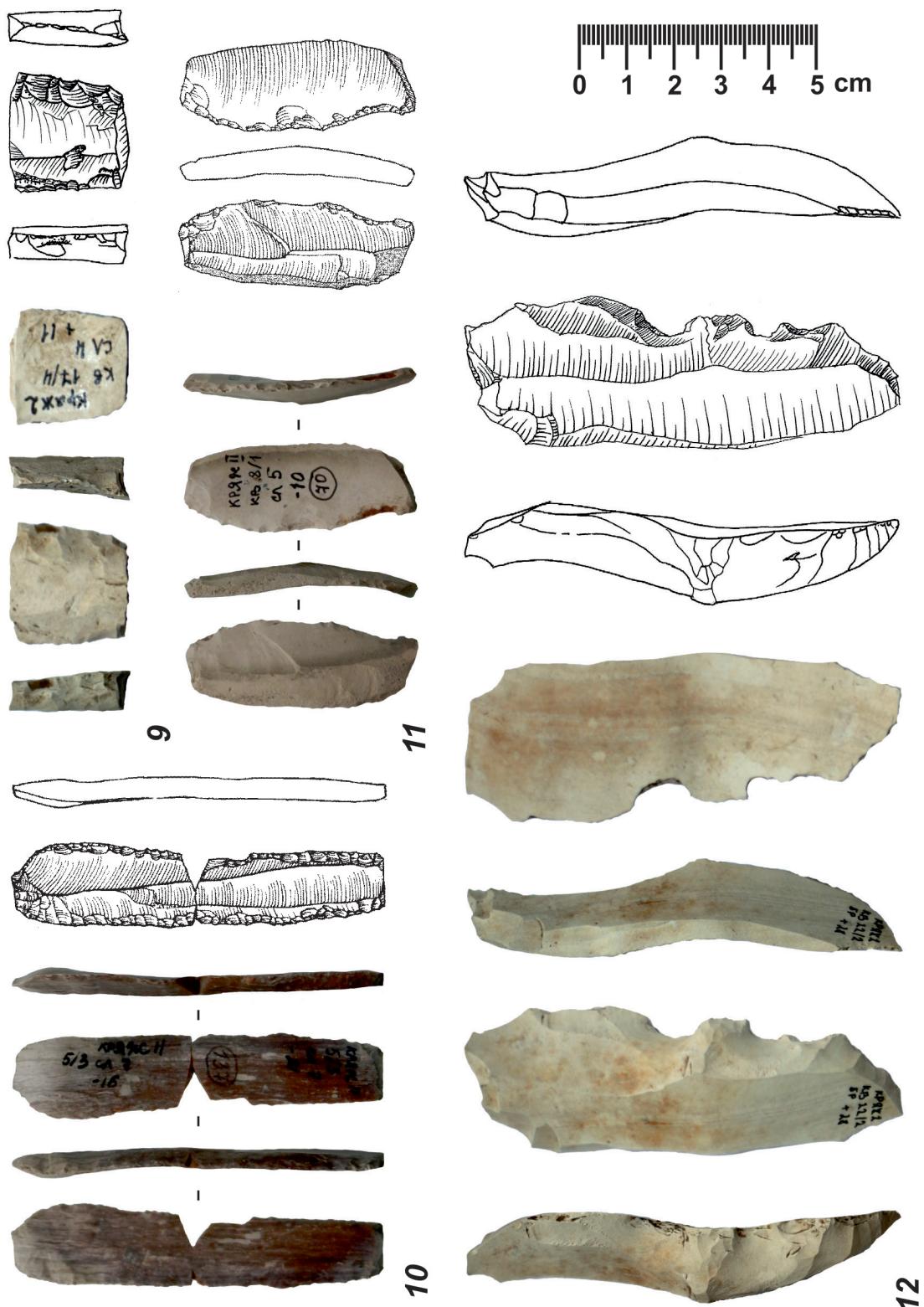
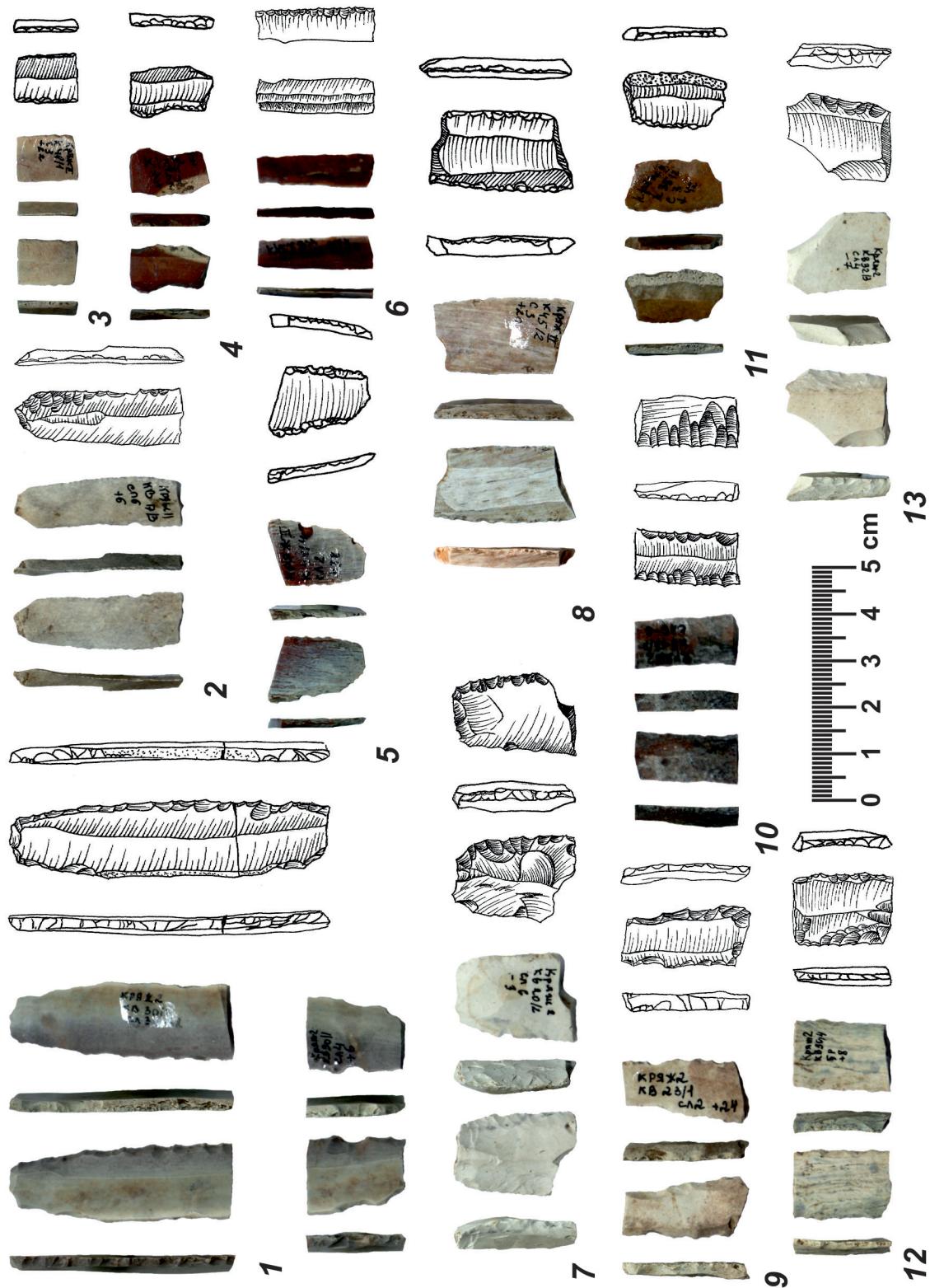

Рис. 7. Пластины с ретушью (1–11) и скобель (12)

[Fig. 7. Flakes with retouch (1–11) and a staple (12)]

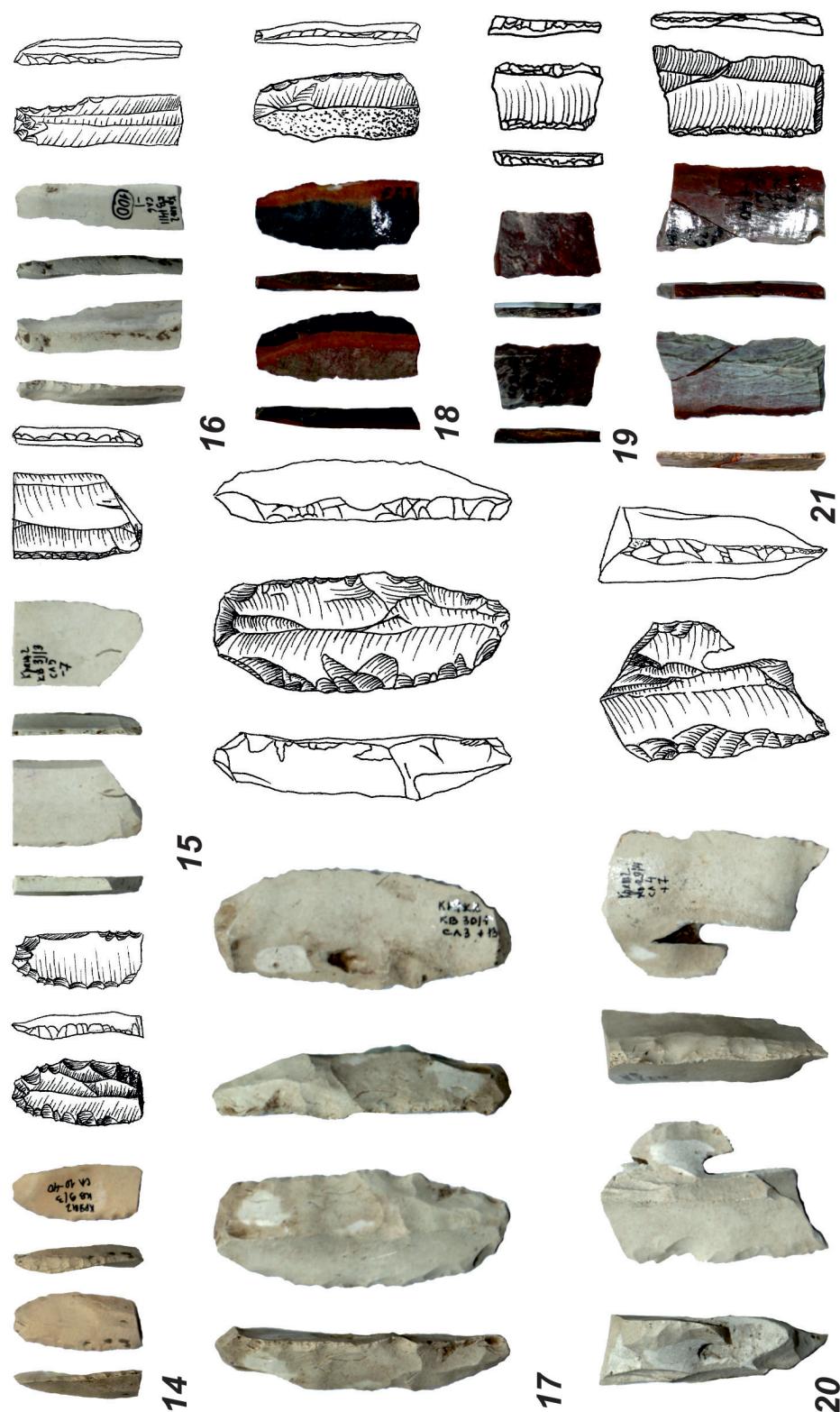
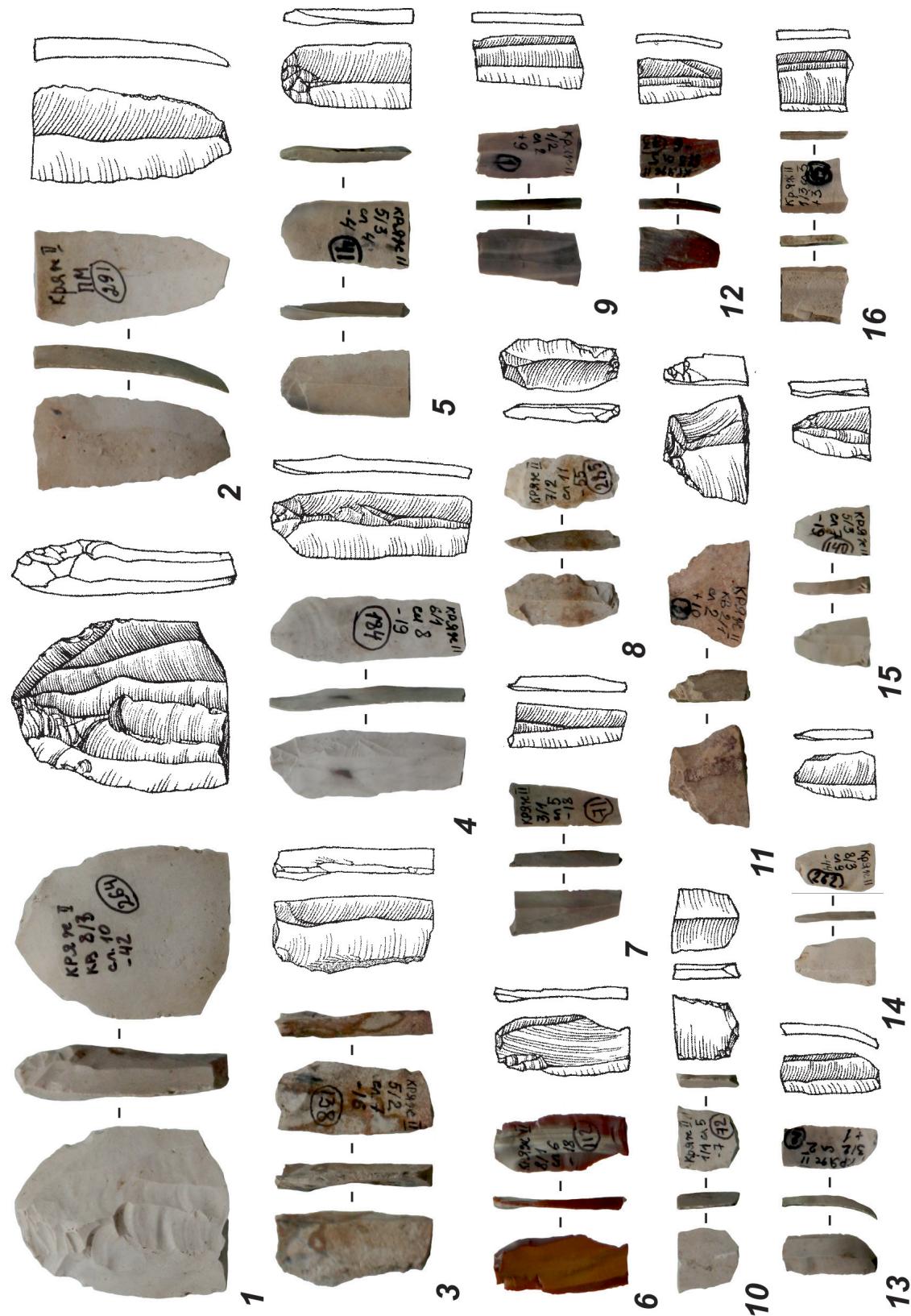

Рис. 8. Пластины с ретушью

[Fig. 8. Flakes with retouch]

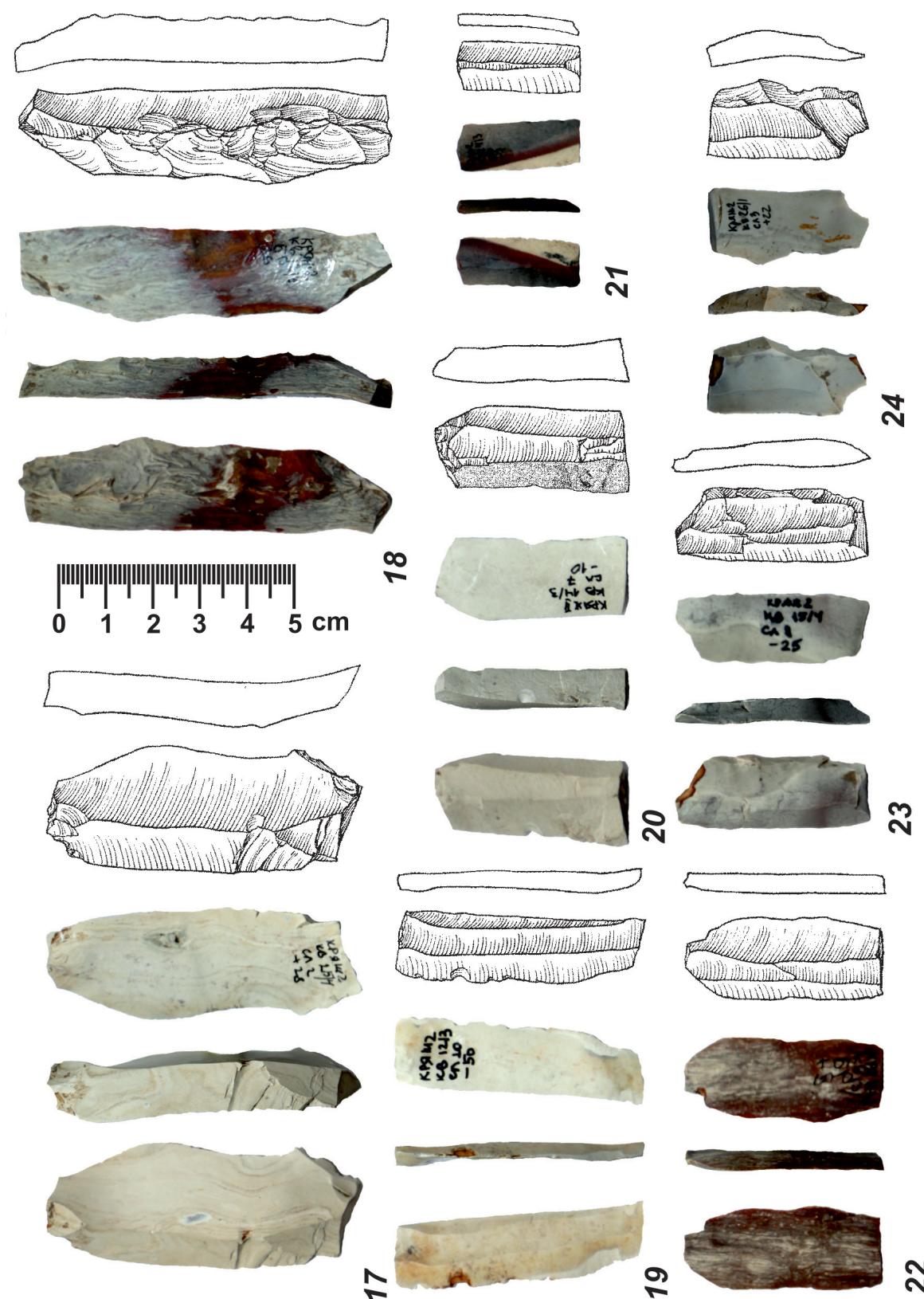
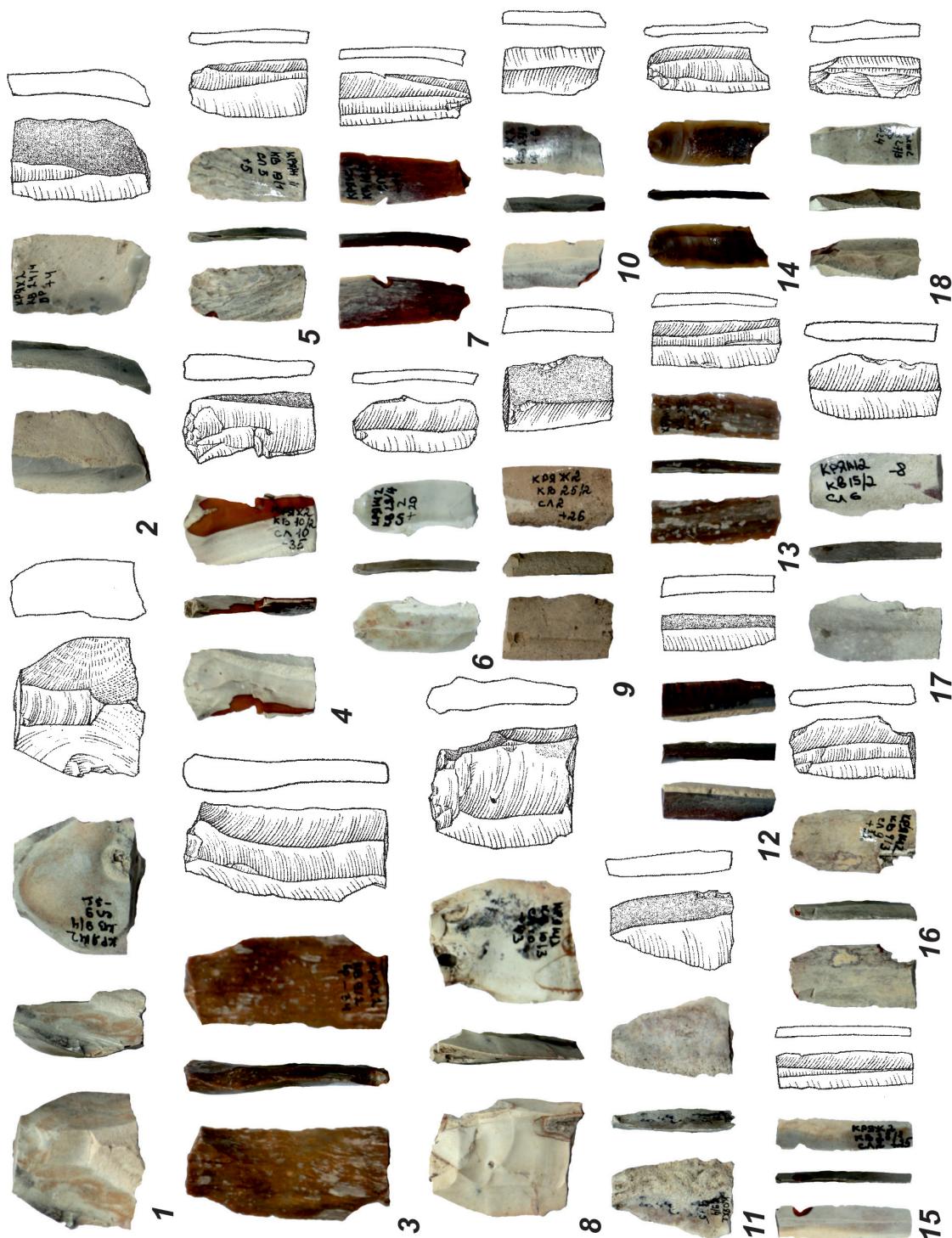

Рис. 9. Пластины без ретуши
[Fig. 9. Flakes without retouch]

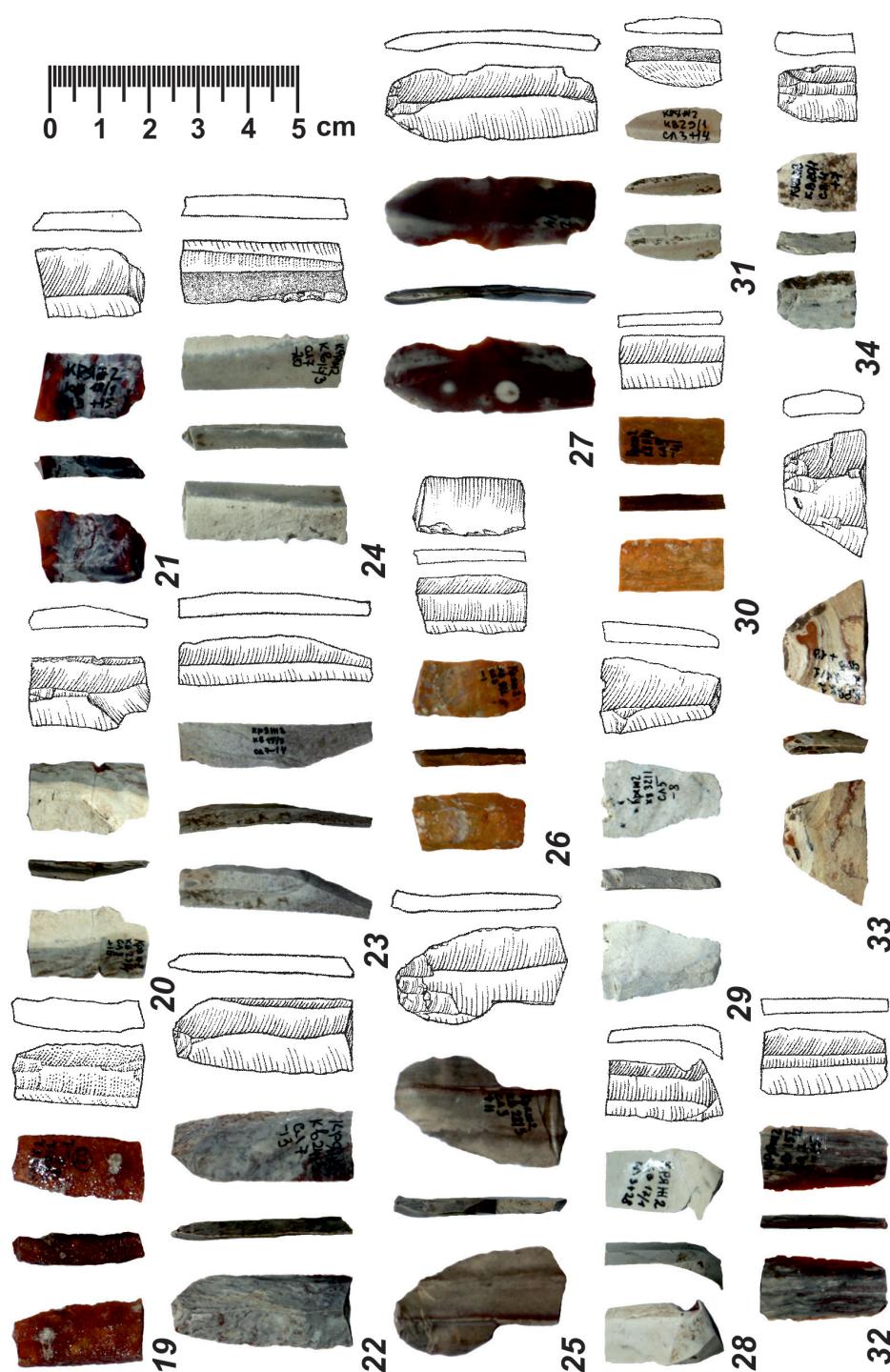

Рис. 10. Пластины без ретуши

[Fig. 10. Flakes without retouch]

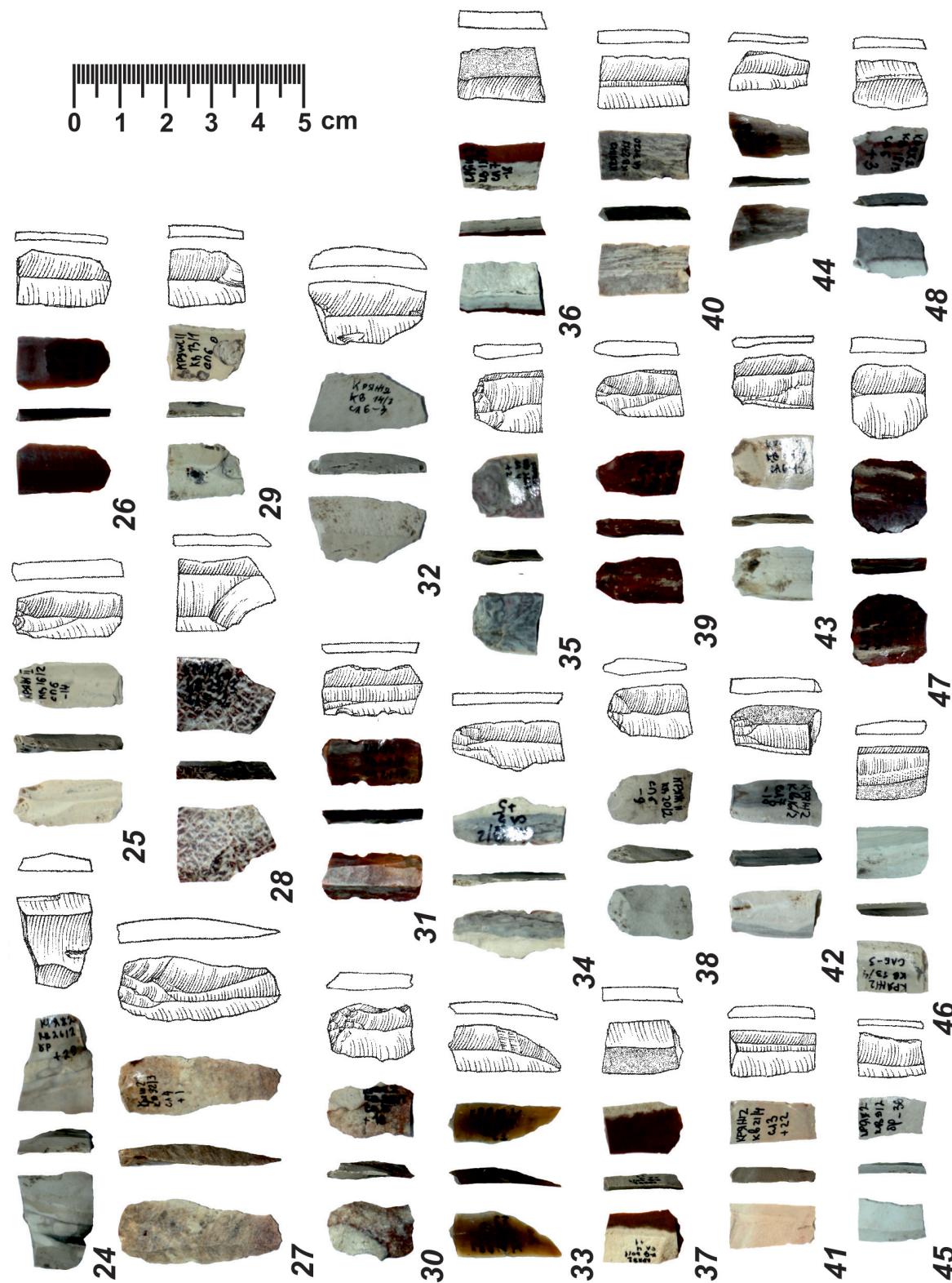
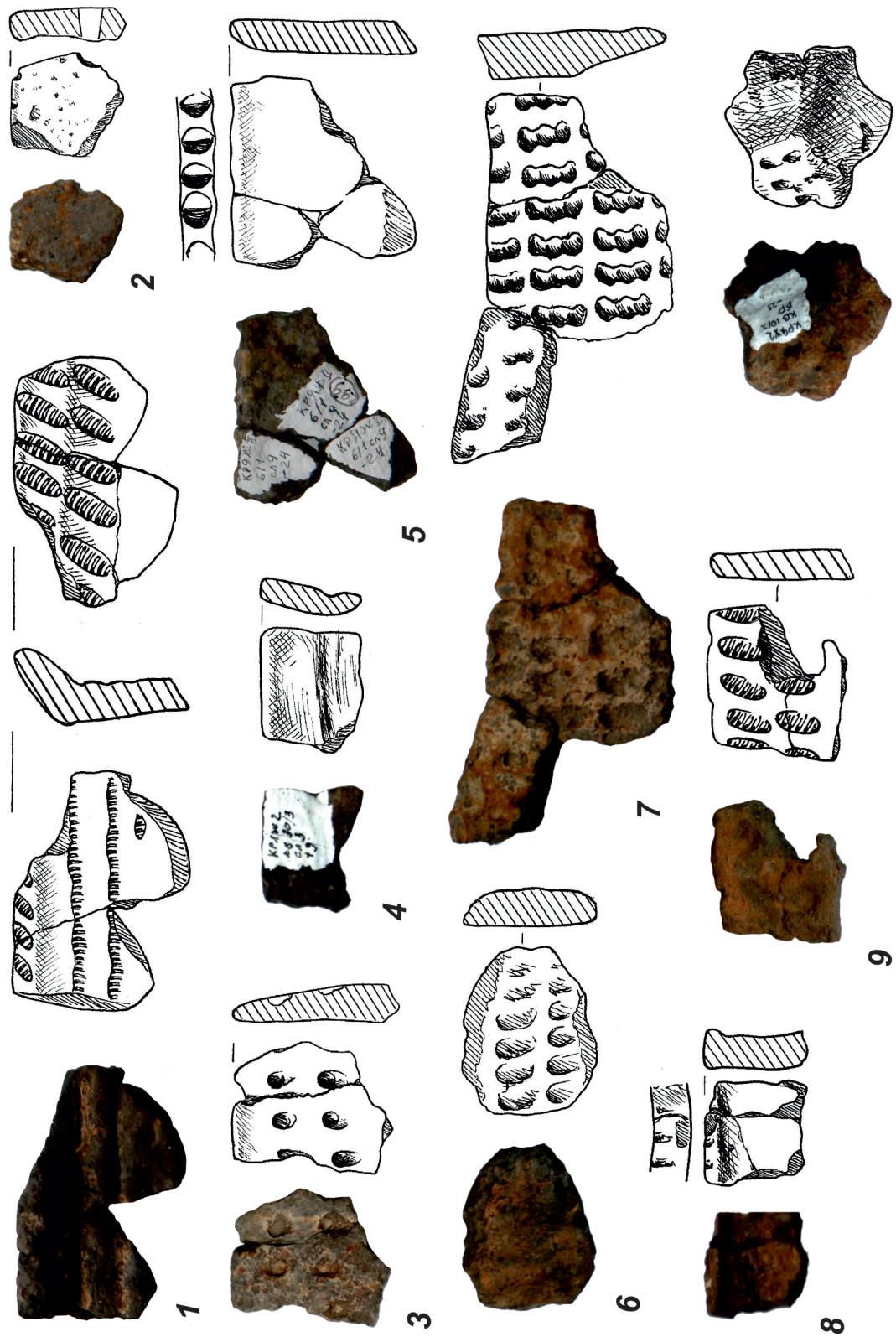

Рис. 11. Пластины без ретуши

[Fig. 11. Flakes without retouch]

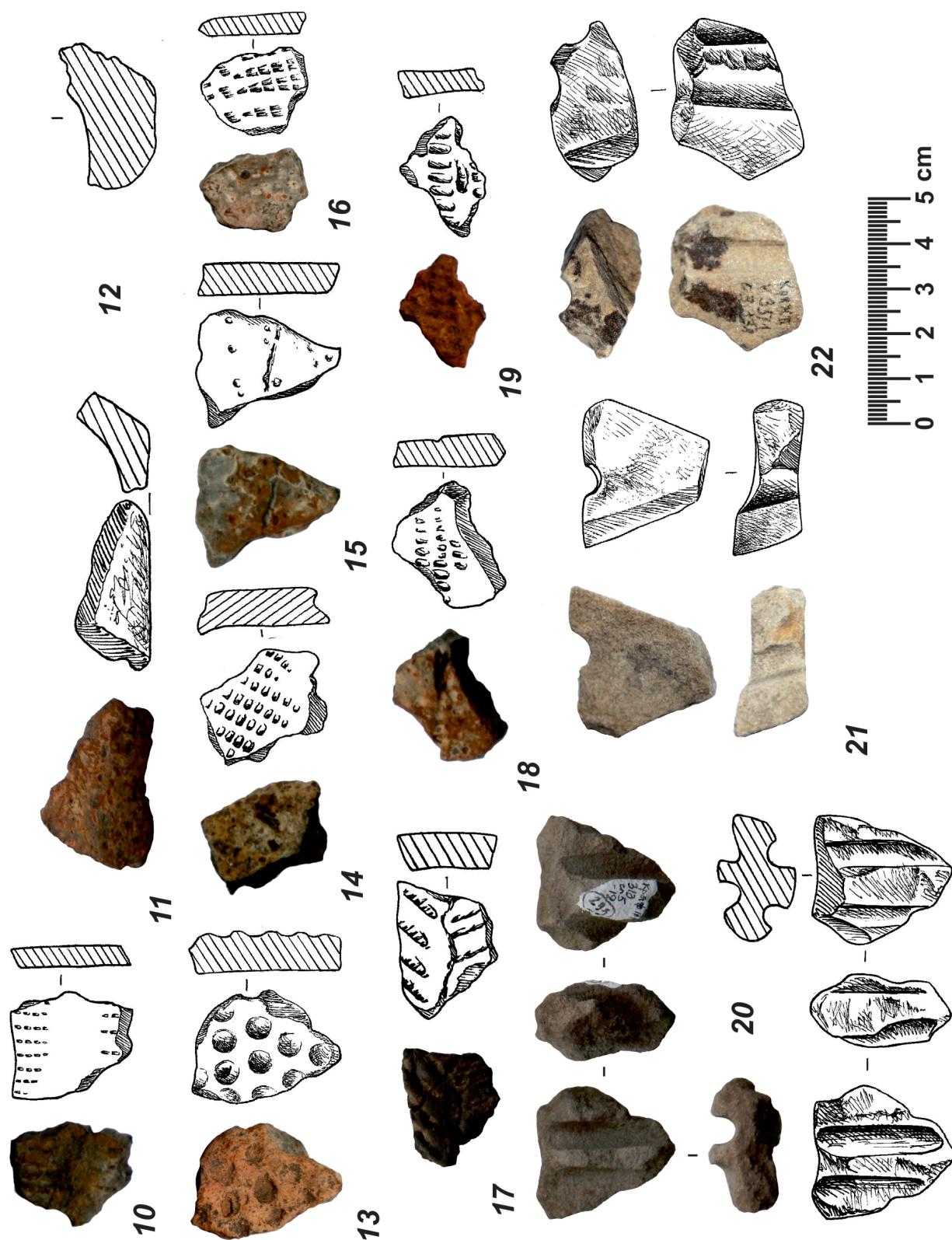

Рис. 12. Керамика (1–19) и абразивы (20–22)

[Fig. 12. Ceramics (1–19) and abrasives (20–22)]

С типологической точки зрения полученные на стоянке нуклеусы, скребки и перфораторы являются маловыразительными и обнаруживают широкие аналогии в памятниках каменного века лесостепного Поволжья различной культурно-хронологической принадлежности. Отдельно стоит отметить наконечники стрел, которые также являются достаточно типичными для кремневых комплексов эпохи камня лесостепного Поволжья. В частности листовидные наконечники, изготовленные в бифасальной технике, имеют широкий диапазон бытования — от раннего неолита до позднего энеолита, однако экземпляры на пластинах с нерегулярной обработкой острия и насада встречаются только в позднемезолитических и неолитических комплексах региона [Андреев и др. 2021: 6–7; Мамонов 1988: 92–105; Мамонов 1995: 3–25], выразительная серия треугольно-чешечковых экземпляров выявлена в последнее время на чистом памятнике средневолжской культуры *Лужки II*, также на ней представлены изделия подромбической формы и с усеченным основанием [Сомов, Андреев 2021: 8–9], близкие отдельным экземплярам стоянки *Кряж II*. Примечательно, что для относительно чистых кремневых комплексов средневолжской культуры [Андреев, Выборнов, Васильева 2018: 143–160; Мамонов 1988: 92–105; Сомов, Андреев 2021: 8–9] характерно либо полное отсутствие, либо единичность изделий с резцовыми сколами. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в материалах стоянки *Кряж II*.

Таким образом, кремневая коллекция изученной стоянки не обладает какой-либо яркой спецификой и является типичной для большинства памятников каменного века лесостепного Поволжья, однако большую близость она все же обнаруживает с кремневыми комплексами средневолжской культуры.

Керамическая коллекция стоянки *Кряж II* является фрагментированной и невыразительной, большая часть черепков не имеет орнамента и по технологии изготовления, примесям, обработке поверхностей и прочим элементам находит близкие аналогии в комплексах средневолжской культуры. В то же время орнаментированные фрагменты и венчики допустимо разделить на две неравные группы. Основная

часть комплекса, украшенная наколами и оттисками гребенчатого штампа, также аналогична керамическим коллекциям средневолжской культуры (см. рис. 12: 2, 3, 5, 8, 10–19) [Васильев, Выборнов 1988: 19–36; Выборнов 2000: 177–215].

Однако ряд фрагментов, в частности сильно отогнутый Г-образный венчик, орнаментированный нечеткими вдавлениями, напоминающими отпечатки личиночного штампа, и венчик со слабовыраженным воротничком, а также несколько стенок, орнаментированных ямчатыми вдавлениями, ближе к посуде раннеэнеолитических комплексов региона (см. рис. 12: 1, 4, 6, 7, 9) [Васильев, Овчинникова 2000: 216–277].

Сравнение результатов изучения технологии изготовления керамики стоянки *Кряж II* с накопленными данными по нео-энеолитической гончарной технологии Поволжья указывает на то, что состав технологических традиций населения, оставившего стоянку, находит близкие аналогии в гончарстве Поволжья неолитического и энеолитического времени. Применение илистых глин началось в рамках неолитических орловской, елшанской и средневолжской культур. Традиция добавления дробленой сильноожелезненной обожженной глины зародилась в эпоху неолита и сохранилась в производствах керамики типа *Чекалино IV* в период энеолита [Васильева 2019а: 48–62; Васильева, Королев, Шалапинин 2019: 28–42].

Широкое распространение приемов введения дробленой раковины в формовочные массы зафиксировано в гончарстве разных энеолитических групп населения Поволжья. Именно для керамики данного времени характерно полностью разрушенное состояние раковины в черепке сосуда [Васильева 2019б: 33–44].

Стоит отметить, что на отдельных стоянках лесостепного Поволжья, на которых прослежена определенная стратиграфия, отмечается совместное залегание и стратиграфическое перекрывание раннеэнеолитического слоя неолитическим [Барынкин, Козин 1995: 136–163]. Вероятно, аналогичная ситуация бытования, без какого-либо существенного хронологического перерыва на площади памятника обеих культурно-хронологических групп населения, прослежена нами на стоянке *Кряж II*. С точки зрения абсолютной хронологии фиксирует-

ся достаточно продолжительный период со-существования раннеэнеолитических комплексов (самарская и хвалынская культуры) и неолитических в лесостепном Поволжье начиная с последней четверти VI тысячелетия до н. э. [Шалапинин 2017: 380–388; Сомов, Шалапинин 2019: 229–239], чему не противоречат абсолютные даты материалов стоянки *Кряж II*.

Наконец, период формирования культурного слоя памятника, с точки зрения палинологического анализа, характеризуется бытованием лесостепных ландшафтов с небольшими по площади лесными массивами, т. е. условиями, близкими к современным.

Выходы

Комплекс стоянки *Кряж II* является уникальным для каменного века лесостепного Поволжья. Наблюдается абсолютное доминирование дебитажа над остальными категориями изделий из кремня, повышенная концентрация находок на квадратный метр изученной площади и значительное

Литература

- Андреев, Выборнов, Васильева 2018 — *Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н. Стоянка Калмыковка I — новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник / под ред. И. Н. Черных. Вып. 11. Тверь: Триада, 2018. С. 143–160.*
- Андреев 2019 — *Андреев К. М. Стоянка Кряж II — новый памятник эпохи камня (неолит–эненолит) в Самарском Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 3. С. 98–105.*
- Андреев, Сомов 2020 — *Андреев К. М., Сомов А. В. Стратегия добычи кремня в каменном веке (мезолит–неолит) лесостепного Поволжья // Геоархеология и археологическая минералогия 2020. Миасс; Челябинск: ЮУрГГПУ, 2020. С. 76–80.*
- Андреев и др. 2021 — *Андреев К. М., Андреева О. В., Алешинская А. С., Бурыгин М. А., Бородулин К. И. Итоги исследования стоянки Кочкари I в 2020 году (комплекс эпохи мезолита) // Археологические открытия в Самарской области 2020 года / ред.: А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков (отв. ред.). Самара: СНЦ РАН, 2021. С. 6–7.*
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.*
- Бобринский 1999 — *Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / под ред. А. А. Бобринского. Самара: СГПУ, 1999. С. 5–109.*
- Барынкин, Козин 1995 — *Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-эненолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (к проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур): сб. науч. тр. / ред. И. Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 136–163.*
- Васильев, Выборнов 1988 — *Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.*
- Васильев, Овчинникова 2000 — *Васильев И. Б., Овчинникова Н. В. Эненолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / И. Б. Васильев, А. А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.*
- Васильева 2019а — *Васильева И. Н. О выделении в древней керамике искусственной примеси дробленой обожженной сильноожелезненной глины // Вестник «История керамики». Вып. 1 / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2019. С. 48–62.*

количество изделий с желвачной коркой. Представленные обстоятельства свидетельствуют об активном расщеплении кремня на площади памятника и позволяют его интерпретировать в качестве стоянки-мастерской. С типологической точки зрения орудийный комплекс является невыразительным, однако по отдельным категориям инвентаря он сближается с кремневыми коллекциями средневолжской культуры, при этом прослеживаются и определенные эненолитические черты. Керамическая коллекция стоянки фрагментирована и также может быть разделена на две неравные группы: большая часть обнаруживает аналогии в материалах развитого и позднего неолита региона, отдельные фрагменты — в эненолитических комплексах. Время формирования культурного слоя памятника в широком диапазоне может быть определено в пределах третьей четверти VI — второй четверти V тысячелетия до н. э. и характеризуется бытованием лесостепных ландшафтов с небольшими по площади лесными массивами.

- Бобринский 1999 — *Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / под ред. А. А. Бобринского. Самара: СГПУ, 1999. С. 5–109.*
- Барынкин, Козин 1995 — *Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-эненолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (к проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур): сб. науч. тр. / ред. И. Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 136–163.*
- Васильев, Выборнов 1988 — *Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.*
- Васильев, Овчинникова 2000 — *Васильев И. Б., Овчинникова Н. В. Эненолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / И. Б. Васильев, А. А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.*
- Васильева 2019а — *Васильева И. Н. О выделении в древней керамике искусственной примеси дробленой обожженной сильноожелезненной глины // Вестник «История керамики». Вып. 1 / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2019. С. 48–62.*

- Васильева 2019б — Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1(27). С. 33–44.
- Васильева, Королев, Шалапинин 2019 — Васильева И. Н., Королев А. И., Шалапинин А. А. Энеолитический керамический комплекс поселения *Лебяжинка VI*: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 28–42.
- Выборнов 2000 — Выборнов А. А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.
- Колев, Ластовский, Мамонов 1995 — Колев Ю. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е. Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 50–110.
- Ластовский 2008 — Ластовский А. А. Неолитическая стоянка *Троицкое* // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара: СНЦ РАН, 2008. С. 26–39.
- Мамонов 1988 — Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / ред. Л. А. Наговицын. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92–105.
- Мамонов 1995 — Мамонов А. Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья (к проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур): сб. науч. тр. / ред. И. Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.
- Мамонов 2002 — Мамонов А. Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара: СГПУ, 2002. С. 148–162.
- Моргунова 1980 — Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 104–124.
- Моргунова 1988 — Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 106–122.
- Сомов, Шалапинин 2019 — Сомов А. В., Шалапинин А. А. Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 229–239.
- Сомов, Андреев 2021 — Сомов А. В., Андреев К. М. Предварительные итоги изучения неолитической стоянки Лужки II // Археологические открытия в Самарской области 2020 года / ред.: А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков (отв. ред.). Самара: СНЦ РАН, 2021. С. 8–9.
- Шалапинин 2017 — Шалапинин А. А. К вопросу о хронологическом соотношении неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3(2). С. 380–388.

References

- Andreev K. M. Kryazh II site — a new monument of the Stone Age (Neolithic — Eneolithic) in the Samara Volga region. *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*. 2019. Vol. 1. No. 3. Pp. 98–105. (In Russ.)
- Andreev K. M., Andreeva O. V., Aleshinskaya A. S., Burygin M. A., Borodulin K. I. Kochkari I site (Mesolithic): 2020 exploration results. In: Stashenkov D. A. (ed.) Samara Oblast: Archaeological Discoveries of 2020. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 6–7. (In Russ.)
- Andreev K. M., Somov A. V. Stone Age (Mesolithic–Neolithic) in the Volga forest steppes: Flint extraction strategies reviewed. In: *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy* 2020. Miass, Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, 2020. Pp. 76–80. (In Russ.)
- Andreev K. M., Vybornov A. A., Vasilyeva I. N. *Kalmykovka I* — a newly discovered Neolithic site of the forest-steppe Volga Region. In: Tchernykh I. N. (ed.) *Tver Archaeological Collection*. Is. 11. Tver: Triada, 2018. Pp. 143–160. (In Russ.)
- Barynkin P. P., Kozin E. V. Lebyazhinka I site and some issues of Neo-Eneolithic cultures in the steppes and forest steppes of Transvolga. In: Vasilyev I. B. (ed.) *Ancient Cultures of the Volga Forest Steppes: Revisiting the Interaction between Indo-European and Finno-Ugric Cultures. Collected papers*. Samara: Samara State

- Pedagogical University, 1995. Pp. 136–163. (In Russ.)
- Bobrinsky A. A. Pottery of Eastern Europe. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.)
- Bobrinsky A. A. Pottery technology as object of sociocultural study. In: Bobrinsky A. A. (ed.) Exploring Ancient Pottery: Topical Issues Revisited. Joint monograph. Samara: Samara State Pedagogical University, 1999. Pp. 5–109. (In Russ.)
- Kolev Yu. I., Lastovsky A. A., Mamonov A. E. Multi-layered Neolithic/Late Bronze Age site near Nizhnyaya Orlyanka in the Sok River valley. In: Vasilyev I. B. (ed.) Ancient Cultures of the Volga Forest Steppes. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 50–110. (In Russ.)
- Lastovsky A. A. Troitskoye Neolithic site. In: Topical Questions of Archaeology in the Urals and Volga Region. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2008. Pp. 26–39. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Elshanka culture complex at Chekalino IV. In: Vasilyev I. B. (ed.) Ancient Cultures of the Volga Forest Steppes: Revisiting the Interaction between Indo-European and Finno-Ugric Cultures. Collected papers. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 3–25. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Ilyinka site and some issues of the Neolithic in forest steppes of Transvolga. In: Nagovitsyn L. A. (ed.) Early Neolithic in the Forest Zone of the European USSR: Some Research Problems Revisited. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1988. Pp. 92–105. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Newly discovered materials from Ilyinka site (Samara Oblast). In: Studies in History and Archaeology. Vol. 5. Samara: Samara State Pedagogical University, 2002. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Morgunova N. L. Ivanovo site in Orenburg Oblast. In: Archaeological Cultures of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. Pp. 106–122. (In Russ.)
- Morgunova N. L. Neolithic-Eneolithic site of Ivanovo in Orenburg Oblast. In: Eneolithic in Eastern Europe. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1980. Pp. 104–124. (In Russ.)
- Shalapinin A. A. To the problem of chronological correlation of the Neolithic and Eneolithic complexes from the forest-steppe Volga Region. *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3(2). Pp. 380–388. (In Russ.)
- Somov A. V., Andreev K. M. Luzhki II Neolithic site: Preliminary exploration results. In: Stashenkov D. A. (ed.) Samara Oblast: Archaeological Discoveries of 2020. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 8–9. (In Russ.)
- Somov A. V., Shalapinin A. A. The ratio of the Neolithic and Eneolithic complexes of the forest-steppe Volga region according to radiocarbon dating. *Samara Journal of Science*. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). Pp. 229–239. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Ovchinnikova N. V. Eneolithic. In: Vasilyev I. B. et al. History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days: Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 216–277. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Vybornov A. A. Neolithic in the Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. 112 p. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. On the technology of making ceramics of the Eneolithic burial ground Ekaterinovsky Cape. *The Volga River Region Archaeology*. 2019. Vol. 1 (27). Pp. 33–44. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N., Korolev A. I., Shalapinin A. A. Eneolithic ceramic complex from Lebyazhinka VI: Morphology and technology. In: Morgunova N. L. (ed.) Phenomena of Early Bronze Age Cultures from Steppe and Forest-Steppe Eurasia: Paths of Cultural Interaction, 5th to 3rd Millennia BCE. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2019. Pp. 28–42. (In Russ.)
- Vassilieva I. N. On the discovery of artificial temper of broken roasted strongly iron-plated clay in ancient pottery. In: Tsetlin Yu. B. (ed.) 'History of Ceramics' Bulletin. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2019. Pp. 48–62. (In Russ.)
- Vybornov A. A. Middle Volga culture. In: Vasilyev I. B. et al. History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days: Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 177–215. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 144–152, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)+930
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

Первая печать тайши (1684 г.)

Петр Ашотович Аваков¹, Бембя Леонидович Митруев²

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov[at]mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Аваков П. А., Митруев Б. Л., 2023

Аннотация. *Введение.* Сфрагистические источники играют важную роль в изучении истории Калмыцкого ханства. Печати представителей калмыцкой знати приобретают особое значение для исследования становления института ханской власти, генезиса калмыцкой государственности и религиозно-политических связей ханства с Тибетом. *Цели и задачи.* В статье вводится в научный оборот ранее неизвестная печать калмыцкого тайши (будущего хана) Аюки, поставленная им в начале 1684 г. на шертной записи. *Материалы и методы.* Подлинник документа сохранился в Российском государственном архиве древних актов. Он редко привлекал внимание историков, предпочитавших пользоваться его устаревшей публикацией 1830 г. Для изучения печати использован комплекс методов исторической науки, текстологические и лингвистические методы. *Результаты.* Исследуются обстоятельства использования Аюкой печати во время принесения калмыцкой знатью присяги на верность договорным отношениям с русскими царями, анализируются внешний вид оттиска и легенда с текстом на санскрите. Удостоверение Аюкой своей клятвы при помощи печати в 1684 г. стало новшеством в процедуре принятия присяги, по сравнению с аналогичными церемониями 1673 и 1677 гг. *Выводы.* Авторы приходят к выводу, что эта печать является самой ранней из известных на сегодняшний день личных печатей Аюки. Наличие в легенде печати индийского титула раджи позволяет предположить, что уже тогда Аюка позиционировал себя верховным правителем всех калмыков в статусе хана, хотя и получил этот титул от Далай-ламы позднее.

Ключевые слова: Аюка, Калмыцкое ханство, шерть, сфрагистика, русско-калмыцкие отношения

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственных заданий ЮНЦ РАН (проект «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)», номер госрегистрации: 122020100347-2) и КалмНЦ РАН (проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая», номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Аваков П. А., Митруев Б. Л. Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

The First Seal of Taishi Ayuka (1684)

Pyotr A. Avakov¹, Bembya L. Mitruev²

¹ Southern Scientific Centre of the RAS (41, Chekhov St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov[at]mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2023

© Avakov P. A., Mitruev B. L., 2023

Abstract. *Introduction.* Sphragistic sources play an important role in the historical study of the Kalmyk Khanate. Seals of the Kalmyk nobility gain particular importance for further insights into the shaping of the institution of khanship, genesis of Kalmyk nationhood, and religious-political ties between the Khanate and Tibet. *Goals.* The article introduces into scientific circulation a previously unknown seal of the Kalmyk Taishi (future Khan) Ayuka put by him in early 1684 on a shert manuscript. *Materials and methods.* The original document has been discovered at the Russian State Archive of Ancient Acts. It rarely attracted the attention of historians who preferred to use its outdated publication of 1830. The study employs a set of research methods inherent to historical science, philology, and linguistics. *Results.* The paper investigates the circumstances that witnessed Ayuka's use of the seal when the Kalmyk nobility were taking an oath of allegiance to the Russian Tsar, analyzes its appearances and Sanskrit-language legend. As compared to similar ceremonies in 1673 and 1677, the fact that Ayuka certified his oath with a seal in 1684 was a novelty in the oath taking procedure. *Conclusions.* The work suggests this seal be the earliest one of Ayuka's personal seals known to date. The presence of the Indian title 'rāja' in the seal's legend makes it possible to presume that even then Ayuka tended to position himself as supreme ruler of all Kalmyks in the status of Khan, although he received this title from the Dalai Lama over the subsequent years.

Keywords: Ayuka, Kalmyk Khanate, shert (oath of allegiance), sphragistics, Russian-Kalmyk relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignments (2023), projects no. 122020100347-2 'Political and Socio-Cultural Processes in the South of Russia in the Context of Modernization (17th and 21th Centuries)' (Southern Scientific Centre of the RAS), and no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China' (Kalmyk Scientific Center of the RAS).

For citation: Avakov P. A., Mitruev B. L. The First Seal of Taishi Ayuka (1684). *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 144–152. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

Введение

В последнее время сфрагистические источники занимают все более видное место в изучении истории Калмыцкого ханства (вторая половина XVII – третья четверть XVIII вв.). Особое значение печати представителей калмыцкой знати приобретают для исследования становления института ханской власти, генезиса калмыцкой государственности и религиозно-политических связей ханства с Тибетом [Тепкеев, Нацагдорж 2016; Митруев, Гедеева 2021; Митруев 2021; Митруев 2022]. В первую очередь это обусловлено тем, что вопрос о времени получения тайшой Аюкой ханского титула от Далай-ламы остается дискуссионным по причине лапидарности письменных источников, тогда как печать являлась одним из важнейших элементов инвеституры [Тепкеев, Санчиров 2016: 15; Китинов 2020].

На сегодняшний день в научный оборот введены оттиски трех печатей Аюки [Митруев 2021], простоявшие на его дипломатических посланиях, известных в историографии под общим названием «письма хана Аюки» [Сузеева 2003; Орлова 2019; Тепкеев 2021]. Все они были номинально адресованы российским монархам (царю Ивану Алексеевичу и царю, а затем императору Петру I), а также отдельным государственным деятелям и региональным администраторам, и выполнены ойратским (старокалмыцким) письмом «тодо бичиг».

Однако до сих пор внимание исследователей не привлекла печать Аюки, удостоверяющая знаковый исторический документ, составленный на русском языке. Речь идет о шертной (клятвенной) записи калмыцких тайшей 1684 г., которую историки иногда датируют предшествующим годом [Khodarkovsky 1992: 119; История Калмыкии 2009: 626; Цюрюмов 2007: 110–111; Тепкеев, Нацагдорж 2016: 7; Тепкеев 2020: 14]. Данный документ был опубликован с ошибочной датой (24 января 1683 г.) более полутора столетия назад, но без описания процедуры его заверения [ПСЗ 1830: 493–499].

Ошибочная датировка шертования, судя по всему, обусловлена тем, что при подготовке к публикации использовался не под-

линник шертной записи, сохранившийся в составе статейного списка астраханских воевод князя А. И. Голицына с товарищами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 101–110об.], а не вполне исправный список с нее, в 1801 г. учтенный А. Ф. Малиновским в архивной описи с неверной датой (в наши дни она исправлена) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–10].

В тексте подлинника кириллической цифрию вполне четко указан год, в котором состоялось шертование: «...в нынешнем во 192-м году генваря в ... день...» — то есть в 7192 г. от сотворения мира, или в 1684 г. от Рождества Христова. Пропущенное здесь число фигурирует в статейном списке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 59, 101об.].

Цель статьи — ввести в научный оборот ранее не известную печать калмыцкого тайши Аюки, поставленную им в начале 1684 г. на шертной записи, и проанализировать обстоятельства ее использования в ходе принесения шерти в 1684 г.

Процедура шертования калмыцких тайшей в 1684 г.

Подготовка шертования калмыцкой знати в 1684 г. и основные положения шерти достаточно подробно описаны и проанализированы М. М. Батмаевым и В. Т. Тепкеевым [История Калмыкии 2009: 359–361; Тепкеев 2018: 83–85].

Однако самой церемонии принесения шерти калмыцкими тайшами в историографии уделено совсем немного внимания. Между тем способ, которым тайши удостоверили взятые на себя обязательства, представляет особенный интерес. Лишь М. М. Батмаев констатировал, что «Аюка вместо подписи приложил к шертной грамоте печать, потому что, как говорится в статейном списке астраханского воеводы А. И. Голицына, он писать не умел» [Батмаев 1993: 184]. Обращение к статейному списку князя А. И. Голицына и его заместителей позволяет уточнить некоторые существенные детали присяги.

Итак, шертование состоялось 24 января в степи близ Астрахани, где после предварительных переговоров съехались астраханские воеводы: боярин князь Андрей Иванович Голицын, окольничий князь Никита Иванович Приимков-Ростовский и думный

дворянин Степан Богданович Ловчиков¹ с одной стороны, и сто семьдесят пять человек калмыцких «владетельных людей» (нойонов и зайсангов) и их родственников, во главе с тайшами Аюкой, его братом Замсой-младшим и Солом-Цереном, с другой стороны. Все они шертовали за подвластные им калмыцкие и ногайские улусы, гарантируя совместную приверженность достигнутым с астраханскими воеводами договоренностям [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 59, 95–96об., 111–113].

После произнесения устной клятвы, сопровождавшейся прикладыванием сабли к голове и горлу, что символизировало неотвратимость Божьей кары за нарушение взятых обязательств, пришел черед заверить шертную запись. При этом, как гласит статейный список, «Аюка-тайша вместо руки своей печать приложил, потому что грамоте не умеет, а Соломсерень-тайша подписал». Кроме него, автографы на полях и в конце шертной записи оставили тайша Замса-младший и Унутуй-бакши. За неимением в астраханской приказной палате переводчиков с калмыцкого языка, эти надписи были устно переведены калмыками «на татарской языке» (ногайский?), а затем в переводе на русский записаны в статейном списке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110–111].

Свидетельство статейного списка, объясняющее использование Аюкой печати для заверения шертной записи его неумением писать, косвенно подтверждается отсутствием подписи тайши на двух аналогичных документах 1673 и 1677 гг. Принося впервые присягу перед астраханскими воеводами 27 февраля 1673 г., Аюка доверил подписать шертную запись за себя двум другим тайшам – своему двоюродному брату Назар-Мамуту и Цецен-Запсану-бакши, о чем сообщается в их автографах [Посольские книги 2003: 65]. Во время второго шертоования 15 января 1677 г. за присутствовавшего Аюку и других участников присяги соответствующую запись заверил Солом-Церен: «...я, Солом-Серень-тайша вместо себя и за всех тайшей и за их родственных и близ-

¹ М. М. Батмаев и В. Т. Тепкеев неверно передали его фамилию как «Ловчинов», причем второй автор понизил воеводу в чине до думного дьяка [История Калмыкии 2009: 360; Тепкеев 2018: 85].

них людей руку приложил» [ПСЗ 1830: 86]. С другой стороны, у Аюки могли быть неизвестные русским участникам церемонии причины, по которым он не пожелал ставить подпись на документе наравне с другими тайшами, над которыми имел престижное первенство.

Вопрос о (не)грамотности Аюки нуждается в дополнительном изучении. Возможно, в данном случае речь должна идти не о неспособности писать и читать, а лишь о недостаточно развитых навыках письма. По крайней мере, некоторые косвенные данные позволили М. М. Батмаеву предположить, что «в лучшем случае» Аюка «мог лишь расписываться» [Батмаев 1993: 184].

В последние десятилетия калмыцкие ученые активно изучают письменное наследие периода Калмыцкого ханства. По устному сообщению д-ра ист. наук Д. Н. Музраевой², на некоторых письмах хана Аюки имеется сделанная им запись о том, что он собственноручно подписал послание.

В этой связи особую актуальность приобретает дальнейшее изучение дипломатической и частной переписки Аюки с российским правительством и его представителями.

Печать Аюки и заверение шертной записи калмыцкими тайшами

Оттиск печати, поставленный Аюкой в конце текста шертной записи, отличается от трех других его печатей, введенных в научный оборот к настоящему времени [Митруев 2021]. Он сделан краской или тушью красного цвета, потемневшей от времени (см. рис. 1). Печать имеет форму квадрата, очерченного двойной линией, с внешней рамкой из овальных лепестков — по восемь с каждой стороны. Нижний ряд лепестков отпечатался на бумаге нечетко. Внутри квадрата помещена легенда на санскрите, записанная письмом ланджа. Она состоит из двух слов, вырезанных на штемпеле в две строки — по одному слову в каждой. Для облегчения ее чтения ниже мы приводим реконструкцию оттиска печати³, выполненного шрифтом JMYZK-LZT (см. рис. 2). Прочтение легенды следующее: Ауиша

² Авторы выражают благодарность Д. Н. Музраевой за информацию.

³ Авторы выражают благодарность Д. З. Зайдуллиной за создание графической реконструкции оттиска печати.

rajāya. При изготовлении штемпеля текст был вырезан с ошибками, при правильном написании легенды он должен выглядеть следующим образом: Āyuṣa rāja, что можно перевести как *Аюка-хан*.

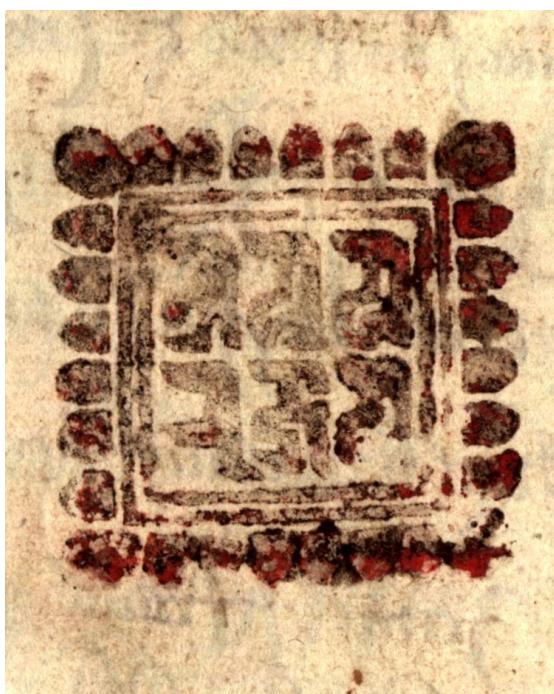

Рис. 1. Оттиск печати Аюки
[Fig. 1. Impress of Khan Ayuka's seal]

Рис. 2. Реконструкция оттиска
[Fig. 2. Reconstruction of the seal impress]

Имя *Аюка* (санскр. āyuṣa) имеет санскритское происхождение и на санскрите читается как *Аюша*, что означает «продолжительность жизни» [Monier-Williams 1899: 149], т. е. долголетие. Однако в тибетской традиции устного чтения санскрита, кото-

рой следуют калмыки, *ṣa* читается как *kha*, что произносится как *ka*. Соответствующее пояснение, в частности, содержится в сочинении тибетского переводчика Нартанг-ло-цавы «Видение, проясняющее смысл», которое является комментарием к его же труду «Краткий метод чтения мантр» (XIV в.). Согласно ему, *ṣa* необходимо произносить сходно с произношением тибетского *kha*, из глубины неба нечетко и кратко¹ [snar thang 2003: 28]. По этой причине имя Аюки не произносится на калмыцком языке как *Аюша*, что подтверждается и текстами на «тодо бичиг». Так, в летописи эмчи Габан Шараба имя Аюки записано как *ayoukā* [Гедеева 2021: 1308]. В калмыцком буддизме это имя Будды долголетия Аюки Бурхана [Krueger 1978: 45], известного в санскритской традиции как Амитаюс (тиб. *tshe dpag med*; санскр. *Amitāyus*).

Судя по всему, санскритский термин *gāja* (раджа) со значением «царь, монарх, правитель» [Monier-Williams 1899: 872] в данном случае используется как переводной эквивалент ойратско-монгольского титула *хан*. Вероятно, неверная форма *rajāya* является неправильно написанной словоформой *rājāya*, которая часто встречается в различных буддийских мантрах и дхарани. Так, например, она фигурирует в «Возышенной сутре махаяны „Безграничия жизнь и высшая мудрость“» (тиб. «*phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*»; санскр. «Āgya-aparimitā-āyurjñāna-nāma-mahāyāna-sūtra»). Отмеченное слово можно обнаружить в начальной части этого дхарани: «*oṃ namo bhagavate aparimitāyurjñāna-suviniścita-tejo-rājāya tathāgatāya arhate samyak sambuddhāya*» [bka' 'gyur dpe bsdur ma 2008: 139]. Его текст имел широкую известность среди калмыков и, вероятно, титул *rajāya* был заимствован при изготовлении печати из этого или подобного ему дхарани.

Справа от печати на листе расположена вертикальная подпись на «тодо бичиг»: «*Bi önötöi baqsi yar tabi-ba*», что в переводе на русский язык означает: «Я, Унутуй-бакши, руку приложил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 110об.] (рис. 3). В русском тексте шертной записи и в перечне присягнувших

¹ «*Sha ni bod kyi kha'i gdangs dang cha cung zhig mthun par/ rkan gyi phugs nas mi gsal ba'i tshul du stongs kyis 'don la/ bod kyi kha ltar gsal ba ni ma yin no//*» [snar thang 2003: 28].

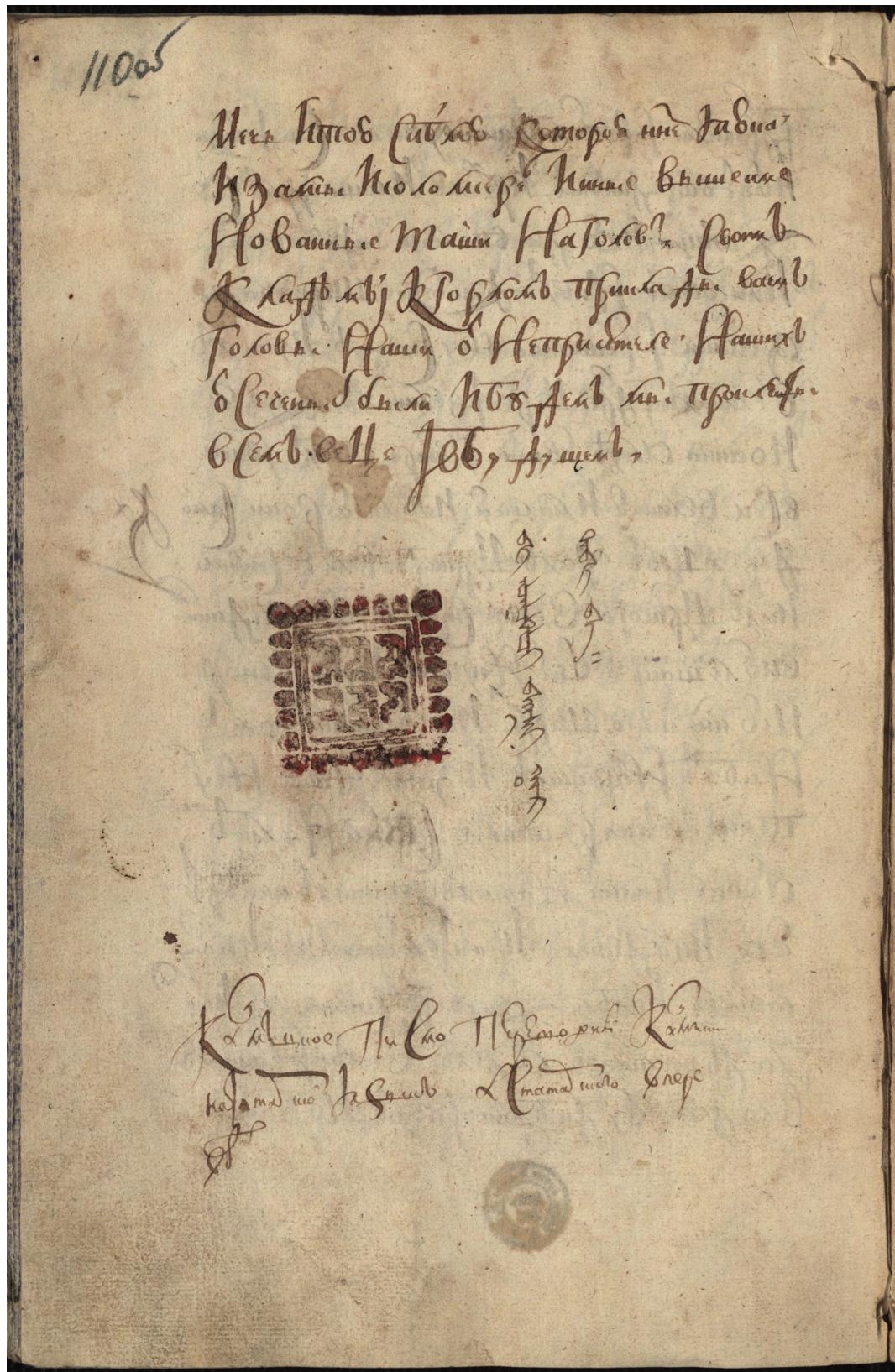

Рис. 3. Последний лист шертной записи 1684 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 110об.]

[Fig. 3. Last page of a manuscript containing the 1684 oath of allegiance (Russian State Archive of Ancient Acts)]

калмыцких представителей его имя транслитерировано в вариативной форме *Унодей-Бахчи* и *Унодей-Бакчи* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 111, 111об.]. В качестве посла Аюки Унугутай-бакши фигурирует и в других документах 70–80-х гг. XVII в. [Посольские книги 2003: 68, 73, 74, 80, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 109, 112, 113, 114, 122, 129; Тепкеев 2010: 48; Тепкеев, Нацагдорж 2016: 7; Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022: 15]. Очевидно, он пользовался доверием Аюки.

Схожие подписи на старокалмыцком письме, сделанные двумя разными почерками, находятся и на предшествующих десяти листах шертной записи, но без упоминания имен сделавших их лиц [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110–110об.]. Очевидно, это тайши Солом-Церен и Замса-младший. Само словосочетание *yar tabi-ba* (букв. руку приложил) имеет значение «расписался, поставил свою подпись» [Krueger 1984: 310], т. е. заверил подлинность документа. Этот характерный для делопроизводства той эпохи стандартный фразеологизм регулярно встречается в других калмыцких документах, например: в недатированном письме «новокрещеной» Пелагеи Шороевой неизвестному адресату и в послании тайши Доржи Назарова главе Комиссии калмыцких дел полковнику Ивану Ивановичу Бахметеву и саратовскому коменданту полковнику Василию Пахомовичу Беклемишеву от 11 сентября 1729 г. [Сузеева 2009: 39, 340]. Данная лексема фигурирует и в более ранних монгольских документах (см. члобитную посла Алтын-хана Лубсана Дзорикту Тархана, поданную в Красноярскую приказную избу в апреле 1679 г. [Русско-монгольские отношения 1996: 328]).

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
Гедеева 2021 — *Гедеева Д. Б.* Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) //

Заключение

Можно утверждать, что в 1673–1676 гг. у Аюки еще не было печати. Следовательно, есть все основания считать использованную им в январе 1684 г. печать его первой печатью, заменившей личную подпись. Возможно, она была изготовлена несколькими годами ранее, между 1677 и 1683 гг. Но уже при оформлении в 1685 г. послания русским царям Ивану и Петру Аюка использовал другую печать, несущую на себе монограмму Калачакры [Тепкеев, Нацагдорж 2016; Митруев, Гедеева 2021]. Эта же печать стоит и на другом его послании царям, отправленном в 1688 г. [Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022]. Как видно из ряда других документов, после 1684 г. Аюка больше не использовал свою первую личную печать и не передал ее наследнику Чагдорджабу. Следовательно, в 1684–1685 гг. она либо была утрачена, либо специально заменена новой и имеющей более высокий статус печатью с монограммой Калачакры.

Содержание легенд печати, которой Аюка заверил шертную запись, дает основание предположить, что уже к началу 1684 г. он позиционировал себя верховным правителем всех калмыков и открыто притязал на ханский титул, не будучи еще его формальным обладателем (вместе с тем, следует признать, что иерархическое соотношение индийской и ойратско-монгольской титулатуры той эпохи изучено недостаточно). Судя по тому, что в легенде указано имя обладателя печати, она была изготовлена специально для Аюки и не могла ранее принадлежать кому-либо другому. Исходя из нечеткого оформления лепестков, несколько нетрадиционной формы графем и ошибок в передаче санскритских слов, скорее всего данная печать была изготовлена в калмыцкой степи, а не в Тибете.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Oriental Studies. 2021. T. 14. № 6. С. 1303–1312.

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

Китинов 2020 — *Китинов Б. У.* К вопросу о роли буддийского фактора в становлении калмыц-

- кой государственности при Аюке // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова, А. Н. Алиевой. Вып. 12. Астрахань: Сорокин Р. В., 2020. С. 102–108.
- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Калмыцкие печати на санскрите // *Mongolica*. Т. 25. 2022. № 1. С. 47–54. DOI: 10.25882/8j6r-8w62
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б.* Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 23–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003. 316 с.
- ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 2. СПб.: тип. И. П. Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 1830. [2], 974, 4 с.
- Русско-монгольские отношения 1996 — Русско-монгольские отношения, 1654–1685: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.
- Сузеева 2003 — *Сузеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сузеева 2009 — *Сузеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Тепкеев 2010 — *Тепкеев Б. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 1. С. 46–52.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев Б. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тепкеев 2020 — *Тепкеев Б. Т.* Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 50 с.
- Тепкеев 2021 — *Тепкеев Б. Т.* Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 10–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев Б. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. Т. 8. № 1. С. 5–12.
- Тепкеев, Санчиров 2016 — *Тепкеев Б. Т., Санчиров В. П.* Калмыко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 4. С. 12–20. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-12-20
- Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022 — *Тепкеев Б. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б.* Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 10–38. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- bka' 'gyur dpe bsdur ma 2008 — 'phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo // bka' 'gyur dpe bsdur ma. Vol. 97. Beijing: krung go'i bod rig pa'i dpe skrun khang, 2008. Pp. 138–150.
- Khodarkovsky 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1992. XII, 278 p.
- Krueger 1978 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Pt. 1. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 204 p.
- Krueger 1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Pt. 2. Bloomington: The Mongolia Society, 1984. Pp. 205–464.
- Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and Philologically arranged with special reference to Indo-European languages. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1334 p.
- snar thang 2003 — *snar thang lo tsA ba. sngags kyi bklag thabs bsdus pa'i 'grel ba mthong ba don gsal // sngags kyi bklag thabs khag gsum phyogs gcig tu bkod pa mthong shes me long.* Mundgod: Drepung Gomang Library, 2003. 102 p.
- vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- bka' 'gyur dpe bsdur ma 2008 — 'phags pa tshe

References

- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2

vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p.

(In Russ.)

bka' 'gyur dpe bsdur ma 2008 — 'phags pa tshe

- dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo // bka' 'gyur dpe bsdur ma. Vol. 97. Beijing: krung go'i bod rig pa'i dpe skrun khang, 2008. Pp. 138–150. (In Tib.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire: From 1649 [to Present]. Vol. 2. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. [2], 974, 4 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Graphophonic features of Khan Ayuka's name: A case study of 17th–18th century Kalmyk official letters. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1303–1312. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992. XII, 278 p. (In Eng.)
- Kitinov B. U. The Buddhist factor in the shaping of Kalmyk nationhood under Khan Ayuka revisited. In: Kurapov A. A., Alieva A. N. (eds.) Astrakhan Local History Readings. Collected papers. Vol. 12. Astrakhan: R. Sorokin, 2020. Pp. 102–108. (In Russ.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 1. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 204 p. (In Oir. and Eng.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 2. Bloomington: The Mongolia Society. 1984. Pp. 205–464. (In Oir. and Eng.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Bol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Mitrev B. L. Kalmyk seals in Sanskrit. *Mongolica*. 2022. Vol. 25. No. 1. Pp. 47–54. (In Russ.) DOI: 10.25882/8j6r-8w62
- Mitrev B. L. Three seals of Khan Ayuka. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 44–61. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Mitrev B. L., Gedeeva D. B. Kalmyk-Tibetan relations, 17th–18th centuries: Seals on Kalmyk official documents as a research source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 23–43. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Indo-European Languages. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1334 p. (In Sans. and Eng.)
- Orlova K. V. National archives of the Republic of Kalmykia: Letters of the Kalmyk Khans. *History and Archives*. 2019. No. 3. Pp. 12–19. (In Russ.) DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19
- 'Phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo (The Noble Mahāyāna Sūtra of Aparimitāyurjñāna). In: Bka' 'gyur dpe bsdur ma (Pedurma Kangyur). Vol. 97. Beijing: Krung go'i Bod rig pa'i dpe skrun khang, 2008. Pp. 138–150. (In Tib.)
- Rogozhin N. M., Batmaev M. M. (comps.) Russia and Kalmyk Khanate, 1672–1675: Ambassadorial Books. Elista: Dzhangar, 2003. 316 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russia-Mongolia Relations, 1654–1685: Collected Documents. N. Demidova (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 560 p. (In Russ.)
- snar thang lo tsA ba. sngags kyi bklag thabs bsdus pa'i 'grel ba mthong ba don gsal // sngags kyi bklag thabs khag gsum phyogs gcig tu bkod pa mthong shes me long. Mundgod: Drepung Gomang Library, 2003. 102 p. (In Tib.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk relations, 1680s–1720s: Khan Ayuka's letters as a historical source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 10–22. (In Russ.) DOI : 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22
- Tepkeev V. T. The 1673 Russian-Kalmyk negotiations and shert (allegiance oath). *Oriental Studies*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 46–52. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. The Russian State and the Kalmyks, 1600s–1720s: Analyzing Issues of Political Relations. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2020. 50 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Natsagdorj Ts. B. A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan. *Mongolian Studies*. 2016. Vol. 8. No. 1. Pp. 5–12. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Sanchirov V. P. Kalmyk-Tibetan relations at the turn of the 17th and 18th centuries. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 4. Pp. 12–20. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-12-20
- Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedeeva D. B. Tai-sha Ayuka's letter of 1688. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 10–38. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Political Relations. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 153–162, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 325.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы

Алексей Викторович Михалев¹

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Россия)

доктор политических наук, директор центра

 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Михалев А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу русских мест памяти в современном Харбине. *Цели и задачи.* В ходе исследования мы пытаемся найти ответ на вопрос: возможен ли мемориальный консенсус относительно русского наследия в Китае? Под мемориальным консенсусом мы понимаем определенное формальное или неформальное соглашение между государствами или внутри общества по поводу принятия или непринятия символов прошлого, а также интерпретации исторических событий. Мемориальный консенсус обеспечивает бесконфликтное отношение к местам памяти и к их использованию в ритуальных целях. Более того, это соглашение регламентирует то, каким образом наиболее приемлемо для всех сторон могут использоваться те или иные мемориалы или памятные даты, связанные с общей историей. Актуальность исследования обусловлена сложившейся в современном мире ситуацией войны с памятниками. В этой связи интересен китайский опыт формирования модели принятия общего прошлого. *Методы и материалы.* Методологически работа выполнена в формате memory studies. Мы опираемся на понятия «места памяти» и «культурная память», применяя их к эмпирическим материалам Хэйлунцзяна. В центре внимания — топонимы, памятники, кладбище, музейные экспозиции, памятники архитектуры, в том числе православные храмы. Речь идет не только о памятниках русской эмиграции первой волны, но и о более поздних советских мемориалах. Источниками послужили топографические данные, визуальные материалы, сведения справочников по историко-культурному ландшафту, исторические работы. *Дискуссии.* Дисциплинарная принадлежность данного исследования лежит в плоскости, в которой пересекаются исторические, политологические, социологические и культурологические подходы. *Результаты.* В итоге мы приходим к выводу о том, что в Харбине сформировался мемориальный консенсус по поводу «русского прошлого», опирающийся на востребованность туристического образа города. Это стало возможным на фоне бурного развития внутреннего туризма в КНР. Важную роль в обретении мемориального консенсуса сыграл постоянный диалог между лидерами двух стран. В ходе исследования выделено три периода, когда взаимоот-

ношения между главами государств положительно влияли на политику в отношении прошлого. Первый период — это время союза И. В. Сталина и Мао Цзэдуна, второй период — диалог между Б. Н. Ельциным и Цзянь Цзэминем, а третий — tandem В. В. Путина и Си Цзиньпина. **Ключевые слова:** места памяти, политика, памятники, забвение, русская диаспора, Внутренняя Азия, политика памяти, музей

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия» (№ 22-28-01087).

Для цитирования: Михалев А. В. Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 153–162. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Russian Places of Memory in Contemporary Harbin: Imperial Meanings and Soviet Symbols

Alexey V. Mikhalev¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Sciences), Director of Centre

 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mikhalev A. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The study analyzes Russian places of memory in contemporary Harbin. *Goals.* The paper seeks to answer the question if a memorial consensus regarding the Russian heritage in China is possible, the term ‘memorial consensus’ as such denote a certain formal or informal agreement — between governments or within the community — whether to accept or reject certain symbols of the past, and how to interpret the historical events. That would guarantee conflict-free attitudes to places of memory and their due use for ritual purposes. Moreover, such an agreement regulates how certain memorials or memorable dates associated with a common history may be used in a way most acceptable to all the parties. And the present-day war on monuments around the world makes the study timely enough. In this regard, the Chinese experiences of forming a model for accepting a common past are of essential interest. *Materials and methods.* Methodologically, the work clusters with *memory studies*. The paper relies on the concepts ‘places of memory’ and ‘cultural memory’ to apply them to empirical materials of Heilongjiang and focus on toponyms, monuments, cemetery, museum exhibitions, architectural monuments, including Orthodox Christian churches. The discussion shall comprise not only monuments associated with White Russian émigrés but also later Soviet memorials. The paper investigates topographic data, visual materials, reference books dealing with historical and cultural landscapes, and historical works. *Discussion.* In terms of academic disciplines, the study involves historical, political science, sociological, and cultural approaches. This makes it possible to combine the analysis of the position of memorial objects with political changes in the region. *Results.* The work shows that a memorial consensus about the ‘Russian past’ has been formed in Harbin to meet tourist needs within the city’s image. This has been facilitated by the rapid development of domestic tourism in China. An important role in finding a memorial consensus was played by the constant dialogue between leaders of the two countries. The study identifies a total of three periods when relationships between national leaders had positive impacts on the policy towards the past. The first period is the time of the union between I. V. Stalin and Mao Zedong, the second period is the dialogue between B. N. Yeltsin and Jiang Zemin, and the third one is the tandem of V. V. Putin and Xi Jinping.

Keywords: memory space, policy, memorials, oblivion, Russian diaspora, Inner Asia, memory policy, museum

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01087.

For citation: Mikhalev A. V. Russian Places of Memory in Contemporary Harbin: Imperial Meanings and Soviet Symbols. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 153–162. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Введение

Харбин — один из крупнейших центров русской эмиграции первой волны. Это наиболее распространенное представление об этом городе, бытующее в России и на постсоветском пространстве в целом. Сегодня этот образ активно эксплуатируется туристической индустрией КНР. Многочисленные «русские» музеи, памятники и храмы представлены вниманию потоку и китайских, и зарубежных туристов. Русское прошлое — отличный пример *usable past*, позволяющего строить внешнеполитический диалог с Россией, не вступая в сложные перипетии войн памяти.

Поэтому основной задачей данного исследования стал анализ трансформации мемориального пространства бывшего русского сettльмента в Харбине. Важно проследить то, каким образом стала возможна коммодификация мест памяти в XXI в. Мы рассматриваем переход от политизации мест памяти к их коммерциализации (коммодификации). Не менее значимо понять, что из себя представляет мемориальный консенсус России и КНР в отношении общего прошлого. Ведь именно он позволяет существовать проекту туристического Харбина с его почти лубочным прошлым на продажу. Несомненно, этот консенсус основан на забвении и преодолении травматических сюжетов в истории города. Трансформация мемориального пространства Харбина рассматривается нами с 1945 г. (с момента разгрома Японии) и до так называемой эпохи Си Цзиньпина. Именно в этот период Харбин из русского сettльмента в Маньчжурии трансформировался в десятимиллионную столицу региона Хэйлунцзян.

Современный Харбин напоминает о русском прошлом только на уровне нескольких десятков мемориальных и архитектурных объектов. Небоскребы, метро, аэропорт, скоростные поезда — вот то, что определяет сегодня облик города. Соответственно, наше исследование касается лишь одной из многочисленных составляющих

мемориального пространства этого города, которое представляет собой многообразие самых разных сюжетных линий прошлого. Русские места памяти интересны тем, что на современном этапе они стали важным фактором в системе двусторонних отношений между КНР и Россией.

Итак, в центре внимания — места памяти в том смысле, в котором их понимал Пьер Нора: «Места памяти — это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие. Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [Нора 1999: 28].

Для представленной статьи большое значение имеют российские работы, посвященные памяти в КНР, среди авторов необходимо упомянуть Д. А. Аникина [Аникин 2013], О. Н. Борох и А. В. Ломанова [Борох, Ломанов 2009], И. Ю. Зуенко [Зуенко 2019], Б. Г. Доронина [Доронин 2016], Л. В. Кураса [Курас 2016], И. О. Пешкова [Peshkov 2017], Б. О. Хубрикова [Хубриков 2020].

Отдельного внимания заслуживает книга Н. П. Крадина [Крадин 2001], посвященная русскому Харбину, однако эта работа носит историко-архитектурный характер. Большая же часть исследований памяти в КНР посвящена собственно китайской тематике, в то время как память о русских в современной КНР остается малоизученной. Несомненно, существует большой спектр исторических текстов, посвященных прошлому русских общин в Китае, однако

их изучение — вне предметного поля исследований памяти. В данной статье мы говорим не столько о самой памяти, сколько о местах памяти, т. е. о состоянии материальных объектов, представляющих собой историческое наследие русского присутствия.

Дисциплинарная принадлежность данного исследования лежит в плоскости, где пересекаются политологические, антропологические и этнологические подходы. Это делает возможным сочетать анализ мест памяти и политических изменений в регионе [Ефременко, Миллер, Малинова 2018]. Нас интересует формирование идеологических норм, определяющих трансформацию историко-культурного ландшафта. Во многом именно эти нормы позволяют характеризовать вектор двусторонних отношений между Россией и Китаем в новейшее время.

Материалы и методы

Источниковую базу составили визуальные материалы: музейные презентации, музейные справочники, картографические описания мест памяти, материалы российских СМИ, а также документы русских национально-культурных организаций в КНР. Их изучение позволило сформировать системное представление о состоянии русских мест памяти в современном Харбине. Важно отметить, что исследование носит пилотный характер и в дальнейшем может быть расширено.

Останки империи и их преобразование

Окончание Второй мировой войны и провозглашение КНР в 1949 г. ознаменовали масштабное расширение социалистического лагеря. Победа коммунистических идей в Китае привела к масштабной трансформации страны во всех сферах: от экономики до культуры. С конца 1940-х гг. по конец 1950-х гг. сотрудничество между СССР и КНР становится наиболее тесным: формируется и укрепляется новый канон политической символики и мемориальной культуры. Харбин в этот период — это русский анклав [Курас 2016: 164–165] с развитым, благодаря белой эмиграции, имперским знаково-символическим пространством, в котором только православных храмов по некоторым оценкам было 26 [Дин 2018: 40].

Характерным символом эпохи империи стал памятник генералу Л. Д. Хорвату, поставленный ему еще при жизни (в 1915 г.) напротив управления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), увенчанный двумя драконами и цитатой из Конфуция на русском и китайском языках: «Умение ладить с соседями — великий дар». Не менее знаковым местом была Гондатьевка — район, названный в честь последнего имперского губернатора Приамурья Н. Л. Гондатти [Крадин 2001: 73]. Это название также было получено еще при его жизни, после революции этот политический деятель жил здесь, в Харбине. Имя Л. Д. Хорвата тоже найдет свое место в топонимике Харбина, крупнейший проспект этого города был назван в его честь (Хорватский проспект), а сам Харбин неофициально называли «Счастливой Хорватией».

До 1945 г. Харбин был одним из политических и культурных центров борьбы с коммунистическими идеями в Азии, а также одним из центров русского фашизма. Заключение в 1936 г. Антикоминтерновского пакта в Берлине сказалось на мемориальном ландшафте Харбина, так как русские эмигранты приняли участие в боях на Халхин-Голе в 1939 г. В 1941 г., по инициативе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, был установлен «Памятник героям, павшим в борьбе с Коминтерном» [Смирнов, Буяков 2019: 55]. Идея установки подобного памятника была поддержана японской военной миссией, а денежные средства были собраны за счет пожертвований. Памятник был установлен напротив Никольского собора, а его архитектурное решение было выдержано строго в православном духе. В высоту мемориал достигал 12 метров. Это был мемориал, на тот момент один из крупнейших в мире, посвященный не столько белому движению, сколько борьбе с мировым коммунистическим движением.

Начавшиеся после разгрома в 1945 г. Квантунской армии и ликвидации Маньчжуо-Го перемены были связаны с тем, что Харбин конца 1940-х гг. все еще создавал впечатление города времен империи. Советский генерал комендант Харбина А. В. Скворцов писал: «Я внезапно оказался в прошлом, по улицам раскатывали бородатые извозчики в поддевках, пробегали

стайки смешливых гимназисток, господа приподнимали котелки, здороваясь друг с другом, а попы в черных рясах степенно крестились на купола церквей» (цит. по: [Старосельская 2006: 62]). Более того, наличие на улицах символики Российской империи, а также Маньчжуо-Го вызывало негативную реакцию и у китайских красноармейцев.

Начинается «война с памятниками». Памятник «Героям, павшим в борьбе с Коминтерном» снесли, а на его месте в ноябре 1945 г. был установлен памятник советским воинам. Новая надпись гласила: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость СССР». В этом же году на Привокзальной площади Харбина был поставлен еще один памятник советским солдатам. Хорватский проспект переименовали в Красноармейскую улицу, а памятник генералу Л. Д. Хорвату снесли [Дин 2018: 41]. Это были первые попытки переформатировать политico-символическое пространство Харбина. Они одновременно символизировали и окончание русского периода в истории города, и конец японского колониального господства [Корнева 2022: 40–44]. Советские памятники манифестировали не только победу коммунистической идеологии, но и установление нового политического порядка в регионе.

Коммунистическая идеология сказывалась непосредственно на мемориальной политике. Именно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Маньчжурии были установлены наиболее значимые памятники, символизирующие боевое содружество в деле разгрома Японии: в городах Дунинне, Маньчжулии, Муданьцзяне, Цзиси и других. Эта мемориальная деятельность опиралась на союз двух коммунистических вождей И. В. Сталина и Мао Цзэдуна. В 1954 г. в Харбине был открыт парк, названный в честь И. В. Сталина (пиньинь: Sidalin Gongyuan) [Дин 2018]. Его строительство началось в 1953 г., сразу после смерти советского вождя. По первоначальному замыслу этот парк должен был называться Прибрежным, однако почти сразу же был переименован. Это место все еще существует, и здесь по сей день стоит бюст И. В. Сталина.

Советско-китайский мемориальный консенсус в 1950-е гг. базировался прежде всего на идею совместной борьбы с симво-

лами эпохи империализма, а также на наследие союза двух вождей: Мао и Сталина. Наследие этого времени успешно просуществовало до XXI в., благополучно пережив культурную революцию. Этот консенсус позволил сохранить до сегодняшних дней и памятник советским солдатам, и советское кладбище, на котором были похоронены погибшие в боях за освобождение Северного Китая.

Мемориалы и культурная революция

Великая пролетарская культурная революция в КНР 1966–1976 гг., совпавшая с обострением советско-китайских отношений, также оказала влияние на историко-культурный ландшафт Харбина [Бляхер, Бляхер 2022: 152]. Одним из ключевых тезисов преобразований стало высказывание Председателя Мао Цзэдуна: «После того, как китайцы овладели марксизмом-ленинизмом, они духовно перешли из пассивного состояния в активное. С этого момента должна была закончиться та эпоха, когда на мировой арене презирали китайский народ и китайскую культуру» [Усов 2003: 57].

Борьба за создание пролетарской культуры с китайской спецификой во многом основывалась на идее преодоления пережитков феодализма. Эти пережитки едва ли не в наиболее концентрированном виде локализовались на территории бывшего Маньчжуо-Го. Имперские символы и смыслы были целенаправленно заложены в имперской топографии российских городов Азии. Они были прямым продолжением символического пространства Дальнего Востока, освоение которого наиболее емко охарактеризовал А. В. Ремнев: «ТERRитория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковых фигурах исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысливания их в привычных имперских терминах и образах» [Ремнев 2004: 31]. В этом плане Харбин стал важной ареной в борьбе за новую культуру в КНР. Все это происходит на фоне расширения советско-китайского конфликта в военно-политической сфере.

Начинается борьба за изменение облика города. Под ударом оказывается российская

архитектура. По данным китайского исследователя Дин Сяна, было перестроено около половины старых зданий в городе [Дин 2018: 41]. Одной из первых жертв этих преобразований стал Святониколаевский собор, снесенный в 1967 г. Софийский собор, закрытый еще в 1957 г., в период революционных преобразований стал общежитием для студентов, хотя инициативы снести собор возникали систематически. Вообще было снесено более 20 православных храмов. Борьба с русской архитектурой затронула и светские здания. По мнению хунвейбинов, российские здания были построены в откровенно колониальном стиле. Борьба с наследием эпохи царизма не затронула памятников советским солдатам, поставленным в период существования мемориального консенсуса, хотя перемены все же затронули и облик зданий «сталинского ампира». Большинство из них было украшено крышей в китайском стиле [Дин 2018: 41]. Подобная деколонизация пространства действительно формировала новый образ города, разрывавший связь с предыдущей эпохой иностранного господства.

Что же касается непосредственно мест памяти, то в период преобразований пострадали русские кладбища. Речь идет об Успенском и Покровском кладбищах, на которых была похоронена большая часть представителей русской эмиграции. Рассматривая православные надгробные памятники и посмертные эпитафии как противоречащие новой пролетарской культуре, руководители Харбина приняли решение об их ликвидации. Эмигрантам еще в 1959 г. удалось перенести 1 200 могил на новое кладбище «Желтая гора» (Хуаншань) [Забияко и др. 2015: 42–43]. На этом кладбище похоронены и эмигранты, и советские солдаты, и некоторые дипломаты. Во многом Желтая гора — это продукт культурной революции, смешавшей воедино историю как русского, так и советского присутствия.

Период культурной революции в Харбине стал еще и временем переформатирования топонимики. Топонимы или географические названия становятся китайскими. Обилие русских названий, прежде всего в Маньчжурии и в некоторой степени во Внутренней Монголии, являлось продолжением масштабного пространства русской топографии Дальнего Востока. Несомнен-

но, это напоминало о масштабных колониальных проектах империи. Как отмечает И. Ю. Зуенко: «Впервые кампания, направленная на „зачистку“ русскоязычных топонимов, была запущена в 1963 г. в соответствии с совместным документом Министерства внутренних дел КНР и Госуправления картографии „Уведомление о некоторых предложениях по проведению изучения русских географических названий“. Следуя указаниям из Центра, провинциальный Департамент гражданской администрации провел ревизию и выделил 20 русскоязычных топонимов, которые использовались в прошлом, но к настоящему моменту имеют китайское название (в основном, это были улицы г. Харбин, а также острова на р. Амур), и 9 топонимов, которые не имеют китайского названия» [Зуенко 2019: 61]. Это ключевой контекст, позволяющий понять китайскую политику памяти в отношении иностранного присутствия в Маньчжурии. Особенно это касается времени правления Мао Цзэдуна, т. е. периода, когда закладывались основы идеологической доктрины КНР.

На пути к новому мемориальному консенсусу?

Под мемориальным консенсусом мы понимаем определенное формальное или неформальное соглашение между государствами или внутри общества по поводу принятия или непринятия символов прошлого, а также интерпретации исторических событий. Мемориальный консенсус обеспечивает бесконфликтное отношение к местам памяти и к их использованию в ритуальных целях. Более того, это соглашение регламентирует то, каким образом наиболее приемлемо для всех сторон могут использоваться те или иные мемориалы или памятные даты, связанные с общей историей. В этом разделе мы попытаемся восстановить хронологию поисков диалога между Россией, КНР и русской диаспорой на рубеже XX–XXI вв. относительно прошлого русского сettlementa в Харбине.

Поиски путей нормализации советско-китайских отношений начались еще в конце 1970-х гг. К моменту визита Президента СССР М. С. Горбачева в Пекин в 1989 г. диалог между дипломатическими ведомствами двух стран уже был налажен.

Изменение внешнеполитической обстановки сказалось и на положении русских мемориалов в Харбине. В 1986 г. открывается для службы Покровский храм. Именно в нем в 2013 г. проведет богослужение лично патриарх Московский Кирилл. В середине 1980-х гг. началось восстановление православной символики на некоторых могилах русского кладбища на Желтой горе. В 2011 г. были реконструированы мемориалы павшим во время русско-японской войны. Усилия по восстановлению памяти принадлежали представителям диаспоры и последним китайским православным священникам. Большую роль в деле восстановления мемориалов сыграл «Русский клуб» в Шанхае, являющийся едва ли не самым влиятельным русским диаспоральным институтом в Китае [Михалева 2020: 128].

В период с 1994 по 1999 гг. происходят постоянные взаимные визиты лидеров России и КНР — Цзянь Цзэминя и Б. Н. Ельцина. Именно тогда была заложена основа для долговременного сотрудничества между двумя странами. В 1997 г. Харбин посетил Президент РФ Б. Н. Ельцин. В ходе визита он провел встречу с соотечественниками в центральной части этого города. Именно в 1997 г. городскими властями Харбина был отремонтирован Софийский собор — один из основных архитектурных символов русского наследия в Маньчжурии. Собор не был отдан православной церкви, а получил статус архитектурного музея, одного из крупнейших в Хэйлунцзяне. В 2006 г. в здании собора также велись ремонтные работы (установлена подсветка, оформлены выставочные залы), которые обеспечили его трансформацию в важное место памяти. На наш взгляд, в 1990-е гг. память о Харбине была востребована властями России в ее имперском формате и даже с отсылкой к антисоветскому содержанию.

В XXI в. ключевым фактором в деле сохранения историко-культурных памятников стала индустрия внутреннего туризма. Особенно это характерно для эпохи Си Цзиньпина [Хубриков 2020: 66–83]. Активизация внутреннего туризма в КНР приходится на 2013 г., когда был принят новый закон «О туризме». Влияние этой отрасли на развитие Харбина прослеживается в росте количества «русских музеев»: государственных и частных, больших и квартирных. В их

экспозициях представлены как предметы быта русских колонистов, так и предметы антиквариата и произведения искусства, имеющие немалую рыночную стоимость. Внимание привлекают памятники русской архитектуры. Вдоль фасадов таких зданий организована самая большая в Азии пешеходная улица. Подобная коммодификация принципиально меняет содержание мемориального нарратива о Харбине, смешивая белоэмигрантов и советских специалистов в единый образ русского города.

В 2012 г. на кладбище «Желтая гора» начались работы по установке надгробного памятника доктору В. А. Казем-Беку. Усилиями инициативной группы из России, при поддержке русской диаспоры и властей Харбина, памятник был установлен. Это важный символический акт, поскольку роль русских врачей в Азии еще до конца не оценена. Во многом установка этого надгробия характеризует формирование мемориального консенсуса, который приобретет завершенную форму в ближайшее время.

Союз В. В. Путина и Си Цзиньпина положил начало диалогу по поводу русского наследия в Китае. Этот диалог строится на коммодификации русских мемориалов в рамках развития туризма при том, что вне упомянутого тренда остаются анткоммунистические символы и нарративы харбинского прошлого.

По большому счету, начиная с 1980-х гг. в Харбине русское мемориальное пространство формируется заново в антураже сохранившихся архитектурных декораций. Новые «старые» памятники (ставящиеся на месте когда-то существовавших) отсылают уже не к противостоянию белых и красных, а в большей степени к российской идиоме соотечественников. Сюда же можно отнести и концепт Русского мира, в рамках которого зачастую формируются новые современные смыслы для старых мемориальных объектов. При этом советские памятники Харбина, сумевшие пережить культурную революцию, также интегрированы в общую рамку Русского мира. Собственно, вокруг этого всего и строится упомянутый в начале раздела консенсус по поводу памяти. Со своей стороны Россия считает своими и мемориалы эмиграции, и советские памятники, а Китай со своей стороны относится к ним как единому туристическому ком-

плексу. Соответственно, потенциально конфликтные сюжеты вытесняются в пространство забвения.

Заключение

Изучение русских мест памяти в Хэйлунцзяне КНР представляет собой долговременную исследовательскую программу. Речь идет о взаимосвязи политики и мемориальных объектов, а зачастую и просто руин. Места памяти публичны и прежде всего поэтому становятся частью политических противостояний в разное время. В этой ситуации обретение мемориального консенсуса — это всего лишь период жизненного цикла мест памяти. Если в 1940–1950-е гг. консенсус касался только памяти о солдатах, исполнивших интернациональный долг, то в XXI в. речь идет о некоей комплексной памяти о русском прошлом города. Памяти сглаженной и унифицированной, в которой символическая «Счастливая Хорватия» смешалась с советским прошлым в виде памятников не только солдатам, но и дипломатам, разведчикам, инженерам КВЖД.

Основной вывод проведенного исследования в том, что мемориальный консенсус в Харбине оказался следствием развития внутреннего туризма в КНР. Прошлое имеет такую же ценность на продажу, как и прошлое для идеологии. Для многих потомков русских харбинцев этот новый вектор в политике КНР открыл возможность для восстановления надгробных памятников, равно как и просто возможность для диалога

с китайскими властями относительно русского наследия. Также важны и институты, сделавшие немало для сохранения памяти, такие как «Русский клуб» в Шанхае и православная церковь. Для них память важна тем, что она поддерживает идентичность и объединяет диаспору.

Роль внешней политики в формировании мемориального консенсуса важна в виде диалога между руководителями стран. С момента образования КНР в 1949 г. такой диалог возникал трижды: между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном, Б. Н. Ельциным и Цзянь Цзэминем и, наконец, между В. В. Путиным и Си Цзиньпином. Именно в это время достигались наиболее значимые компромиссы относительно общего прошлого. Взаимные визиты лидеров стран зачастую предполагали участие в мемориальных мероприятиях. Так, на места памяти Харбина обращалось внимание, вырабатывались политические решения, оказывавшие непосредственное влияние на их состояние.

Подводя итог, нужно сказать и о забвении. Снесенные памятники и даже удаленные топологические названия, связанные с Л. Д. Хорватом и Н. Л. Гондатти, вряд ли в ближайшее время вернутся в пространство публичной памяти Харбина. Они подвергнуты забвению, и современный консенсус не предполагает их реабилитацию. Речь также идет о памятниках Михаилу Натарову, стоявших в нескольких городах Маньчжурии и снесенных, прежде всего, с подачи советского командования.

Литература

- Аникин 2013 — Аникин Д. А. Траектории социальной памяти в глобальном мире: между конфронтацией и конкуренцией (Россия и Китай) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 1. С. 7–14.
- Бляхер, Бляхер 2022 — Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Город в тени империй: жизнь, смерть и послесмертие имперского города Харбина // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. Т. 104. № 1. С. 131–161.
- Борох, Ломанов 2009 — Борох О. Н., Ломанов А. В. Китай: возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 65–88.
- Дин 2018 — Дин С. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 5А. С. 37–44.
- Доронин 2016 — Доронин Б. Г. Китай: историческая память как основа национальной государственности (взгляд китайского историка) // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 137–149.
- Ефременко, Малинова, Миллер 2018 — Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
- Забияко и др. 2015 — Забияко А. А., Забияко А. П., Левошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.

- Зуенко 2019 — Зуенко И. Ю. Опыт реконструкции русскоязычной топонимики на территории Китая (в провинции Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия) // Любимый Харбин — город дружбы России и Китая: матлы межд. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (г. Харбин, 16–18 июня 2018 г.). Владивосток: ВГУЭС, 2019. С. 59–68.
- Корнева 2022 — Корнева Л. В. Музей преступлений отряда № 731 — самый печальный музей в Харбине: впечатления человека и музееведа // Преподавание истории в школе. 2022. № 3. С. 40–44.
- Крадин 2001 — Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск: Изд-во А. Ю. Хворова, 2001. 352 с.
- Курас 2016 — Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманистический вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 163–173.
- Михалева 2020 — Михалева А. А. Русские клубы в Восточной Азии и актуальное прошлое для соотечественников // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14.
- № 4. С. 127–137. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137
- Нора 1999 — Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора и др. СПб.: Санкт-Петербургск. ун-т, 1999. С. 17–50.
- Ремнев 2004 — Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2004. 552 с.
- Смирнов, Буяков 2019 — Смирнов С. В., Буяков А. М. Михаил Натаров — русский «герой» Халхин-Гола // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 1. С. 54–65.
- Старосельская 2006 — Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь русского Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 384 с.
- Усов 2003 — Усов В. Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М.: Ин-т Дальнего Востока, 2003. 189 с.
- Хубриков 2020 — Хубриков Б. О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 66–83.
- Peshkov 2017 — Peshkov I. In the shadow of ‘frontier disloyalty’ at Russia–China–Mongolia border zones // History and anthropology. Vol. 28. 2017. Pp. 429–444.

References

- Anikin D. A. Trajectories of social memory in the global world: Between confrontation and competition (Russia and China). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. 2013. Vol. 155. No. 1. Pp. 7–14. (In Russ.)
- Bliakher L. E., Bliakher M. L. A city in the shadow of empires: Life, death and afterlife of the imperial city of Harbin. *Politeia*. 2022. Vol. 104. No. 1. Pp. 131–161. (In Russ.)
- Borokh O. N., Lomanov A. V. China: A return of the Mandate of Heaven. *Pro et Contra*. 2009. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 65–88. (In Russ.)
- Ding X. Monuments of Russian architecture and culture in Harbin. *Culture and Civilization*. 2018. Vol. 8. No. 5A. Pp. 37–44. (In Russ.)
- Dorонин Б. Г. China: Historical memory as the foundation of the national state (A view of a Chinese historian). *Dialogue with Time*. 2016. No. 54. Pp. 137–149. (In Russ.)
- Efremenko D. V., Malinova O. Yu., Miller A. I. Politics of memory and historical science. *Rossiiskaia istoriia*. 2018. No. 5. Pp. 128–140. (In Russ.)
- Khubrikov B. O. Historical politics in the era of Xi Jinping. *The New Past*. 2020. No. 1. Pp. 66–83. (In Russ.)
- Korneva L. V. Detachment № 731 Crime Museum — Harbin’s saddest museum: Impressions of a person and a museum expert. *Prepodavanie istorii v shkole (Teaching History to Schoolchildren)*. 2022. No. 3. Pp. 40–44. (In Russ.)
- Kradin N. P. Harbin — a Russian Atlantis. Khabarovsk: A. Khvorov, 2001. 352 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Russian military-political emigration in Manchukuo (On the materials of the Soviet intelligence). *Humanitarian Vector*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 163–173. (In Russ.)
- Mikhaleva A. A. Russian clubs in East Asia and usable past for compatriots. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 127–137. (In Russ.) DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137
- Nora P. The problematics of memory space. In: Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1999. Pp. 17–50. (In Russ.)
- Peshkov I. In the shadow of ‘frontier disloyalty’ at Russia–China–Mongolia border zones. *History and Anthropology*. 2017. Vol. 28. No. 4. Pp. 429–444. (In Eng.)
- Remnev A. V. Far Eastern Russia: The Imperial Geography of Power, 19th – Early 20th Centuries. Omsk: Omsk State University, 2004. 552 p. (In Russ.)

- Smirnov S. V., Buyakov A. M. Mikhail Natarov, the Russian “hero” of the Battle of Khalkhyn Gol. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 54–65. (In Russ.)
- Staroselskaya N. D. Everyday Life of Russian China. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 384 p. (In Russ.)
- Usov V. N. People’s Republic of China, 1976–1984: From ‘Cultural Revolution’ to Openness and Reform. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2003. 189 p. (In Russ.)
- Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. Russian Harbin: Arranging Life in a Far Eastern Frontier. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 461 p. (In Russ.)
- Zuenko I. Yu. Russian toponymics in China (Heilongjiang and Inner Mongolia). In: The Harbin We Love — a City of Russia-China Friendship. Jubilee conference proceedings (Harbin, 16–18 June 2018). Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service, 2019. Pp. 59–68. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 163–170, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 390 (571.52) +392.1 (571.52)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-163-170

Обряд сватовства у тувинцев Монголии (полевые материалы авторов)

Елена Валерьевна Айыжы¹, Анна Валерьевна Айыжы², Анчы Васильевич Хомушку³

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
студент

0000-0001-9946-8014. E-mail: ayyzhya@bk.ru

³ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

0000-0002-6203-7592. E-mail: anchy.1991@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Айыжы Е. В., Айыжы А. В., Хомушку А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья на основе полевых материалов авторов освещает один из важных этапов свадебного цикла — обряд сватовства у тувинцев Баян-Ульгийского и Кобдоского аймаков Монголии. В силу обособленности материальной и духовной культуры тувинцев Монголии они сохранили в обрядах жизненного цикла особенные черты. В обряде сватовства через призму сравнительного анализа можно отметить некоторые уникальные особенности. Целью статьи является изучение обряда сватовства у тувинцев Баян-Ульгийского и Кобдоского аймаков Монголии, что позволит получить новые сведения, касающиеся древнейших верований и культов, обычая и обрядов, а также проблем этногенетических и этнокультурных связей с тувинцами Республики Тыва. В данной статье использованы современные междисциплинарные методы: комплексный подход с привлечением методологических принципов таких смежных научных дисциплин, как источниковедение, этнография. Познание объективной действительности на стыке ряда гуманитарных смежных научных дисциплин дает возможность получить более полную картину этнической специфики культуры и принципов ее функционирования у тувинского этноса. *Результаты.* В статье рассмотрены архивные и полевые материалы по обряду сватовства тувинцев Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии на современном этапе. *Выводы.* В статье представлен сравнительно-этнографический анализ обрядовой практики — сватовства тувинцев Монголии.

Ключевые слова: тувинцы Республики Тыва, тувинцы Баян-Ульгийского аймака Монголии, тувинцы Кобдоского аймака Монголии, обряд, обычай, сватовство, свадьба

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113).

Для цитирования: Айыжы Е. В., Айыжы А. В., Хомушку А. В. Обряд сватовства у тувинцев Монголии (полевые материалы авторов) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 163–170. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-163-170

Matchmaking Ceremony of Mongolia's Tuvans: Analyzing Authors' Field Data

Elena V. Aizychy¹, Anna V. Aizychy², Anchy V. Khomushku³

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy[at]mail.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

BA Student

 0000-0001-9946-8014. E-mail: ayyzhy[at]bk.ru

³ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6203-7592. E-mail: anchy.1991[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Aizychy E. V., Aizychy A. V., Khomushku A. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the authors' field data for an insight into a key wedding element — the matchmaking ceremony practiced by Tuvans inhabiting Bayan-Ölgii and Khovd provinces of Mongolia. It is due to the latter's isolation that their material and spiritual culture — and specifically life-cycle rites — still retain somewhat unique features to be identified with the aid of comparative analysis. *Goals.* The paper aims to investigate the matchmaking ceremony of Tuvans from Bayan-Ölgii and Khovd provinces of Mongolia and, thus, shed light on most ancient beliefs and cults, customs and rituals, clarify questions of ethnogenetic and ethnocultural ties with the core ethnic community — Tuvans of the Tyva Republic (Russia). *Methods.* The work employs contemporary interdisciplinary research methods that facilitate a comprehensive approach involving methodological principles of related scientific disciplines, such as source studies and ethnography. Investigation of objective reality at the nexus of several related humanities fields shall yield a wider picture of ethnic specificities inherent to the examined culture and its functioning principles in the Tuvan ethnos at large. *Results.* The article considers archival and newly obtained field data on the matchmaking ceremony practiced by Tuvans of Khovd and Bayan-Ölgii aimags of Mongolia. *Conclusions.* Thus, the work presents a comparative ethnographic analysis of ritual matchmaking practices observed among Tuvans of Mongolia.

Keywords: Tuvans of the Tyva Republic, Tuvans of Bayan-Ölgii Aimag, Tuvans of Khovd Aimag, rite, custom, matchmaking, wedding

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113.

For citation: Aizychy E. V., Aizychy A. V., Khomushku A. V. Matchmaking Ceremony of Mongolia's Tuvans: Analyzing Authors' Field Data. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 163–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-163-170

Введение

В традиционном обществе особое место отводится обрядам, ибо каждое действие, поступок, шаг древнего человека наделялись символической значимостью. Обряды жизненного цикла являются своеобразными универсальными индикаторами, которые, с одной стороны, помогают сохранить родовое наследие, с другой — служат социализации индивида. В традиционном обществе на социализации индивида акцентировалось большое внимание, так как считалось, что в этом заключались цель и смысл жизни человека на земле [Байбурин 1993: 31].

Социализация личности проходила через специальные обряды и ритуалы, поэтому они приобретали особую значимость.

Любое изменение в жизни человека связано с определенными событиями. Этапы свадебной обрядности представляют собой сложный динамичный процесс, являющийся результатом взаимодействия большого количества стадиально-различных, разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности [Айыжы 2017: 58].

Свадебная обрядность тувинцев России и Монголии состоит из нескольких этапов. В данной статье рассмотрим первый этап — сватовство тувинцев Баян-Ульгийского и Кобдоского аймаков Монголии на основе полевых материалов авторов, проанализировав его в сравнении со свадебным обрядом тувинцев Республики Тыва.

Выбор невесты

Смысл свадебной обрядности, по традиционным представлениям, заключался в продолжении рода, наследия предков. Для традиционного общества тувинцев была характерна устойчивость патриархально-родовых традиций. Во времена полевых экспедиций в разных районах Тувы и Монголии авторы получали сведения от информантов, которые отмечали, что брак между родственниками по отцу запрещался до седьмого поколения. Знание своего генеалогического древа, правил родства считалось обязательным, и за их соблюдением следили очень строго.

При создании новой семьи огромную роль играет выбор невесты. По мнению известного знатока фольклора тувинцев Монголии П. С. Серен, когда у тувинцев Монголии подрастал сын, родители начинали присматривать ему работящую, трудолюбивую девушку из многодетной семьи. Если в поле зрения такая попадалась, то спрашивали согласия сына: *Ол аалдын уруу биске таарып (тааржып чыдыр, кеннивис болган болза, эки ийик. Сен чүү деп бодаар сен* ‘Нам понравилась девушка из соседнего аала, хотели бы видеть ее в качестве невестки. Что ты думаешь?’ Если парень соглашался с кандидатурой девушки, родители начинали готовиться к сватовству. Бывали случаи, когда парень не соглашался с родителями [Серен 2006: 51]. В таком случае они продолжали поиск будущей невестки.

Первое, на что обращают внимание родственники жениха, это история родов молодых. Ее изучают, и, если до пятого колена нет родственных связей, только тогда дается разрешение на проведение данного обряда. В ходе экспедиционных работ было замечено, что знатоки, чаще люди пожилого возраста, которые прекрасно знали родовые группы ареала своего проживания, имели даже право наложить запрет на брак, если обнаруживалось родство между молодыми. Поэтому неудивительно, что тувинцы Монголии любого возраста могли рассказать о своем генеалогическом древе, особенно по мужской линии.

Вопросы организации сватовства

Следующий шаг — оповещение родственников о намечающемся торжестве. При проведении таких крупных мероприятий, как свадьба, все родственники жениха и невесты принимают активное участие. Первые шаги родственников жениха — изготовление юрты для молодых. Здесь свою лепту вносят в основном мужчины, женщины же готовят для юрты войлок, шьют тканевую часть внутриурочного пространства: занавески, символические узоры на ткани, накидки для кровати, подушек.

Немаловажный фактор — назначение специальных людей, организаторов, кото-

ные первыми при встрече с будущими сватами несут *кадак*, молоко и кисет с куревом. Информант из сомона Ценгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии Болормаа объясняет, что тот, кто держит курево *мэдээ берикчи* ‘букв. несущий весть’, является основным гонцом в обряде сватовства [ПМА 2022]. Его функция — договориться с родственниками невесты о встрече, а также, в случае положительных результатов, он несет весть о создании новой семьи.

На обряд сватовства прибывают 3–6 человек, куда входят родители жениха и близкие родственники. После того, как обе стороны обменялись курительными принадлежностями, начинается разговор о том, для чего приехали гости. В этот день собираются в доме невесты все ее близкие родственники. Основную роль исполняют, конечно, прибывшие родители жениха, так как их вопросы жизненно важные: *оглуус уруугарга, уруугар оглууска эки бол амыдырал-чурт-тalgазын тургузар, кызыл одун кытсыыр улуг базымны кылыр деп тураг дугайында болгаш бир талазы-бile уругну колданыт-суранып биске бээр сiler бe?* Дээн улуг айтырыгылг баар ‘букв. наш сын к вашей дочери, наша дочь к вашему сыну хорошо относятся и пожелали создать семью, захотели зажечь красный огонь — огонь семейного очага. Вы отадите вашу дочь в нашу семью?’.

В Национальном архиве Республики Тыва (Ф. 115) нами был обнаружен документ 1880 г. «Управление нойонов Танну-Урянхая. Базыр. Рассказ о праздничных днях (Описание сватовства)», где приводится полное детальное описание обряда сватовства конца XIX в. Приводим фрагмент встречи сватов с обеих сторон:

Чaa мында чыylган хей чон болгаш, ку-даның баштаңы болган, акылар, херээжэн угбайлар, акылар-дунмаларым, Аягачы-лар-сөнчүлөргө чедир айтыкаар белек йөрээл бар-дыр, хүннүч өлжейи деп шилип, айның эккизи деп мактап келген бистиү ужурувус болза: Хаан-ада болгаш, кадын иенин хайырлааны кежикти чөп деп хүтээгэш маңнаа келгенивис ужурус болза: холуңарнын беш сала-азы адажыңарнын кырынга өөвейлөп өскүр-ген, эммиңернин узулбес сарыг уурак судүн эмзирин өргөлөдүп өскүргениң ачылыг си-лерниң эки үре-төлүни дилеп чөттирер дээши, ачылыг бурган төңгерниң мурнунга суттен

хайылдырыт кылган саржаг биле чула дут-каш, калжсан ак хойнүүч ээди-бile дагыл сал-гаши, тенгериңиң арыг ак хадак биле яндар өргээши, баарыңарнын дужунга онгир хамы-раладып өскүргениң сilerниң хайыралыг урууңарны дилеп чөттирерин күзөн бараал-гап келдивис, акыларыыс болгаш ченгеле-ривис, дунмалара выска чедир, ачы-төгүлдүр бурганга чоок алдын чемниң дээжизи, шиме амдан бүрүткээн азананың хөлгези беден сагган хымыстан камырапт үндүрген арыг шынарлыг, алдан бүрүдээ бүдүткээн, ар-зылан-чаанын күштүг, амданыг араганы, агар-сандан кундагага эриин долдур күткаши, Бадма ленгувaa чечек ышкаши, 2 холумнун 10 салаазыннын кырынга бедик кодуруп езу-лааш хундулуг сilerге детчилип айтыкаар дээн белээм бар, таныштайын чорааши, баар торел болур деп мурнундагы эргилеривистин эки йорээлдиг созу, удум-уксаа чок хирезин-де суг салба чыраа унер деп эженингэ холгэ болур дигензиг, торелдин торели чус чөт-кеши, мурнукунун торели-бile баар торел болур диген. Оон улегери-бile сыйн-буланнны аткаши часпас, эргек холдарында эртнелиг эки кудээ бистинде бар-дыр, качы-доргунун оодусун кагбас уран-шевер кыс сilerде бар-дыр. Кежик-кавыяны чөттирер эки кудээ оолду сilerниң эки айдынарга мун-дургаши, аргымак улуг саадагын азындыр-гаши, сыйылыг он огун чазынын хирижине дырттынып алгаш, эгишреденин улуг ке-жигин чөттирерин күзээн оглуусту сiler-ни алдын базанарны артадып, могустевес улуг кежинерни чөттирерин күзээши, мон-гун бозаганарга моргун айтыкаар белээвис болза, чугле мээн белеглөп соглээним эбес, эртэ-бурун шагда Богда-Сонгуваа бурган-нын номнааны, чуругайчы толгечинин чуруп толгедээни, чотчунун соглээни, дорт ада-и-енин кежик-бүянынга айтыкаар белек-тир. Дээдилер ламалар болгаш хой түмен хуурак ламалар бистернин оргумчусу орттаргайны долгаши, олбук-ширээвис дөлөгөйни долгаши, хой чылдарда амыгылан чыргаланныг са-адап тураг уезинде, төрени ээлэп, түмен аратты баштап тураг хааннаар, нояннаар, чазак-төренин кочой, шин-ваннарга чедир, черге ямбы дөтчил турунда, төрэзингэ ба-раан болган, күрүнчийн түмен араттар бистер бугудевис-бile айыыл-човалан чок, амыр-менди, каяк кынныр каткыл-чодул чок, дукпурер думаа-чараа чок, каржыл-дажыр баьк чылдагааннаар бугудези када-

ты улуг далайнын ындыы талазынче хул-до-вурак бооп арлы берзин. Ылангыя бо хүннүн хуну олчейлиг айнын экизи ору делгерезин. Буюнныг ада-ие бис бугуденин уре-толувус Баян-Намсарай моду бай болзун, Найдан-Чудук ышкаши онер, хой болзун, Айыыжы бурган ышкаши узун назылазын. Моон сонгаар бис бугуде Далай-Ламанын тергезинде беш чус торелде чарылбайн, хол-холувустан чет-минчип алгаш, арыг ак кадак-бile белек сол-чуп, чангыс ленгувваа чечектин салаа-напчызы ышкаши, лама-шавынын баар торели бооп торуп чоруулу. Алдын кундага долдур аржас-ан, амыр дупчун чыргал, номнун сонгары, тенгернин чеми-бile ценчип чыргап турарынын белээн депчидип айлыктайын. Октаргай-денгернин тургусканы улуг ак оргээни милаап чаайын, купчу сыннын кырындан унген, ховен ышкаши ак хадын ыяшты чонуп тургаш кылган уран-шеверлеп кылган хаан-торенин чогаадып тургусканы хаан моду тоонаны милаап чаайын. Чергележин унген сезен мочурлуг хаак ыяшты шылбалап тургаш кылган, бадма чечектин напчызы ышкаши сес чукче чапты берген ынааны милаап чаайын, бодастан унген ыяшты чигделеп чазап кылган бурган, номну чалап, оруншудар хананы милаап чаайын. Хаилаазы ыяшты хаарылдап тургаш кылган болза-даа хаан-эжениң танмазын шургудуп чалаан казып-ча-эргин-хаалганы милаап чаайын, кунан хойнун дугун кыргып тургаш кылган, дан-гына моду херээжэн эши-оорнун чулагайлап тургаш кылып кааны, адаанче чавызывас, устунче бедивес ореге, эжик, дээвишр, дуурга сугларны милаап чаайын. Эви чок ыяшты эптеширип тургаш кылган болза-даа, алдын-монгун, эт-таваарны шыгжаар ат-тараларны милаап чаайын, сес арзыланны сиилп тургаш кылган ширээниң кырында чус сес дагылды чигделеп оруп тургускаш, Соңгуваа бурганны чалаан ширээни милаап чаайын. Чустуг ыяшты зүүп тургаш кылган болза-даа, үргүлчулелдиг чигделеп чыып тургускан, уре-төлдүгү көжисин чаяап төрүткен дүжүлгө мөдү орунну милаап чаайын. Эп чок ыяшты көжуп тургаш кылган болза-даа, аьш-чемниң көжик-буюннын делгереткен улгүүр эргинекти милаап чаайын. Каң демирни хайындырып, таптап кылган болза-даа, от-чаяачының көжик-буюннын делгереткен ожукту милаап чаайын. Шой демирни хайылдырып шуткун куткан болза-даа, кижси амьтанны азырап, көжик-буюннын делгерет-

кен паш-саваны милаап чаайын. Олжа-ты-вышты киирер, хой бугудеге өлчейлиг болган хымыш, калгак, кыскаш, хоо-домбуу, хувуң са-бага чедир милаап чаап ёзулайын...

‘Собравшиеся братья, сестры и родственники, организаторы данного мероприятия! Перед тем, как приехать, мы выбирали лучший день — благоприятные лучи солнца, восхваляя лучшие стороны луны. Целью нашего приезда является: у отца-предка и матери распектрумной выпросить дочь-красавицу, выпестованную на ладонях, как в колыбели, убаюканной на целебном материнском молоке.

По такому счастливому поводу ставим свечу (чула), сделанную из молока, топленого масла, перед божеством Тэнгри и преподносим Вам мясо белоголовой овцы и священный кадак (белый шелк). Разрешите мне от имени многочисленных родственников преподнести Вам на своих высокоподнятых, как цветок, десяти пальцах полную серебряную чашу чистейшего божественного напитка араки (молочной водки), араки крепкой, крепость которой можно сравнить с силой льва и слона.

Глубокоуважаемые предки предсказывали, что незнакомые становятся родственниками-сватами, от непородистых кобыл рождаются знаменитые иноходцы, которые служат своему эжен (хану, правителю). У нас есть зять с божественными пальцами, в марала-лося метко стреляющий, у вас есть искусная невеста, у которой ножницы не лежат без дела.

Привели мы к Вам нашего сына, жаждавшего счастья, на нашей лучшей лошади, вооружив его луком и десятью стрелами, огромным колчаном, чтобы он с вашего разрешения перешагнул ваш золотой и серебряный порог. Как Бог Богда-Сонгуваа пророчил, в этот торжественный момент, как в гадании гадальщика, как в сказании провидца, я хочу сказать свое молитвенное слово: «Пусть здравствуют большие и малые ламы, пусть их богатство бесчисленно увеличится, а власть их охватит весь мир. Пусть повышается власть всех хаанов, ноянов и других чиновников вплоть до Шидир-вана. Пусть все жители государства живут в благополучии, пусть обходят их всякие болезни, всевозможные опасности. Пусть все неприятности превращаются в пыль и улетучиваются за тридевять морей. Да здравствует этот счастливый день!

Пусть у нас, у счастливых родителей, дети живут богато, как Бог *Баян-Намсарай*, пусть станут многими, как Бог *Найдан-Чудук*, пусть свои дни они живут долго, как Бог *Айыжы*. Мы будем жить, как лепестки одного цветка, рука об руку долгие годы под властью Далай-Ламы, подавать друг другу *кадаки* и другие подарки. Пусть будем навечно кровными родственниками.

Поднимаю тост, наполненный целебным, благородным *аржсаном*. Сделанную *Октаргаэм-Тэнгри* белую юрту, благословляя, намажу; сделанную из белой, как вата, березы из самого высокого хребта *тогана* (косяк для верхнего отверстия юрты), благословляя, намажу; сделанную из восьми тростников, выросших из одного корня, как лепестки цветка бадма, *ынаа* (подножки для удержания косяка), благословляя, намажу; *хана*, где алтарь возвышаться будет, благословляя намажу; строгую *хайлаазы* дерево, изображенную печать *хаан-эжена*, дверь, порог, благословляя, намажу; сделанную красавицами-дангына из шерсти трехгодовалой овцы *ореге*, *эжик*, *дээвиир*, *дуурга*,

*Буруңгунан будуп,
Бо биске чедип келген ёзун.
Оол үрен чаязаса,
Сөөк кедүжүк болур.
Кыс үрен чаязаса,
Төрээн эжисинге кырывас дөп,
Улугларның чаңчылын сагып,
Уругларның чаяның холбаар дөп,
Өшүк саары силерде иргин
Өргө дузактаары бисте иргин
Кидис кары силерде иргин
Киши аңнаары бисте иргин* [ПМА 2022].

После произнесенных благопожеланий родителям невесты преподносят *кадак* и молоко в пиале. В свою очередь родители

*Болза-даа болгу дөг
Болбааза-даа болбаа дөг
Кандыг кончуг чүве боор
Канчаарывыс билбейн олур бис
ургуувс чаш
ам-даа амыйырал-чуртталга билбес*

¹ Перевод на русский язык осуществлен 21.01.1971 г. Оюном Люндупом [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65]. Исправлен нами в 2022 г. — Е. А., А. А., А. Х.

благословляя, намажу; сделанную, подогнав из неподогнанного дерева, для хранения золота-серебра, вещей *аптару*, благословляя, намажу; сделанный *ширээ* с восемью львами, на котором будет возвышаться бог *Сонгуваа*, благословляя, намажу; из дерева сделанную кровать, творца счастливых потомков, благословляя, намажу; сделанную, подогнав из неподогнанного дерева *улгуур*, благословляя, намажу; кованую стальным железом треногу, творца огня, благословляя, намажу; для всех благодетельный, притягивающий счастье ковщик, поварешку, кочергу, *хоо-домбү*, ведра, благословляя, намажу¹, [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–14].

Судя по данному документу, можно определить, насколько организатор *мэдээ берикчи* ‘букв. несущий весть’ талантлив в проведении такого сложного и ответственного мероприятия.

Поднесение *кадак* и молока

Когда первое знакомство произошло, родственники жениха первыми начинают произносить йорээлы (благопожелания):

Данный обряд пришел из далекого прошлого:
Нам сказали предки, что
От семени нашего парня
Продолжится род.
Ваша дочь
Не должна стареть на пороге вашего дома.
Соблюдая традиции наших предков,
Решили соединить судьбы наших детей.
У вас есть кому подоить коз,
У нас есть кому поймать сусликов,
У вас есть кому валять войлок,
У нас есть кому за песцом на охоту ходить².

невесты, переговорив между собой, произносят следующее:

Будет — значит будет,
Не будет — значит не будет.
Что же сделать, если не будет?
Какой ответ принять, не знаем.
Дочка наша еще маленькая,
Жизни не видела,

² Здесь и ниже перевод сообщений информантов (ПМА) осуществлен одним из авторов статьи — Е. В. Айыжи.

*биче-кежээпей
өөнен башка алга хонуп көрбээн
хензиг-чашиай чүве [ПМА 2022].*

Действия после получения согласия стороны невесты

После получения положительного ответа со стороны родителей невесты на-

*Алдан чылда чаңгыс турар,
Аас-кежиктиг бо хүн,
Эргингерни арттап, диленин киргеш,
Эдээвисти чадын чалбарын,
Дилээн-сураан чирбешивисти тыптывыс.
Алгыг дөрүгөрниң бажынга,
Ак-хойнүң бажын,
Бурунгу ёзун биле салдывыс.
Алыр хүнүүсүс кажсан ирги?
[ПМА 2022].*

В дальнейшем начинается обсуждение сроков проведения свадебного торжества. Но если родители невесты не хотят выдавать замуж свою дочь, они заранее должны известить родителей жениха, объяснив причину. И в свой дом не должны пускать сватов.

При возвращении родителей жениха домой их встречают родственники. Если прибывшие говорят, что всю дорогу пели,

*Шыйрак оол бистийндэ бар
Шэвэр уруг өөгэрдэ иргин
Эрдэмнig оол бистэ бар
Ээрдинэ болган уруг өөгэрдэ бар иргин
Хүннүн эки шагын жсаагайын таарштырырыб
төрөгэ билэ нэмэб төрээн ботка өөрүүкү
нэмэб оол урууусту өглээр дээжору мэн дээ
айтыйр
Оол уруун дойгабаянын
Баянын хонажынга хоноб
Баатырнын олдуунга олуруб
Өдөг долу малдыг
Жүгүр долу оол ургуларлыг бол
Аштаанын жэмгэрий
Сүгсааны сугарыб
Аштыг жэмниг жсаагай аал болугар
Даши ожсу быжыг болсун
Далган хүлү оваа болсун
Жылгааны үс болсун
Дажсыганы оол болсун [ПМА 2018–2019].*

Все делает дома.
За пределами дома не ночевала,
Для нас она маленькая.

чиается пиршество, родители жениха начинают проводить обряд *чажыг* ‘букв. освящение’, раздают подарки и приговаривают:

*За шестьдесят лет впервые
Счастливый сегодня день.
Прося, переступили ваш порог,
Много мы молились,
Кого искали, нашли мы.
На алтаре вашего дома
Голову белоголового барана ставим,
Соблюли мы законы наших предков,
Теперь разговор пойдет о дате проведения
самой свадьбы?*

то это означает: поездка была благополучной. Как видим, иносказательность все-таки играет большую роль в этнокультурных традициях тувинцев Монголии.

Роль благопожеланий в таких событийных мероприятиях была велика. В ходе проведения обряда сватовства тувинцы Кобдоского аймака Монголии, благословляя жениха и невесту, произносили следующее благопожелание:

*У нас есть сильный, крепкий парень,
В этом доме есть рукодельница-мастерица.
У нас есть образованный (грамотный) парень,
В этом доме сокровище есть.
Выбирай хороший, светлый день, собрав всех
вас, родственников с той и другой стороны,
договоримся объединить парня и девушку,
согласимся на их сватовство!
Не кланяясь, парень с девушкой
Собираются выбирать место для новой жизни.
Будут сидеть на месте Баатыра,
Пусть двор будет полон скота,
Пусть полные штаны будут детей.
Пусть голодного накормит,
Пусть напоит жаждущего.
Пусть дом будет полон еды,
Пусть камни очага будут крепкими,
Из золы очага будет *оваа*.
Все, что лежится, пускай будет маслом,
Все, что движется, пускай будет сыном!*

При анализе благопожелания выделяются следующие знаковые формулы:

1) *Баатырнын олудунга олурап* ‘Сидеть на месте трона Баатыра’ — это одна из самых распространенных формул в благопожеланиях тувинцев России, Монголии и Китая. В ней содержится пожелание жениху в будущем занять более высокое место в социуме, иметь авторитет и достаток;

2) *Далган хулу оваа болсун* ‘Из золы очага будет Оваа’. Оваа — один из сакральных природных локусов в культурах тюрко-монгольских народов. Проведение различных обрядов на оваа призвано обеспечить покровительство высших сил, которые даруют благополучие земной жизни. Сравнение сложенной горкой золы с формой оваа указывает на пожелание долголетия, хорошей жизни в достатке и продолжения рода. К золе, вынимаемой из очага жилища, у тувинцев особое отношение. Так, нельзя наступать на золу, выбрасывать вместе с золой тлеющие угольки и недогоревшие головешки, выносить золу из дома и высыпать ее на убывающую луну и т. д.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва.

Полевые материалы авторов

ПМА 2022 — Информант Болормаа Тос-Кириш, уроженка с. Цэнгел Баян-Ульгийского аймака Монголии. Запись 2022 г. в с. Цэнгел Баян-Ульгийского аймака Монголии.

ПМА 2018–2019 — Информант Сарантуя Иргит, уроженка с. Буянт Кобдосского аймака Монголии. Запись 2018–2019 гг. в г. Ховд Кобдосского аймака Монголии.

Литература

Айыжы 2017 — *Айыжы Е. В.* Формы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1. С. 58–66. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

Серен 2006 — *Серен П. С.* Мoolда Сенгел тыва-ларынын чанчылдары (= Обряды тувинцев Сенгел Монголии). Кызыл: Тываполиграф, 2006. 133 с.

Некоторые из этих норм и запретов отражены в устном народном творчестве в форме поверий, паремий и мифологических рассказов.

Заключение

Тувинцы Монголии проводят свадебный обряд либо летом, либо осенью. В подготовительной работе принимают участие все родственники со стороны матери и отца жениха. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что свадебные обряды у тувинцев Монголии в целом схожи с тувинцами России. Свадебная обрядность выступает ярким выражением духовного богатства тувинского народа. Почитанием окружающего мира проникнута вся жизнь, и это нашло отражение в свадебных ритуалах. В них тесно переплетены культ огня, почитание скота и гор. Организация и совершение свадьбы носит магический характер и подчинено одной цели — обеспечить благополучие молодой семьи.

Sources

State Archive of the Tyva Republic.

Authors' Field Data

Informant 1: Bolormaa Tos-Kirish, native of Tsengel sum (Bayan-Ölgii Province, Mongolia). Rec. in Tsengel, 2022. (In Tuv.)

Informant 2: Sarantuя Irgit, native of Buyant sum (Khovd Province, Mongolia). Rec. in Khovd, 2018–2019. (In Tuv.)

References

- Aizychy E. V. Tuvans of Russia, Mongolia and China: Forms of family and marriage. *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 1. Pp. 58–66. (In Russ.) DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66
- Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: A Structural-Semantic Analysis of East Slavic Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 253 p. (In Russ.)
- Seren P. S. Rites of Tuvans Inhabiting Tsengel Sum (Mongolia). Kyzyl: Tyvapoligraf, 2006. 133 p. (In Tuv.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 171–192, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3, 81-112, 801.82
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-171-192

О некоторых редких и малоизвестных военных терминах в монгольских летописях XVII в.

Павел Олегович Рыкин¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7566-9591. E-mail: [rauyk\[at\]yandex.ru](mailto:rauyk[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Рыкин П. О., 2023

Аннотация. Цель исследования — представить этимологический анализ нескольких редких военных терминов, встречающихся в монгольских летописях XVII в. В статье анализируются восемь терминов, которые либо полностью отсутствуют в словарях письменного монгольского языка, либо фигурируют в источниках с уникальными или редкими значениями: *ayuray* ~ *ayuruu* ‘тыловой лагерь’, *bayirildu*- ‘сражаться друг с другом’, *bulyaldu*- ‘биться друг с другом’, *čayurayul*- ‘отправлять в военный поход’, *ide*- ‘захватывать и разграблять (город)’, *nengde*- ‘неожиданно атаковать, внезапно нападать’, *niytarqa*- ‘быть в плотном строю’, *toyin* ‘(военный) лагерь’. Данные термины относятся к редкой и малоизвестной лексике, отражающей особенности военной организации эпохи Монгольской империи. Материалами исследования выступают три монгольские хроники XVII в.: так называемое «Краткое Золотое сказание» («Quriyangui altan tobči») (между 1604 и 1634 гг. или 2-я пол. XVII в.), «Сутра под названием Драгоценная ясность» («Erdeni tunumal neretü sudur») (ок. 1607 г.) и «Золотое сказание» («Altan tobči») Лубсан Данзана (между 1651 и 1655 гг. или конец XVII – начало XVIII в.). В статье использован комплекс методов сравнительно-исторического языкознания и текстологии. Основным результатом исследования является вывод, что военная организация Монгольской империи в значительной степени еще сохраняла эффективность в эпоху составления монгольских летописей, но совершенно утратила свою актуальность в Новое время, в связи с чем лишь некоторые из рассмотренных средневековых военных терминов сохранились в современных монгольских языках, иногда в сильно изменившемся значении (*ayuray* ~ *ayuruu*), как устаревшие формы (*bulya* / *bulyaldu*-) или связанные морфемы (*ča'ur*). В работе делаются выводы о том, что ряд терминов имеют иноязычное происхождение и несут на себе следы интенсивных ареальных контактов монгольских языков с языками соседних народов, таких как тюркские (*ayuray* ~ *ayuruu*, *bulya*(-), *toyin*), тунгусо-маньчжурские (*nen(g)de*-) и киданьский (*ča'ur*). Некоторые употребляются как *hapax legomena* в отдельных летописных памятниках (*bayirildu*-, *čayurayul*-, *niytarqa*-), тогда как другие демонстрируют крайне специфичные

значения, не имеющие параллелей в источниках и либо соответствующие семантике донорских форм (*toyi/n*), либо возникшие под влиянием местных территориальных диалектов (*ide-*).

Ключевые слова: монгольские летописи, монгольские языки, письменный монгольский язык, историческая лингвистика, этимология, историческая лексикология, филология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Неизвестные эстампажи древнетюркских рунических надписей из коллекции ИВР РАН — уникальные памятники языка, истории и культуры древних тюрков: каталогизация и комплексное исследование» (№ 22-28-00348).

Для цитирования: Рыкин П. О. О некоторых редких и малоизвестных военных терминах в монгольских летописях XVII в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 171–192. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-171-192

Some Rare and Little-Known Military Terms from 17th-Century Mongol Chronicles Revisited

Pavel O. Rykin¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov St., 199053 St. Petersburg, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7566-9591. E-mail: pavryk[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Rykin P. O., 2023

Abstract. Goals. The study attempts etymological analyses of several rare military terms attested in 17th-century Mongol chronicles. The following terms are specifically touched upon in the article: *ayuray* ~ *ayuruy* ‘base camp’, *bayirildu-* ‘to battle each other, fight a battle’, *bulyaldu-* ‘to fight each other or together’, *čayurayul-* ‘to send on a military campaign’, *ide-* ‘to capture and plunder (a city)’, *nengde-* ‘to attack unexpectedly’, *niftarqa-* ‘to be in close order’, *toyn* ‘(military) camp’. All these terms are either totally unattested in the dictionaries of written Mongolian, or used with unique or rare meanings in sources, and reflect important features of military structure in the era of the Mongol Empire. **Materials and methods.** The paper analyzes three Mongol chronicles of the 17th century, namely: *Quriyangui Altan tobči* ‘Brief Golden Summary’ (ca. 1604 to 1634, or mid-to-late 17th century), *Erdeni tumumal neretü sudur* ‘The Jewel Translucent Sūtra’ (ca. 1607), and *Altan tobči* ‘Golden Summary’ by Blo-bzañ bstan-jin (ca. 1651 to 1655, or late 17th – early 18th century). The work employs a number of research methods inherent to comparative-historical linguistics and textology. **Results.** The article presumes the Mongol Empire’s military structure still remained more or less efficient — with some modifications — when the examined Mongol chronicles were being compiled, but completely lost its relevance in subsequent times. In view of this, only a small number of medieval military terms have survived in modern Mongolic languages, sometimes greatly changed in meaning (*ayuray* ~ *ayuruy*), used only as obsolete forms (*bulya/bulyaldu-*) or bound morphemes (*ča’ur*). **Conclusions.** The paper suggests some of the terms are of foreign origin and bear obvious traces of the intensive areal contacts between Mongolic and neighboring languages, notably Turkic (*ayuray* ~ *ayuruy*, *bulya*(-), *toyi/n*), Tungusic (*nen(g)de-*), and Khitan (*ča’ur*) ones. Some are attested as *hapax legomena* in individual chronicles (*bayirildu-*, *čayurayul-*, *niftarqa-*), while others articulate highly specific meanings that have no parallels in our sources, and thus either correspond to the semantics of the donor forms (*toyi/n*) or possibly reflect the influence of local dialects of that time (*ide-*).

Keywords: Mongol chronicles, Mongolic languages, written Mongolian, historical linguistics, etymology, historical lexicology, philology

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00348 ‘The Unknown Estampages of Old Turkic Runiform Inscriptions Stored at the Institute of Oriental Manuscripts (RAS) — Unique Monuments of Language, History and Culture of the Early Turks: Cataloguing and Complex Research’.

For citation: Rykin P. O. Some Rare and Little-Known Military Terms from 17th-Century Mongol Chronicles Revisited. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 171–192. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-171-192

Введение

Военная лексика в монгольских письменных памятниках является довольно слабо разработанной областью исследований. На сегодняшний день она специально освещается только в некоторых публикациях, в частности в статье Н. Н. Поппе, посвященной анализу «Тайной истории монголов» [Poppe 1967a], и статьях Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2009], Д. Б. Гедеевой и Г. Ц. Пюрбеева [Гедеева, Пюрбеев 2014] и Г. М. Ярмаркиной [Ярмаркина 2019], построенных на материале письменно-ойратских документов XVII–XIX вв.

Военная терминология в языке монгольских летописей XVII в. в предшествующей литературе не рассматривалась. Чтобы восполнить этот пробел, в настоящей статье мы проанализируем несколько из этих терминов, а именно те из них, которые либо полностью отсутствуют в словарях письменного монгольского языка, либо фигурируют в источниках с уникальными или редкими значениями.

Источниками исследования являются три монгольских летописи XVII в. — так называемое «Краткое Золотое сказание» («Quriyangui altan tobči»; далее QAT) (между 1604 и 1634 гг. [Bawden 1955: 9–13] или 2-я пол. XVII в. [Heissig 1959: 75–79]), «Сутра под названием Драгоценная ясность» («Erdeni tunumal neretü sudur»; далее ETS) (ок. 1607 г.)¹ и «Золотое сказание» («Altan tobči»; далее AT) Лубсан Данзана (между 1651 и 1655 гг. [Heissig 1959: 50–75] или конец XVII – начало XVIII в. [Бира 1978: 232]). Встречающиеся в этих источниках военные термины рассматриваются в работе в алфавитном порядке, примеры их употребления в текстах снабжены русскими переводами и этимологическими и филологическими комментариями.

¹ Транскрипция П. О. Рыкина и К. В. Алексеева на основе факсимильного издания [ETS 2013].

Военные термины в монгольских летописях

1.1. аγураγ ~ аγуγу² ‘тыловой лагерь’

- (1) *sayiqan neretü yaʃar-a aγuray-iyan tende sayulyaŋ* ‘В местности под названием Сайхан [он] разместил свой тыловой лагерь’³ [ETS 2013: 12b (14–15)⁴];
- (2) *činggis qayan-u aγuray arγalitu nayur-tur bülge : aγuray-tur qočoruysan tabun aran (kütmün) yubčin (degeremčin) toqojuqu* ‘Тыловой лагерь Чингис-хагана был на озере Аргалиту. [Они] обложили данью и обобрали пятерых человек, оставшихся в тыловом лагере’ [AT 2011: 38b (24–27)];
- (3) *bidan-u (man-u) aγuray-tur qočoruysad : činggis qayan-a jiyabasu* ‘Когда оставшиеся в нашем тыловом лагере указали [на это] Чингис-хагану’ [AT 2011: 38b (28–30)];
- (4) *ger tergen yeke aγuryu sakiqui-tur asaraqu kilbar-uu* ‘Разве легко заботиться о юртах-повозках и основном⁵ тыловом лагере, когда [их] охраняют?’ [AT 2011: 76a (17–18)];
- (5) *yeke aγuray-tur neyilen iredküin ketejü ilegebe* ‘[Чингис-хаган] отправил [их] со

² Здесь и далее среднемонгольские, письменные монгольские, древнетюркские и маньчжурские формы даются в стандартной академической транскрипции. Для доклассического монгольского использована система палеографической транскрипции, разработанная Л. Лигети (см. [Ligeti 1972: 9–11]). Лексика современных монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков приводится в фонематической транскрипции символами Международного фонетического алфавита.

³ Здесь и далее русские переводы цитат из источников выполнены автором.

⁴ Здесь и далее в ссылках на источники указываются лист и номер строки в скобках.

⁵ Букв. ‘великом’. О выражении *yeke a 'uriq*, которое обозначало лагерь, принадлежащий лично хану, см. [de Rachewiltz (trans.), 2 2006: 839].

- словами: «Присоединитесь к основному тыловому лагерю!» [AT 2011: 113b (16–17)];
- (6) *qasar tayur tören ögede irejü yeke auyraytur bayuji kii irebei* ‘Хасар пришел в верховья реки Тагур и расположился именно в основном тыловом лагере’ [AT 2011: 113b (23–24)].

Это слово, отсутствующее в письменно-монгольских словарях, соответствует вост. ср.-монг. 阿兀舌魯 *a'uriq* ‘тыловой лагерь (營盤, 老營, 老小營)’ [SHM 2001: §§ 136, 233, 253 и пр.] — «the encampment where old people, women-folk, children, servants with the baggage and supplies (i. e. the ‘train’) were left when the men went to fight, and where they returned after the fight» [de Rachewiltz (trans.), 1 2006: 499]. Оно имеет тюркское происхождение и восходит к др.-турк. *agruk* ‘a heavy object, heavy baggage’ [EDT 1972: 90b], ‘груз, имущество, скарб’ [ДТС 1969: 23a], ‘Last, Gepäck (?)’ [UWb NB, II/1 2015: 73] < *agru-* ‘становиться тяжелым’ [ДТС 1969: 23a], ‘to be, or become, heavy’ [EDT 1972: 91a], *-(O)k* суффикс, образующий от переходных глаголов имена со значением объекта, а от непереходных — со значением субъекта (о нем см. [Erdal, 1 1991: § 3.102]). Значения типа «лагерь» у данного слова отсутствуют в древнетюркских памятниках, но широко засвидетельствованы в источниках монгольского периода, например у Рашид ад-Дина, где оно приводится в транскрипции اغروف *ayruq* ~ (лабиализованная форма) اوغروف *oayruq* ‘Троф, Train’ [TMEN, II 1965: no. 496]¹. По-видимому, эти значения развились при его заимствовании в среднемонгольский на метонимической основе: ‘(тяжелый) багаж, скарб’ → ‘место, где оставляют скарб’. В Китае при династии Юань (1260–1368) термин 奥魯 *auru*[*q*]

¹ В персидских источниках монгольского периода, по данным Г. Дёrfера: *ayruq den Troß bezeichnete, der während des Kampfes unter der Obhut eines Emirs sowie eines kleineren Truppendetachements zurückblieb und in dem sich auch die Frauen befanden* ‘слово *ayruq* обозначало обоз, который во время сражения оставался на попечении эмира и небольшого воинского отряда и в котором также находились женщины’ (здесь и далее — перевод автора) [TMEN, II 1965: 77 (no. 496)].

приобрел еще более специфическое значение и обозначал своего рода военные поселения, точнее говоря, «лагеря и поселки, где проживали семьи солдат, призванных в армию» (*les camps et les colonies où vivaient les familles des militaires enrôlées dans l'armée*) [Ratchnevsky 1937: XLVII (no. 3)]². В китайско-монгольской надписи 1362 г. в честь *вана* Хинду это слово встречается в форме 頗驥祿驃鷁 *ayru* ‘camp’ [Hin 1949: 23], фонетически очень близкой к древнетюркскому источнику. Появление гласного /a/ в третьем слоге формы, которая превалирует в ETS и AT, труднообъяснимо. Этот же гласный присутствует и в форме اورق *auraq* ‘regiment (فرج)³’ [ZM 1961: 8 (8b)], зафиксированной в так называемой рукописи Зирни (*Zirni Manuscript*) — памятнике могольского языка первой трети XX в.⁴ Вероятным когнатором данного слова является также даг. *auruk^w* с необычным значением ‘рассадник для молодых побегов опийного мака ([烟苗] 苗圃)’ [DKÜ 1984: 5] и нерегулярным развитием ауслautного **q* > /k^w/ вместо ожидаемого /r/ [Svantesson et al. 2005: 203; Nugteren 2011: 228], наводящим на мысль

² En général, lorsque les militaires sont partis pour une expédition militaire ou montent la garde à la frontière, [leurs] familles qui résident dans les villages sont désignées comme 奥魯 *ngao-lu* [وغۇق]. Le mandarin en chef (tchang-kuan) du tcheou ou du hien [ou trouve un pareil camp], auquel est attaché le titre (銜) «cumulant [la charge d'] un mandarin le ngao-lu», a la direction de ces camps) ‘В общем, когда солдаты отправляются в военный поход или стоят на охране границы, [их] семьи, проживающие в деревнях, называются 奥魯 *ao-lu* [وغۇق]. Главный чиновник (чжан-гуань) чжоу или сяня [где находится такой лагерь], которому присваивается титул (銜) «совмещающий [обязанности] чиновника *ao-lu*», осуществляя руководство этими лагерями’ [Ratchnevsky 1937: 53–54 (no. 2)]. В обязанности чиновников, заведовавших этими военными поселениями (奥魯赤 *auru*[*q*]ci), входило рекрутование солдат, сбор налогов и провианта и разрешение судебных тяжб [Hsiao 1978: 14, 135–136 (no. 98); Farquhar 1990: 2, 287–288 (no. 68)].

³ Перс. فوج *fauj* также означает «a body of men, company, troop, squadron; an army» [CPED 1963: 941a].

⁴ О других литературных могольских соответствиях этой формы см. [Weiers 1975: 122].

о заимствовании из какого-то центрально-монгольского идиома или книжном произношении¹. В других современных монгольских языках и диалектах когнанты ср.-монг. *a'uriq* не обнаруживаются. Высказанное рядом исследователей (см., например: [Дамдинсурэн 1974: 107–109; Atwood 2004: 26b; Крадин, Скрынникова 2006: 431]) предположение о связи *a'uriq* с халх. *awrəg* (< *aburgu) ‘исполинский, огромный, громадный, колоссальный, гигантский, чудовищных размеров’ [БАМРС, I 2001: 176], не имеет под собой серьезных оснований, хотя отождествление городища Аврага в сомоне Дэлгэрхан на левом берегу р. Керулен, в котором сохранились остатки дворца, храма и жилых построек XIII в., с одним из стационарных тыловых лагерей Чингисхана или его преемников [Shiraishi 2009; Shiraishi, Tsogtbaatar 2009; de Rachewiltz (trans.) 2013: 87–88] выглядит довольно заманчивым.

Из среднемонгольского, вероятно, еще в период Монгольской империи, это слово было заимствовано в новоперсидский в двух формах: اغْرَغ aghrugh ‘Tent; camp, encampment’ и اوْرُوق awrūq ‘the retinue of a king; the royal camp’ [CPED 1963: 77b, 119b]. Перезаимствованиями из среднемонгольского являются чаг. اوْرُوق օրգուq ~ اغْرَغ օրգուq ‘палатка; ставка, стан, собрание палаток со всеми женами, детьми, слугами’ [Будагов, I 1869: 140б–141а], кир. о:ruk ‘(ист.) аул, который не мог кочевать далеко и останавливался на ближайшем летнем пастбище, отстав от общей кочевки; (в эпосе) арьергард; тыл (противоп. фронту)’ [Юдахин, II 1985: 75б] и, по-видимому, як. иэгүк (< *a'uriq) ‘дом (юрта) с хорошими удобствами, лучшей постройки’ [Пекарский, III 2008: 3047а].

Об этом слове см. также [Pelliot 1930: 259 (no. 24); Cleaves 1949: 112–113 (no. 102); Ligeti 1955: 319; Ligeti 1959: 236; Poppe 1967a: 509–510; Poppe 1975: 157 (no. 99); Eldengtei, Oyundalai, Asaraltu 1991: 151–152; de Rachewiltz (trans.), I 2006: 499–500].

¹ Автор выражает благодарность Хансу Нугтерену за любезное указание на эту дагурскую форму.

1.2. *bayirildu*- ‘сражаться друг с другом’

(7) *bul<>yaldun bayirildugsen-dür uriyangqan-i yarqui bostala čabčibai* ‘Когда [обе армии] стали биться и сражаться друг с другом, [войска Мэргэн-джинонга и Алтан-хагана] рубили урянхайцев, пока [те] не обратились в бегство’ [ETS 2013: 6а (8–9)].

Форма *bayirildugsen* представляет собой причастие прошедшего времени на *-GsAn* от *bayirildu*- ‘бороться, сражаться, драться’ [Ковалевский, II 1846: 1053а] — реципрока на *-ldU*- от незасвидетельствованной в словарях и других источниках глагольной основы *bayiri*-, встречающейся только в виде своего именного коррелята *bayiri* ‘битва, сражение; строй, порядок, боевой порядок’ [Ковалевский, II 1846: 1052б]. Ср. также письм.-ойр. *bayiri* ‘битва, сражение, военный лагерь’ [Позднеев 1911: 116б, 117а], ‘quarters, battle; battlefield, military camp’ [MOM, II 1984: 332а–б]. От этой же именной основы с помощью суффиксов отыменных глаголов *+lA*- и реципрока *-ldU*- образован глагол *bayirilaldu*- [AT 2011: 158б (28)] ~ *bayiralaldu*- [QAT 2002: 67б (11)] ‘строиться, стоять рядами друг против друга, готовиться к сражению’ [Ковалевский, II 1846: 1052б], также встречающийся в монгольских летописях XVII в.

Этимологически *bayiri* является отглагольным именем на *-ri* (об этом суффиксе см. [Poppe 1974: 49 §179]) от основы *bayi*-, которая в современных монгольских языках в основном выполняет функцию вспомогательного или экзистенциального глагола, но в древности имела значение ‘стоять’; ср. вост. ср.-монг. 巴亦 *bayi*- ~ 擂宜 *bayyi*- ‘стоять (立); останавливаться (住, 止住)’ [SHM 2001: §§ 90, 91, 108 и пр.], 擂宜 *bayyi*- ‘стоять (立)’ [HY, I 1977: 18а (8)], зап. ср.-монг. بای *bai*- ‘стоять’ [MA 2008: 163а (3) и пр.], بای ~ بې *bai*- ‘стоять (وقف); оставаться (بقى)’ [IM 2016: 195, 200], доклас. монг. バイ *bayi*- ‘être debout, se mettre debout’ [Ölj 1962: 31]. Таким образом, первоначальным значением слова *bayiri*, по-видимому, было ‘строй, порядок, боевой порядок’ [Ковалевский, II 1846: 1052б], представленное и в монгольских летописях XVII в.; ср. выражения *bayiri yar*- ‘выходить в боевом

порядке' в [ETS 2013: 7a (6–7), 7a (13), 10a (1)] и *bayiri ki-* 'выстраиваться в боевой порядок' в [QAT 2002: 79b (06–07), 80a (10)] и [AT 2011: 165b (25), 166a (01–02), 168a (15), 168b (11)]. Единственным когнатом этого слова в современных монгольских языках является калм. *be:r* 'schlachtfeld' [KWb 1935: 40a], 'битва, бой, сражение' [KPC 1977: 886]. Интересно отметить, что благодаря свидетельству [ETS 2013] основу *bayiri*(-) можно отнести к классу глагольно-именных основ, широко представленных в монгольских [Kara 1997: 155–162], а также тюркских и тунгусо-маньчжурских языках.

1.3. *bulyaldu*- 'биться друг с другом'

- (8) *bul<>yaldun bayirildugsen-dür uriyangqan-i yarqui bostala čabčibai* 'Когда [обе армии] стали биться и сражаться друг с другом, [войска Мэргэн-джинонга и Алтан-хагана] рубили урянхайцев, пока [те] не обратились в бегство' [ETS 2013: 6a (8–9)];
- (9) *jiba jayura dürüjü bulyaldun (dayilan) büküi-dür* 'Когда [они] забрались в глубокую лощину и бились [там] вместе' [AT 2011: 18b (01–02)];
- (10) *qurdun ayan ayalaqui-tur : qurča buly-a bulyalduqui-tur : qurdun ayan-tur güiçen yadamuij-a : qurčan buly-a-tur bulyaldun yadamuij-a* 'Когда [мы] пойдем в скорый поход, когда [мы] будем вместе вести смертный (букв. 'острый') бой, [мы] не сможем дойти до скорого похода, [мы] не сможем вместе биться в смертном бою' [AT 2011: 11b (20–23)].

В [AT 2011: 18b (02)] форма *bulyaldun* (bulya-ldu-n биться-SOC-CVB.MOD) 'сражаясь' снабжена глоссой *dayilan* (dayila-n воевать-CVB.MOD) 'воюя, ведя войну'. Слово *bulyaldu*- представляет собой реципрок-социатив на -ldU- от глагольной основы *bulya*-, которая дважды употребляется в «Тайной истории монголов» в форме 奔_勒中合 *bulqa*- 'сражаться, биться (厮殺, 鬪)' [SHM 2001: §§ 182, 235]. В среднемонгольских и доклассических монгольских источниках встречается и форма реципрока-социатива этой основы 不_勒中合 都_勒 ~ 奔_勒中合 都_勒 *bulqaldu*- 'сражаться, биться вместе или друг с другом (厮殺, 相鬪)' [SHM 2001: §§ 79, 185, 249 и пр.],

bulyaldu- 'to fight' [Bur 1967: 64b (11)], в том числе в конструкции 不_勒中合 不_勒中合 都_勒 *bulqa bulqaldu*- 'вместе вести бой (厮殺, 勝殺)' [SHM 2001: § 249]. Именной коррелят этой глагольной основы также многократно употребляется в памятниках; ср. вост. ср.-монг. 不_勒中合 ~ 奔_勒中合 *bulqa* 'бой, побоище (厮殺)' [SHM 2001: § 249], 'мятеж, смута (反亂)' [SHM 2001: § 213], 'мятежник (反)' [SHM 2001: §§ 150, 151, 176 и пр.], 奔_勒中合 *bulqa* 'мятежник (反)' [HY, 2 1977: 04a (1)]; зап. ср.-монг. بُلْغَا (sic!) *bulya* 'бой, сражение (الصف)' [IM 2016: 225]; доклас. монг. бүлэг *buly-a* 'мятежник; мятеж' [Hin 1949: 20] ~ бүлэг *bulya* 'мятежный' [Gü 1952: 485–495 (4)]. Совмещение в одной форме значений 'бой', 'мятеж' и 'мятежник' вполне объяснимо в рамках монгольской имперской концепции мирового господства, в которой «мятежниками» считались все те, кто добровольно не признавал власть монгольского кагана и оказывал вооруженное сопротивление [Gü 1952: 492–493 (no. 85); de Rachewiltz (trans.), 1 2006: 551]. Следует отметить, что как *bulya*(-), так и *bulyaldu*- отсутствуют в словарях классического письменно-монгольского языка, а из современных монгольских языков их когнаты сохранились только в халхаском как устаревшие формы; ср. халх. *ružəg* устар. 'восстание, бунт; сумятица, неурядица; нападение, захват', *ružəžda-* устар. 'биться, сражаться' [БАМРС, I 2001: 84а, 6].

Глагольная основа *bulya*- представляет собой очевидное тюркское заимствование в среднемонгольском; ср. др.-турк. *bulga* 'basically 'to stir' (a liquid, etc.) and metaph. 'to confuse, disturb (someone), produce a state of disorder', but the second is the older and commoner meaning' [EDT 1972: 337a], 'перемешивать, смешивать; мутить; досаждать, обижать, печалить, омрачать, вредить; возбуждать недовольство, сеять смуту' [ДТС 1969: 122a], 'in Unordnung bringen, verwirren, stören' [HAU 2021: 197a]. Не так ясна ситуация с именной основой *bulya*, которую Н. Н. Поппе [Poppe 1955: 39] и Д. Кара [Kara 2001: 87] также относили к числу среднемонгольских тюрклизмов. Источником заимствования они считали др.-турк. *bulgak* 'confusion, disorder; confused, disorderly' [EDT 1972: 336b], 'волнение (о воде); замешатель-

ство, возбуждение, беспокойство, смятение, паника; смута, волнения’ [ДТС 1969: 1226], ‘Aufruhr, Unruhe, Chaos, Anarchie, Verwirrung’ [HAU 2021: 197b] — отглагольное имя на -(O)k (об этом суффиксе см. [Erdal, 1 1991: 224–261 § 3.102]) от уже упомянутой основы *bulga-*. Однако в среднемонгольских формах конечный согласный отсутствует. Утрата ауслаутного /k/ могла произойти либо в одном из древних булгаро-чувашских (огурских) диалектов, нерегулярно демонстрирующих это явление (см. [Róna-Tas, Berta, 2011: 1076–1077; Левитская 2014: 166–173; Agyagási 2019: 76–79]), либо уже на собственно монгольской почве в результате диссимиляции **bulγay* > *bulγa*, как полагал Г. Дёрфер [TMEN, II 1965: 320 (no. 768)]. Интересно, что значения ‘мятеж’ и ‘мятежник’ вполне соответствуют семантике древнетюркского прототипа, тогда как значение ‘бой, сражение’, по-видимому, возникло уже после заимствования этого слова в среднемонгольский, поскольку в тюркских языках оно не прослеживается (см. [ЭСТЯ 1978: 253–257]).

1.4. չայւրայւ- ‘отправлять в военный поход’

(11) *basa qubilai noyan-i qarlu-yud-tur չայւրայւլբաi* (čeriglegülbai) ‘[Чингис-хаган] также отправил Хубилай-хойана в военный поход на карлуков’ [AT 2011: 85b (13–14)].

В АТ это слово является *haraх legomenop*, в других монгольских летописях оно не встречается. Отсутствует оно и в словарях классического письменно-монгольского языка, а также в доклассических монгольских памятниках. По-видимому, уже к середине XVII в. оно было непонятным носителям монгольского языка, поэтому в АТ форма *չայւրայւլբաi* (*čayura-yul-bai* выступать.в.военный.поход-CAUS-PST.FC) снабжена глоссой *čeriglegülbai* (čerigle-gülbai выступать.в.военный.поход-CAUS-PST.FC) с тем же значением ‘отправил в военный поход’; ср. письм.-монг. *čerigle-* ‘to wage a war or campaign; to mobilize an army; to use military forces’ [Haltod, Hangin, Kassatkin, Lessing 1960: 173b] < *čerig* ‘войско, армия, военные силы, воинство’ [Ковалевский, III

1849: 2128a], ‘warrior, soldier, army, military forces, troops’ [Haltod, Hangin, Kassatkin, Lessing 1960: 173a], +*lA-* суффикс отыменного образования глаголов (о нем см.: [Poppe 1974: § 245]).

Данный фрагмент АТ частично воспроизводит § 235 «Тайной истории монголов» (см. [Ligeti 1974: 166]). В соответствующем пассаже SHM он приводится в следующем виде:

(12) *qubilai noyan-i qarlu'ut-tur չա'ura'ulba* ‘[Чингис-хаган] отправил Кубилай-хойана в военный поход на карлуков’ [SHM, X 2001: 10b (9)].

Форма չա'ura'ulba (ča'ura-'ulba выступать.в.военный.поход-CAUS-PST.FC) ‘отправил в военный поход’ имеет неточную глоссу *‘выступил в поход (出征了)’, не отражающую каузативный компонент ее значения. Каузативная основа չа'ura'ul- употребляется в SHM еще трижды (§§ 199, 202, 240) уже с точными глоссами (教出征 ~ 教征). В этом памятнике также встречаются три употребления глагольной основы չա'ura'ul- ‘выступать в военный поход (出征 ~ 征進)’ (§§ 236, 254, 255) без каузативного показателя. Эта же основа фигурирует в китайско-монгольском словаре 1389 г. *Xuai ший* 華夷譯語 в форме 炒兀刺 (刺 ошиб. вм. 舌刺) չawura- с тем же значением ‘выступать в военный поход (出征)’ [HY 3, 1977: 19b (2)]. От нее с помощью суффикса *-’Ači < -*GAči (о нем см. [Poppe 1974: § 147]) образована именная форма 巢刺赤 չaurāči¹ (< *ča'ura'ac'i) ‘солдат, участник военного похода (出軍人)’, присутствующая в китайско-монгольском словаре конца XIII в. *Чжсиюань ший* 至元譯語 [ZY 1990: no. 114].

Глагол չа'ura-~չawura- представляет собой отыменное образование на +*rA-* или +*A-* (об этих суффиксах см.: [Kempf 2013: 169–172, 199]) от именной основы չա'ur- ~ չա'ur- չա'ur ‘военный поход (征 ~ 征進)’, которая дважды употребляется в SHM (§§ 254, 255) в выражении *urtu չа'ur չа'ura-* ‘высту-

¹ Мы считаем более точной с точки зрения морфологического состава этого слова реконструкцию չaurāči, предложенную в работе [Kempf 2013: 171 (no. 381)], нежели реконструкцию *չaurači, принадлежащую Л. Лигети и Д. Каре [Ligeti 1990: 265; Kara 1990: 287].

пать в долгий поход (長征征進 ~長征進征進)’ (см. также [Poppe 1967a: 511–512]). Это слово также встречается как личное имя, которое носили несколько исторических персонажей в эпоху Монгольской империи (см. [Cleaves 1948: 452 (no. 13); Pelliot, Hambis (trans.) 1951: 58–59 (no. 15); Rybatzki 2006: 290a–b]). Оно не отмечено в других среднемонгольских источниках, а его современные когнаты ограниченно употребляются в некоторых центрально-монгольских идиомах только в составе парных слов с первым компонентом *čerig;ср. халх. *tsʰirəg tsʰu:r* ‘арму’ [Kara 2005: 8], бур. *serəg su:r* ‘войска; война’ [БРС, II 2008: 2106], орд. *ɣʰirik ɣʰu:r* ‘soldats, armée’ [DO 1968: 708b, 719a]. Книжное произношение одного из этих парных слов зафиксировано в монгольской летописи XIX в. *Bolor toli* в форме *čerig čuur ~ čerig čuura* [Руднев 1911: 203; Mostaert 1952: 311]. Это слово имеет очевидные параллели с киданьской формой *čawur 𠀠𠀠 <čau.ur> ‘army; war, battle’ [Kane 2006: 123–124; Kane 2009: 84, 125; Shimunek 2017: 331–332], которая имеет шесть употреблений в корпусе эпитафий малого киданьского письма XI–XII вв., опубликованном Чингэлтэем, Оюунчи и Джирухэ [Čenggeltei, Wu, Jiruhe, I 2017: 365–366]¹. В «Цидань го чжи» 契丹國志 (середина XIII в.) эта форма фигурирует как 紗離 *čaur ‘война, битва (戰)’ [QDGZ 27: 340–341], в *Ляо ши* 遼史 (1344) как 紗伍 𠀠 *čawur ‘id.’ [LS 53: 879]. Слово *čawur ~ *čaur имеет довольно прозрачную этимологию в киданьском: оно образовано от глагольной основы *čawu- ~ *čau- 𠀠 <cau> ‘to fight a war, to wage war, to do battle’ [Wu, Janhunen 2010: 69–70; Shimunek 2017: 243 (no. 187)], неоднократно встречающейся в киданьском корпусе [Čenggeltei, Wu, Jiruhe, I 2017: 366], с помощью суффикса отглагольных имен *-(V)g, формально совпадающим с суффиксом (причастия) прошедшего времени мужского рода (об этом суффиксе см. [Kane 2009: 145–146; Shimunek 2017: 246, 287, 321–322]). Э. Шимунек относит его к пласту общей серби-монгольской

¹ Самые ранние из этих употреблений встречаются в эпитафии Елюй Жэньсяня 耶律仁先 (1072 г.) [Čenggeltei, Wu, Jiruhe 2017/1: 658–670; Čenggeltei, Wu, Jiruhe 2017/2: 1023–1092 (22, 31)].

лексики [Shimunek 2017: 331–332], однако ограниченная дистрибуция этого слова в монгольских языках и невозможность его этимологизации на собственно монгольской почве, с одной стороны, при его широком употреблении и надежной этимологии в киданьском, с другой, свидетельствуют в пользу того, что его скорее всего следует интерпретировать как киданьское заимствование в среднемонгольском языке.

Об этом слове см. также [Владимирцов 1929: 209; Ligeti 1964: 287–288; Franke 1969: 36; Doerfer 1992: 47].

Следует отметить, что киданьская глагольная основа *čawu- ~ *čau- была довольно рано заимствована в тунгусо-маньчжурские языки, где она фигурирует в составе чж. 金中 *čauха (< *čau-ха воевать-PTCP. PST) ‘войско, армия (軍); военный, воинский (武)’ [NC 1984: 127–128, 248; сп. Kiyose 1977: 114 (no. 296); Kane 1989: 266 (no. 659); Певнов 2004: 350–351 (no. 537)], ма. сооха (< соо-ха воевать-PTCP.PST) ‘воин, военный, солдат; войско, армия’ [Захаров 1875: 942б], ‘army, troops; soldier; military, martial’ [CMED 2013: 59a] и их когнатов в таких языках, как солонский, негидальский, орочский, орокский, удэгейский, ульчский и нанайский [ССТМЯ, II 1977: 402б; EWTД 2004: 192б (no. 2177)].

1.5. *ide-* ‘захватывать и разграблять (город)’

(13) *qonoy-tu sara-du oljalaysan idegsen toy-a ügei buyu* ‘И не было счету тому, что [он] ежедневно и ежемесячно захватывал в качестве добычи и разграблял’ [ETS 2013: 10б (11–12)].

Глагол *ide-*, букв. ‘есть’, здесь употребляется в своем специфическом военном значении, которое надежно документируется только для ордосского диалекта; сп. орд. *ite-* ‘prendre et piller (une ville)’ в глагольной группе *kɔtʰɔ ite-* ‘prendre et piller une ville’ [DO 1968: 377а–б]. В среднемонгольских, доклассических монгольских и классических монгольских памятниках данное значение не фиксируется. По-видимому, это может рассматриваться как один из признаков южномонгольского диалектного влияния на язык ETS, которое явно прослеживается и в некоторых других слу-

чаях. Какие-то варианты этого значения наблюдаются в письменном ойратском и в некоторых современных центрально-монгольских языках, но уже вне связи с военным контекстом; ср. письм.-ойр. *ide-* ‘брать взятку в картах; разграбить, разорить’ [Позднеев 1911: 25а], ‘to loot, take a trick (at cards)’ [МОМ, I 1978: 93а], халх. *itə-* ‘присваивать, похищать’ [БАМРС, II 2001: 264а], калм. *idə-* ‘unerlaubterweise geld od. gut nehmen’ [KWb 1935: 205а], бур. *edə-* ‘забирать, присваивать; брать (взятки)’ [БРС, II 2008: 649б].

1.6. *nengde-* ‘неожиданно атаковать, внезапно нападать’

- (14) *nengdejü dayidu-yin čerig-i darüjü kögejü orkiyad* ‘Неожиданно атаковав, [они] победили армию [города] Дайду и полностью отогнали [ее]’ [ETS 2013: 6b (17–19)];
- (15) *angqan-u nengdegsen jarčiyud uriyangqadai-yin kütün bui* ‘Я человек Уриянхадая из [племени] джарчигутов, на которых [вы] внезапно напали сначала’ [АТ 2011: 8а (15–16)];
- (16) *bodančar-i ügei boluysan-u qoyına nengdegsen uriyangqadai kütün ger-ün daruy-a bülige* ‘После того как Боданчара не стало, хозяином юрты стал человек из урянхайцев, на которых внезапно напали’ [АТ 2011: 8б (18–20)].

Глагол *nengde-* не отмечен в словарях классического письменно-монгольского языка; омонимичная основа *nengde-* ‘сделяться более, превзойти, перевесить’ [Ковалевский, II 1846: 632а] этимологически с ним не соотносится и восходит к наречию *neng* ‘очень, весьма’. Его единственный известный когнат встречается в среднемонгольском; ср. вост. ср.-монг. 撫迭 *nende-* ‘внезапно нападать (掩襲); втайне замышлять (潛謀); брать инициативу, опережать (攬先)’ [SHM 2001: §§ 166, 185, 200, 244]. Об этом глаголе см. [de Rachewiltz (trans.), 1 2006: 601; de Rachewiltz (trans.), 2 2006: 874]. В других среднемонгольских памятниках, кроме «Тайной истории монголов», и в современных монгольских языках и диалектах он не отмечен. Этимология этого глагола неясна. Вполне возможно, он этимологически связан с ма. *nende-* ~ *nene-*

‘упреждать, предупреждать; предварять, предотвращать, идти впереди, наперед, предшествовать, стоять впереди, первым, прежде другого поступать на службу или занимать должность, прежде, первый начинать что’ [Захаров 1875: 217б–218а], ‘to be in front, to put first, to come before, to be prior, to act first, to take the lead’ [CMED 2013: 281б], которое хорошо подходит как в фонетическом, так и в семантическом отношении. А. М. Певнов (личное сообщение) любезно обратил мое внимание на то, что ма. *nende-* ~ *nene-* имеет когнаты в других тунгусо-маньчжурских языках — эвенкийском, эвенском, негидальском и орочском, однако в этих языках маньчжурскому /э/ нерегулярно соответствует /о/ ~ /ɔ/, как, например, в эвенк. *popo-* ‘начать что-л. делать, положить начало; опередить кого-л., что-л.’, эвен. *пэп-* ‘быть первым, передним’ [ССТМЯ, I 1975: 605а–б; EWTD 2004: 611а (no. 8051)]. Если эта этимология верна, ср.-монг. *nende-*, ETS/AT *nengde-* может интерпретироваться как раннее заимствование из тунгусо-маньчжурских языков, скорее всего, из чжурчжэнского, в котором, впрочем, соответствующая форма не документируется.

1.7. *niytarqa-* ‘быть в плотном строю’

- (17) *asuri niytarqan yabunayila* ‘[Его войско] ведь идет очень плотно’ [ETS 2013: 12а: (7)].

Глагольная основа *niytarqa-*, незасвидетельствованная в словарях и в других исторических и современных монгольских языках, образована от *niyta* ‘часто, близко, плотно, тесно’ [Ковалевский, II 1846: 671а], ‘thick[ly], dense[ly], compact[ly]’ [Haltod, Hangin, Kassatkin, Lessing 1960: 578б] при помощи суффикса +rKA-, который образует глаголы со значением ‘проявлять себя так, как обозначено исходной основой; действовать в полном соответствии с тем, что обозначено исходной основой’ [Kempf 2013: 176–178; ср. также: Poppe 1974: § 247; Godziński 1985: 100]. Таким образом, *niytarqa-* должно было выражать значение ‘быть или становиться частым, близким, плотным, тесным’, или, в военном контексте, ‘быть в плотном строю’. Его (квази)синонимом, по-видимому, является глагол *niytara-* ‘to thicken,

become compact or dense' [Haltod, Hangin, Kassatkin, Lessing 1960: 579a], восходящий к той же именной основе. В отличие от *niytarqa-*, он сохранился в некоторых современных центральномонгольских языках, но его когнаты по своей семантике не связаны с военной сферой; ср. халх. *n'agtər* ‘уплотняться, стать плотным, слежаться; сплотиться, становиться прочным’ [БАМРС, II 2001: 449a], бур. *n'agtər* ‘уплотняться, становиться прочным, слежаться; быть сплоченным’ [БРС, I 2006: 634б], калм. *nigtər* ‘уплотняться; сгущаться’ [КРС 1977: 377a].

1.8. *toyin* ‘(военный) лагерь’

- (18) *auy-a kūčün-iyer otøy-tan dayisun-i toyin-türiyen oroyuluysan* ‘Силой приведший в свой лагерь надменных врагов’ [ETS 2013: 9a (23–24)];
- (19) *qari dayisun-i toyin-tur-iyan oroyuluysan* ‘Приведший в свой лагерь иноплеменных врагов’ [ETS 2013: 10b (27)–11a (1)];
- (20) *yang neretü ulus ba : minay neretü ulus kiged-i toyin-tur-iyan oroyulbai : kitad-un jirguyan tuji : manji-yin ulus toyin-tur-iyan oroyulbai : <...> tegün-i toyin-tur-iyan oroyulbai* ‘[Он] привел в свой лагерь народы под названием цян и минаяг, привел в свой лагерь народ южных китайцев шести провинций Китая ... привел его в свой лагерь’ [AT 2011: 132b (13–22)].

Слово *toyin* является тюркским заимствованием и восходит к др.-турк. *toy* ‘originally ‘a camp’ in the physical sense of an aggregate of tents; thence the people living in such a camp, ‘a community’; thence any ‘large gathering’; and finally ‘a feast’, and esp. ‘a wedding feast’’ [EDT 1972: 566b–567a], ‘ставка, резиденция; город; пир, пищество; народ, толпа’ [ДТС 1969: 572a–б], ‘Fest, Feier; Menge, Gruppe, Schar, Korporation; Volk, Bevölkerung; Familie; königliches Lager; alles’ [HAU 2021: 735a–б]. Конкретно в значении ‘(военный) лагерь’ *тöй* фигурирует в словаре Махмуда Кашгарского [DLT 1982–1985: 505] как неогузская форма. Единственным когнатом данного слова в среднемонгольском является форма 脱宜 *toyi* в «Тайной истории монголов», снабженная гlosсой

陣勢 ‘боевой порядок’ [SHM 2001: § 170]. Эта форма встречается в непростом для понимания фрагменте, повествующем о военных навыках союзных Чингисхану племен уруотов и мангутов:

- (21) *to'orikü tutum toyi jokiyu* ‘Всякий раз, когда [они] разворачиваются, [их] боевой порядок (?военный лагерь) сохраняется’¹ [SHM 2001: VI 3a (5)].

Исследователи, опиравшиеся на китайскую гlosсу, интерпретировали значение этого слова как ‘battle array’ [de Rachewiltz (trans.), 1 2006: 618; Rybatzki 2011: 198], ‘front line, battle line’ [Poppe 1955: 41], ‘ranks’ [Cleaves 1982: 96] или ‘troupe rangée en cercle’ [Pelliot 1943: 65 (no. 1)]. Однако нужно иметь в виду, что китайские гlosсы в SHM, особенно к редким или вышедшим из употребления словам, часто оказываются неточными [de Rachewiltz 1993–94: 3; de Rachewiltz 1995: 282–283 (no. 11)]. Сомнения в правильности гlosсы к *toyi* усиливаются тем, что в соответствующем фрагменте AT [AT 2011: 61b (25)] вместо него употребляется слово *töb* ‘центр’. На этом основании Н. Н. Поппе высказал предположение, что реальным значением *toyi* могло быть ‘camp, headquarters’ (цит. по [de Rachewiltz (trans.), 1 2006: 618]), как и в монгольских летописях XVII в. Но вполне возможно, что у слова *toyi*, как и у его древнетюркского прототипа, было несколько разных значений. Это слово не имеет когнатов в современных монгольских языках и диалектах. В. Хайссиг [Heissig 1959: 45–46 (Anm. 6)] и К. Колльмар-Пауленц [Kollmar-Paulenz 2001: 245 (Anm. 174)] ошибочно считают его производным от *toyiy* ‘колено’, а Й. Эльверског — производным от незасвидетельствованной в письменном монгольском основы **toi* ‘власть, авторитет, влияние’ [Elverskog 2003: 235 (no. 99)]. Выражение *toyin-dur-iyan/-dür-iyen oroyul-*, букв. ‘привести в свой лагерь’, принадлежало к целому ряду монгольских технических терминов для обозначения подчинения. О других примерах его употребления в монгольских летописях см. [Heissig 1959: 45–46 (Anm. 6)].

¹ Букв. ‘подходит, годится’.

Заключение

Изучение военных терминов в монгольских летописях XVII в. приводит к интересным и порой неожиданным результатам. Часть этих терминов, в том числе те, которые рассмотрены в настоящей статье, относятся к редкой и малоизвестной лексике, отражающей особенности военной организации эпохи Монгольской империи. Эта организация в значительной степени еще сохраняла значимость в эпоху составления монгольских летописей, но совершенно утратила свою актуальность в Новое время, в связи с чем лишь некоторые средневековые военные термины сохранились в современных монгольских языках, иногда в сильно изменившемся значении (*ayuray* ~ *ayuruγ*)¹, как устаревшие формы (*bulya/bulyaldu*) или связан-

ные морфемы (*ča'ur*). Ряд терминов имеют иноязычное происхождение и несут на себе следы интенсивных ареальных контактов монгольских языков с языками соседних народов, таких как тюркские (*ayuray* ~ *ayuruγ*, *bulya*(-), *toyi/n*), тунгусо-маньчжурские (*nen(g)de-*) и киданьский (*ča'ur*). Некоторые употребляются как *hapax legomena* в отдельных летописных памятниках (*bayirildu-*, *čayurayul-*, *niytarqa-*), тогда как другие демонстрируют крайне специфичные значения, не имеющие параллелей в источниках и либо соответствующие семантике донорских форм (*toyi/n*), либо возникшие под влиянием местных территориальных диалектов (*ide-*). Многие из встречающихся в летописях военных терминов не отмечены в словарях и опубликованных работах, что открывает новые перспективы в исследованиях по монгольской этимологии и исторической лексикологии.

¹ О некоторых других примерах семантического сдвига среднемонгольских военных терминов см.: [Рона-Таш 1985: 552–553, 554–555].

Сокращения

Глоссы

CAUS	каузатив
CVB	деепричастие
FC	фактуальный
MOD	модальный
PST	прошедшее время
PTCP	причастие
SOC	социатив

Символы

<	восходит к
←	заимствовано из
*	реконструкция/незасвидетельствованная форма

Языки и диалекты

бур.	бурятский
вост. ср.-монг.	восточные диалекты среднемонгольского
даг.	дагурский
доклас. монг.	доклассический монгольский
др.-тюрк.	древнетюркский
зап. ср.-монг.	западные диалекты среднемонгольского
калм.	калмыцкий
кир.	киргизский
ма.	маньчжурский
орд.	ордосский
перс.	персидский
письм.-монг.	письменный монгольский

письм.-ойр.	письменный ойратский
ср.-монг.	среднемонгольский
халх.	халхаский
чаг.	чагатайский
чж.	чжурчжэньский
эвен.	эвенский
эвенк.	эвенкийский
як.	якутский

Источники

- АТ 2011 — Лувсанданзаны зохиосон Эртний ханы үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан Алтан товч хэмээх оршвой = Erten-ü qad-un ündüsülegsen töru yosun-u jokiyal-i tobčilan quriyasan altan tobči kemekü orusiba (= Так называемое Золотое сказание, резюмирующее сочинения о принципах управления, заложенных ханами древности, сочинение Лубсан Данзана) / эх бичгийн цогц судалгаа хийсэн доктор (Sc. D), профессор Ш. Чоймаа; Хянан тохиолдуулсан доктор (Ph. D) М. Баярсайхан. XVII зууны монгол түүхэн сурвалжийн тулгуур эхүүд 2. Улаанбаатар: Болор Судар, 2011. 764 х.
- Bur 1967 — Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the *Laṭitavistara*: Mongolian Text, Notes, and English Translation. Asiatische Forschungen 23. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. 173 p., 65 pl.
- DLT 1982–1985 — *Maḥmūd al-Kāšyārī*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / ed. and trans. with introduction and indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Vol. 1–3. Sources of Oriental Languages and Literatures 7. Harvard: Harvard University, 1982–85. xi, [1], 416, iii, [1], 381, 337 p.
- ETS 2013 — *Jorungy-a*. Erdeni tunumal nere-tü sudur orosiba (= Сутра под названием Драгоценная ясность). Erdeni neretü sudur-un čiṣulyan. Kökeqota: Öbör Mongol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. [4], 2, 8, 242 p.
- Hin 1949 — Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949. Vol. 12, No. 1/2. Pp. 1–133, 27 pl.
- HY 2003 — Kuribayashi Hitoshi 栗林均. “Ka-I yakugo” (kōshuhon) Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『華夷訛語』 (甲種本) モンゴル語全単語・語尾索引 (= Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti). Tōhoku
- Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究センター叢書 (= CNEAS Monograph Series 10). Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Senta 東北大学東北アジア研究センター, 2003. 4, xxiv, 178 p.
- IM 2016 — *Gül B. Moğolca İbni Mühennâ Lügati* Kitâb Hilyetü'l-İnsan ve Helbetü'l-Lisân (= Монгольский глоссарий Kitâb Hilyat al-İnsân wa Halbat al-Lisân Ибн ал-Муханны). Türk Kültürüünü Araşturma Enstitüsü Dil Araştırmaları, 10. Ankara: Türk Kültürüünü Araşturma Enstitüsü, 2016. [10], 269 p.
- Gü 1952 — Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes. Appendice II: Le sceau du grand khan Güyüg // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15. No. 3/4. P. 485–495.
- LS — *To[κ]mō i dp.* 脱脱. Ляо ши 遼史 [История [династии] Ляо]. Т. 1–5. Бэйцзин 北京: Чжунхуа шуцзной 中華書局, 1974. 1612 с.
- MA 2008 — The Muqaddimat al-Adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol) / ed. by S. Hasanov, Y. Saitô. The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B); No. 17320061. Tôkyô: S. I., 2008. 22, 534b p.
- Ölj 1962 — Mostaert A., Cleaves F. W. Document B: Lettre d'Öljeitü à Philippe le Bel, datée de 1305 // Mostaert A., Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel [Harvard-Yenching Institute: Scripta Mongolica Monograph Series 1]. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. P. 55–85.
- QAT 2002 — Qad-un ündüsün quriyangui Altan tobči: эх бичгийн судалгаа (= Краткое Золотое сказание о происхождении ханов: текстологическое исследование) / галиглаж, угийн хэлхээг үйлдэн, эх бичгийн судалгаа хийсэн Ш. Чоймаа; эрхлэн нийтлүүлсэн Ц. Шагдарсүрэн. Monumenta Mongolica / National University of Mongolia: Centre for

- Mongol Studies 2. Т. 1. Улаанбаатар: Urlakh erdem, 2002. 333 х.
- QDGZ — Е Лүнли 葉隆禮. Цидань го чжи 契丹國志 [Записки о государстве киданей]. Бэйцзин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2014. 336 с.
- SHM 2001 — Kuribayashi Hitoshi 栗林均, Choijin-jab 確精扎布. “Genchō hishi” Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『元朝秘史』モンゴル語全單語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series 4. Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Senta 東北大学東北アジア研究センター, 2001. 6, vi, 954 p.
- ZM 1961 — Iwamura S., with the collaboration of N. Osada and the late T. Yamasaki. The Zirni Manuscript: A Persian-Mongolian Glossary and Grammar, with *Preliminary Remarks on the Zirni Manuscript* by N. Poppe. Results of the Kyoto University Expeditions to the Karakoram and the Hindu Kush, 6. Kyoto: Kyoto University, Committee for the Kyoto University Scientific Expeditions to the Karakoram and the Hindu Kush, 1961. ix, [3], 160 p., map, facs.
- ZY 1990 — Ligeti L. Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / éd. par G. Kara // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990. T. 44, fasc. 3. Pp. 259–277.

Sources

- Choimaa Sh., Bayarsaikhan M. (eds.) Altan Tobchi: The Golden Summary of the Principles of Statecraft as Established by Ancient Khans. Ulaanbaatar: Bolor Sudar, 2011. 764 p. (In Mong.)
- Choimaa Sh., Shagdarsüren Ts. (eds.) Altan Tobchi: The Golden Summary of the Genealogies of Khans. Textual study. Vol. 1. Ulaanbaatar: URLAKH ERDEM, 2002. 333 p. (In Mong.)
- Cleaves F. W. The Sino-Mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. No. 1/2. Pp. 1–133, 27 pl. (In Eng.)
- Gül B. Kitāb Ḥilyat al-Insān wa Ḥalbat al-Lisān: The Mongol Glossary by Ibn al-Muhammā. Ankara: Institute for Research on Turkish Culture, 2016. [10], 269 p. (In Tur.)
- Iwamura S., Osada N., Yamasaki T. The Zirni Manuscript: A Persian-Mongolian Glossary and Grammar, with Preliminary Remarks on the Zirni Manuscript by N. Poppe. Results of the Kyoto University Expeditions to the Karakoram and the Hindu Kush 6. Kyoto: Kyoto University (Committee for the Kyoto University Scientific Expeditions to the Karakoram and the Hindu Kush), 1961. IX, [3], 160 p. (In Eng.)
- JORUNGY-A. The Jewel Translucent Sūtra. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2013. [4], 2, 8, 242 p. (In Mong.)
- Kuribayashi H. Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, Based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. CNEAS Monograph Series 10. Sendai: Center for Northeast Asian Studies, 2003. 4, XXIV, 178 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuribayashi H., Choijinjab. Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. CNEAS Monograph Series 4. Sendai: Center for Northeast Asian Studies, 2001. 6, VI, 954 p. (In Jap. and Mong.)
- Liao Shi 遼史 ‘The History of Liao’, a Chinese dynastic history completed in 1344 under the direction of Toqto'a 脫脫, the Zhonghua shuju 中華書局 edition of 1974 .
- Ligeti L. Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / éd. par G. Kara. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. 44. No. 3. Pp. 259–277. (In Fr., Mong. and Chin.)
- Mahmūd al-Kāshyārī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk). R. Dankoff, J. Kelly (eds., transl., etc.). Vols. 1–3. Sources of Oriental Languages and Literatures 7. Harvard: Harvard University, 1982–85. XI, [1], 416, III, [1], 381, 337 p. (In Eng.)
- Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15. No. 3/4. Pp. 419–506, 8 pl. (In Fr.)
- Mostaert A., Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel. Harvard-Yenching Institute: Scripta Mongolica Monograph Series 1. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. VII, 104 p., 12 pl. (In Fr. and Mong.)
- Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the Lalitavistara. Mongolian text, notes, and English translation. Asiatische

- Forschungen 23. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. 173 p., 65 pl. (In Eng. and Mong.)
- Qidan guo zhi* 契丹國志 ‘Records of the Khitan State’ by Ye Longli 葉隆禮 (mid-13th century), the Zhonghua shuju edition of 2014.
- The Muqaddimat al-Adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). [Hasanov S., Saitô Y. (eds.)]. The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B); № 17320061. Tokyo: Japan Society for the Promotion of Science, 2008. 22, 534 p. (In Arab., Pers., Chag. and Mong.)

Словари

- БАМРС 2001–2002 — Пюрбеев Г. Ц. (ред.). Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.
- БРС 2006–2008 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь: В 2 тт. Т. 1. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 635 с. Т. 2. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 707 с.
- Будагов 1869–1871 — Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1869–1871. Т. 1. X, 810, 3, 6 с. Т. 2. 415, [1] с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXX–VIII, 676 с.
- Захаров 1875 — Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1875. 2, XXX, 64, 1129, 6 с.
- Ковалевский 1844–1849 — Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь = Dictionnaire mongol-russe-français. Т. 1–3. Казань: Унив. тип., 1844–1849. XIII, 2690 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь: 26 000 слов = Хальмг-орс толь: 26 000 үгмүд / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Пекарский 2008 — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3-х тт. Т. 1–3. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2008. XCIV, 3865 с.
- Позднеев 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. IV, 306 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус. В 2 т. Т. 1. А–Н. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- ССТМЯ 1975–1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус. В 2 т. Т. 2. О–Э. Л.: Наука, 1977. 992 с.
- ЭСТЯ 1978 — Севортыян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 350 с.
- Юдахин 1985 — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: Ок. 40 000 слов = Кыргызча-орусча сөздүк: Сөздүктө 40 000 ге жакын сөз бар. Кн. 1–2. Фрунзе: Гл. ред. Кирг. сов. энциклопедии, 1985. 504, 480 с.
- CMED 2013 — Norman J., with the assistance of K. Dede and D. P. Branner. A Comprehensive Manchu-English Dictionary. Harvard-Yenching Institute Monograph Series 85. Cambridge, MA; London: Harvard University Asia Center, 2013. xxvi, 418 p.
- CPED 1963 — Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic words and phrases to be met with in literature. 5th imp. London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963. viii, 1539 p.
- DKÜ 1984 — Engkebatu et al. Dayur kelen-ü üges = Давоэрьой цыхуй 达斡尔语词汇 (= Лексика дагурского языка). Mongol töröl-ün kele ayalyun-u sudulul-un čuburil 005. Kökeqota: Öbör Mongol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1984. 13, 337 p.
- DO 1968 — Mostaert A. Dictionnaire ordos. 2e éd. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XX, 951 p.
- EDT 1972 — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. xlviii, 989 p.
- EWTD 2004 — Doerfer G., unter Mitwirkung von Knüppel M. Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2004. 932 s.
- Haltod, Hangin, Kassatkin, Lessing 1960 — Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S., Less-

- ing F. D. Mongolian-English Dictionary / ed. by F. D. Lessing. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. xv, 1217 p.
- HAU 2021 — Wilkens J. Handwörterbuch des Altuigurischen: Altugurisch – Deutsch – Turkish = Eski Uygurcanın El Sözlüğü: Eski Uygurca – Almanca – Türkçe. Göttingen: Universitätsverlag, 2021. IX, [1], 929 s.
- KWb 1935 — Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricæ 3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 p.
- MOM 1978–1984 — Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 1–3. Publications of the Mongolia Society. Bloomington, IN: The Mongolia Society, 1978–1984. 6, 816 p.
- NC 1984 — Цзинь Цицун 金啟蓀. Нюйчжэнъвэнь цыдянь 女真文辞典 (= Словарь чжурчжэнского языка). Бэйцзин 北京: Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1984. 22, 300, 67, 21 с.
- TMEN 1963–1975 — Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neopersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1–4. Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission 16, 19–21. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. XLVIII, 557, 671, 670, 640 s.
- UWb NB, II/1 2015 — Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. Neubearbeitung. II. Nomina–Pronomina–Partikeln. Bd. 1: a – asvirk. Stuttgart: Steiner, 2015. XXVI, 307 s.

Dictionaries

- Budagov L. A Comparative Dictionary of Turko-Tatar Languages [and Dialects], Supplemented with Most Common Arabic and Persian Loanwords and Russian Translations. Vols. 1–2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869–1871. X, 810, 3, 6, 415, [1] p. (In Tat., Turk., Russ., etc.)
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. XLVIII, 989 p. (In Turk. and Eng.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neopersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Vols. 1–4. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. XLVIII, 557, 671, 670, 640 p. (In Pers. and Germ.)
- Doerfer G., Knüppel M. Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2004. 932 p. (In Man. and Germ.)
- Engkebatu et al. Dagur Vocabulary. Mongol törölün kele ayalyun-u sudulul-un čuburil 005. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 1984. 13, 337 p. (In Dag. and Chin.)
- Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S., Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. F. D. Lessing (ed.). Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. XV, 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Jin Qicong. Jurchen Dictionary. Beijing: Cultural Relics Publ. House, 1984. 22, 300, 67, 21 p. (In Jur. and Chin.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vols. 1–3. Kazan: Imperial Kazan University, 1844–1849. XIII, 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 1–3. Bloomington, IN: The Mongolia Society, 1978–1984. 6, 816 p. (In Oir. and Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire ordos. 2nd ed. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XX, 951 p. (In Ord. and Fr.)
- Muniev B. D. Kalmuck-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) An Old Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII, 676 p. (In Turk.)
- Norman J., Dede K., Branner D. P. A Comprehensive Manchu-English Dictionary [Harvard-Yenching Institute Monograph Series 85]. Cambridge, MA; London: Harvard University Asia Center, 2013. XXVI, 418 p. (In Man. and Eng.)
- Pekarsky E. K. Yakut Dictionary. In 3 vols. Vols. 1–3. 3rd ed., rev. & suppl. St. Petersburg: Nauka, 2008. XCIV, 3865 p. (In Yak. and Russ.)
- Pozdneev A. Kalmuck-Russian Dictionary: An Appendix to the Russian-Language Textbook for Kalmyk Primary Schools. St. Petersburg: Impe-

- rial Academy of Sciences, 1911. IV, 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbeeov G. Ts. (ed.) A Large Mongolian-Russian Academic Dictionary. In 4 vols. Vols. 1–4. Moscow: Academia, 2001–2002. XXXII, 486, 507, 438, 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch [Lexica Societatis Fenno-Ugricæ 3]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. Neubearbeitung. Vol. 2: Nomina–Pronomina–Partikeln. Pt. 1: a – asvík. Stuttgart: Steiner, 2015. XXVI, 307 p. (In Uig. and Germ.)
- Sevortyan E. V. An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow: Nauka, 1978. 350 p. (In Turk. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. A Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vols. 1–2. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006–2008. 635, 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic Words and Phrases to Be Met with in Literature. 5th imp. London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963. VIII, 1539 p. (In Pers. and Eng.)
- Tsintsius V. I. (ed.) A Comparative Dictionary of the Tungusic Languages: Materials for an Etymological Dictionary. Vols. 1–2. Leningrad: Nauka, 1975–1977. XXX, [2], 672, 992 p. (In Man., Russ. etc.)
- Wilkens J. Handwörterbuch des Altuigurischen: Altuigurisch – Deutsch – Turkish = Eski Uygurcanın El Sözlüğü: Eski Uygurca – Almanca – Türkçe. Göttingen: Universitätsverlag, 2021. IX, [1], 929 p. (In Uig., Germ. and Turk.)
- Yudakhin K. K. A Kyrgyz-Russian Dictionary. Vols. 1–2. Frunze: Kirgizskaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1985. 504, 480 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Zakharov I. A Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1875. 2, XXX, 64, 1129, 6 p. (In Man. and Russ.)

Литература

- Бира 1978 — Бира III. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. 320 с.
- Владимиров 1929 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л.: Изд. ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929. XII, 437 с.
- Гедеева, Пюрбеев 2014 — Гедеева Д. Б., Пюрбеев Г. Ц. Военная лексика в языке калмыцких деловых документов XVII–XIX вв. // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтайстики: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 230–231.
- Дамдинсурэн 1974 — Дамдинсурэн Ц. Исторические достопримечательности трех уроцищ в Керулен Баин-Улане // Төв Азийн иргэшилд нүүдэлчдийн роль (Олон улсын симпозиумын хэрэглэгдэхүүн) = Роль кочевников в цивилизации Центральной Азии (сборник мат-лов и докладов международного симпозиума ЮНЕСКО) / эрхэлсэн: Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. Улаанбаатар: ШУА-ийн Хэвлэл, 1974. С. 105–109.
- Крадин, Скрынникова 2006 — Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 559 с.
- Левитская 2014 — Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 320 с.
- Певнов 2004 — Певнов А. М. Чтение чжурчжэньских письмен. СПб.: Наука, 2004. 498 с.
- Пюрбеев 2009 — Пюрбеев Г. Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха Джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российской государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста: Джангар, 2009. С. 283–285.
- Рона-Таш 1985 — Рона-Таш А. Языковое влияние Монгольской империи XIII–XIV вв. // Олон Улсын Монголч Эрдэмтний IV их хурал = Четвертый Международный Конгресс монголоведов / ред. проф. А. Лувсандэндэв.

- Т. 2. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1985. С. 547–555.
- Руднев 1911 — Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии (С рисунками и нотами в тексте). СПб.: Тип. Киршаума, 1911. XXXII, 258 с.
- Ярмаркина 2019 — Ярмаркина Г. М. Военная лексика в деловых документах хана Аюки и русских переводах 1714 г. // Монголоведение. 2019. № 4. С. 903–915. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-888-901
- Agyagási 2019 — Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics: An areal linguistic study, With an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. XI, [1], 333 p.
- Atwood 2004 — Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. x, 678 p.
- Bawden 1955 — Bawden Ch. The Mongol Chronicle Altan Tobči: Text, Translation and Critical Notes. *Göttinger Asiatische Forschungen* 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 1955. X, 205, [1] p.
- Cleaves 1948 — Cleaves F. W. The Expression *Dur-a Qočarulčaju* in the Letter of Öljeitü to Philippe le Bel // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1948. Vol. 11, No. 3/4. P. 441–455.
- Cleaves 1982 — Cleaves F. W. The Secret History of the Mongols, For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary. Vol. 1 (Translation). Cambridge, MA — London: Harvard University Press, 1982. lxv, [1], 277 p.
- Čenggeltei, Wu, Jiruhe 2017 — [Čenggeltei] *Qing-ge'ertai* 清格尔泰, Wu Yingzhe 吴英喆, Jiruhe 吉如何. Qidan xiaozi zai yanjiu 契丹小字再研究 (= Дополнительные исследования малого киданьского письма). Vol. 1–3. Huhehaote 呼和浩特: Nei Menggu daxue chubanshe 内蒙古大学出版社, 2017. [4], 8, 9, [3], 864, 2336, [1], 19 p.
- de Rachewiltz 1993–94 — Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols: Some Fundamental Problems // *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin*. 1993. No. 2 (12) / 1994. No. 1 (13). P. 3–10.
- de Rachewiltz 1995 — Rachewiltz I. de. Some Puzzling Words in *The Secret History of the Mongols* // *Mongolica: An International Annual of Mongol Studies*. 1995. Vol. 6 (27). P. 278–286.
- de Rachewiltz (trans.) 2006–2013 — The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / transl. with a Historical and Philological Commen-
- tary by I. de Rachewiltz. Vol. 1–3. Leiden; Boston: Brill, 2006–2013. cxxvii, 1349, xxiii, [1], 226 p.
- Doerfer 1992 — Doerfer G. Mongolica im Alttürkischen // Bruno Lewin zu Ehren: Festschrift aus Anlaß seines 65. Geburtstages. Bd. 3: Korea — Koreanistische und andere asienwissenschaftliche Beiträge / Hrsg. von M. Kuhl, W. Sasse [Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung 14]. Bochum: Brockmeyer, 1992. S. 39–56.
- Eldengetei, Oyundalai, Asaraltu 1991 — Eldengetei, Oyundalai, Asaraltu. «Mongyol-un niyuča töbčiyan»-u įarim üges-ün tayilburi (= Толкование некоторых слов из «Тайной истории монголов») / Ardajab, Sečengyou-a mongyolčilaba. Begejingga: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1991. 2, 566 p.
- Elverskog 2003 — Elverskog J. The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Brill's Inner Asian Library 8. Leiden; Boston: Brill, 2003. xii, 388 p.
- Erdal 1991 — Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. 1–2. *Turcologica* 7. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV, 874 p.
- Farquhar 1990 — Farquhar D. M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Münchener Ostasiatische Studien, 53. Stuttgart: Steiner, 1990. xviii, 594 p.
- Franke 1969 — Franke H. Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen im Liao-Reich // *Zentralasiatische Studien*. 1969. Bd. 3. S. 7–43.
- Godziński 1985 — Godziński S. Język średniomongolski: Slowotwórstwo. Odmiana wyrazów. Składnia. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1985. 271 s.
- Heissig 1959 — Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. T. 1: 16.–18. Jahrhundert. *Asiatische Forschungen* 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959. [8], 206, 111 S.
- Hsiao 1978 — Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. *Harvard East Asian Monographs* 4. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1978. vii, 314 p., map.
- Kane 1989 — Kane D. The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. *Uralic and Altaic Series* 153. Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989. xi, [1], 439 p.
- Kane 2006 — Kane D. Khitan and Jurchen // *Tumen jalafun jecen akū: Manchu Studies in Honour of Giovanny Stary* / ed. by A. Pozzi, J. A. Jan-

- hunen and M. Weiers [Tunguso-Sibirica 20]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 121–132.
- Kane 2009 — *Kane D.* The Kitan Language and Script. Handbook of Oriental Studies. Section 8: Central Asia 19. Leiden–Boston: Brill, 2009. xiv, 305 p.
- Kara 1990 — *Kara G. Zhiyuan yiyu: Index alphabétique des mots mongols* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. T. 44, fasc. 3. Pp. 279–344.
- Kara 1997 — *Kara G. Nomina-Verba Mongolica* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1997. T. 50, fasc. 1/3. P. 155–162.
- Kara 2001 — *Kara G. Late Mediaeval Turkic Elements in Mongolian* // De Dunhuang à Istanbul: Hommage à J. R. Hamilton / prés. par L. Bazin, P. Zieme. Silk Road Studies 5. Turnhout: Brepols, 2001. P. 73–119.
- Kara 2005 — *Kara G. Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian*. First English Edition. Translated from the Russian by J. R. Krueger. Indiana University Uralic and Altaic Series 171. Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 2005. x, 331 p., XXX–VIII pl.
- Kempf 2013 — *Kempf B. Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols*. *Turcologica* 95. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p.
- Kiyose 1977 — *Kiyose G. A Study of the Jurchen Language and Script: Reconstruction and Decipherment*. Kyoto: Hōritsubunka-sha, 1977. 260 p.
- Kollmar-Paulenz 2001 — *Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur: Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert*. Asiatische Forschungen 142. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. XVI, 390 S.
- Ligeti 1955 — *Ligeti L. [Rev. on] L. Hambis, Le chapitre CVIII du Yuan che: Les fiefs attribués aux membres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'après l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole*. Avec 15 tableaux dont 7 hors-texte. Tome I, pp. XV, 191. T'oung Pao, Monographie III. Leiden 1954, E. J. Brill // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1955. T. 5, fasc. 3. P. 315–323.
- Ligeti 1959 — *Ligeti L. Les mots solons dans un ouvrage chinois des Ts'ing* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1959. T. 9, fasc. 3. P. 231–272.
- Ligeti 1964 — *Ligeti L. Les fragments du Subhāśitaratnanidhi mongol en écriture 'phags-pa: Le mongol préclassique et le moyen mongol* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. T. 17, fasc. 3. P. 239–292.
- Ligeti 1972 — *Ligeti L. Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Monumenta linguae mongolicae collecta 2*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. 294 p.
- Ligeti 1974 — *Ligeti L. Histoire secrète des Mongols: Texte en écriture ouigoure, incorporé dans la Chronique Altan tobči de Blo-bzañ bstan'-jin. Monumenta linguae mongolicae collecta 6*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 201 p.
- Mostaert 1952 — *Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15, No. 3/4. P. 285–404.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden. Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics* 289. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.
- Pelliot 1930 — *Pelliot P. Les mots mongols dans le Koryo sā* // *Journal Asiatique*. 1930. T. 217. P. 253–266.
- Pelliot 1943 — *Pelliot P. Une tribu méconnue des Naiman: les Bätäkin* // *T'oung Pao. Second Series*. 1943. Vol. 37, livr. 2. P. 35–72.
- Pelliot, Hambis (trans.) 1951 — *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou* / trad. et annoté par P. Pelliot et L. Hambis. T. 1. Leiden: Brill, 1951. XXVIII, 485 p.
- Poppe 1955 — *Poppe N. The Turkic Loan Words in Middle Mongolian* // *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. 1, No. 1. P. 36–42.
- Poppe 1967 — *Poppe N. On Some Military Terms in the Yuan-ch'ao pi-shih* // *Monumenta Serica*. 1967. Vol. 26. P. 506–517.
- Poppe 1974 — *Poppe N. Grammar of Written Mongolian*. 3rd printing. Porta Linguarum Orientarium: Neue Serie 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. XV, 195 p.
- Poppe 1975 — *Poppe N. Altaic Linguistics — An Overview* // Гэнго-но қагаку 言語の科学 (=Лингвистические науки). 1975. T. 6. C. 130–186.
- Ratchnevsky 1937 — *Ratchnevsky P. Un code des Yuan*. T. 1. Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises 4. Paris: Leroux, 1937. xcix, 348 p.

- Róna-Tas, Berta 2011 — *Róna-Tas A., Berta Á, with the assistance of L. Károly*. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Pt. 1–2. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. X, 1494 p.
- Rybatzki 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Publications of the Institute for Asian and African Studies 8. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxvi, 841 s.
- Rybatzki 2011 — *Rybatzki V.* Classification of Old Turkic loanwords in Mongolic // *Ötüken’den İstanbul’'a: Türkçenin 1290 Yılı (720—2010): 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler = From Ötüken to Istanbul: 1290 Years of Turkish (720—2010): 3rd—5th December 2010, Istanbul: Papers / ed. by M. Ölmez et al.* İstanbul: Büyükşehir Belediyesi, 2011. Pp. 185–202.
- Shimunek 2017 — *Shimunek A.* Languages of Ancient Southern Mongolia and North China: A Historical-Comparative Study of the Serbi-Mongolic Language Family, with an Analysis of Northeastern Frontier Chinese and Old Tibetan Phonology. *Tunguso-Sibirica* 40. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. xlix, I, 519, [1] p.
- Shiraishi 2009 — *Shiraishi N.* Searching for Genghis: Excavations of the Ruins at Avraga // *Genghis Khan and the Mongol Empire* / ed. by W. W. Fitzhugh, M. Rossabi, and W. Honneychurch. Santa Barbara, CA: Perpetua Press, 2009. Pp. 132–135.
- Shiraishi, Tsogtbaatar 2009 — *Shiraishi N., Tsogtbaatar B.* A Preliminary Report on the Japanese-Mongolian Joint Archeological Excavation at Avraga Site: The Great Ordu of Chinggis Khan // *Current Archeological Research in Mongolia: Papers from the First International Conference on “Archeological Research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007* / ed. by J. Bergmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn Contributions to Asian Archeology 4. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. Pp. 549–562.
- Svantesson et al. 2005 — *Svantesson J.-O., Tsendin A., Karlsson A., Franzén V.* The Phonology of Mongolian. The Phonology of the World’s Languages. New York: Oxford University Press, 2005. XIX, 314 p.
- Weiers 1975 — *Weiers M.* Schriftliche Quellen in Mögoli. 2. Teil: Bearbeitung der Texte. Abhandlungen der Reinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 59: Materialien zur Sprache und Literatur der Mongolen von Afghanistan 3. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975. 175 s.
- Wu, Janhunen 2010 — *Wu Yingzhe, Janhunen J.* New Materials on the Khitan Small Script: A Critical Edition of *Xiao Dilu* and *Yelü Xian-gwen*. Languages of Asia 9: Corpus Scriptorum Chitanorum 1. Folkestone: Global Oriental, 2010. 384 p.

References

- Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics: An Areal Linguistic Study, With an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. XI, [1], 333 p. (In Eng.)
- Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. X, 678 p. (In Eng.)
- Bawden Ch. The Mongol Chronicle Altan Tobči: Text, Translation and Critical Notes. Göttinger Asiatische Forschungen 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 1955. X, 205, [1] p. (In Mong. and Eng.)
- Bira Sh. Mongolian Historiography: 13th to 17th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 320 p. (In Russ.)
- Cleaves F. W. The expression *dur-a qočarulčajú* in the letter of Öljeitü to Philippe le Bel. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1948. Vol. 11. No. 3/4. Pp. 441–455. (In Eng.)
- Cleaves F. W. The Secret History of the Mongols, For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary. Vol. 1 (Translation). Cambridge, MA — London: Harvard University Press, 1982. LXV, [1], 277 p. (In Eng.)
- Čenggeltei, Wu Yingzhe, Jiruhe. Further Research on the Khitan Small Script. Vols. 1–3. Hohhot: Inner Mongolia University, 2017. [4], 8, 9, [3], 864, 2336, [1], 19 p. (In Chin.)
- Čenggeltei, Wu Yingzhe, Jiruhe. Further Research on the Khitan Small Script. Vols. 1–3. Hohhot: Inner Mongolia University, 2017. [4], 8, 9, [3], 864, 2336, [1], 19 p. (In Chin.)
- Damdinsuren Ts. Historical sites [to be seen] across three localities of Kherlen Bayan-Uul. In: Bira Sh., Luvsandendev A. (eds.) Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. UNESCO symposium proceedings. Ulaanbaatar: Mongolian

- Academy of Sciences, 1974. Pp. 105–109. (In Russ.)
- Doerfer G. Mongolica im Alttürkischen. In: Kuhl M., Sasse W. (eds.) Bruno Lewin zu Ehren: Festschrift aus Anlaß seines 65. Geburtstages. Vol. 3: Korea — Koreanistische und andere asienwissenschaftliche Beiträge. Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung 14. Bochum: Brockmeyer, 1992. Pp. 39–56. (In Germ.)
- Eldengtei, Oyundalai, Asaraltu. The Secret History of the Mongols: Some Lexemes Explained. Beijing: People's Publ. House, 1991. 2, 566 p. (In Mong.)
- Elverskog J. The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Brill's Inner Asian Library 8. Leiden; Boston: Brill, 2003. XII, 388 p. (In Eng.)
- Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vols. 1–2. Turcologica 7. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV, 874 p. (In Eng.)
- Farquhar D. M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Münchener Ostasiatische Studien 53. Stuttgart: Steiner, 1990. XVIII, 594 p. (In Eng.)
- Franke H. Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen im Liao-Reich. *Zentralasiatische Studien*. 1969. Vol. 3. Pp. 7–43. (In Germ.)
- Gedeeva D. B., Pyurbeev G. Ts. Military vocabulary of Kalmyk official documents: 17th – 19th centuries. In: Current Issues of Contemporary Mongolian and Altaic Studies. Jubilee [Prof. V. I. Rassadin] conference proceedings (Elista, 10–13 November 2014). Elista: Kalmyk State University, 2014. Pp. 230–231. (In Russ.)
- Godziński S. Middle Mongolian: Word Formation, Inflection, Syntax. Warsaw: University of Warsaw, 1985. 271 p. (In Pol.)
- Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Vol. 1: 16.–18. Jahrhundert. Asiatische Forschungen 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959. [8], 206, 111 p. (In Germ.)
- Histoire des campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou. P. Pelliot, L. Hambis (transl., comment.). Vol. 1. Leiden: Brill, 1951. XXVIII, 485 p. (In Fr. and Chin.)
- Hsiao C. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Harvard East Asian Monographs 4. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1978. VII, 314 p. (In Eng.)
- Kane D. Khitan and Jurchen. In: Pozzi A., Janhunen J. A., Weiers M. (eds.) Tumen jalafun jecen akū: Manchu Studies in Honour of Giovanny Stary. Tunguso-Sibirica 20. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. Pp. 121–132. (In Eng.)
- Kane D. The Kitan Language and Script [Handbook of Oriental Studies. Section 8: Central Asia 19]. Leiden–Boston: Brill, 2009. XIV, 305 p. (In Eng.)
- Kane D. The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. Uralic and Altaic Series 153. Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989. XI, [1], 439 p. (In Chin., Jur. and Eng.)
- Kara G. Zhiyuan yiyu: Index alphabétique des mots mongols. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. 44. No. 3. Pp. 279–344. (In Fr.)
- Kara G. Nomina-verba Mongolica. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1997. Vol. 50. No. 1/3. Pp. 155–162. (In Eng.)
- Kara G. Late mediaeval Turkic elements in Mongolian. In: Bazin L., Zieme P. (eds.) De Dunhuang à Istanbul: Hommage à J. R. Hamilton. Silk Road Studies 5. Turnhout: Brepols, 2001. Pp. 73–119. (In Eng.)
- Kara G. Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian. 1st English edition. J. R. Krueger (Russian-to-English transl.). Indiana University Uralic and Altaic Series 171. Bloomington, IN: Indiana University (Research Institute for Inner Asian Studies), 2005. X, 331 p., XXXVIII pl. (In Eng.)
- Kempf B. Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols. Turcologica 95. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p. (In Eng.)
- Kiyose G. A Study of the Jurchen Language and Script: Reconstruction and Decipherment. Kyoto: Hōritsubunka-sha, 1977. 260 p. (In Eng.)
- Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur: Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religions-politischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Asiatische Forschungen 142. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. XVI, 390 p. (In Germ.)
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D. The Empire of Genghis Khan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 559 p. (In Russ.)
- Levitskaya L. S. Chuvash Historical Phonetics. Cheboksary: Chuvash Humanities Research Institute, 2014. 320 p. (In Russ.)
- Ligeti L. [Rev. on] L. Hambis, Le chapitre CVIII du Yuan che: Les fiefs attribués aux mem-

- bres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'après l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Avec 15 tableaux dont 7 hors-texte. Tome I, pp. XV, 191. *T'oung Pao*, Monographie III. Leiden 1954, E. J. Brill. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1955. Vol. 5. No. 3. Pp. 315–323. (In Fr.)
- Ligeti L. Histoire secrète des Mongols: Texte en écriture ouigoure, incorporé dans la Chronique Altan tobči de Blo-bzañ bstan-'jin. *Monumenta linguae mongolicae collecta* 6. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 201 p. (In Fr. and Mong.)
- Ligeti L. Les fragments du Subhāśitaratnanidhi mongol en écriture 'phags-pa: Le mongol préclassique et le moyen mongol. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. Vol. 17. No. 3. Pp. 239–292. (In Fr. and Mong.)
- Ligeti L. Les mots solons dans un ouvrage chinois des Ts'ing. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1959. Vol. 9. No. 3. Pp. 231–272. (In Fr.)
- Ligeti L. Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. *Monumenta linguae mongolicae collecta* 2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. 294 p. (In Fr. and Mong.)
- Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15. No. 3/4. Pp. 285–404. (In Fr.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden. Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics 289. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Dutch)
- Pelliot P. Les mots mongols dans le Koryo sā. *Journal Asiatique*. 1930. Vol. 217. Pp. 253–266. (In Fr.)
- Pelliot P. Une tribu méconnue des Naiman: les Bätäkin. *T'oung Pao. Second Series*. 1943. Vol. 37. No. 2. Pp. 35–72. (In Fr.)
- Pevnov A. M. Reading Jurchen Script. St. Petersburg: Nauka, 2004. 498 p. (In Russ.)
- Poppe N. Altaic linguistics — An overview. *Gen-go-no kagaku*. 1975. Vol. 6. Pp. 130–186. (In Eng.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 3rd ed. [Porta Linguarum Orientalium: Neue Serie 1]. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. XV, 195 p. (In Eng.)
- Poppe N. On some military terms in the Yüan-ch'ao pi-shih. *Monumenta Serica*. 1967. Vol. 26. Pp. 506–517. (In Eng.)
- Poppe N. The Turkic loan words in Middle Mongolian. *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. 1. No. 1. Pp. 36–42. (In Eng.)
- Pyurbeeve G. Ts. Ikh Tsaaaz and Khalkha Jirum: Military terms in the Oirat-Mongolian codes of laws. In: United Kalmykia in United Russia — Through Centuries into the Future. Jubilee conference proceedings (Elista, 13–18 September 2009). Pt. 2. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Rachewiltz I. de. Some puzzling words in The Secret History of the Mongols. *Mongolica: An International Annual of Mongol Studies*. 1995. Vol. 6 (27). Pp. 278–286. (In Eng.)
- Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols: Some fundamental problems. *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin*. 1993. No. 2 (12) / 1994. No. 1 (13). Pp. 3–10. (In Eng.)
- Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 1. Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises 4. Paris: Leroux, 1937. XCIX, 348 p. (In Fr. and Chin.)
- Róna-Tas A., Berta Á, Károly L. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Pt. 1–2. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. X, 1494 p. (In Eng.)
- Róna-Tas A. Language impacts of the Mongol Empire: 13th – 14th Centuries. In: Luvsandendev A. (ed.) Fourth International Congress of Mongolists. Vol. 2. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1985. Pp. 547–555. (In Russ.)
- Rudnev A. D. Materials on Dialects of Eastern Mongolia (Supplemented with Drawings and In-Text Notes). St. Petersburg: Kirschbaum, 1911. XXXII, 258 p. (In Russ.)
- Rybatzki V. Classification of Old Turkic loanwords in Mongolic. In: Ölmez M. et al. (eds.) From Ötüken to Istanbul: 1290 Years of Turkish (720–2010). Conference proceedings (Istanbul, 3–5 December 2010). İstanbul: Büyükköşür Belediyesi, 2011. Pp. 185–202. (In Eng.)
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Publications of the Institute for Asian and African Studies 8. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. XXXVI, 841 p. (In Germ.)
- Shimunek A. Languages of Ancient Southern Mongolia and North China: A Historical-Comparative Study of the Serbi-Mongolic Language Family, with an Analysis of Northeastern Fron-

- tier Chinese and Old Tibetan Phonology. *Tunguso-Sibirica* 40. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. XLIX, 1, 519, [1] p. (In Eng. and Chin.)
- Shiraishi N. Searching for Genghis: Excavations of the ruins at Avraga. In: Fitzhugh W. W., Rossabi M., Honeychurch W. (eds.) *Genghis Khan and the Mongol Empire*. Santa Barbara, CA: Perpetua Press, 2009. Pp. 132–135. (In Eng.)
- Shiraishi N., Tsogtbaatar B. A preliminary report on the Japanese-Mongolian Joint Archeological Excavation at Avraga site: The Great Ordu of Chinggis Khan. In: Bergmann J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.) *Current Archeological Research in Mongolia. Conference proceedings (Ulaanbaatar, 19–23 August 2007)*. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archeology 4. Bonn: University of Bonn, 2009. Pp. 549–562. (In Eng.)
- Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. *The Phonology of Mongolian*. New York: Oxford University Press, 2005. XIX, 314 p. (In Eng.)
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. de Rachewiltz I. (transl., comment.). Vols. 1–3. Leiden; Boston: Brill, 2006–2013. CXXVII, 1349, XXIII, [1], 226 p. (In Eng.)
- Vladimirsov B. Ya. *A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics*. Leningrad: Yenukidze Leningrad Oriental Institute, 1929. XII, 437 p. (In Russ.)
- Weiers M. *Schriftliche Quellen in Mögöli. Part 2: Bearbeitung der Texte. Abhandlungen der Reinischt-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 59: Materialien zur Sprache und Literatur der Mongolen von Afghanistan 3*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975. 175 p. (In Germ. and Mong.)
- Wu Yingzhe, Janhunen J. *New Materials on the Khitan Small Script: A Critical Edition of Xiao Dilu and Yelü Xiangwen*. Languages of Asia 9: Corpus Scriptorum Chitanorum 1. Folkestone: Global Oriental, 2010. 384 p. (In Eng.)
- Yarmarkina G. M. Military terminology in official letters of Khan Ayuka and 1714 Russian translations. *Mongolian Studies*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 903–915. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 193–210, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.23

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Мотивированность языка как проявление тенденциозности когниции (на примере знаков для номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский- китайский»)

Тао Цзинь¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-1949-8817. E-mail: tszin_t[at]pfur.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цзинь Т., 2023

Аннотация. Введение. В статье выявляется логическая уязвимость суждения «язык по-разному категоризирует мир» и рассматривается существующее представление о мотивированности языка как доказательство неразделимости познающего, познаваемого и познанного. Цель исследования. Исходя из того, что общим началом познания для различных языковых коллективов является не некий объективный внешний мир и не внутренний мир человека, а наличие присущей всему человечеству когнитивной способности, выдвигается и проверяется гипотеза о когнитивной тенденциозности как предопределяющем факторе языковой категоризации и межязыковой неполноэквивалентности. Материалы и методы. Проведен сопоставительный анализ ряда ситуаций, к которым применимы знаки-номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский-китайский». Основной метод исследования — дедукция. Результаты. Неэквивалентность рассматриваемых знаков из двух языков предопределена тем, что для русского языка характерна стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО, концентрирующегося непосредственно на динамике своего движения. Значимыми становятся признаки, связанные с предварительной оценкой изначального взаиморасположения объектов и подбором соответствующего направления действия. В китайском языке преобладает стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО, который включает себя в систему координат и проявляет гораздо больше интереса к тому, где окажется депозиционируемое по отношению к себе. Две стратегии могут не противоречить друг другу, а могут быть и несовместимыми. Соответственно, присутствуют как зона условной эквивалентности, так и зона лакунарности у рассматриваемых нами знаков. Выводы. Доказано, что язык категоризирует не независимый от человека мир, а опыт человека при взаимодействии со средой. Тенденциозность когниции неизбежна, ибо в момент взаимодействия со средой человек в обязательном порядке выполняет определенную роль.

Осознание признаков, лежащих в основе языковой категоризации, зависит от роли человека в данном взаимодействии.

Ключевые слова: когниция, мир, язык, категоризация, мотивированность, предопределенность, внимание

Благодарность. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Цзинь Т. Мотивированность языка как проявление тенденциозности когниции (на примере знаков для номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский-китайский») // Oriental Studies. 2023 Т. 16. № 1. С. 193–210. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Language Motivation as a Manifestation of Biased Cognition: Analyzing Signs Denoting a Result of an Object's Position Shift in Russian and Chinese

Tao Tszin¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc (Philology), Associate Professor

 0000-0003-1949-8817. E-mail: tszin_t[at]pfur.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tszin T., 2023

Abstract. *Introduction.* The article demonstrates the logical vulnerability of the opinion that ‘language categorizes the world in different ways’, and considers the existing idea of language motivation as interrelation and interdependence of various phenomena — and as proof of inseparability of the cognizer, what can/is to be cognized, and what has been cognized. *Goals.* Based on the fact that the common beginning of cognition for various linguistic collectives is neither some objective external world nor the inner world of a person, but rather the presence of the cognitive ability inherent in all humankind, the work articulates and tests a hypothesis that cognitive bias be a predetermining factor of linguistic categorization and incomplete interlanguage equivalence. *Materials and methods.* The paper provides comparative insights into groups of situations involving the use of signs denoting a result of an object's position shift in Russian and Chinese. The main research method is deduction. *Results.* The non-equivalence of the considered signs from the two languages is predetermined by that Russian is characterized by the strategy of a person who ACTS and concentrates directly on the dynamics of his/her movement. The signs associated with the preliminary assessment of the initial arrangement of objects and the selection of an appropriate direction of movement become significant. Chinese is dominated by the strategy of a person who OBSERVES, which includes the latter's own position in the coordinate system and shows much more interest in the relocated object's position to the subject proper. The two strategies can be sometimes compatible and sometimes contradictory. Accordingly, there is both a zone of conditional equivalence and a zone of lacunarity for the examined signs. *Conclusions.* The paper shows that language categorizes no world independent of a person but rather — the person's experience from interacting with the environment. And since at the moment of interaction with the environment a person necessarily performs a certain role, cognitive bias proves inevitable. Awareness of the features underlying linguistic categorization depends on the role of the individual in this interaction.

Keywords: cognition, world, language, categorization, motivation, predetermination, attention

Acknowledgements. The publication was supported by Strategic Academic Leadership Program of the Peoples' Friendship University of Russia.

For citation: Tszin T. Language Motivation as a Manifestation of Biased Cognition: Analyzing Signs Denoting a Result of an Object's Position Shift in Russian and Chinese. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 193–210. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Введение

Стремление к выявлению причинно-следственных связей лежит в основе научного познания, и неудивительно, что проблема мотивированности языка волновала умы ученых еще с древних времен. Возрастание интереса к этой проблематике — вполне закономерная тенденция в последние десятилетия, когда лингвисты заявили целью исследования языка объяснение языковых явлений, а не только их описание и систематизацию. Утверждается необходимость «фундаментальной гипотезы» о функциональной мотивированности языка [Кибrik 2005: 32–33], и язык стал рассматриваться лингвистами как «единственно надежный доступ к сознанию человека» [Болдырев 2019: 26].

Огромное количество работ по этому направлению посвящается сопоставительному анализу материалов из разных языков. Накопилось множество языковых фактов, которые интерпретируются на сегодняшний день большинством исследователей как свидетельства о том, что «мир» получает разную презентацию в разных языках или язык по-разному категоризирует «мир» [Интерпретация мира 2017]. Однако есть смысл сначала разобраться, что понимается под словом «мир».

Часть таких фактов подробно рассматривается в традициях семантической типологии. «Мир» в этом случае, скорее, подразумевает содержательную сторону языковых знаков. Исследователи, как правило, выбирают определенную семантическую область (зону) и сравнивают, какие знаки существуют в разных языках для представления данной области. Выясняется, что количество этих знаков может существенно отличаться. Естественным выводом становится суждение о том, что одни языки более дробно членят эту семантическую зону, а другие — менее. Например, в результате уникального лексико-типологического эксперимента, сопоставляющего лексику движения в воде более чем в 30 языках мира были описаны «бедные», «богатые» и «средние» системы, в которых количество знаков, представляющих «плавание», варьируется от одного базового глагола до

четырех, а в особо богатой системе даже сложно оценить максимальное число глаголов плавания: оно может быть и неограниченно за счет продуктивного глагольного словообразования [Майсак, Рахилина 2007: 28–29].

Однако дело не столько в количестве, т. е. в степени дробности членения семантической зоны, сколько в «качестве»: эквивалентность между знаками из разных языков, относящимися к одной и той же семантической зоне, весьма условна, а неполноэквивалентность и даже безэквивалентность (лакунарность) распространены повсеместно, о чем свидетельствуют результаты множества работ по сопоставлению материалов из разных языков [Перфильева 2016; Ахмад, Балуян 2017; Алексеева 2020; и др.]. Справедливо замечание о том, что «семантические системы разных языков находятся между собой в отношении взаимной дополнительности. Там, где в одном языке лакуна, в другом — конкретное обозначение, и наоборот» [Кузнецов 2011: 21].

Надо признать, что выделение семантической зоны для осуществления сопоставительного анализа оправдано методологической установкой и необходимостью, но «мир» как информация, извлекаемая из каждого языка, по-своему уникален, несмотря на безусловное наличие совпадающих областей в этих «мирах».

Другое понимание «мира» подчеркивает его «действительность» и «объективность» в противовес «эфирности» и «субъективности» сознания человека. Такое понимание базируется на классическом реализме и вытекающем из него противопоставлении субъекта и объекта (познающего и познаваемого, когнитивного агента и среды). «Мир» в этом случае подразумевает внешне расположенный по отношению к человеку реальный предметный мир с объективными связями, существующими у объектов с другими объектами реальности. Существует некий внутренний концептуальный мир как целостное представление внешнего предметного мира, и отдельно существует язык как система языковых знаков и правил их соединения [Кошелев 2008: 15–16].

Для объяснения фактов языковой неполноэквивалентности / безэквивалентности понадобилось внесение в эту треугольную композицию еще одного фактора — фактора «культура». Дело в том, что если одна сторона в данной треугольной композиции — язык — демонстрирует нам национальную специфику, то причинность нужно искать либо в самой действительности (внешнем мире), либо в человеке (его внутреннем мире). Говоря о «национально-культурной специфике картины мира» [Селезнева 2014; Фернандес Санчес 2016; Вахитова 2018; и др.], лингвисты на самом деле утверждают, что каждый естественный язык соотносится со своим миром, а человек, говорящий на этом языке, видит мир таким, каким ему позволяет увидеть его язык.

Таким образом, факты говорят о том, что не существует единого мира для всех языков ни в смысле «содержательной стороны» языка, ни в смысле «объективного внешнего мира», ни в смысле «внутреннего концептуального мира». Это означает, что суждение «язык по-разному категоризирует мир» таит в себе логическую уязвимость, и эта уязвимость напрямую влияет на его объяснительную силу касательно «мотивированности» языка.

Е. Е. Хазимуллина, проанализировав, как понимался термин «мотивированность» различными исследователями, резюмирует, что при всех нюансах существующих трактовок очевидно их сходство — «мотивированность языка» трактуется как взаимообусловленность различными внешними и внутренними факторами: «К важнейшим, трактуемым как мотивационные, современные исследователи относят взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой» [Хазимуллина 2015: 151].

Трактовка «мотивированности» как взаимосвязи или взаимообусловленности по сути является компромиссным решением в пока безуспешных попытках разобраться в клубке «мир — человек — мышление — язык — культура». Но такая трактовка вряд ли может претендовать на «фундаментальную гипотезу» о мотивированности языка, поскольку она фактически лишь означает,

что человек «видит» мир определенным образом потому, что он носитель своего языка и своей культуры. В теоретическом плане рассмотрение взаимосвязанности и взаимообусловленности разных феноменов не может привести к построению цепочки причинно-следственных связей, поскольку ни один из рассматриваемых факторов не является предопределяющим для остальных, а практическая польза от такого подхода тоже вызывает сомнение. Дело в том, что для человека «мотивированность» функционирования родного языка, как правило, не требует объяснения, ему попросту не дано другое видение. Осознание «мотивированности» становится для нас актуальным при освоении чужого языка, и реально нам поможет все же объяснение, почему и каким образом носитель другого языка «видит» другой мир, а не суждение о другой культуре или другом менталитете.

То, что исследование языка приводит нас к убеждению в существовании взаимосвязанности и взаимообусловленности разных феноменов, говорит в пользу корреляционизма, в основе которого лежит «идея, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [Харман 2020: 11]. Мы заперты в корреляции «человек — мир» и можем лишь только описывать универсальные условия субъективности, не будучи при этом способными объяснить, почему условия таковы, каковы они есть [Харман 2020: 12].

Проблема в том, что миф о существовании некоего общего мира как объекта познания для всего человечества создает эпистемологическую ловушку, не позволяющую нам приблизиться к универсальным условиям субъективности через анализируемые языковые материалы. Об этом писал еще А. А. Леонтьев: «...изображать язык (в традиционно лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру, — это значит попадать в порочный круг» [Леонтьев 2001: 114].

Итак, построение цепочки причинно-следственных связей требует возврата к пониманию «мотивированности» как «предопределенности». Для этого необходимо сначала определить, что может быть

рассмотрено в статусе «общего» для носителей разных языков и культур. Можем с достаточной уверенностью говорить лишь о том, что они обладают теми когнитивными способностями, которые и делают их людьми. Нет сомнения и в том, что когниция человека работает за счет сочетания его тела и мозга. Импульсы, получаемые от органов чувств, обрабатываются мозгом. Все, что мы способны осознавать, есть результат данной обработки, а **не есть** то, что в принципе может существовать и без человека. Осознанное автоматически становится для нас «реальным», а когда это осознанное получает свою номинацию, появляется и возможность судить о его «истинности / ложности», «действительности / мифичности». Для нас «осознанное» и есть «мир». Исходя из этого, деление «мира» на внешний и внутренний теряет смысл, и правомерно говорить не о категоризации какого-то независимого от человека объективного «мира», а о категоризации «опыта»¹.

Если мы согласимся с тем, что когниция человека работает за счет сочетания его тела и мозга, то гипотетически можно выделить факторы, определяющие различие в категоризации «опыта».

Во-первых, это физиологический фактор, определяющий различия в степени чувствительности рецепторов. Во-вторых, это фактор среды, т. е. климатические, географические, исторические и прочие условия проживания языковых коллективов определяющие различия в их образе жизни, в ведении хозяйства. От этих двух факторов зависит «одинаковость» поступающих от органов чувств сигналов для людей-носителей разных языков и культур.

То, что индивидуальное различие в степени чувствительности рецепторов может значительно влиять на языковые категории, вызывает скептицизм, поскольку языковые категории являются все же коллективными «договоренностями». Скорее, эти два фактора работают в связке. Чем важнее некий опыт в определенной среде, тем более «чувствими» будут к нему представители соответствующей культуры, и как результат — опыт получает более дифференциированную

языковую фиксацию². Для нас гораздо интереснее случаи, когда влияние этих двух факторов мы можем с уверенностью исключить, т. е. когда один и тот же опыт по отношению к одним и тем же объектам, совершаемый представителями разных языков практически одинаковым способом и имеющий для них равную значимость, распознается (именуется) ими по-разному. В этом случае логично предполагать, что решающую роль играет чисто когнитивный фактор, полагающий наличие «некой свободы» у мозга: при одинаковых поступающих от органов чувств импульсов наш мозг в принципе может позволить нам осознавать «разное». Иными словами, человеческая когниция изначально работает «тенденциозно». Анализ соответствующих языковых материалов, вероятно, откроет нам доступ к причине этой «тенденциозности»³.

К подобного рода опыту можно отнести широкий спектр действий, направленных на изменение месторасположения объекта / объектов. В рамках настоящей статьи мы фокусируемся на языковых знаках для распознавания результата депозионирования объекта / объектов⁴ из русского и

² Так, например, упомянутый нами лексико-типологический эксперимент по лексике движения в воде выявил наиболее «богатую систему» в индонезийском языке, что неудивительно, учитывая исключительную важность мореплавания для данного народа.

³ В нашем понимании причины данной «тенденциозности» есть названные философами «универсальные условия субъективности» [Харман 2020: 12].

⁴ Мы разделяем такого рода действия на два вида — позиционирование и депозионирование. Для человека, судя по наличию соответствующих языковых средств, достаточно существенным оказывается различие между такими представлениями: «что-то окажется на каком-то месте» и «что-то больше не находится на каком-то месте». Конечно, немало случаев, когда позиционированию предшествует депозионирование или же депозионирование подразумевает, что объект окажется на другом месте. В нашей работе рассматривается как депозионирование объекта / объектов в «чистом» виде, когда результат интерпретируется как «что-то после действия больше не находится на каком-то месте», так и депозионирование, подразумевающее последующее появление объекта / объектов на каком-то новом месте.

¹ Мы полагаем, что когниция не способна создавать что-то из ничего, т. е. любой «человеческий» концепт рождается из «опыта».

китайского языков. Цель исследования — выявить когнитивный фактор, приводящий к неполноэквивалентности данных знаков и предопределяющий их применяемость к определенному кругу ситуаций депозиционирования объектов.

Материалы исследования и методы

Депозиционирование объекта продиктовано намерением человека изменить его местоположение, которое определяется человеком с применением определенной системы координат. Рассматриваемые нами два языка сходятся в том, что опыт депозиционирования объекта может быть зафиксирован двумя компонентами: первый — само действие, подразумевающее манипуляцию над объектом; второй — результативность данного действия, фиксирующая понимание, как изменится местоположение объекта по завершении манипуляции. Традиционно языковая фиксация первого компонента определяется как самостоятельный глагол (для обоих языков) или основа приставочных глаголов (для русского языка), а второй компонент — дополнительная частица к глаголу (используются разные термины для их обозначения: «префикс», «приставка» для русского языка, «дополнительный элемент», «комплемент» — для китайского). Хотя, если исходить из категоризации опыта, то именно так называемая дополнительная частица обладает большим категориальным потенциалом. Такой вывод очевиден по простой причине, ибо количество этих частиц несравненно меньше глаголов, обозначающих действие над объектом.

В рамках настоящей работы мы, главным образом, сосредоточимся на рассмотрении категоризации опыта депозиционирования объекта языковыми знаками, связанными с представлением о «ВНИЗ». В русском языке это приставка *с-*, а в китайском языке, на первый взгляд, используется более дифференцированный подход, что отражается в наличии двух частотных в употреблении знаков *下* (xia) и *掉* (diao) и менее частотного знака *倒* (dao).

Основные методы исследования — сравнительный анализ и дедукция, применяется также метод опроса информантов. Используются словари, справочники и ма-

териалы корпусов русского и китайского языков¹. Поставлены две задачи: 1) сравнивая интересующие нас знаки с другими знаками, используемыми в обоих языках для обозначения результата депозиционирования, выделить ограничительные признаки, не позволяющие носителям двух языков строить корреляцию между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ», тем самым ответить на вопрос, почему часть ситуаций депозиционирования, распознаваемых в русском языке как *с-действие*, не распознается носителями китайского языка как действия с результатом, обозначаемым с помощью перечисленных выше трех знаков и наоборот; 2) объяснить неполноэквивалентность *с-* и *下* (xia) /*掉* (diao) как естественное проявление разных когнитивных стратегий, предопределяющих значимость тех или иных признаков. В заключение мы попытаемся обосновать наш взгляд на мотивированность языка как проявление когнитивной тенденциозности.

Вариативность представления о «ВНИЗ»

Корреляция между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» в русском языке

Исследователи семантики приставок единодушны в том, что возникновение семы «удаление» у приставки *с-* связано с ее основным пространственным значением, которое определяется как «направление сверху вниз» [Волохина, Попова 1993: 63]. Действительно, когда акцентируется внимание на том, что исходное место и конечное место расположения депозиционируемого объективно находятся на разной высоте, применение *с-действия* становится необходимым: *сгрузить что-то с машины*. Но можно ли назвать данный признак главным мотивирующим фактором распознавания опыта как *с-действие*? Наш ответ на этот вопрос — отрицательный.

В русском языке для обозначения результата депозиционирования объектов, наряду с *с-*, применяется целый ряд других приставок, не связанных с представлением о движении «ВНИЗ». В первую очередь

¹ Перечень словарей и корпусов см. в разделе «Источники».

это *от-* (отвинтить, открутить, отделить, отклеить, отлепить, отлипать) и *у-* (убрать, удалить), а также *вы-* (выкрутить, вывинтить)¹. К ситуациям, когда депозиционируемое покрывает некий объект, применяются *по-*, например, *почистить* (*почистить яблоко от кожуры*, *почистить яйцо от скорлупы*, *почистить что-то от грязи*), и *о-/об* (*обрить*, *обстричь*, *очистить*), причем, *очистить* либо подчеркивает «полностью» удалить что-то (например, грязь) со всей поверхности, либо удалить то, что содержится в «очищаемом» объекте:

Порезать помидоры на половинки и очистить от семян [НКРЯ. Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня, 2000–2005].

Различия между ситуациями депозиционирования, к которым применимы разные приставки, зачастую являются достаточно критичными для носителей русского языка, т. е. некий опыт депозиционирования не распознается как *с-действие*, а может быть «назван» только с помощью другой приставки (или других приставок), в некоторых же случаях — менее критичными или даже несущественными.

К критичным параметрам относится прежде всего исходное взаиморасположение между депозиционируемым и объектом, имеющим к нему непосредственное отношение. Для удобства обозначаем данный объект как О1, а депозиционируемое — О2. Когда О2 находится полностью (содержится) или частично внутри О1, депозиционирование не может быть распознано как *с-действие*. Применимы *очистить*, *удалить* (удалить примеси) и *вы-действие* (*выдернуть гвоздь*, *вырвать зуб*). Опыт, когда последовательно депозиционируется множество объектов в пределах определенного пространства, так же не распознается, как *с-действие* (*удалить все мелкие кости*, *убрать со стола*, *выстричь шерсть*, *вырубить лес*, *обрить голову наголо*). Это означает, что для *с-действия* чрезвычайно важно, чтобы О2 могло быть воспринято как «нечто целостное», находящееся **на** О1.

¹ Здесь мы перечисляем те глаголы, чья глагольная основа или вовсе не сочетается с приставкой *с-*, или при сочетании с *с-* относится не к ситуациям депозиционирования (например, *слепить*). К этому явлению мы еще вернемся в ходе исследования.

В Русской грамматике (1980) значение префиксов *с-* и *от-* в случаях, когда глагольная основа обозначает разного рода действие депозиционирования объекта, tolkuется с помощью одного и того же глагола «удалить(ся)», а различие между ними отражается предлогами *с* и *от* соответственно: «удалить(ся) с чего-н.» и «удалить(ся) от чего-н.» [Русская грамматика 1980: 371, 364]. Действительно, наблюдается склонность к распознаванию ситуаций как *от-действие*, когда О1 и О2 в исходном состоянии рассматривается как одно целое или же когда О2 является составляющей частью О1, об этом свидетельствует уже сам факт наличия таких глаголов, как *отделить*, *отсоединить*. Однако различие между «*с чего-н.*» и «*от чего-н.*» не всегда тривиально. Существуют ситуации, к которым применимо только *с-действие* или только *от-действие*, но немало и таких случаев, когда они взаимозаменяемы. Для выяснения мотивированности дифференциации опыта в этих случаях мы провели опрос среди 40 носителей русского языка по взаимозаменяемости глаголов *срезать* — *отрезать*, *спилить* — *отпилить*, *срубить* — *отрубить*. Результат опроса обобщен по степени их взаимозаменяемости в таблице 1².

Опрос показывает, что достаточно чувствительным для носителей русского языка оказывается фактор, насколько О2 может быть воспринято как нечто целостное, отдельное, независимое от О1. Это хорошо видно, если сравнивать примеры 6 и 16. В примере 6 *кусочек доски*, скорее, воспринимается как часть какой-то цельной доски, а его размер может быть определён неточным суждением как *небольшой*, в этом случае всего три человека среди опрошенных сочли возможной замену *отпилить* на

² При опросе были использованы фрагменты из художественных произведений [НКРЯ], и у опрошенных было достаточно полное представление о контексте. В подбор также сознательно не были включены примеры, где присутствуют «*с чего-то*» и «*от чего-то*», поскольку их присутствие будет влиять на выбор глаголов. Естественно, при подборе примеров у нас уже были некоторые предположения о том, какие моменты могут быть значимыми для носителей русского языка. И результат опроса, можно сказать, подтвердил и уточнил эти предположения.

Таблица 1. Результат опроса по взаимозаменяемости глаголов

[Table 1. Results of the survey on interchangeability of verbs]

<p>Замена невозможна или скорее невозможна (считывающие замену возможной составляют от 0 % до 20 % опрошенных). Для первых 5 случаев этот процент приближается к нулю. Далее примеры представлены в порядке возрастания числа считающих замену возможной)</p>	<p>1. Первое документальное свидетельство о новом обычайсе относится к 1521 г., когда власти французского города Селеста поручили леснику срубить для них елку. [НКРЯ. Феоктистова Н. Ю. <i>Новогородня ёлка</i>] 2. Затем мы скромно позавтракали. Мать все-таки отрезала нам кусок халвы. Разговор, естественно, зашел о литературе. [НКРЯ. Сергей Довлатов. <i>Чемодан</i>] 3. ...отрубить ногу приблизительно на 3 вершка (речь идет об окороке) ... [НКРЯ. Елена Молоховец. <i>Подарок молодым хозяйствам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве</i>] ... 4. ...мы действительно кой-чем рисковали в это утро. Мне потом отрезали два пальца... [НКРЯ. В. Г. Короленко. <i>Мороз</i>] 5. ...Им отрезали уши, носы, все это документально зафиксировано. [НКРЯ. Александр Чуйков. <i>Чечню проверяют со всех сторон</i>] 6. ...отпилить кусочек доски для какой-нибудь хозяйственной надобности... [НКРЯ. Дмитрий Каракис. <i>Мы строим дом</i>] 7. ...срезала ножницами цветы к обеденному столу... [НКРЯ. Куприн А. И. <i>Гранатовый браслет</i>] 8. ...я как-то нашла два подберезовика. Их срезали ножом, и дней через пять они выросли снова... ... [НКРЯ. Катя Метелица. <i>Гусиные ягоды</i>] 9. Девочки красили ногти, болтали, отрезали друг другу щелки... [НКРЯ. Маша Трауб. <i>Ласточки...ка</i>. М.: Эксмо, 2012] 10. спилить старое дерево и посадить новое... ... [НКРЯ. Василий Дубовский. <i>Забористая инициатива</i>] 11. ...Сушину рубят и долго еще провозятся. Ведь надо ее срубить, потом ветки обрубить, потом к избушке притащить/// [НКРЯ. Юрий Коваль. <i>Солнечное пятно</i>] 12. Мама, тетя Зина и Катячи чистили горы вареных овощей для салатов и отрезали головы селедкам... [НКРЯ. Дмитрий Каракис. <i>Космонавт</i>] 13. ...срезал пуговицы с его штанов и отбирал поясной ремень... [НКРЯ. Гроссман В. <i>Жизнь и судьба</i>] 14. Крышу сняли. Срезали провода... Тем временем на маленькой площади перед администрацией шумят собравшиеся. [НКРЯ. Ольга Андреева. <i>Стланная стлана</i>] 15. Он несколько раз просил Жданова эту ветку спилить. [НКРЯ. Вадим Баевский. <i>Table-talk</i>] 16. Помню проблему: тумбочка не влезала, мне пришлось отпилить у нее целиком угол вместе с ножкой... [НКРЯ. Владимир Маканин. <i>Андеграунд, или герой нашего времени</i>]</p>
<p>Замена возможна или скорее возможна (считывающие замену возможной составляют от 20 % опрошенных и выше)</p>	<p>13. ...срезал пуговицы с его штанов и отбирал поясной ремень... [НКРЯ. Гроссман В. <i>Жизнь и судьба</i>] 14. Крышу сняли. Срезали провода... Тем временем на маленькой площади перед администрацией шумят собравшиеся. [НКРЯ. Ольга Андреева. <i>Стланная стлана</i>] 15. Он несколько раз просил Жданова эту ветку спилить. [НКРЯ. Вадим Баевский. <i>Table-talk</i>] 16. Помню проблему: тумбочка не влезала, мне пришлось отпилить у нее целиком угол вместе с ножкой... [НКРЯ. Владимир Маканин. <i>Андеграунд, или герой нашего времени</i>]</p>
<p>Замена возможна или скорее возможна (считывающие замену возможной составляют от 20 % опрошенных и выше)</p>	<p>17. «Но чтобы по-человечески жить, — смеется Тереза, — надо убивать котов — чтоб не воняли, курицу — чтоб съесть, овцу — чтоб сделать дубленку, слона — чтоб отпилить бивни. [НКРЯ. Галина Щербакова. <i>Моление о Еве</i>] 18. Так рабочие, вместо того чтобы аккуратно лишнее отпилить, просто откололи кусок плиты отбойными молотками. [НКРЯ. Сергей Салтыков. <i>Москва не сразу рушилась</i>]</p>

Взаимозаменяемы (считывающие замену невозможной составляют до 10 % опрошенных)	<p>19. Он несколько раз просил Жданова эту ветку спилить. [НКРЯ. Вадим Баевский. Table-talk]</p> <p>20. Но, если у дерева спилить верхушку, оно становится уродливым или кривым — так и здесь. [НКРЯ. протоиерей Владимир (Воробьев), А. А. Данилова. Невероятные приключения теологии в России]</p> <p>21. Я подошёл и срезал ножом несколько кусков мяса. [НКРЯ. А. Лесняк, Я. К. Бадридзе. Волк в человечьей шкуре]</p> <p>22. Тут требовалось приложить руки, отдельные сучки отпилить, иные яблони вовсе выкорчевать... [НКРЯ. С. М. Голицын. Записки уцелевшего]</p>
--	--

спилить, а в примере 17, когда и форма, и и размер О2 достаточно легко представляются, число считающих замену возможной приближается к 50 %. По этой же причине, когда О1 — живой организм, депозионирование квалифицируется большинством исключительно только как от-действие, а не с-действие (примеры 4, 5, 9). Когда О1 — селедка, О2 — ее голова, число считающих замену возможной возрастает, в процентном соотношении приближается к 20 %, а когда О1 — убитый слон, а О2 — бивни, это число возросло еще заметнее. Скорее, представление о «целостном, отдельном, независимом от О1» коррелируется еще и с оценкой бесполезности / полезности О2 для человека. Как видно по примеру 18, когда речь идет о «лишнем», число считающих замену возможной тоже велико.

Второй момент, влияющий на взаимозаменяемость с-действия и от-действия, связан с фокусированием внимания. Несмотря на индивидуальное различие в восприятии ситуаций, общее предрасположение у носителей русского языка хорошо прослеживается. При применении с-действия внимание фокусируется на самом О2, а О1 может служить лишь ориентиром для определения местоположения О2, как в случае *срубить елку* (пример 1), *спилить (срубить) дерево* (примеры 10, 11), *срезать грибы* (пример 8), О1 — это поверхность земли. Результат действия при этом касается в первую очередь О2, а влияние данного действия на О1 является лишь «вычисляемой информацией» или вовсе не существенным. Иными словами, еще до совершения действия человека интересует «что нужно / можно делать с О2». Когда же внимание сфокусировано на О1, т. е. человека интересует, в первую очередь, как изменится О1 после действия, применимо не с-действие, а от-действие. Об

этом можно судить, сравнивая примеры 3 и 7. Кроме того, при от-действии в поле внимания попадают не только О1 и О2 в исходном положении, но и место, где окажется О2 после депозионирования. Как показывает пример 2, где подразумевается некое взаимоотношение между действующим лицом и лицом / лицами, к кому перемещается О2, процент считающих замену на с-действие возможной приближается к 0 %. Для сравнения: в случае с примером 20, когда действие не имеет отношения к иным лицам, замену считает возможной подавляющее большинство опрошенных. Таким образом, взаимозаменяемость с-действия и от-действия во многом регулируется возможностью переключения внимания в конкретной ситуации.

В наш опрос был включен еще один вопрос: являются ли синонимами выражения *срубить голову* и *отрубить голову*. Подавляющее большинство опрошенных не считает их абсолютными синонимами. Многие отмечают, что *отрубить голову* является более привычным выражением, а *срубить голову* имеет окраску большей «эмоциональности» и «жестокости», скорее, свойственно художественному произведению. Ценными оказываются комментарии, раскрывающие причину такого восприятия с-действия: «*Срубить голову* обычно употребляется в сочетании со словами „меч“, „сабля“, „шашка“, то есть каким-то острым орудием. И приставка с- показывает движение сверху вниз»; «*Срубить* значит сделать это более резко и без особых усилий, более того, если не брать контекст этих двух выражений, то создается впечатление, что голову срубить могло что-то иное, нечто неодушевленное (к примеру, какой-то ненамеренный несчастный случай)»; «*Если отрубают голову, то это казнь, отрубают топором или чем-то по-*

хожим. Срубить же голову — это снести ее, например, в битве. Снести голову саблей или похожим оружием. Отличается взмах оружием».

По этим комментариям можно сделать вывод о том, что при распознавании ситуации депозиционирования как *c*-действие человека интересует не только то, что нужно/можно сделать с О2, но также он обращает свое внимание на то, как это действие им «ощущается». Этот вывод подтверждается и другими объективными фактами. Вернемся к упомянутым нами глаголам *отвинтить, открутить, отделить, отклеить, отлепить, отлипать, убрать, удалить, выкрутить, вывинтить, почистить*. Несложно заметить, что для совершения подобных действий депозиционирования требуется мелкая моторика или достаточно сложная манипуляция над объектом. Неслучайно, что глагольная основа этих глаголов если и сочетается с приставкой *c*-, то речь пойдет вовсе не о депозиционировании. Объясняется это тем, что признак «резкости» движения является весьма критичным для *c*-действия¹. В свою очередь «резкость» движения мотивирована тем, что человек акцентирует внимание на том, что между О1 и О2 существует некая точка / плоскость соприкосновения и для депозиционирования нужно усилие для преодоления силы сцепления. На это указывает, например, различие между *сдвинуть* и *отодвинуть*: естественно говорить «кто-то не смог сдвинуть что-то», но не «кто-то не смог отодвинуть что-то».

Итак, русский язык, на самом деле, демонстрирует высокую степень дифференциации опыта депозиционирования объекта / объектов: учитываются исходное взаиморасположение О1 и О2, возможность фокусирования внимания на одном О1 или О2, или необходимость удерживать в поле внимания более сложную схему взаимодействия, существенным моментом оказы-

¹ Можно привести в пример еще одно наблюдение. *C*-действие, как правило, не применимо к ситуациям, когда речь идет об удалении кожуры с фруктов, скорлупы с яйца. Но вполне допустимо «*снять* кожуру с помидора или перца» в связи с тем, что при предварительной обработке можно одним движением удалить кожуру с достаточно большой поверхности помидора или перца.

вается и сама моторика. Для построения корреляции между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» требуется удовлетворение взаимосвязанных условий: может быть предпринято достаточно «резкое» действие для преодоления силы сцепления между О2 и О1, соответственно, О2 должно быть НЕЧТО, имеющее точку / точки соприкосновения с О1 и распознаваемое как отдельно существующее, т. е. внимание может быть сфокусировано на О2. Понимание «резкости», скорее всего, генетически связано с ощущением, возникающим у человека при совершении им движения «сверху вниз», но в дальнейшем критерий «сверху вниз» уже работает вовсе не как буквальное регламентирование направления действия.

Корреляция между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» в китайском языке

Китайский язык демонстрирует совсем иной подход к категоризации опыта депозиционирования. С одной стороны, мы видим гораздо более детализированную классификацию самих действий депозиционирования. Например, русские глаголы *снять / снимать*², *сорвать / срывать* относятся с целым рядом китайских глаголов, демонстрирующих «чувствительность» не только к исходному взаиморасположению О1 и О2, но и к их собственным пространственным характеристикам. Ниже представлен лишь неполный список таких глаголов:

1) 摘 *zhai* снять / снимать предмет, исходное положение которого воспринимается как висящее на чем-то или закрепленное на чем-то тонком, например, *картину со стены, яблоко с яблони, цветы с кустов; головной убор, очки, часы, украшения и прочие аксессуары с человека*;

2) 脱 *tuo* снять / снимать одежду, обувь, носки, восприятие акцентируется на том, что часть тела выскальзывает и освобождается;

3) 摘 *qia* сорвать / срывать или удалять что-то (*цветы, листья*), сдавливая ногтями стебли;

² Снять / снимать определяются по правилам морфемного разбора как глагол без приставки, однако если исходить из категоризации опыта, у нас нет сомнения в том, что они относятся к *c*-действиям.

4) 扯 *zhe* сорвать / срывать что-то плоское с чего-то;

5) 撕 *si* сорвать / срывать что-то на克莱енное, взяв за уголок и разрывая; разорвать / разрывать что-то плоское.

Такая детализация опыта, конечно, никак не объясняется тем, что депозиционирование объекта почему-то более значимо для китайского народа¹. Она, на наш взгляд, в определенном смысле является неизбежной для языка иероглифического строя. Как отмечает А. И. Кобзев, сама иероглифичность «синтетична и образна (гештальтна), а значит, ориентирована на холизм и континуальность» [Кобзев 2011: 321].

Иероглифы запечатлевают идеализированные визуальные «образы», создавая подобия в типовых формах. В составе большинства иероглифов для номинации действия присутствует видоизмененный образ «рука», т. е. ими запечатлена «картина» в момент взаимодействия человека с объектом, которая способна аккумулировать знание о характеристиках данного объекта, о цели человека и соответствующем его «подходе» к объекту, включая фактор приложенной силы, направление движения части тела или применяемого человеком инструмента². Такая информационная на-

сыщенность ограничивает применяемость этих глаголов, но в то же время позволяет многим глаголам означать и процесс действия, и его результативность, т. е. завершение действия может подразумевать и результативность действия, поскольку регламентирование деталей делает результат очевидным и однозначным³.

С другой же стороны, критично важные для русского языка признаки при дифференциации результата депозиционирования, наоборот, игнорируются носителями китайского языка. Прежде всего, игнорируется фактор моторики: с точки зрения языковой категоризации, результат «удаление чего-то» такими действиями, как 扯 *ning* (винтить, крутить), 扯 *kou* (ковырять, с трудом отлеплять), 剥 *bo* (чистить кожуру, скорлупу) и т. п. в глазах носителей китайского языка ничем не отличается от результата «резкого» действия, такого как 扯 *zhe* и 撕 *si* (срывать, разрывать). Ко всем этим действиям применимы и 下 (*xia*), и 掉 (*diao*).

Для построения корреляции между результатом депозиционирования и представлением о «ВНИЗ» также не обязательно, чтобы О2 был НА О1. Для применения 下 (*xia*) достаточно, чтобы О2 или часть О2 являлась видимым, например, 下 (*xia*) вполне применим к ситуациям вырвать, выдернуть что-то из чего-то. 掉 (*diao*) еще более универсален, применим также и к ситуациям, когда О2 покрывает О1 или содержитя в О1. Результат полного удаления множества объектов в пределах определенного пространства тоже может быть распознан как 下 (*xia*) или 掉 (*diao*)⁴.

¹ Подобная детализация характерна далеко не только для номинации действия депозиционирования. Например, русский глагол «нести» соотносится с более 10 китайскими глаголами, уточняющими и конкретно место «ношения» (в руке / руках, на ладони / ладонях, на спине, на голове, на носу, на запястье, на шее и т. д.), и характеристику объекта (форму, вес) [Цзинь 2010: 37–38].

² Приводим один пример. Иероглиф 采 *cai* состоит из двух частей. Верхняя часть — имитация «руки», нижняя часть — имитация растения, состоящего из корня под землей (поверхность земли отображена как горизонтальная черта) и видимой части с плодами [Ханьцы юанлю цыядынь 2003: 375]. Этот прообраз во многом предопределяет применяемость данного глагола: действие должно быть направлено на сбор части растения, полезной для человека, причем растение должно быть невысоким, т. е. должно быть соблюдено положение «рука над растением» — 采茶 *caicha* ‘собирать чай’, 采药 *caiyao* ‘собирать лечебную траву’, 采草莓 *caisaohei* ‘собирать клубнику’, 采蘑菇 *caimogu* ‘собирать грибы’. Он не применим, например, к ситуации «собирать урожай» [Сяньдай ханьцой цыядынь 1997: 115].

³ Например, 摘 *zhai*, 脱 *tuo*, 捞 *qia* при сочетании с оператором переключения состояния 了 *le* указывает на завершение (в прошлом или в будущем) действия и результат именно депозиционирования объекта. А 扯 *che* и 撕 *si* при сочетании 了 *le* указывает на результат разрушения объекта, а для обозначения результата его депозиционирования требуется сочетание с 下 *xia* или 掉 *diao* [Ханьцой дунцы юнфа цыядынь 1999: 452, 392, 295, 46, 345].

⁴ Для обозначения полного удаления множества объектов требуется добавление модального слова 都 *dou* или 全 *quan* (весь, все): 把骨头都去掉 *ba gutou dou qudiao* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + кости + модальное слово + убирать, удалять + 掉) — удалить все косточки.

Единственное условие, которое можно назвать «общим» для носителей обоих языков для построения корреляции между результатом депозионирования и представлением «ВНИЗ», — это возможность фокусирования внимания на О2. Однако если в случае с-действий фокусирование мотивировано, главным образом, заинтересованностью человека в «преодолении силы сцепления между О1 и О2», носителей китайского языка гораздо больше интересует, где О2 должен (согласно изначальному намерению действующего лица) или потенциально может оказаться после действия. Для удобства обозначаем исходное местонахождение О2 как М1, конечное местонахождение О2 — как М2. От идентификации разницы между М1 и М2 зависит выбор не только между 下 (xia) и 掉 (diao), но и между другими знаками для обозначения результата депозионирования объектов, не связанными с представлением о «ВНИЗ».

Идентификация М2 может быть основана на признаке «отдаленности» от М1. Когда это расстояние невелико (М2 не выпадает из поля зрения), применяется 开 kai; когда это расстояние велико (М2 не находится в поле зрения), применяется 走 zou¹. Когда разница между М1 и М2 идентифицируется по признаку закрытости / открытости, то применяется 出 chu, причем акцентирование на признаке закрытости / открытости коррелируется с восприятием М1 как места хранения О2, а его перемещение в М2 — с намерением использовать О2 для определенной цели. Так, например, 出 chu корректно использовать в ситуациях «вынуть что-то из кармана, ящика, банки, кобуры и т. п.»), но некорректен к ситуации «вырвать зуб». В этом случае расстояние между М1 и М2 тоже играет роль. 出 комбинируется с дейктическим показателем 来 lai (приближение к позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения) и 去 qu (удаление от позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения). Применение комбинации 出来 chulai или 出去 chuqu зависит от того, удерживается ли М2 в поле зрения. Как мы видим, во всех

¹ 开 kai в целом применим к опыту «отодвинуть, убрать в сторону» [Лю Юэхуа 1998: 382–383], а 走 zou — «унести», подразумевающий уже некое совместное перемещение человека с О2 [Люй Шусян 1990: 699].

этих случаях М2 является неким реальным местом, куда перемещается О2 в сохранности и целостности.

Принцип идентификации разницы между М1 и М2 в случае 下 (xia) и 掉 (diao) уже не столь тривиален. В иероглифе 掉 (diao) присутствует «рука», и, согласно Сюй Шэнь, данный знак первоначально применялся для обозначения движения «махать, трясти, покачивать» [Сюй Шэнь]. Судя по функциям, выполняемым 掉 (diao) в наши дни, можно предположить, что в ходе эволюции языка произошло перемещение фокуса внимания с действия на его последствие: под воздействием некой силы что-то «падает с высоты», а вместе с этим возникла и корреляция с представлением о «пропадании — исчезновении». М2 при этом понимается как: 1) некое реальное место, но абсолютно не представляющее интерес для человека, т. е. О2 теряет актуальность; 2) это «нигде», т. е. сам О2 исчезает в ходе депозионирования². Корреляция между воспринимаемым явлением «падение» и результативностью действия лежит и в основе менее частотного знака 倒 (dao). Разница в том, что в случае с 倒 (dao) «падение» понимается как изменение вертикального положения на горизонтальное, что сильно ограничивает круг ситуаций, к которым применением данного знака: речь в основном идет о «падении» человека, дерева, сооружения (например забора)³.

² С помощью 掉 diao возможно конструировать сообщение о «падении» чего-то как о процессе с естественной результативностью: 叶子都掉了 yezidoudiaole ‘листья’ + модальное слово 都 ‘весь, все, даже’ + 掉 + оператор переключения состояния) — ‘Облетела вся листва’; 东西掉了东西 dongxidiaole ‘вещь’ + 掉+ оператор переключения состояния) — ‘Что-то уронили; Что-то потеряли. В качестве результативного элемента 掉 diao не только применяется для обозначения результата действия депозионирования, но и результата действия, в ходе которого что-то в определенном количестве полностью расходится (исчезает): 吃掉 chidiao (‘съедать’ + 掉 — ‘съесть, поглотить’); 用掉 yongdiao (‘использовать’ + 掉 — ‘израсходовать (сырье, материал)’; 花掉 huadiao (‘тратить’ + 掉 — ‘израсходовать (деньги)’ [Люй Шусян 1990: 171].

³ 倒 (dao) также может самостоятельно конструировать сообщение о «падении»: 树倒了 shudaole (‘дерево’ + 倒+ оператор переключения состояния).

В прообразе 下 (xia) — [Ханьцыюанлю цыдянь 2003: 19] — присутствует линия отсчета, а короткой черточкой фокусируется внимание на зоне ниже этой линии, т. е. подразумевается некое «реальное» место ВНИЗУ. Конечно, 下 (xia) способен передать и динамику движения «сверху вниз». Как и 出, 下 (xia) комбинируется с действительным показателем 来 lai или 去 qu. В некоторых случаях, когда применяется 下来 xialai / 下去 xiaqu к действию с подчеркнутой «резкостью» и «приложенной силой», обозначается не результат, а сама направленность этого действия. Например, сообщение 一刀劈下来 yidaopixialai / 一刀劈下去 yidaopixiaoqu (один + клинок + рубить, колоть + 下来 xialai / 下去 xiaqu) обладает высокой экспрессивностью, описывая направленность действия с клинком с размахом сверху вниз. Выбор между 下来 xialai и 下去 xiaqu зависит от позиции восприятия: 下来 xialai подразумевает, что действие воспринимается тем, на кого направлено действие; 下去 xiaqu — действие воспринимается с позиции совершающего его лица. Но случаи такого рода применения крайне ограничены, и нет никакого сомнения, что функция прямой передачи динамики движения «сверху вниз» периферийна для 下 (xia), а центральная идея все же заключается в последующем за депозиционированием позиционировании О2 в некое «реальное» место ВНИЗУ. Главный вопрос заключается в том, в каких координатах определяется этот «НИЗ».

С одной стороны, реальная разница по высоте между М1 и М2 может показаться достаточно чувствительным фактором. Мы видим, что 下 (xia) сложно применить для обозначения непосредственного результата действия депозиционирования в таких ситуациях, как *срубить дерево, срезать грибы,*

чения состояния) — ‘Дерево упало’ (дерево было старое, или было воздействие внешней силы, например из-за ветра). В качестве же результативного элемента акцентируется внимание на непосредственном результате (прямо на глазах изменилось состояние О2): 把树砍倒了 bashukandaole (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ‘дерево’ + ‘рубить’ + 倒+ оператор переключения состояния) — ‘Дерево упало’ (его рубили, и в результате дерево упало) [Сяньдай ханьюй цыдянь 1997: 225].

когда О2 непосредственно находится на поверхности земли. Для таких случаев гораздо естественнее применять оператор переключения состояния 了 le, т. е. акцентируется сам процесс действия как протекающий во времени и приводящий к естественному результату. По отношению к дереву также применимы 倒 (dao), когда акцентируется результат как прямо наблюдаемое падение прямостоящего объекта, и 掉 (diao), когда акцентируется удаление (в зависимости от контекста удаление может быть оценено положительно — удаление освобождает участок земли от лишнего дерева, или отрицательно — удаление лишает участок земли нужного дерева).

С другой же стороны, применение 下 (xia) зачастую и не требует удовлетворения условия «М1 выше М2» в буквальном смысле. По отношению к дереву вполне допустимо применение, например, 砍下 (kanxia рубить + 下), но такое применение всегда дополнительно мотивировано: человека не столько интересует непосредственный результат действия депозиционирования, сколько получение возможности совершить дальнейшее действие над О2. 砍下 kanxia чаще встречается в качестве определения, например 砍下的树 (kanxiadeshu ‘рубить’ + 下 + служебное слово притяжательности + ‘дерево’), и встречается в сообщениях о том, где в момент речи хранится «срубленное», для чего «срубленное» назначено, что было из «срубленного» изготовлено и т. п [Бэйцзин дасюе юйляоку]. Аналогично, депозиционирование, распознанное как действие с результатом 下来 xialai, в большинстве случаев рассматривается лишь как одно звено в серии манипуляций над О2, т. е. предполагается изначально, что последует еще действие по отношению к О2¹. Таким образом, 下 xia / 下来 xialai

¹ Когда человека интересует только депозиционирование О2, привычнее означать результативность с помощью оператора переключения состояния 了. Например, 把衣服脱了 ba yifu tuoxtiale (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ‘одежда’ + ‘снимать’ + 下 — ‘Кто-то снял одежду’ или ‘Сними одежду’) является самодостаточным сообщением. Вполне можно поставить в конце такого сообщения точку. Сообщение 把衣服脱下/下来 ba yifu tuoxtia/xialai (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над

акцентирует внимание на том, что О2 оказывается в зоне, над которой имеется контроль со стороны человека, что позволяет ему осуществить дальнейшее действие над О2 по своему усмотрению. Иными словами, в координатах определения «НИЗа» явно задействован человек, и этот «НИЗ» антропозависим¹. Такое понимание «НИЗа», возможно, генетически связано с тем, что при совершении депозиционирования внимание может быть сосредоточено на том, что О2 временно окажется в руке / под рукой, а «в руке / под рукой» в свою очередь уже рождает корреляцию между «зоной внизу от себя» и «зоной под контролем». Естественно, при таком понимании «НИЗа» О2 сохраняет свою целостность.

Применение *下去* *xiaqu* указывает, что действие воспринимается с позиции, кто совершает действие депозиционирования. И такое восприятие тоже дополнительно мотивировано. При применении *下去* *xiaqu* подчеркивается процесс увеличения расстояния между человеком и О2, что коррелируется с пониманием об «избавлении». К примеру, к действию, направленному на «удаление чего-то ненужного», применяется только *下去* *xiaqu*, а не *下来* *xialai*. Например, результат действия *擦* *sa* (*тереть, вытирать*) и *洗* *xi* (*стирать, мыть*) в большинстве случаев обозначается как *掉* (*diao*), но встречаются и примеры (достаточно редкие) с *下去* *xiaqu*: *把油点洗下去* *ba youdian xiaqu* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + масляное пятно + стирать + *下去* — *вывести масляное пятно с одеж-*

предметом + ‘одежда’ + ‘снимать’ + *下/下来*) — незаконченное и требует продолжения. Например, *把衣服脱下来*, *扔在一边* *ba yifu tuo xialai*, *rengzai yibian* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ‘одежда’ + ‘снимать’ + *下来* ‘кидать, бросать’ + ‘на’ + ‘одна’ + ‘сторона’ — ‘(Кто-то) снял одежду и бросил в сторону’).

¹ Об этом свидетельствует и метафорическое применение *下* в качестве обозначения результативности непространственного действия. Кроме корреляции «НИЗ — подконтрольная зона», также наблюдаются корреляция «НИЗ — зона определенности», «НИЗ — зона воплощения», «НИЗ — зона пассивности», что достаточно естественно при антропо-ориентированном представлении о «НИЗ» [Цзинь 2019: 284–286].

ды). *下去* *xiaqu* редко используется для обозначения результата депозиционирования², причина, на наш взгляд, заключается в том, что *下去* *xiaqu* в большей степени отражает восприятие действующим лицом направленности движения О2 в ходе своего действия, а ключевым фактором дифференциации опыта депозиционирования для носителей китайского языка все же является не динамика, а характеристика М2 по отношению к человеку-наблюдателю.

Предопределенная неэквивалентность

Наш анализ показывает, что неэквивалентность рассматриваемых знаков из двух языков предопределена, ибо каждый языковой коллектив применяет свою стратегию к категоризации опыта депозиционирования. Для русского языка характерна стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО, концентрирующегося непосредственно на динамике своего движения. Значимыми являются в первую очередь сигналы, связанные с предварительной оценкой изначального взаиморасположения объектов и подбором соответствующего направления действия. Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ», скорее, зарождалась на естественном приложении силы «сверху вниз» для преодоления сцепления, а в дальнейшем категориционная возможность расширяется за счет абстрагирования признака «сверху вниз», значимым остается обобщенное понимание о «месте сцепления» и «резкости» движения. В китайском языке преобладает стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО, который включает себя в систему координат и проявляет гораздо больше интереса к тому, где окажется О2 по отношению к себе. Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ», скорее, зарождалась на наблюдении того, что объект после депозиционирования всегда

² Наличествует значительная асимметрия и в применении комбинации *下来* *xialai* / *下去* *xiaqu*, когда О2 не исчезает в ходе депозиционирования. К примеру, в Корпусе китайского языка при поиске комбинации *下来* *xialai* с *摘* *zhai* (‘снять / снимать предмет’) и *脱* *tuo* (‘снять / снимать одежду, обувь и т. п. с человека’) выдается более 400 результатов, а при поиске комбинации *下去* *xiaqu* с этими глаголами — всего 8 и 3 результата соответственно [Бэйцзин дасюе юйляоку].

«падает вниз», а в дальнейшем данный признак «вниз» тоже утрачивает жесткость регламентирующей силы, категоризационная возможность расширяется, значимой остается ментальная идентификация «НИЗа» как «где-то под контролем человека», или как «где-то, но не важно где» или «нигде».

Две стратегии могут не противоречить друг другу, а могут быть и несовместимыми. Следовательно, присутствуют как зона условной эквивалентности, так и зона лакунарности рассматриваемых нами знаков. В целом категоризационная возможность 下 (xia) и 掉 (diao) шире за счет того, что не регламентируются моторика и первоначальное взаиморасположение объектов. Однако 下 (xia) и 掉 (diao) дифференцируют опыт по оценке нужности (сохранности) O2, а знак с- сам по себе не эксплицирует нужность (сохранность) O2, такая информация вычисляется за счет характера самого действия или более широкого контекста. Когда за депозиционированием следует позиционирование, т. е. человек перемещает O2 с целью его применения или хранения в M2, стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО позволяет напрямую эксплицировать M2 (*сгрузить все в лодку, срезать цветы к столу*), а 下 (xia) такой возможности не имеет из-за подразумевающего «НИЗа» как «где-то под контролем человека», т. е. 下 (xia) уже указывает на промежуточное место пребывания O2 (в руках или под рукой). Для экспликации M2 нужно отдельно описать процесс позиционирования, используя уже иные показатели результативности. Стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО также не позволяет акцентировать внимание на моменте преодоления сцепления между O2 и O1. В двуязычном словаре для толкования *сдвинуть* и *отодвинуть* используется один и тот же результативный элемент 离 kai, указывающий на то, что расстояние между M1 и M2 невелико, т. е. различие между *сдвинуть* и *отодвинуть* для китайского языка — лакуна.

Мы отнюдь не хотим утверждать, что для одного языка совсем не приемлема стратегия, характерная для другого языка, наоборот, наш анализ выявил эпизодическое проявление стратегии человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО в китайском языке, когда 下 来 xialai / 下去 xiaqu обозначает не результат, а саму направленность этого действия.

Но в целом превалирование стратегии человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО для русского языка и превалирование стратегии человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО для китайского языка достаточно очевидно. Формальное, на первый взгляд, различие в позициях рассматриваемых нами знаков при комбинировании с глаголами, на самом деле тоже мотивировано. Для человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО результат действия напрямую зависит от предварительного «планирования», т. е. приставка задает «траекторию» ПЕРЕД действием, от которой и «вычисляется» результат. Для человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО действие служит «причинностью» перемен, результат логично следует ЗА ним. И если в русском языке с помощью приставок в большинстве случаев образовываются глаголы совершенного вида и несовершенного вида, ибо процесс может быть просто запущен с заданной «траекторией», то в китайском языке с помощью результативных элементов, как правило, сообщается только об уже совершенном действии или о действии, которое совершится, т. е. акцентируется момент перемен состояний, а не процесса, приводящего к переменам.

Заключение

Наше исследование подтверждает первоначальное предположение о том, что языковая неэквивалентность является естественным проявлением когнитивной тенденциозности. Мозг в принципе не может обрабатывать сигналы, независимые от человека. Язык регистрирует не некий объективный мир, а опыт человека в момент взаимодействия со средой. Когниция, с одной стороны, не может работать как проявление «чистой воли». Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ» для носителей двух языков хоть и отличается, но в обоих случаях базируется на согласованности между восприятием человека и физическими законами: человек-НАБЛЮДАЮЩИЙ «видит», что объект после депозиционирования движется вниз (и это предопределется воздействием гравитации); человек-ДЕЙСТВУЮЩИЙ «ощущает» естество между силой и направленностью действия (и это предопределется законом физиологии). С другой же стороны, тенденциозность когниции неизбежна, ибо

в момент взаимодействия со средой человек в обязательном порядке выполняет определенную роль. Мы видим, что в роли НАБЛЮДАЮЩЕГО и в роли ДЕЙСТВУЮЩЕГО человек познает РАЗНОЕ. Мотивированность языка одновременно и определяет его детерминантность — вместе с освоением родного языка у индивидуумов формируются привычные позиции познания, регламентирующие схему внимания в момент языкового распознавания опыта.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.07.2021).

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. И. М.: Наука, 1980. 783 с.

Бэйцзин дасюе юйляоу — Базы данных языковых материалов Центра исследования языка при Пекинском университете [электронный ресурс] // Корпус китайского языка. URL: www.ccl.pku.edu.cn (дата обращения: 01.07.2021).

Люй Шусян 1990 — Люй Шусян. Сяньдай ханьной бабайцы (= Восемьсот слов китайского языка). Пекин: Шану, 1990. 760 с. (На кит. яз.)

Лю Юэхуа 1998 — Цюйсяян буюй тунши (= Толкование дополнительных элементов направле-

Установив когницию как отправную точку в нашем исследовании языковой мотивированности, мы пришли к выводу, что познающий, познаваемое и познанное образовывают неразделяемый континуум, но, несмотря на нашу «запертость» в корреляциях «человек — мир», есть надежда, что анализируемые явления языковой неэквивалентности все же позволяют нам приблизиться к закономерностям субъективности познания.

ния) / ред. Лю Юэхуа. Пекин: Пекинский ун-т языка и культуры, 1998. 704 с. (На кит. яз.)

Сяньдай ханьной цыдянь 1997 — Сяньдай ханьной цыдянь (= Словарь современного китайского языка). Пекин: Шану, 1997. 1722 с. (На кит. яз.).

Сюй Шэн — Сюй Шэн. Шовэн цзецы (Shuowen Jiezi = Происхождение китайских иероглифов) Т. 12 [электронный ресурс] // Китайские словари на Cidian wang. URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/diao1469.htm> (дата обращения: 29.12.2021).

Ханьной дунцы юнфа цыдянь 1999 — Ханьной дунцы юнфа цыдянь (= Словарь по употреблению глаголов китайского языка). Пекин: Шану, 1999. 495 с. (На кит. яз.)

Ханьцы юанлю цыдянь 2003 — Ханьцы юанлю цыдянь (= Этимологический словарь китайских иероглифов). Пекин: Хуася, 2003. 863 с. (На кит. яз.)

(In Chin.)

Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, Cai Wenlan (eds.) A Dictionary of Chinese Verb Usage. Beijing: Commercial Press, 1999. 495 p. (In Chin.)

Russian National Corpus. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed: 1 July 2021). (In Russ.)

Shvedova N. Yu. et al. (eds.) Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (In Russ.)

Xu Shen. Discussing Writing and Explaining Characters. Vol. 12. On: CiDianWang (dictionary web portal). Available at: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/diao1469.htm> (accessed: 29 December 2021). (In Chin.)

Ахмад, Балуян 2017 — Ахмад А. О., Балуян С. Р. Сопоставительный анализ лексических межъязыковых лакун русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2 (69). С. 60–62.

Литература

Алексеева 2020 — Алексеева М. Л. Корпусно-ориентированное сопоставительное исследование феномена безэквивалентности в паре языков русский-немецкий // Язык и культура. 2020. № 49. С. 6–28.

- Интерпретация мира 2017 — Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Бабина Л. В., Безукладова И. Ю., Беляевская Е. Г. и др. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2017. 450 с.
- Болдырев 2019 — Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 480 с.
- Вахитова 2018 — Вахитова Т. Ф. Национально-культурная специфика языковой картины мира и роль фразеологизмов в ее структуре // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 465–465.
- Волохина, Попова 1993 — Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: ВГУ, 1993. 196 с.
- Кибрик 2005 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания (универсальное, типовое и специфичное в языке). 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 336 с.
- Кобзев 2011 — Кобзев А. И. Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: XLI Научная конференция / ред-кол.: А. А. Бокщанин (пред.) и др. М.: Вост. лит., 2011. С. 314–325 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1).
- Кошелев 2008 — Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкоznания. 2008. № 4. С. 15–40.
- Кузнецов 2011 — Кузнецов В. Г. Когнитивный аспект имплицитной мотивированности языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 15–22.
- Леонтьев 2001 — Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические тру-ды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2001. 448 с.
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. С. 27–75
- Перфильева 2016 — Перфильева С. Ю. Ремарки о неполнозквивалентности названий эмоций в естественных языках // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 220–228.
- Селезнева 2014 — Селезнева Н. В. Национально-культурная специфика языковой картины мира как отражение национального мышления // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 141–152.
- Фернандес Санчес 2016 — Фернандес Санчес Ю. В. Национально-культурная специфика баскской языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 44–50.
- Хазимуллина 2015 — Хазимуллина Е. Е. Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблем // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 144–154.
- Харман 2020 — Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ-классик, 2020. 290 с.
- Цзинь 2010 — Цзинь Т. Репрезентация локальной каузации: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 32–41.
- Цзинь 2019 — Цзинь Т. Модели движения ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277–292. DOI: 10.17223/18137083/73/19

References

- Akhmad A. O., Baluyan S. R. Comparative analysis of the Russian and English lexical inter-lingual lacunas. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 3–2 (69). Pp. 60–62.
- Alekseeva M. L. Corpus-based comparative study of non-equivalence in Russian and German. *Language and Culture*. 2020. No. 49. Pp. 6–28. (In Russ.)
- Babina L. V., Bezukladova I. Yu., Belyaevskaya E. G. et al. World Interpretation in Language. Joint monograph. Tambov: Derzhavin Tambov State University, 2017. 450 p. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. Language and Knowledge System: The Cognitive Theory of Language. 2nd ed. Moscow: YaSK, 2019. 480 p. (In Russ.)
- Fernandez Sanchez Yu. V. Cultural and national specifics of the Basque language world view. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2016. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
- Harman G. Speculative Realism: An Introduction. A. Pisarev (transl.). Moscow: RIPOL-Classic, 2020. 290 p. (In Russ.)
- Khazimullina E. E. General linguistic theory of motivation: To the statement of the problem.

- Issues of Cognitive Linguistics*. 2015. No. 2. Pp. 144–154. (In Russ.)
- Kibrik A. E. Essays on General and Applied Linguistics: The Universal, Typical, and Specific in Language. 4th ed. Moscow: KomKniga, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Kobzev A. I. China: Interrelations between logographic script and continualism, alphabet and atomism. *Society and State in China*. Vol. XLI. No. 1. 2011. Pp. 314–325. (In Russ.)
- Koshelev A. D. On the principal paradigms of studying natural languages in the light of cognitive linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 2008. No. 4. Pp. 15–40. (In Russ.)
- Kuznetsov V. G. Cognitive aspect of the implicit motivation of language sign. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2011. No. 1 (26). Pp. 15–22. (In Russ.)
- Leontiev A. A. Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology: Selected Writings in Psychology. Moscow: Moscow Institute of Psychology and Social Science; Voronezh: MODEK, 2001. 448 p. (In Russ.)
- Maisak T. A., Rakhilina E. V. Verbs of motion and stay in water: Lexical systems and semantic parameters. In: Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.) *Verbs of Motion in Water: A Lexical Ty-* pology. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 27–75. (In Russ.)
- Perfiljeva S. Yu. Remarks on incomplete equivalence of emotion names meanings in natural languages. *Journal of Psycholinguistics*. 2016. No. 29. Pp. 220–228. (In Russ.)
- Selezneva N. V. Cultural specifics of language picture of the world as a reflection of the national thinking system. *Philosophy of Education*. 2014. No. 4 (55). Pp. 141–152. (In Russ.)
- Tszin T. Models of downward motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese). *Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 4. Pp. 277–292. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/73/19
- Tszin T. Representation of local causation: The comparative study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2010. No. 3. Pp. 32–41. (In Russ.)
- Vakhitova T. F. National and cultural identity of the linguistic view of the world and the role of phraseological units in its structure. *The World of Science, Culture and Education*. 2018. No. 2 (69). Pp. 465–465. (In Russ.)
- Volokhina G. A., Popova Z. D. Russian Verbal Prefixes: Semantic Structure, System Relations. Voronezh: Voronezh State University, 1993. 196 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 211–221. 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-25
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Специфика построения цепочек pragматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык

Сунь Сяоли¹, Наталья Викторовна Богданова-Бегларян²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 аспирант

 0000-0003-2319-7398. E-mail: sunxiaoli_smile[at]163.com

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
 © Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В художественных произведениях писатели достаточно активно используют pragматические маркеры, создавая с их помощью речевой портрет того или иного персонажа. Исследования показали при этом, что русские pragматические маркеры имеют повышенную синтагматическую активность, выступая в тексте не по одному, а в «компании» с другими подобными единицами. Целью настоящего исследования является анализ приемов перевода цепочек pragматических маркеров в русских художественных текстах на китайский язык — на примере маркеров *это*, *это самое* и *как его* (*её*, *их*). *Материалы и методы.* Материалом для анализа стали 19 контекстов из 8 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и их китайские переводы. В работе использованы такие методы, как целенаправленная выборка, а также контекстный, сопоставительный и дискурсивный виды анализа. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что pragматический маркер *это самое* не имеет в китайском языке абсолютного эквивалента по форме и по функции, что создает большие проблемы для переводчиков. Только немногие из них оказались способны перевести *это самое* с использованием китайских аналогов *这个* *чжэ* *гэ* (*zhe ge*) или *那个* *на* *гэ* (*nage*). Структурные варианты русских pragматических маркеров *это* и *как его* (*её*, *их*) часто встречаются в художественных текстах так же, как и в реальной (живой) русской речи. Переводчики легко ассоциируют pragматические маркеры *как его* (*её*, *их*) с полнозначным выражением *как его* (*её*, *их*) *зовут/называют*, с той же поисково-хезитативной функцией, а pragматический маркер *это* — с его китайскими аналогами *这个* *чжэ* *гэ* (*zhe ge*) или *那个* *на* *гэ* (*nage*). В результате эквивалентность на уровне функции при переводе цепочек

прагматических маркеров с компонентами *как его* (*её, их*) и *это* достигается гораздо легче, чем при переводе цепочек прагматических маркеров с компонентом *это самое*. *Выводы*. Способность прагматических маркеров «притягиваться» друг к другу дополнительно осложняет как процедуру их выделения в тексте, так и их перевод на другие языки.

Ключевые слова: прагматический маркер, художественный перевод, дискурсивный анализ, контекстный фактор, стилизованная речь, сопоставительный анализ, синтагматическая активность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи» (№ 22-18-00189).

Для цитирования: Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян Н. В. Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–221. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Translating Russian Fiction into Chinese: The Specifics in Building Chains of Pragmatic Markers

Sun Xiaoli¹, Natalia V. Bogdanova-Beglarian²

¹ St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0000-0003-2319-7398. E-mail: sunxiaoli_smile[at]163.com

² St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Sun X., Bogdanova-Beglarian N. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Russian writers quite actively use *pragmatic markers* (PM) to create a speech portrait of a particular character. At the same time, studies have shown that Russian PMs are characterized by increased syntagmatic activity and tend to appear in text not alone but in ‘company’ with other similar units. *Goals.* The study seeks to analyze the methods employed to translate PM chains contained in Russian literary texts into Chinese — through the example of the markers *eto*, *eto samoe* and *kak yego* (*yeyo, ikh*). *Materials and methods.* The paper analyzes a total of 19 contexts from 8 Russian fiction works included in the main subcorpus of the National Russian Corpus — and their Chinese translations. The work employs purposeful sampling, as well as contextual, comparative and discursive types of analysis. *Results.* The study shows that the Russian *eto samoe* has no absolute Chinese equivalent in terms of form and function, which presents big challenges for translators. Only few of the latter were able to translate *eto samoe* using the Chinese counterparts *这个 zhe ge* or *那个 na ge*. Structural variants of the Russian pragmatic markers *eto* and *kak yego* (*yeyo, ikh*) are often found both in literary texts and Russian oral (live) speech. Translators easily associate the pragmatic marker *kak yego* (*yeyo, ikh*) with the full-value expression *kak yego* (*yeyo, ikh*) *zovut/nazyvajut* performing the same search-hesitation function, and the pragmatic marker *eto* with its Chinese counterparts *这个 zhe ge* or *那个 na ge*. As a result, when it comes to translate PM chains with the components *kak yego* (*yeyo, ikh*) and *eto*, functional equivalence is achieved much easier than in case of PM chains with the component *eto samoe*. *Conclusions.* The ability of pragmatic markers to ‘attract’ to each other further complicates both the procedure of their identification in a text and their translation into other languages.

Keywords: pragmatic marker, literary translation, discursive analysis, context factor, stylized speech, comparative analysis, syntagmatic activity

Acknowledgements. The reported study was co-funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-00189 ‘Structure and Functioning of Stable Multi-Word Units of Everyday Russian Speech’.

For citation: Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N. V. Translating Russian Fiction into Chinese: The Specifics in Building Chains of Pragmatic Markers. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 211–221. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Введение

По наблюдениям лингвистов, «разговорная речь исследуется как самодостаточная система, в отношении к просторечию и кодифицированному литературному языку, в чисто теоретическом и практическом плане применительно к обучению русскому языку иностранцев» [Рыжова 2003: 29]. Использование разговорных элементов как средства имитации реальной живой речи характерно и для художественных текстов. По мнению В. Н. Виноградовой, «проблема изображения разговорной речи разных социальных слоев в художественной литературе сама по себе довольно интересна и заслуживает право на существование» [Виноградова 1979: 67]. В прямой речи персонажей сохраняются индивидуальные и стилистические (грамматические, лексико-фразеологические и интонационные) особенности сказанного кем-то (иногда даже самим автором): диалектные черты, повторы, паузы, вводные слова и т. п.

Кроме того, «в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 349]. Языковые преобразования имеют непосредственное отношение к ряду активных процессов современной русской речи, которые способствуют изменению категориального статуса исходной языковой единицы. Одним из таких процессов является *прагматикализация*, исследовательский интерес к которой в последние годы существенно возрос (см., например: [Зайдес 2020; Горбунова 2021; Прагматические маркеры... 2021]).

Результатом прагматикализации становятся особые функциональные речевые единицы — *прагматические маркеры* (далее — ПМ), которые утрачивают (или существенно ослабляют) в ходе этого про-

цесса свое исходное лексическое и / или грамматическое значение и начинают выполнять в тексте только определенные прагматические функции [Богданова-Бегларян 2021: 13]. В ходе прагматикализации от слова-источника (полнозначного слова) эти единицы проходят по пути «десемантизация — (грамматикализация) — прагматикализация — закрепление функции» [Богданова-Бегларян 2021: 16].

Слово *самый* в академических толковых словарях квалифицируют как *определенное местоимение*, в то время как в повседневной речи оно очень часто попадает под действие процесса прагматикализации и в результате «выходит» из класса местоименных слов и «превращается» в компонент функциональной единицы дискурсивного уровня — прагматического маркера *это самое* (ЭС) [Богданова-Бегларян 2021: 18; Прагматические маркеры... 2021: 435–458], который является одним из объектов настоящей работы.

Второй объект *это* не является редуцированной формой ПМ *это самое*. В лингвистической литературе эта форма дается отдельно от ЭС в разнообразных списках «слов-паразитов», которые «свидетельствуют <...> о недостаточной речевой культуре» говорящего [Земская 1987: 91].

Третьим объектом внимания в исследовании является другая «лексикализованная конструкция с местоименным компонентом» [Подлесская 2013: 634] как *его* (*её, их*). Исследователи относят ее к классу хезитативных маркеров. Английское выражение *what chama call it* соотносится с данной конструкцией, поскольку в словарях его переводят именно как «*как его / ее / их там* (о вещи или человеке, названия или имени которого не могут вспомнить)»¹ или просто

¹ Англо-русский большой универсальный переводческий словарь [электронный ресурс] // URL: <https://eng-rus-big-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.10.2022).

как их там¹ (подробнее см.: [Hayashi, Yoon 2006; Podlesskaya 2010; Прагматические маркеры... 2021: 222]).

Б. Франк-Джоб отмечает, что одним из сопутствующих свойств образовавшегося ПМ является частое совместное употребление нескольких маркеров в одном контексте [Frank-Job 2006: 397] (подробнее о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи, а также о характеристики цепочек ПМ см., например: [Богданова-Бегларян 2019; Ким 2020; Сунь Сяоли 2022]). В настоящем исследовании наибольший интерес представляет влияние синтагматической активности («магнетизма») прагматических маркеров русской речи на их перевод.

Материалы и методы

Материалом для конкретного анализа в работе стали 19 контекстов из 8 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и их китайские переводы [Ли Бо 1936; Лэй Жань 1981; Цзян Чанбинь 1984; Дай Цун, Жэнь Чжун 1985; Вэй Фаньсюй и др. 1987; Ли Туншэн и др. 2002; Люй Шаоцзун 2004; Ли Ган 2010]. Все подобранные русские тексты являются оригинальными и содержат исследуемые 3 ПМ в «классической» форме именительно-внешнего падежей, среднего рода единственного числа *это самое* и 18 ПМ *как его* (*её, их*): 14 вариантов *как его* (77,8 %); 2 варианта *как ее* (11,1 %) и 2 варианта *как их* (11,1 %), которые выстраиваются в цепочки с другими маркерами. Видно, что чаще всего в романах употребляется ПМ *как его*. Кроме того, можно предположить, что именно этот маркер чаще притягивает к себе другие маркеры, т. е. имеет более высокую синтагматическую активность.

В работе применены такие методы, как целенаправленная выборка, с помощью которой был собран пользовательский подкорпус материала, а также его контекстный, сопоставительный и дискурсивный анализ.

Результаты анализа

Сначала рассмотрим три примера ПМ ЭС в составе комбинированных цепочек, ср.:

¹ Лингво-лаборатория «Амальгама» [электронный ресурс] // URL: <http://www.amalgama-lab.com> (дата обращения: 01.12.2022).

(1) *Именно это внушиает мне глубокую веру в это самое, как его, в окончательное торжество дела, которому мы с вами посвятили наши жизни* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

正是这一点, 喂, 使我对那个, 对你我为之贡献生命的事业及其最后胜利, 充满了信心。[Цзян Чанбинь, 2 1984: 549];

(2) *И дозвольте узнать, с револьверу это они это самое, значит, или с чего другого?* [НКРЯ. М. М. Зощенко. Дамское горе (1926)];

“请允许我问一下, 他, 看起来, 是用手枪干的, 还是别的什么枪?”[Люй Шаоцзун 2004: 118];

(3) *Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю, — руками и ногами, зарежут, говорят* [НКРЯ. А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)];

就是这件事呀: 我无论跟谁说, 无论怎样跟他们好说歹说, 谁也不愿意干。他们说, 这简直是要他们的命。[Лэй Жань 1981: 2].

В контексте (1) *это самое* и *как его* функционируют как *вербальные поисковые хезитативы*. Здесь можно наблюдать грамматическую гармонию обоих маркеров и найденного слова (*в это самое, как его — в окончательное торжество дела*). В контексте (3) единицы *да, вот, это самое* проявляют свою полифункциональность, выступая одновременно в роли стартовых маркеров и хезитативов. В примере (2) объектом поиска, осуществляемого говорящим с помощью хезитативов *это самое* и *значит*, является выражение (дополнение в структуре предложения) *или с чего другого*. Видно, что во всех трех примерах ПМ *это самое* объединяется с прагматически «синонимичными» хезитативно-поисковыми маркерами. Но только в контексте (1) переводчик нашел соответствующий аналог ПМ *это самое* в китайском языке: *那个 на гэ* (*nage*), при этом второй маркер *как его* в составе хезитационной цепочки так и остался незамеченным и непереведенным.

В примере (2) использован прием опущения ЭС, а маркер *как его* переведен как значимая единица 看起来 *кань ци лай* (kan qí lai) ‘выглядит’. В примере (3) переводчик не нашел адекватного соответствия в китайском языке и перевел хезитативный комплекс как значимые единицы 就是这件事呀 *цю ши чжэ цзянь ши я* (jiu shi zhe jian shi ya) ‘вот это дело’.

Далее рассмотрим, как употребляется и переводится маркер *как его* (*её, их*) в составе цепочек ПМ.

(4) *Речь его читал на конференции марксистов, этих, как их... Ну, вот земельным вопросом они... да как их, черт? Ну, земельников, что ли!* [НКРЯ. М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 1 (1932)];

“我读了他在马克思主义者的会议上的演说辞……他们是在那会议上讨论农村问题的。该死，他们叫什么呢……农村工作者，是吗？”[Ли Бо 1936: 9];

(5) *Но куда вы денете этого, как его, э... забыл его настоящую фамилию, Валерия Крайнова? — Надеясь на подсказку, он с мучительно напрягшимся лицом выждал мгновение-другое, но в ту пору крайновской тайны не знал пока и сам Саша* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

“可是您让那个人干什么呀，嗯……大概叫什么瓦列里·克拉伊诺夫吧？”昌德维茨基说到这里，凝神地顿了一会儿，指望萨沙能接过他的话头，但是当时的萨沙对克拉伊诺夫的秘密，也是毫无所知的。[Цян Чанбинь, 1984, 2: 573].

Это единственные два примера в исследуемом материале (из 18 случаев; 11,1 %), содержащих маркер *как его* (*её, их*), в которых переводчик совсем не перевел ПМ. В контексте (4) на хезитацию указывает только многоточие, в контексте (5) — неречевой звук э и многоточие (эн……), сохраненные переводчиком.

(6) *Ничего, сейчас мы вольем в наши старые цистерны эти терпкие бордоские калории и растопим этот, как его, э... ну, старинный наш лед!* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

没什么，来，往咱们的老皮囊里倾注些波尔特温卡路里吧，让苦酒来溶解，暖……咱俩之间，该怎么说呢，咱俩之间的寒冰吧！” [Цян Чанбинь, 2 1984: 590];

(7) — *Ну, в этом, как его... в старом мире. Не раз сама рефераты о нем читала... и одного никак в толк не возьму: уж сколько веков гниет, а все еще держится. Хоть бы в щелку на него взглянуть, что это за штука живущая такая... и почему, почему она не взорвалась, не распалась давно от одной боли людской?* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

“喏，就是在那里……在旧世界。关于它，我读过一些东西……有一点我实在想不通：它腐烂着，已经几个世纪了，可是却没有死掉。我真想去看它一眼，看看那里都是些什么人……为什么？究竟为什么它还没有自行爆炸，自行瓦解？单是因为人们的痛苦就该这样了，对吗？”[Цян Чанбинь, 1984, 2: 529];

(8) — *Ты тут чего?*

— *А я, Исаи Ермилыч... Этого... как его... — завилял елейным голосочком целовальник. — Проведать, не созоровала ль чего с вами Стешка... Кто ее знает?.. Опаска не вредит. А я за своих гостей в ответе быть должен... Хи-хи-хи!..* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];

“你在这儿干什么？”

“我……伊萨依·叶尔米雷奇……是……这个……”掌柜的轻声细气地支吾着，说不出个所以然来。他眼珠一转，“我看看斯乔莎是不是对您起了坏心……她可没准儿……小心点儿没坏处。我得对我的客人负责……嘿嘿、嘿嘿！……”[Ли Туншэн и др., 2 2002: 1077];

(9) *бедноватая обстановка вихровского жилья и неестественное после долгой разлуки радущие этой... ну, как ее?* — Таиски [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

维赫罗夫简朴的住宅，久别之后的那个……她叫什么啦？啊，塔伊西卡…… [Цзян Чанбинь, 1 1984: 141].

В примере (6) цепочка состоит из хезитативных маркеров (*этот, как его*), неречевого звука (э...) и частицы (ну). В параллельном китайском тексте переводчик нашел аналог только маркеру *как его* — 该怎么说呢 چжэ ىزىن مە شۇ نە (gai zen me shuo ne) ‘как сказать’.

В примере (7) вербальный хезитатив *в этом* был переведен как соответствующий китайский маркер 在那里 ىزاي на ли (zai na li) ‘там’, а другой маркер — *как его* — был переводчиком проигнорирован. Кроме этого, многоточие после *как его* в русском оригинале был сохранено и перемещено после первого переведенного маркера 在那里 ىزай на ли (zai na li) ‘там’.

В контексте (8) только хезитативный маркер *этого* был переведен как аналогичный китайский хезитатив 这个 چжэ گэ (zhege) ‘этот’, а маркер *как его* в переводе был опущен.

В последнем примере (9) два хезитатива удалось перевести как китайские соответствия *那个* на گэ (nage) ‘тот’ и *她叫什么啦* та ىزىلەشىن مە لە (ta jiao shen me la) ‘как ее зовут’, но частица ну, также важная в русском тексте для реализации функции поиска, осталась непереведенной.

Другими словами, в данных четырех случаях переводчики перевели только часть компонентов цепочек ПМ и не полностью воссоздали аналогичные цепочки в переведенном тексте.

В остальных примерах из пользовательского подкорпуса (12; 66,7 %) все ПМ в составе цепочек были переведены как китайские соответствия, ср.:

(10) *А Прохор Петрович в самый разгар работ пробыл у этих... как их... у Божьих людей... Сколько? Ну вот, полтора месяца. Раз! А потом — болезнь. Два! Ну, и все кувырком. Это уж ясно* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];

可普罗霍尔·彼得罗维奇在最吃紧的时候却在这些……怎么称呼他们呢……在这些好人那里待了……待了有多久呢？噢，瞧瞧，有半个月。这是一！后来又病了。这是二！于是情形就完全不同的。这已经很清楚了。[Ли Туншэн и др., 2002, 2: 1161]

(у этих → 这些 چжэ се ‘у этих’; как их → 怎么称呼他们呢 ىزىن مە چەن ху та мэн нэ ‘как их называть’);

(11) *Караваев уставился бельмом на Чику, неохотно сказал:*

— *Да тут... как его...* калмычонок один подсел ко мне. Сайгаков ушел промышлять, надо быть [НКРЯ. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 1-я. Ч. 3 (1934–1939)];

“就在这儿……他是是个加尔梅克人，搭我的车一块来的。想来他一定是去打羚羊了。”[Дай Цун и др., 1985, 2: 486] (Да тут → 就在这儿 ىزю ىزاي چжэ эр ‘да тут’; как его → 他是 та ши ‘он (есть)’);

(12) — *Я давеча сказал: между прочим... О чем, бишь, я? — взгляд Петра опять поймал на прицел Елизавету Воронцову и красавчика-поляка. — Да! Вы, господа, помните этого мальчишку... как его, как его?.. гвардейца, юнкера...* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 1-я. Ч. 1–2 (1934–1939)];

“我刚才说，我倒要问问……不过，问什么来着，忘了，”彼得的视线又盯住了伊丽莎白·沃隆佐娃和那个波兰美男子。“想起来了。先生们，你们还记得那个小子……他叫什么来着，什么来着？……就是那个近卫军，士官生……”[Дай Цун и др., 1985, 1: 155] (как его → 他叫什么来着 та ىزىلەشىن مە لاي چжэ, ‘как его зовут’; как его → 什么来着 ىزىن مە لاي چжэ ‘как его’);

(13) *Ты кого говоришь-то? Кого говоришь-то? Она замуж-то вон куда выходила — в Краюшконо, ну! Правильно. За этого, как его? За этого... За Митьку Хромова она выходила! — Ну, за Митьку. — А Хромовых раскулачили...* [НКРЯ. В. М. Шукшин. Калина красная (1973)];

“你说的是谁？说的是谁？她嫁到老远的克拉尤什基诺去了，对吧”“对于。嫁给那个……叫什么来着？那个……”“她嫁给了米基卡·赫罗莫夫！”“对，嫁给了米基卡。”[Вэй

Фаньсюй и др. 1987: 44] (За этого → 那个 *na gэ* ‘ тот ’; *как его* — 叫什么来着 *цзяо шэнь мэ лай чжэ* ‘ как зовут ’; За этого → 那个 *na gэ* ‘ тот ’);

(14) *Поэтому разумнее было бы говорить о длительности не войны, а самых передышек. Какая у вас отметка по этой, как ее... политграмоте?* [НКРЯ. Л. М. Леонов. *Русский лес (1950–1953)*];

因此, 较为明智的是, 不应该谈论战争会持续多久, 而应该探讨人类能够取得多长喘息的间歇。您的……那叫什么学科啦? 啊, 政治常识得几分? [Цзян Чанбинь, 1984, 1: 119] (*по этой* → 那 *na* ‘ тот ’; *как ее* → 叫什么学科啦 *цзяо шэнь мэ сюе кэ ла* ‘ как предмет называется ’);

(15) *Тут Прохор вовремя опамятался и невнятно промямлил: — Я вас, извините, этого — как его, я вас собирался послать... Впрочем... До свиданья* [НКРЯ. В. Я. Шишков. *Угрюм-река. Ч. 1–4 (1928–1933)*];

普罗霍尔及时清醒过来, 含糊地慢吞吞地说: “对不起, 这一怎么说呢, 我就会将您送去……不过……再见吧。”[Ли Туншэн и др., 2002, 1: 464] (этого → 这 *чжэ* ‘ это ’; *как его* → 怎么说呢 *цзэнь мэ шо нэ* ‘ как сказать ’).

Что касается ПМ *это* в разных грамматических формах, то в переводе нашлись разные варианты двух его китайских аналогов 这个 *чжэ гэ* (*zhege*) ‘ это ’ и 那个 *на гэ* (*nage*) ‘ тот ’: 这些 *чжэ се* (*zhe xie*) ‘ у этих ’ (10); 那个 *на гэ* (*nage*) ‘ тот ’ (13); 那 *на* (*na*) ‘ тот ’ (14); 这 *чжэ* (*zhe*) ‘ это ’. В контексте (11) переводчик перевел хезитативную конструкцию *да тут* как китайскую аналогичную конструкцию 就在这儿 *цю цзай чжэ* *ер* (*jiu zai zhe er*) ‘ да тут ’.

Для ПМ *как его* (*её, их*) в ходе исследования выявлено пять приемов перевода:

- 1) воспроизведение аналогического хезитатива: *как его* → 什么来着 *шэнь мэ лай чжэ* ‘(*shen me lai zhe*) его’ (12);
- 2) похожий хезитатив: *как его* → 怎么说呢 *цзэнь мэ шо нэ* (*zen me shuo ne*) ‘ как сказать ’ (15);

- 3) замена ПМ полнозначной фразой с поисково-хезитативной функцией: *как их* → 怎么称呼他们呢 *цзэнь мэ чэн ху та мэн нэ* (*zen me cheng hu ta men ne*) ‘ как их называть ’ (10); *как его* → 他叫什么来着 *ta цзяо шэн мэ лай чжэ* (*ta jiao shen me lai zhe*) ‘ как его зовут ’ (12);
- 4) замена ПМ неполным выражением: *как его* → 他是 *ta shi* (*ta shi*) ‘ он (есть) ’;
- 5) замена личного местоимения на имя существительное: *как ее* → 叫什么学科啦 *цзяо шэнь мэ сюе кэ ла* (*jiao shen me xue ke la*) ‘ как предмет называется ’.

Важно отметить, что, несмотря на различную степень точности воспроизведения оригинального текста с помощью выявленных способов перевода, хезитативная функция русских ПМ во всех переводных текстах оказалась воссоздана, т. е. достигнута эквивалентность на уровне речевой функции, помогающей реализовать общую цель коммуникации. Согласно мнению А. В. Федорова, «понимание языка не как формы, а как функции, как носителя содержания, которое с помощью его средств получает особое освещение, понимание конечной цели перевода не как создания некоего слепка с языка оригинала, а как воссоздания этого единства содержания и формы, которое образует произведение литературы; осуществление этой задачи было мыслимо только в функциональном плане и по отношению не к отдельно взятым деталям, а к тому целому, каковым является литературное произведение, носящее печать индивидуального стиля творческой личности писателя» [Федоров 1967: 34].

По данным проведенного исследования, в 16 случаях употребления *как его* (*её, их*) присоединяется к ПМ *это*, в том числе в 15 случаях — слева, в 1 случае — с двух сторон; одно его употребление присоединяется к ПМ *это самое*; и еще одно просто дублируется. Этот результат соответствует данным об активном использовании структурных вариантов ПМ *это* и *как его* (*её, их*) в живой речи (подробнее об этом см.: [Прагматические маркеры... 2021: 223]).

Результаты исследования в определенной степени также показали, что речь персонажей художественных произведений является неплохой имитацией живой разговорной речи. Шесть подобранных контекстов извлечены из романа Л. М. Леонова «Русский лес», 4 контекста — из романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река», а в других произведениях встретились только единичные примеры.

Кроме всего сказанного, произведенный анализ показал большую разницу в степени сложности перевода цепочек с двумя исследуемыми русскими прагматическими маркерами.

Так, китайские переводчики легко ассоциируют ПМ *как его* (*её, их*) с выражением *как его* (*её, их*) *зовут/называют*, которое в роли вводной конструкции в составе предложения также может реализовать поисково-хезитативную функцию, поэтому понимание и воспроизведение функции данного маркера не приносит переводчикам много труда. Стоит отметить, что аналогичный или похожий китайский ПМ не всегда удается найти: 什么来着 *шэнь мэ лай чжэ* (*shen me lai zhe*) ‘как его’ (3); 怎么说呢 *цзэн мэ шо нэ* (*zen me shuo ne*) ‘как сказать’ (4). Только в одном переведенном тексте данный маркер был опущен (1). В остальных случаях его перевели как выражение на китайском языке *как его* (*её, их*) *зовут/называют* (10).

Что касается маркера *это*, который часто притягивается к ПМ *как его* (*её, их*), то переводчикам гораздо легче найти его аналог, поскольку его буквальный перевод *这个 чжэ гэ* (*zhege*) тоже часто употребляется в китайской повседневной речи как хезитатив. Хезитативный маркер *这个 чжэ гэ* (*zhege*) на китайском языке имеет свой аналог — *那个 на гэ* (*nage*) ‘то’, поэтому в переводах часто используются оба маркера.

По сравнению с маркером *это*, перевод ПМ *это самое* оказался гораздо труднее, потому что в данном случае слово *самое* в китайском языке не имеет своего эквивалента, сочетание *это* и *самое* осложняет ощущение и понимание переводчиком его хезитативной функции, тем более поиск его аналогов. Только «немногие переводчики способны не только точно определить функцию *это самое* в исходном контексте,

но и использовать в переводе соответствующий китайский ПМ — для достижения эквивалентности на уровне функции» [Sun Xiaoli 2021: 328]. Кроме того, ПМ *это самое* не имеет абсолютного эквивалента в китайском языке, поэтому опытные переводчики часто используют для его перевода аналоги маркера *это* — *这个 чжэ гэ* (*zhege*) ‘это’ и *那个 на гэ* (*nage*) ‘то’. Таким образом, можно понять, почему цепочки ПМ, содержащие *как его* (*её, их*) и *это*, гораздо легче перевести, чем цепочки ПМ, содержащие маркер *это самое*.

Во всех подобранных контекстах все маркеры, объединяющиеся в цепочки, имеют сходные (прагматически «синонимичные») функции. Не нашлось ни одного случая цепочки, состоящей из разнофункциональных ПМ (об употреблениях «несинонимичных» ПМ в живой повседневной речи см.: [Богданова-Бегларян 2019; Сунь Сяоли 2022]). Помимо этого, по сравнению с употреблениями исследуемых ПМ в естественной повседневной речи, имитируемые авторами в художественных произведениях цепочки ПМ оказались гораздо короче. Все это свидетельствует о дистанции между стилизованной (квазиспонтанной) и настоящей спонтанной речью и о неправомерности отождествления дискурса персонажей и естественной речи.

Заключение

«Для искусства перевода важно, чтобы он был максимально полным воспроизведением оригинала и полноценным литературным произведением. Перевод изначально не может быть равным оригиналу, потери и добавления неизбежны, но он должен соответствовать ему по силе и направленности эмоционального воздействия на читателей» [Модестов 2006: 23]. Стилизованная разговорная речь занимает важное место в структуре художественных произведений, с ее помощью автор передает индивидуальные особенности речи персонажей, создает их речевой портрет. Поиски приемов хорошего перевода разговорной речи можно считать актуальной и перспективной задачей современного переводоведения. Синтагматическая активность русских ПМ может повышать сложности перевода, и переводчику труд-

но полностью адекватно воссоздать комбинированную цепочку ПМ в переведном тексте. Это требует от него применения метода дискурсивного анализа, учета кон-

текстных факторов, правильного понимания функции ПМ, чтобы сохранить индивидуальность персонажей оригинального литературного произведения.

Источники материала и иные ресурсы

Вэй Фаньсюй и др. 1987 — 韦范序等译. 瓦•马•舒克申 (作者). 红莓. 上海: 上海译文出版社, 1987. 379 页. (= Вэй Фаньсюй и др. (пер.). *B. M. Шукшин*. Калина красная. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 1987. 379 с.)

Дай Цун и др. 1985 — 戴骢, 任重 (译者). 维•雅•希什科夫 (作者). 普加乔夫第1卷. 福州: 海峡文艺出版社, 1985. 上部: 342 页, 下部: 538 页. (= Дай Цун, Жэнь Чжун (пер.). *B. Я. Шишков*. Пугачев. Т. 1. Фучжоу: Хайсякское изд-во лит-ры и искусства, 1985. Ч. 1. 342 с.; Ч. 2. 538 с.)

Ли Бо 1936 — 立波 (译者). 米·阿·萧洛霍夫 (作者). 被开垦的处女地. 北京: 作家出版社, 1936. 326 页. (= Ли Бо (пер.). *M. A. Шолохов*. Поднятая целина. Пекин: Изд-во писателей, 1936. 326 с.)

Ли Ган 2010 — 力冈 (译者). 米·阿·肖洛霍夫 (作者). 静静的顿河. 南京: 译林出版社, 2010. 1462 页. (= Ли Ган (пер.). *M. A. Шолохов*. Тихий Дон. Нанкин: Изд-во Илинь, 2010. 1462 с.)

Ли Туншэн и др. 2002 — 李通生等 (译者). 维•雅•希什科夫 (作者). 乌克留姆河. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2002. 上部: 55 页,

下部: 1177 页. (= Ли Туншэн и др. (пер.). *B. Я. Шишков*. Угрюм-река. Харбин: Северное лит.-худож. изд во, 2002. Ч. 1. 554 с.; Ч. 2. 1177 с.)

Лэй Жань 1981 — 磬然 (译者). 安谢·马卡连柯 (作者). 教育诗. 北京: 群众出版社, 1981. 299 页. (= Лэй Жань (пер.). *A. С. Макаренко*. Педагогическая поэма. Пекин: Изд-во народа, 1981. 299 с.)

Люй Шаоцзун 2004 — 吕绍宗 (译者). 米·米·左琴科 (作者). 左琴科幽默讽刺作品集. 南京: 译林出版社, 2004. 494 页. (= Люй Шаоцзун (пер.). *M. M. Зощенко*. Избранные юмористические и сатирические произведения Зощенко. Нанкин: Изд-во Илинь, 2004. 494 с.)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.11.2022).

Цзян Чанбинь 1984 — 姜长斌 (译者). 列·列昂诺夫 (作者). 俄罗斯森林. 黑龙江: 黑龙江人民出版社. 1984. 上部: 457页; 下部: 828页. (= Цзян Чанбинь (пер.). *Л. М. Леонов*. Русский лес. Хэйлунцзян: Хэйлунцзянское народное изд-во, 1984. Ч. 1. 457 с.; Ч. 2. 828 с.)

Sources

Leonov L. M. The Russian Forest. Jiang Changbin (transl.). Heilongjiang: Heilongjiang People's Publishing House, 1984. Part 1, 457 p.; part 2, 828 p. (In Chin.)

Makarenko A. S. The Pedagogical Poem. Lei Ran (transl.). Beijing: Qúnhòng Publishing House, 1981. 299 p. (In Chin.)

Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 10 November 2022). (In Russ.)

Shishkov V. Ya. Gloomy River. Li Tongsheng et al. (transl.). Harbin: Northern Literature and Art Publishing House, 2002. Part 1, 554 p.; part 2, 1177 p. (In Chin.)

Shishkov V. Ya. [Yemelyan] Pugachev. Dai

Cong, Ren Zhong (transl.). Vol. 1. Fuzhou: Haixia Literature & Art Publishing House, 1985. Part 1, 342 p.; part 2, 538 p. (In Chin.)

Sholokhov M. A. And Quiet Flows the Don. Li Gang (transl.). Nanjing: Yilin Publishing House, 2010. 1462 p. (In Chin.)

Sholokhov M. A. Virgin Soil Upturned. Li Bo (transl.). Beijing: Writers Publishing House, 1936. (In Chin.)

Shukshin V. M. Snowball Berry Red. Wei Fanxu et al. (transl.). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 1987. 379 p. (In Chin.)

Zoshchenko M. M. Selected Humorous and Satirical Writings of Zoshchenko. Lu Shaozong (transl.). Nanjing: Yilin Publishing House, 2004. 494 p. (In Chin.)

Литература

Богданова-Бегларян 2019 — Богданова-Бегларян Н. В. Один в поле не воин: о «магне-

тизме» pragmatischen markern in russischer gesprochener sprache // Социо- и психолингвистические исследования. 2019, № 7. С. 14–19.

- Богданова-Бегларян 2021 — Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1963. С. 348–350.
- Виноградова 1979 — Виноградова В. Н. О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 66–76.
- Горбунова 2021 — Горбунова Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 275 с.
- Зайдес 2020 — Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 247 с.
- Земская 1987 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1987. 237 с.
- Ким 2020 — Ким Т. Г. Прагматические маркеры русской устной речи в составе комбинированных цепочек (монолог vs диалог). Дипл. соч. СПб., 2020. 104 с.
- Модестов 2006 — Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Лит. ин-т им. М. Горького, 2006. 463 с.
- Подлесская 2013 — Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Прагматические маркеры... 2021 — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. М.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Рыжова 2003 — Рыжова Н. В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 29–34.
- Сунь Сяоли 2022 — Сунь Сяоли. Прагматический маркер *это самое* в составе комбинированных цепочек в современном устном дискурсе (корпусное исследование) // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 10. 2022. С. 63–69.
- Федоров 1967 — Федоров А. В. К вопросу о переведимости // Актуальные проблемы теории художественного перевода: мат-лы Всесоюзн. симпозиума (г. Москва, 25 февраля – 2 марта 1966 г.). М.: Советский писатель, 1967. С. 31–37.
- Frank-Job 2006 — Frank-Job B. A. Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles / K. Fischer (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 395–413.
- Hayashi, Yoon 2006 — Hayashi M., Yoon K. A Cross-Linguistic Exploration of Demonstratives in Interaction: With Particular Reference to the Context of Word-formulation Trouble // Studies in Language. № 30, 2006. Pp. 485–540.
- Podlesskaya 2010 — Podlesskaya V. I. Parameters for Typological Variation of Placeholders: Fillers, Pauses and Placeholders // Typological Studies in Language (TSL), vol. 93 / N. Amiridze, B. H. Davis and M. MacLagan (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32.
- Sun Xiaoli 2021 — Sun Xiaoli. The Ways of Translating Pragmatic Marker *ETO SAMOE* (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // Communication Studies. 2021. Vol. 8, No. 2, Pp. 323–332.

References

- Baudouin de Courtenay I. A. Some general provisions to which Baudouin was led by his observations and studies of language phenomena. In: Baudouin de Courtenay I. A. Selected Works on General Linguistics. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. Pp. 348–350. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 520 p. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. Editorial. In: Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 5–52. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N. V. One in the field is not a warrior: On the “magnetism” of pragmatic markers in the Russian speech. *Socio- and psycholinguistic studies*. 2019. No. 7. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Fedorov A. V. Translatability revisited. In: Current Questions of Theory of Literary Translation. Symposium proceedings (Moscow, 25 February – 2 March 1966). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1967. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Frank-Job B. A. Dynamic-interactional approach to discourse markers. In: Fischer K. (ed.) *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 395–413. (In Eng.)
- Gorbunova D. A. Pragmatic Markers of Russian Colloquial Speech: Correlation with the Speaker’s Personality Type. Cand. Sc. (philology) thesis. Typescript. St. Petersburg, 2021. 275 p. (In Russ.)
- Hayashi M., Yoon K. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: With particular reference to the context of word-formulation trouble. *Studies in Language*. 2006. No. 30. Pp. 485–540. (In Eng.)
- Kim T. G. Pragmatic Markers of Russian Colloquial Speech in Combined Chains: Monologue vs Dialogue. BA thesis. Typescript. St. Petersburg, 2020. 104 p. (In Russ.)
- Modestov B. C. Literary Translation: History, Theory, Practice. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute, 2006. 463 p. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders: Fillers, pauses and placeholders. In: Amiridze N., Davis B. H., Maclagan M. (eds.) *Typological Studies in Language (TSL)*. Vol. 93. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. (In Eng.)
- Podlesskaya V. I. Vague reference in Russian: Evidence from spoken corpora. In: Selegey V. P. (ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Conference proceedings* (Bekasovo, 29 May – 2 June 2013). Is. 12 (19). In 2 vols. Vol. 1: Basic Conference Program. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2013. Pp. 631–643. (In Russ.)
- Ryzhova N. V. Exploring colloquial speech as a special variety of fiction language. *Bulletin of People’s Friendship University of Russia. Series ‘Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching’ (Russian Language Studies)*. 2003. No. 1. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Sun Xiaoli. The pragmatic marker *eto samoe* within combined chains in modern oral discourse (corpus study). *Socio- and psycholinguistic studies*. 2022. No. 10. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Sun Xiaoli. The ways of translating pragmatic marker ETO SAMOE (Based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts). *Communication Studies*. 2021. Vol. 8. No. 2. Pp. 323–332. (In Eng.)
- Vinogradova V. N. Stylization of colloquial speech in contemporary fiction revisited. In: *Essays on Stylistics of Fiction*. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 66–76. (In Russ.)
- Zaides K. D. Pragmatic Predicative Type Markers in Spontaneous Russian Colloquial Speech. Cand. Sc. (philology) thesis. Typescript. St. Petersburg, 2020. 247 p. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Teaching Problems. 2nd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 237 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 222–231, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-222-231

«Средневековый BLM¹»: образ чернолицего в персидской суфийской поэзии

Андрей Александрович Лукашев¹

¹ Институт философии РАН (д. 12, стр. 1, ул. Гончарная, 109240 Москва, Российская Федерация)
кандидат философских наук, старший научный сотрудник

ID 0000-0001-6328-9196. E-mail: andrew_l[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Лукашев А. А., 2023

Аннотация. Введение. Образ чернолицего часто встречается в различных мусульманских текстах, начиная с Корана и заканчивая суфийской поэзией. Можно зафиксировать не просто различные, но и прямо противоположные его трактовки, что ставит перед исследователями проблему корректной интерпретации этого образа. Целью исследования является изучение особенностей функционирования и семантическое наполнение образа чернолицего в суфийской поэзии. *Материалы и методы.* Исследование проведено на материале классического сочинения Мадждуда Санай «Сад Истины и закон пути», а также других сочинений персидской и арабской литературы. Были использованы методы текстуальной реконструкции, контекстного анализа и описательной поэтики. *Результаты.* Было установлено, что в средневековой исламской культуре чернокожие воспринимались зачастую не просто как люди второго сорта — им, подчас, даже отказывалось в наличии антропологического статуса. В Коране черное лицо является признаком позора и неверия. Чернокожие дискриминировались дважды: и по цвету кожи, и по религиозному признаку; в основной массе они были язычниками, причем язычниками, которые активно сопротивлялись исламизации. Это обстоятельство служило юридическим обоснованием для их порабощения. Для многих арабских авторов чернокожий — это раб, нечестивый, дикий язычник. Эти его качества нашли свое выражение и в литературе. Однако в персидском суфизме образ чернолицего получает переосмысление. Его внешняя чернота, теперь уже не только уродство, но и след черного света божественной самости. Божественная самость черна, поскольку недоступна для познания. Вместе с тем она — само бытие, таким образом, всякое сущее получило свое бытие из этого божественного источника. Мадждуд Санай пишет о том, что черноликий опален черным светом этой божественной самости, т. е. причастен ее бытию. Кроме того, низкий социальный статус чернокожего стал для суфьев еще и средством освобождения от мирских

¹ BLM (англ. Black Lives Matter — «Жизни чёрных имеют значение») — общественное движение в США, выступающее против расовой дискриминации чернокожих.

привязанностей и социальных связей. Чернокожий как поэтический образ оказывается совершенным нищим, подобно чернокожему рабу, который не владеет ничем и соответственно свободен от всего, что связывает его с миром множественных вещей. Он соединился с единой божественной самостью в акте уничтожения своего «я» — *фана*. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что образ чернолицего выполняет те же функции, что и широкий пласт иноконфессиональных образов в суфийской литературе. Так же, как и образы неверного, язычника, зороастряйца и христианина, он был переосмыслен суфийскими авторами в положительном ключе.

Ключевые слова: арабы, ислам, суфизм, персидская поэзия, чернокожий, чернолицый, раб, нищий, самость, *фана*

Для цитирования: Лукашев А. А. «Средневековый BLM»: образ чернолицего в персидской суфийской поэзии // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 222–231. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-222-231

Medieval BLM: Black Face in Persian Sufi Poetry

Andrey A. Lukashev¹

¹ Institute of Philosophy of the RAS (12/1, Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Senior Research Associate

 0000-0001-6328-9196. E-mail: andrew_l[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Lukashev A. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The black-faced are mentioned in different Muslim texts — from the Quran to Sufi poems. One can trace not just diverse but rather opposite interpretations, and researchers have to face certain problems when it comes to analyze some related images. *Goals.* The study attempts an insight into functioning and semantic features inherent to images of the black-faced in Sufi poetry. *Materials and methods.* The work analyzes a number of classical Persian and Arabic writings, such as The Walled Garden of Truth by Sanai, and others. The employed research methods include those of textual reconstruction, contextual analysis, and descriptive poetics. *Results.* The paper shows in medieval Islamic culture the black-skinned were often treated not just as second-class individuals, they were sometimes not even viewed as humans. In the Quran, a black face symbolizes disgrace and infidelity. The blacks in Islamic culture were discriminated twice: by skin color and on religious grounds, since most of them were pagans that actively resisted Islamization. This circumstance served a legal rationale for their enslavement. Thus, for many Arab writers a black was a slave, an uncivilized ungodly pagan. These characteristics one can find both in Arabic and Persian literatures. But in Persian Sufism the image of the black-skinned gets revisited. Their outward blackness is the trace of the black light of the divine selfness rather than just an ugly imperfection. The Divine selfness is dark for it cannot be conceived, and is above all human ideas about it. However, the Divine selfness is the being itself, so every existent thing had received being from this Divine source. In this context, Sanai writes that a black-faced is singed by the black light (or fire) of the Divine selfness, and is thus involved with this being. Besides, Sufis tended to view the low social status of the black as a means of liberation from worldly attachments and social connections, each black-skinned individual be thus believed to have united with the One Divine selfness to annihilate his own self (*fana*). *Conclusions.* So, the image of the black-faced performs functions similar to those characteristic of a wide layer of characters from other religions in Sufi literature: just like images of infidels, pagans, Zoroastrians, and Christians — this was reinterpreted by Sufi authors in a positive manner.

Keywords: Arabs, Islam, Tasawwuf, Persian poetry, negro, black-faced, slave, beggar, selfness, *fana*

For citation: Lukashev A. A. Medieval BLM: Black Face in Persian Sufi Poetry. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 222–231. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-222-231

Введение

Расовая дискриминации чернокожих обычно воспринимается как локальная проблема, созданная американскими и европейскими колонизаторами. Когда обыватель слышит словосочетание «чernокожий раб», он зачастую думает об определенном этапе в истории Соединенных Штатов Америки. Тем не менее рабство чернокожих — явление с богатым прошлым, и история чернокожего рабства началась далеко не с эпохи Великих географических открытий. Чернокожее население Африки было порабощено задолго до прихода европейцев на континент.

Целью исследования является изучение особенностей функционирования и семантическое наполнение образа чернолицего в суфийской поэзии. Исследование проведено на материале классического сочинения Мадждуда Санай «Сад Истины и закон пути», а также других сочинений персидской и арабской литературы. В статье использованы методы текстуальной реконструкции, контекстного анализа и описательной поэтики.

Отношение к чернокожим в ранней исламской культуре

Чернокожих как рабов описывают и ранние, и поздние арабские историки, причем в их трудах чернокожие зачастую предстают как существа, лишенные антропологического статуса, де-факто равные / подобные животным. В частности ат-Тахтави (1801–1873) пишет о том, что чернокожие «в принципе подобны пасущемуся скоту, что не отличает разрешенное от запретного, они не умеют читать и писать, они вовсе не имеют простейшего знания о земной и загробной жизни»¹ [Казим 2004: 167]. В свою очередь ал-Джахиз (775–868) признавал, что чернокожие знакомы с риторикой, и, тем не менее, как передает Ибн ан-Надим (995/998), их «красноречие» более походит на блеяние животных, чем на человеческую речь. Чернокожие, по ал-Джахизу, владеют риторикой, более того, они велеречивы, хотя в их речах и нет смысла; иными словами, «если они и поднялись [в развитии] выше животных, то незначительно» [Казим 2004:

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи, если не указано иное.

69]. Известно также высказывание ат-Тавуса (ок. 634–724), сподвижника Абдаллаха Ибн Аббаса (619–686): «Негр — раб с обезображенным обличием». Продолжая свою мысль, ат-Тавус замечал: «видели ли вы хоть что-то благое у негров?!» [Казим 2004: 174] Все это, конечно, создавало условия для развития работорговли: к тому, кто лишен антропологического статуса, проще относиться как к вещи, его можно делать предметом торга без моральных издержек.

Важным свидетельством являются стихи известного доисламского поэта Антары Ибн Шаддада (ок. 525–615). Так, во многих своих касыдах полулегендарный воин и стихотворец жалуется на то, что страдал от дискриминации по цвету кожи:

Меня не оскверняет темноцветье кожи,
И имя матери, что красно, будто день погожий...
Ах, если б жизнь дала мне совершить по чуду —
Я белых краснобаев поверг бы, чернокожий!²

[Диван Антар 1893: 9–10].

В другом месте он пишет:

Если б я и не был черным —
Мускус бы стал моим соцветьем.
Ну что ж поделать, если кожу
Неисцелимо чернь проела?
Зато греховное бесчестье
Безмерно от меня далеко —
Как небо, что не знает тверди³.

[Диван Антар 1893: 9–10].

Такое отношение к чернокожим, вероятно, было связано с тем, что в культурном плане они существенно отставали от арабов. На момент возникновения ислама же негры, будучи язычниками, дискриминировались по религиозному признаку и довольно ожесточенно сопротивлялись исламизации. Именно поэтому мусульманские авторы следующим образом определяют понятие «негр» (зиндж⁴): «... население южного

² Перевод Ф. О. Нофала, еще не изданный, публикуется с его разрешения.

³ Перевод Ф. О. Нофала.

⁴ Этимология слова «зиндж» неоднозначна. Различные авторы возводят его и к Занзибару, и к глаголу «испытывать сильную жажду» (занаджса). Арабские географы определяли положение земли зинджей на территории современного Сомали.

Ирака, которое в середине IX в. воевало с центральной властью» [Амини-Кашани 1395¹: 615]. В действительности же негритянские восстания начались еще раньше: начиная с 689–690 г. причиной восстаний обычно объявлялась жестокость в обращении с рабами. При подавлении восстаний арабы с жертвами не считались [Амини-Кашани 1395: 615].

В истории негритянских восстаний сыграли свою роль и алиды², использовавшие недовольство чернокожих рабов в борьбе за власть. В частности одно из самых успешных негритянских восстаний возглавил во все не негр, а потомок эпонима зейдизма, Зейда Ибн Али — Али б. Мухаммад [Фильшинский 1985: 363, 409] по прозвищу *Са-хаб аз-Зиндж*, «Владыка зинджей».

Как бы то ни было, для мусульман негры были в первую очередь неверными. Это обстоятельство давало юридическое основание для их порабощения. Поскольку мусульманина нельзя увести в рабство, по шариату стать порабощенным может только плененный неверный [ал-Бабирти 1318: 316].

В Коране черное лицо фигурирует как признак того, что человек опозорен, обесчещен (см., напр.: [Коран 2004: 58]). Это может свидетельствовать о том, что на момент ниспослания откровения пророку Мухаммаду черное лицо среди арабов уже считалось признаком позора и бесчестия.

В Коране черное лицо напрямую связывается с неверием и оствлением ислама: «В тот день, когда у одних лица побелеют, у других лица почернеют. „Вы, у которых лица черны, — не вы ли сделались неверными после того, как были верующими? Так вкусите муку за то, что сделались неверными“» [Коран 2004: 42]. Конечно, «черное лицо» в кораническом тексте нельзя сводить лишь к образу негра, это в большей степени указание на нечестие, неверие и позор, чем на расовую принадлежность. При этом, как будет показано ниже, средневековые авторы ассоциировали негров с кораническими черноликими.

Кроме того, в корпусе сунны обнаруживается множество хадисов, где содержится

¹ Здесь и далее год публикации дается также по хиджре.

² Алиды — потомки четвертого праведного халифа и первого имама шиитов — Али ибн Аби Талиба.

очевидное порицание негров. Вот некоторые из них: «Остерегайтесь негров, у них безобразный облик»; «Воистину черные живут для своего чрева и половых органов»; «Худшие из людей черны, как смоль»; «Да проклянет Аллах черных, ибо среди них есть За-ас-Судейя» (цит. по: [Казим 2004: 174]).

Если обратиться к ранней персидской поэзии, то у Хакима Фирдоуси слово «негр» (занги) чаще всего употребляется как эпитет мрака — «темный, как лицо негра», также в одном из стихов Хаджв-наме, сатиры на султана Махмуда Газнави, он уподобляет неграм неисправимых «скверных»:

Не надейся на скверных,
Ведь негра не отмыть добела.
От злонравных не удивительно зло —
Ночь от темноты не избавишь [Фирдоуси].

Нечто подобное можно увидеть и в творчестве Касема Анвара, который в поэме «Друг мистиков» (*Анис ал-‘арифин*) использует образ негра, рожденного в неверии (занги *зада-и би дин*) [Ма‘рифат 1392: 122].

Кроме того, известно о средневековой практике наказания через чернение лица, которое должно было свидетельствовать о бесчестии наказуемого [Васильцов 2009: 169].

Таким образом, ассоциацию черного цвета кожи с нечестием и позором можно считать устойчивой для исламской культуры в целом.

Черноликие в суфизме

Ситуация меняется, когда на литературную арену выходит суфизм. Суфизм, конечно, не отказывается всецело от привычных ассоциаций черного лица с нечестием, в частности, Ибн Араби (1165–1240) в «Гемме мудрости откровенной в слове Салеховом» приводит рассказ о самудянах, которых Бог покарал за приверженность язычеству: их лица почернели на третий день, а после грешники погибли [Смирнов 1993: 201–202].

Другой выдающийся суфийский автор — Махмуд Шабистари — в одном из своих произведений пишет об уродстве чернокожего [Лукашев 2020: 69], буквально цитируя Санай, который ввел в литературный оборот сюжет о негре, увидевшем свой уродливый образ в зеркале [Ма‘рифат 1392: 119].

Вместе с тем в суфизме возникают понятия «величайшая чернота» и «чернолицый

в двух мирах» (*савад ал-ваджх фи ад-дайн*), которые переворачивают представление о черноте лица. Эти понятия можно считать тождественными; упомянутый Махмуд Шабистари в поэме «Цветник тайны» так объясняет одно понятие через другое:

Черноликость в двух мирах, о, дервиш,
Стала «величайшей чернотой» — ни больше,
ни меньше!

[Шабистари 2021: 70]

В этот же синонимический ряд попадает и понятие нищеты (*факр*): существует недостоверный хадис, отсутствующий в авторитетных сборниках, но имевший хождение в суфийской среде: «Нищета — это черноликость в двух мирах». К нему так или иначе обращаются, цитируют в своих работах многие суфийские поэты, в частности: Аттар Нишапури (XII–XIII вв.) [Аттар], Асири Лахиджи (ум. 1506/7) [Лахиджи] и др.

Как следствие, «черноликость» или «величайшая чернота (*савад-и а'зам*) отождествляется в суфийской поэзии с «нищетой», что, в принципе, не противоречит классическому пониманию черноликости: чернокожие рабы не владеют собственностью и таким образом являются нищими. Их также можно условно назвать и «нищими духом», учитывая то, что они не знают истины единобожия и, по словам ат-Тахтави, которые мы привели в начале статьи, «не отличают разрешенное от запретного» и «не имеют простейшего знания о земной и загробной жизни» [Казим 2004: 167].

В контексте суфийской мысли синонимический ряд «черноликость — величайшая чернота — нищета» получает совершенно иное звучание. Автор классического трактата по суфийской теории «Кашф ал-мухджуб» Али Ибн Усман ал-Джуллаби ал-Худжвири (XI в.) начинает главу о нищете словами: «Знай, что нищета — великая степень [совершенства путника] (*мартабат-и 'азим*) на Пути Господа Всемогущего» [ал-Худжвири 1375: 21].

Показательно, что Шабистари применительно к черноте использует ту же характеристику «великий» (*'азим*), что и ал-Худжвири применительно к нищете, — хотя и в превосходной степени. Последнее обстоятельство, вкупе с текстом хадиса, напрямую связывающего черноликость с нищетой, свидетельствует о прочной связи этих понятий в суфийской литературе.

Худжвири соотносит возникновение вопроса о статусе нищих с событиями времен пророка Мухаммада. Он пишет, что среди тех, кто бежал с Мухаммадом из Мекки в Медину, были нищие, которые все время проводили в мечети, молясь Богу; о них-де и идет речь в следующем кораническом айате: «Не отгоняй от себя тех, которые утром и вечером возносят молитвы к Господу своему, ища лица Его: не твое дело требовать от них отчёта в чём-либо» [Коран 2004: 88; ал-Худжвири 1375: 22]. По всей видимости, к этой группе аскетов возводят себя сами суфии, когда говорят, что название их течения происходит от слова *сафф* — ряд, т. е. люди аскетического образа жизни, сидевшие в мечети в первом ряду перед пророком Мухаммадом.

С развитием суфизма понятие нищеты существенно обогатилось смыслами. Ал-Худжвири описывает раннеисламскую дискуссию о нищете и богатстве как атрибутах Бога и человека. Сам Худжвири утверждает, что богатство — уникальный атрибут Бога (ведь Бог ни в чем не испытывает нужды), в то время как нищета подобает человеку, но не Богу [ал-Худжвири 1375: 24].

Ниже он приводит высказывание аш-Шибли: «нищий не обогащается ничем, кроме Бога» [ал-Худжвири 1375: 29]. И поясняет, что бытие (*хасты*) человека — нечто, кроме Бога (*дуна Аллах*), и, чтобы обогатиться (а богатство, напомним, — божественный атрибут), нужно из формулы вероисповедания «кроме Бога» убрать «кроме», т. е. представление о наличии у человека бытия иного по отношению к божественному. Соответственно, если уходит иное по отношению к Богу, остается только «Бог». Это станет актом «обогащения» человека, фактически — актом его обожения. Потеря человеком своего бытия и растворение в божественном характеризуется в суфизме как состояние *фана* — «уничтожение», которое также трактуется как предельная мистическая нищета, поскольку в этом состоянии человек избавляется от своего «я» вкупе со всеми привязанностями к вещам и людям [ал-Худжвири 1375: 23–24].

Таким образом, нищета в суфизме соотносится и с высшей степенью духовного восхождения человека.

Коль скоро черноликость в суфизме связывается с нищетой, имеющей столь

высокий мистагогический статус, закономерно задаться вопросом: с чем связана метаморфоза в восприятии черного лица в исламской культуре — от признака нечестия до величайшей черноты и мистической нищеты; от дискриминации Антары Ибн Шаддада по цвету кожи, от несмываемого позора (вспомним приведенный выше афоризм из Фирдоуси о том, что негра не отмыть добела) и потери антропологического статуса — до «величайшей черноты» обожения?

Шабистари был далеко не первым суфийским поэтом, восхвалявшим черноту лица. Значительное внимание ей уделено уже в классическом произведении родонаучальника суфийской дидактической поэмы Мадждуда Санай — «Сад истины и закон пути»¹:

Пребудь с чернотой, ибо от тебя [это все равно] не зависит,
Ведь чернота не приемлет иного цвета.
Черноликость всегда вместе с весельем
(хушдили)²,
Невелик восторг у красноликости³.
Ее (божественной самости. — А. Л.) жар —
огонь, коего желает сердце,
Взыскиующий [этого огня] — обгоревший
черноликий.
Уродливый негр, взыскуя горного,
Обрел веселье в черноликости.

¹ Перевод выполнен по изданию Модарре-са-Резави [Санаи 1374] с использованием толкования Марьям Хусайнини [Хусайнини 1388].

² *Веселье (хушдили)* — досл. «хорошее сердце» или «когда на сердце хорошо». Это слово выбрано автором неслучайно. В суфийской литературе сердце является органом познания / восприятия Истины. Поэтому оно должно быть хорошим, т. е. в достаточной степени отполированым мистиком, чтобы, подобно зеркалу, воспроизвести образ Божественного Возлюбленного. Таким образом, сердце как орган восприятия божественной Истины радуется состоянию черноликости мистика.

³ *Красноликость (сурх-руи)* — Диххуда поясняет как радость и самовосхваление (*фахр кунанда*), т. е. наиболее близким аналогом в русском языке будет «самодовольство». Смысл бейта заключается в том, что крайняя степень смирения, когда мистик отказывается от всех привязанностей, дарует веселье встречи с Истиной, в то время как самодовольство не даст человеку испытать мистический восторг.

Его (черноликого. — А. Л.) восторг не от того, что он [сам] хороший,
Его веселье — из-за мускусного аромата [Возлюбленного] его.
Светлее сияния молодого месяца (*хилал*)
Раскрытие состояния шнурков (*хилал*)⁴ и обуви [покрытой] росой (*билал*).
Если не хочешь разбалтывать тайну сердца,
Пребудь в двух мирах с черноликим.
Поскольку же к ней (тайне сердца. — А. Л.) влечет желание,
День выставляет [тайну сердца] на обозрение, а ночь укрывает⁵.
Держись подальше⁶ от этих пустых желаний,
Считай желание ядом, а утробу [свою] —
подобной змее.
Если спрашившись с гадюкой своего желания,
Не будут дела сии тебя сильно искушать⁷.
Ибо на этом пути в плохом — благое,
Живая вода⁸ — во тьме.
Что за печаль сердцу от черного цвета,
От того [черного цвета], что [сердце] денно и
нощно содержит в [своей] утробе?

[Санаи 1374: 88–89].

Первый бейт начинается с призыва пребывать с чернотой, а значит, Санай посту-

⁴ Наряду со значением «молодой месяц», слово «хилал» имеет целый ряд значений. Это и «косы», и «змея», и «змеиная кожа», и «худой верблюд», и «шнурки» (*гисуй-и кафиш*). В контексте данного полустишья, где речь идет об обуви, последнее значение кажется нам наиболее подходящим по смыслу. Кроме того, веревка (*гисуй*) в суфийской среде символизирует поиск Всевышнего и отсылает к образу «верви» (веревки) из коранического айата 3:103.

⁵ «Выставляет на обозрение» (*пардадар*) и «укрывает» (*пардадар*), досл. «тот, кто срывает покрывало» и «тот, кто укрывает покрывалом». Первое ассоциируется с опозориванием (*хаттак*), второе — со служением (*садин*) и защитой (*нигахбан*). Таким образом, Санай здесь уподобляет черноликость ночи, которая скрывает то, что должно быть сокровенным.

⁶ *Держись подальше* — досл. «убери руки».

⁷ *Искушать (пухтан)* — в первом значении «варить», «готовить». Второе значение — «испытывать», соответственно, мы переводим *пухтан* как «искушение» в значении «духовное испытание». Модаррес-Резви здесь также приводит разнотения: «Дела сии легче пройдут для тебя» и «Эти цвета для тебя возымеют больший вес» [Санаи 1374: 89].

⁸ По преданию, пророк Хизр нашел живую воду в стране мрака.

лирует ее как достоинство. Далее следует объяснение: надо пребывать с чернотой, поскольку это все равно от нас не зависит, а не зависит потому, что чернота не приемлет иного цвета. Такое объяснение не вызывало вопросов у средневековых суфииев, для современного же читателя следует привести обстоятельный комментарий к приведенному отрывку. Под чернотой Саная имеет в виду черноту божественной самости, это было очевидно для носителя традиции. Подтверждение этой версии есть и в приведенном отрывке, и в теоретических сочинениях, взять хотя бы более поздний трактат в стихах Махмуда Шабистари «Цветник тайны»:

[Та] чернота, да будет тебе известно, есть свет самости,
Во тьме [скрывается] живая вода.

[Шабистари 2021: 68].

Свет божественной самости связывает с чернотой, поскольку он ахроматический, т. е., по выражению Саная, «не приемлет иного цвета», он неизменен, непроницаем, непостижим, как и сама божественная самость. И эта самая черная божественная самость является источником бытия всего сущего («живая вода» упомянутая и Саная, и Шабистари). Чернота черноликого — отпечаток, след той самой божественной самости. Но почему же со слов Саная выходит, что быть или не быть черноликим не зависит от выбора человека? Во-первых, даже если рассматривать черный цвет кожи вне мистических ассоциаций, то цвет своей кожи человек, действительно, не выбирает. Но если рассматривать черноликость как причастность ко тьме божественной самости, то и здесь человек не располагает выбором. Хотя в исламской мысли существовали различные подходы к решению вопроса об автономии человеческого выбора, после Абу ал-Хасана ал-Ашари (ок. 873 – ок. 935) в суфийской среде доминирующей позицией было признание того, что человеческие поступки творятся Богом. Этот взгляд вполне совместим со стремлением суфииев к уничтожению своего «я» в Боге (*фана*), которое, как мы показали выше, связывалось также и со стоянкой нищеты (*факр*) в ее крайнем выражении — черноликости, когда человек расстался не только со средствами к существованию, но и потерял социальный статус, социальные связи, оказался унижен-

ным и опозоренным¹. Но, порвав со всем, что, по выражению ал-Худжвири, есть нечто «кроме Бога», он убирает это «кроме» и остается только Бог. Таким образом, человек не сливаются с божественной самостью, а переживает свою неинаковость ей. Он оказывается черноликим, причастным черноте божественной самости не благодаря своему выбору, а просто потому, что существует. Источником бытия сущего является эта самая божественная самость, соответственно, всякий, кто существует, опален черным светом или черным пламенем божественной самости:

Ее (божественной самости. — А. Л.) жар —
огонь, коего желает сердце,
Взыскиующий [этого огня] — обгоревший
черноликий.

[Санай 1374: 88].

Мистик является обгоревшим черноликим не потому, что выбрал быть таким, а потому, что он возник в огне черной божественной самости, тождественной самому бытию.

Дальнейшие байты свидетельствуют о том, что превознесение черноликости у Саная не признак того, что он преодолел расовые предрассудки, существовавшие в классической исламской культуре:

Уродливый негр, взыскуя горного,
Обрел веселье в черноликости.
Его (черноликого. — А. Л.) восторг не от того,
что он [сам] хороший,
Его веселье — из-за мускусного аромата
[Возлюбленного] его.

[Санай 1374: 88–89].

Как бы то ни было, черный цвет кожи для Саная — уродство. В том, чтобы быть негром, нет ничего хорошего («... не от того, что он [сам] хороший»), благо черноликости — в причастности к божественной Истине, в опыте растворения в ней.

Далее следует другой важный фрагмент:

Если не хочешь разбалтывать тайну сердца,
Пребудь в двух мирах с черноликим.
Поскольку же к ней (тайне сердца. — А. Л.)
влечет желание,

¹ О черноликости как символе позора пишет и Шабистари в поэме «Цветник тайны»:

Почернел лик души моей от стыда
За растрату жизни и дни, [проведенные] в
невежестве.

[Шабистари 2021: 336].

День выставляет [тайну сердца] на обозрение, а ночь укрывает.

[Санаи 1374: 88–89].

«Разбалтывание» тайны сердца отсылает нас к истории, пожалуй, самого известного суфия — Мансура ал-Халладжа. Его прозвище «кал-Халладж» означает «трепальщик хлопка [тайн]». Он известен, прежде всего, своим высказыванием «Я — Истина»¹. По одной из версий именно за эти слова он был казнен. Ал-Халладж в истории суфизма — человек, «растрепавший» «тайну сердца» об опыте растворения «я» мистика в Боге. При этом, в поэтической традиции (в частности у Фарид ад-Дина Аттара) обнаруживается также и характеристика Халладжа как «тайника» (*махрам-и асрар*) [Рейнер, Чалисова 1998: 124; Аттар: 246], т. е. того, кто допущен к тайнам, что, в принципе, не мешает ему быть и тем, кто их «растрепал». Санаи призывает не демонстрировать публично свой опыт и степень близости к Богу, а, напротив, скрыть ее за внешним бесчестием — образом уродливого негра.

Использование образа негра в целях самомаргинализации позволяет поставить черноту в ряд иноконфессиональных образов, столь распространенных в суфийской поэзии². Образы гебра или мага-зороастрийца, христианского юноши, идола чрезвычайно частотны в персидской суфийской поэзии. Лирический герой суфийских газелей поклоняется идолам, надевает зуннар (специальный пояс, который должны были в исламском обществе носить иноверцы), принимает вино из рук нежных христианских юношей и вообще ведет себя неподобающим для мусульманина образом. Все это он делает для того, чтобы освободиться от социального статуса уважаемого шейха и скрыть тайны своего духовного опыта. Ту же цель преследует и внешнее принятие образа негра-язычника. Этот образ оказывается самым радикальным из тех, что служат для самопонижения мистика. Если христиане относятся к людям Писания, к которым также приравнивают иногда и зороастрийцев, то негры — настоящие язычники, бунтари, которым мусульманские авторы подчас отказывали даже в человечности. Для суфия та-

кая чернота оказывается лучшим средством, чтобы скрыть свой духовный статус.

Далее Санаи призывает читателя освободиться от мирских привязанностей и желаний. По сути, речь идет об аскетике нищеты, дервишизма. Он воодушевляет читателя словами о том, что неприглядная внешность — это завеса, за которой скрыт источник воды живой — само бытие, тьма божественной самости, тьма, которая кроется и в сердце мистика:

Что за печаль сердцу от черного цвета,
От того [черного цвета], что [сердце] денно и
нощно содержит в [своей] утробе?

[Санаи 1374: 88–89].

Согласно мусульманским натурфилософским представлениям, в центре сердца находится капля черной крови, источник жизни и существования. Цвет этой капли позволяет суфийским авторам уподобить ее черноте божественной самости, символом которой также служила точка — неделимая и непротяженная в пространстве. Кроме того, точка в арабской каллиграфии считается началом и источником любой линии, — точно так же и божественная самость является источником любого бытия. Дополнительным основанием для того, чтобы связать черную точку в сердце с точкой божественной самости послужил хадис (встречается, напр., в сборниках ас-Сагани [ас-Сагани 1405: 50], ал-Кари [ал-Кари 1422, 1: 50] и др.), который прямо свидетельствует о том, что сердце верующего — место для трона Милостивого (т. е. Бога). Хадис пришелся суфиям по душе, и основатель философского суфизма Мухий ад-Дин Ибн ал-Араби толкует его следующим образом: «Когда сотворил Аллах Совершенного Человека, поместил в него сердце как трон, соделав его (человека. — А. Л.) домом для него (трона. — А. Л.), и нет в мире ничего, что могло бы понести сердце верующего ибо [все вещи] слабы для того, чтобы нести трон, он же (трон. — А. Л.) — в одном из уголков сердца верующего, [а верующий] не чувствует его и не знает о нем, ибо он (трон. — А. Л.) легок для него (верующего. — А. Л.)» [Футухат 1418 (1998): 114].

Таким образом, оказывается, что чернота точки в человеческом сердце и чернота лица опозоренного мистика несут на себе отпечаток одной и той же черноты божественной самости. Такую трактовку можно считать универсальной для персидской су-

¹ Подробнее об ал-Халладже и его знаменных словах см. [Лукашев 2018].

² Подробнее об иноконфессиональной об разности см. [Лукашев 2020: 254–273].

фийской поэтической традиции. В частности, Фарид ад-Дин Аттар в поэме «Книга тайн» пишет:

В [этом] мире совершенный нищий (*факир*)
есть тот,
Кто [обрел] черноту сердца в своей нищете.
Более того скажу: не спорь (досл. «не воюй»)
с этим смыслом,
Ибо нет цвета превыше черного цвета.
Запомни сие: черноликый является нищим,
[А] в [состоянии] нищеты оба мира не стоят и
песчинки.

[Аттар].

Заключение

Список цитат, где черный лик связывается с божественной самостью и нищетой, можно продолжать довольно долго. На материале многих сочинений мы можем увидеть, как изначально негативный образ негра был переосмыслен в суфизме. За ним остался закреплен компонент значения

«уродство», но вместе с тем черноликость стала таким уродством, которое освобождает мистика от привязанностей бренного мира. Более того, эта чернота оказывается еще и чернотой божественной самости, чернотой самого бытия, растворение в котором мистик переживает в акте *фана*.

Кроме того, очень важно отметить, что черный цвет кожи — один из иноконфессиональных образов. Он подчиняется тем же законам и решает те же задачи, что и другие иноконфессиональные образы. Для того чтобы сделать акцент на самомаргинализации лирического героя, автор может позволить ему препоясаться зуннаром или поклониться идолу, а может охарактеризовать его как черноликого. Во всех этих случаях он продемонстрирует, что лирический герой отбросил внешнее следование принципам исламского благочестия, отказался от своего духовного и социального статуса, тем самым обретя состояние совершенной нищеты.

Источники

- Аттар — *Аттар* Ф. Асрар-нама. Бахш-и 12. Ал-хайят ат-тамсил (= Книга тайн. Часть 12, Рассказ и притча) [электронный ресурс] // Ганджур: веб-коллекция произведения персоязычных поэтов. URL: <https://ganjoor.net/attar/asrarnama/abkhsh12/sh11> (дата обращения: 18.02.2022).
- ал-Бабирти 1318 — *ал-Бабирти* Д. Ал-Инайа би-хамиш фатх ал-кадир (Забота. Супракомментарий к «Откровению Всемогущего»). Т. 4. ал-Кахира: 1318. 448 с.
- Диван Антар 1893 — Диван Антар. Бейрут: ал-Мактаба ал-джами'a, 1893. 96 с.
- ал-Кари 1422 — *ал-Кари*, 'Али бин Султан Мухаммад. Миркат ал-Мафатих шарх мишкат аль-Масабих (= Ключница: изъяснение «Ниши ламп») в 11 т. Байрут (Лубнан): Дар ал-кутуб ал-'илмийя, 1422. 488 с.
- Коран 2004 — Коран / пер. Г. С. Саблукова. СПб.: Северо-Запад Пресс, АСТ, 2004. 477 с.
- Лахиджи — *Лахиджи Асирি*. Шархи бар йак руба'ий-и ирфани (= Толкование к одному мистическому рубаи) [электронный ресурс] // Ганджур: веб-коллекция произведения персоязычных поэтов. А. Лахиджи. Рисаил. (= Письма). URL: <https://ganjoor.net/asiri/rasael/sh3> (дата обращения: 25.02.2022).
- ас-Сагани 1405 — ас-Сагани ал-Хасан бин Мухаммад бин аль-Хасан аль-Карши. Мавду'ат Ас-Сагани (= Темы ас-Сагани). Димашк: Дар ал-Ма'мун ли-т-турас, 1405. 83 с.
- Санаи 1374 — *Санаи Абу ал-Маджуд Маджудуд Ибн Адам*. Хадикат ал-хакика ва шари'ат ат-тарика / тасхих ва тахшия Мударрис Ридави (= Сад Истины и закон пути). Тихран, 1374. 875 с.
- Смирнов 1993 — Смирнов А. В. Великий шейх суфизма. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 327 с.
- Фирдоуси — *Фирдоуси Х. Хаджв-наме* // Ганджур: веб-коллекция произведения персоязычных поэтов. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/hajvname> (дата обращения: 26.02.2022).
- Футухат 1418 (1998 н. э.) — *Мухий ад-Дин бин 'Али бин Мухаммад ат-Та'и ал-Хатими*. Ал-Футухат ал-Маккийя фи ма'рифат ал-асрас ал-малакийя (= Мекканские откровения в познании тайн господства) / ред., комм. Ахмад Шамс ад-Дин. Т. 4. Байрут (Лубнан): Дар ихья' ат-турас ал-'арабий, 1418 (1998). 488 с.
- ал-Худжвири 1375 — *ал-Худжвири ал-Газнави* А. Кафф ал-Махджуб / тасхих-и астад ва мухаккик Жуковский, ба мукаддима-и Касим Ансари (= Постижение сокровенного). Тихран: Тахури, 1375. 607 с.
- Хусайнин 1388 — Шарх-и Хадикат ал-хакикат-и Санайи (= Толкование «Сада истины» Санайи) / ба кушиш-и дуктур Марйам Хусайнин. Тихран: Данишгах-и аз-Захра 1388. 801 с.
- Шабистари 2021 — Шабистари М. Цветник тайны (персидский текст поэмы, перевод, комментарий) / А. А. Лукашев; отв. ред. Н. Ю. Чалисова. М.: ООО «Садра», 2021. 360 с.

Sources

- Antar. The Collected Poetry of Antar. Beirut: al-Maktaba al-Jami'a, 1893. 96 p. (In Arab.)
- Attar F. Asrār-Nāma (Book of Mysteries). Part 12: Story, Parable. On: Ganjoor (online collection of writings by Persian-language poets). Available at: <https://ganjoor.net/attar/asrarnama/abkhsh12/sh11> (accessed: 18 February 2022). (In Pers.)
- al-Babarti A. The Concern: Supracommentary on The Revelation of the Almighty. Vol. 4. Cairo, 1318. 448 p. (In Arab.)
- Ferdowsi. The Satire Poem. On: On: Ganjoor (online collection of writings by Persian-language poets). Available at: <https://ganjoor.net/ferdousi/hajvname> (accessed: 26 February 2022). (In Pers.)
- Husaiyni M. Commentary on Sanai's The Walled Garden of Truth. Tehran, 1388. 801 p. (In Pers.)
- al-Hujwīrī al-G. A. Kashf al-Mahjūb (Revelation of the Hidden). Tehran, 1375. 607 p. (In Pers.)
- Lahiji A. Commentary on One Rubā'ī. On: Ganjoor (online collection of writings by Persian-lan-
- guage poets). A. Lahiji. Letters. Available at: <https://ganjoor.net/asiri/rasael/sh3> (accessed: 25 February 2022). (In Pers.)
- Muhyī al-Dīn. The Meccan Revelations in the Knowledge of the Lord's Mysteries. Ahmad Shams al-Din. Vol. 4. Lebanon, 1418 (1998). 488 p. (In Arab.)
- al-Qari A. The Key-Keeper: Exegesis of The Lamp Niche. In 11 vols. Beirut, 1422. 488 p. (In Arab.)
- al-Sagani al-H. bin M. Themes of al-Sagani. Damascus, 1405. 83 p. (In Arab.)
- Sanai A. al-M. The Walled Garden of Truth and The Law of Path. Tehran, 1374. 875 p. (In Pers.)
- Shabistari M. The Rose Garden of Mystery. A. Lukashev (text, transl., etc.), N. Chalisova (ed.). Moscow: Sadra, 2021. 360 p. (In Russ.)
- Smirnov A. V. The Great Sufi Sheikh. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. 327 p. (In Russ.)
- The Quran. G. Sablukov (transl.). St. Petersburg: Severo-Zapad Press, AST, 2004. 477 p. (In Russ.)

Литература

- Амини-Кашани 1395 — Амини-Кашани И. Зендж // Данишнама-и джахан-и ислам (=Энциклопедия исламского мира). Т. 21. Тихран: Нашрийа-и данишнама-и джахан-и ислам, 1395. С. 615–617.
- Васильцов 2009 — Васильцов К. С. Некоторые замечания о символике и мифологии цвета в мусульманской культуре // Иран-наме: научный востоковедный журнал / гл. ред. С. Абдулло. № 4(12). 2009. С. 167–183.
- Казим 2004 — Казим Н. Тамсилат ал-ахар: сурат ас-суд фи ал-мутахайял ал-‘арабий ал-ва-сит (=Репрезентация Другого: образ чернокожих в средневековом арабском дискурсе). Бейрут: ал-Му’ассаса ал-‘арабийя ли-л-дирасат ва ан-нашр, 2004. 587 с.
- Лукашев 2018 — Лукашев А. А. «Я — истина» Мансура ал-Халладжа в понимании Шабистари и Икбала // Философия религии: аналитические исследования. 2018. Т. 2. № 1. С. 102–114.

References

- Amini-Kashani I. The dark-skinned. In: Encyclopedia of the Islamic World. Vol. 21. Tehran, 1395. Pp. 615–617. (In Pers.)
- Filshitsky I. M. History of Arabic Literature: 5th to Early 10th Centuries CE. B. Shidfar (ed.). Moscow: Nauka – GRVL, 1985. 531 p. (In Russ.)
- Kazim N. Images of the Other: The Image of the Black-Skinned in Medieval Arab Discourse. Beirut: al-Mu’assasa al-‘arabiyya li-l-dirasat wa-l-nashr, 2004. 587 p. (In Arab.)
- Lukashev A. A. “I am the Truth”: Mahmud Shabistari’s and Muhammad Iqbal’s points of view. *Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2018. Vol. 2. No. 1. Pp. 102–114. (In Russ.)
- Lukashev A. A. The World of Mystery in a Few Words: Philosophical Views of Mahmud Sha-
- bistari in the Context of His Times. A. Smirnov (ed.). Moscow: Sadra, 2020. 320 p. (In Russ.)
- Reusner M., Chalisova N. “I am God”: Hallaj the Martyr in the Ghazals and “Tadhkira al-Aulīya” by Farid al-Din ’Attar. *The Image Semantics in the Literatures of East*. Moscow, 1998. Pp. 121–158. (In Russ.)
- Shohrat M. The Image of the *zangiyan* in Persian Poetry (based on the *zangiyan* parables from Sanaii to Qasim Anvar). *The Persian Language and Literature Quarterly*. Vol. 75. 1392. Pp. 111–128. (In Pers.)
- Vasiltssov K. S. Some remarks on the symbolism and mythology of color in Muslim culture. *Iran-name*. 2009. No. 4(12). Pp. 167–183. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 232–244, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.7+ 821.161.1
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева — поэта азиатского фронтира

Зифа Какбаевна Темиргазина¹, Ольга Константиновна Андрющенко²,
Руманият Омаровна Асельдерова³, Сергей Владимирович Николаенко⁴

¹ Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана (д. 60, ул. Мира, 140005
Павлодар, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор

0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa[at]pspu.kz

² Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана (д. 60, ул. Мира, 140005
Павлодар, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук, ассоциированный профессор

0000-0003-4269-9588. E-mail: olga_pav_pgpi[at]mail.ru

³ Дагестанский государственный педагогический университет (д. 57, ул. Ярагского, 367003
Махачкала, Республика Дагестан, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna[at]mail.ru

⁴ Витебский государственный университет им. П. Машерова (д. 33, Московский проспект, 210038
Витебск, Беларусь)

доктор педагогических наук, профессор

0000-0001-7749-6671. E-mail: ns-lk[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Темиргазина З. К., Андрющенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В., 2023

Аннотация. Цель исследования — выявить специфику ориенталистских мотивов в творчестве советского русского поэта Павла Николаевича Васильева. *Материалы и методы.* Материалом для анализа являются произведения П. Н. Васильева. В статье используются историко-литературный и сопоставительный методы. В основу методологии положены тезисы ориентализма и транскультурной литературы. *Результаты и обсуждение.* Диктуемая советской идеологией ранней эпохи классовая ориентация с дилеммой Свой — это пролетариат, бедняк, Другой — это кулак, купец, аристократ, бай, бий, бек и одновременно идея цивилизаторской роли рус-

ских в жизни коренных народов были воплощены в литературном мейнстриме этого времени. Павел Васильев также изображал в своих произведениях цивилизаторскую миссию советских инженеров, строителей, железнодорожников; индустриализацию казахских степей; образы «окультуренных» казахов — борцов за советскую власть, строителей новой жизни. Он рисует типичные негативные образы мулл, следуя политике большевиков, активно борющихся с религией и ее влиянием на народные массы. В то же время он осознает свое духовное родство с казахами и не изображает их Другими, для него они Свои, родные. В раннесоветской литературе распространен образ «спящей» Азии, которую надо разбудить штыками и пулеметами и превратить в «красный» Восток, который должен быть частью идеологически единого советского государства. В этом отношении П. Н. Васильев выбивался из мейнстрима, поскольку Азия в его представлении не была отсталым, дремлющим регионом. Для него это древняя, тысячелетняя, загадочная страна, его родина. Отклонением от мейнстрима являются и традиционно ориенталистские стихотворения Павла Васильева («Охота с беркутами», «Джут», «Бахча под Семипалатинском», «Верблюд» и др.), в которых, вопреки советской политике нивелирования культуры коренных народов Азии, подчеркивается национальная и культурная специфика казахов. *Выводы*. Рассмотрев особенности воплощения ориенталистских мотивов в поэзии П. Н. Васильева, можно сказать о том, что на них повлияла транскультурность художественного мировидения поэта, сформировавшегося как творческая личность в условиях казахско-русского фронтира.

Ключевые слова: ориентализм, Павел Васильев, азиатский фронт, транскультурная литература, мейнстрим, социалистическая идеология, Свой, Другой

Благодарность. Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта по договору № 3 от 01.07.2022 г. с Павлодарским педагогическим университетом им. Алькея Маргулана (Республика Казахстан).

Для цитирования: Темиргазина З. К., Андрющенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В. Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева — поэта азиатского фронтира // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 232–244. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Pavel Vasiliev — A Poet of the Asian Frontier: Specifics of Orientalist Motifs Revisited

Zifa K. Temirgazina¹, Olga K. Andryuchshenko², Rumaniyat O. Aselderova³,
Sergey V. Nikolaenko⁴

¹ Margulan University (60, Mira St., 140005 Pavlodar, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa[at]pspu.kz

² Margulan University (60, Mira St., 140005 Pavlodar, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4269-9588. E-mail: olga_pav_pgpi[at]mail.ru

³ Dagestan State Pedagogical University (57, Yaragsky St., 367003 Makhachkala, Russian Federation)

Cand. Sc., (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna[at]mail.ru

⁴ Masherov Vitebsk State University (33, Moskovskiy Ave., 210038 Vitebsk, Republic of Belarus)

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor

 0000-0001-7749-6671. E-mail: ns-lk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Temirgazina Z. K., Andryuchshenko O. K., Aselderova R. O., Nikolaenko S. V., 2023

Abstract. Russian Orientalism is distinguished by its territorial proximity to Asian countries and the shaping of Russia-Asia frontier in bordering areas where peoples blended and cultures synthesized to form a multicultural environment. *Goals.* The study aims to identify the specifics of Orientalist motifs in works of the Soviet Russian poet Pavel Nikolaevich Vasiliev. *Materials and methods.* The paper analyzes works of P. Vasiliev with the aid of the historical/literary and comparative methods. The methodology is based on theses of Orientalism and transcultural literature. *Results.* The literary mainstream of that time was implementing the trend toward a class orientation with the dichotomy of US — the proletariat, the poor, and THEM — kulaks, merchants, aristocrats, *beys, biys, begs*, coupled with the proclaimed civilizing role of Russians in the life of indigenous peoples, which was dictated by the early Soviet ideology. Pavel Vasiliev also depicted the civilizing mission of Russian engineers, builders, railroad men; industrialization in Kazakh steppes; the images of ‘civilized’ Kazakh savages — fighters for Soviet power, builders of a new life. He draws typical negative images of mullahs, which was prompted by the Bolshevik struggle against religion and its influence on the masses. At the same time, he is aware of his spiritual kinship with the Kazakhs and does not portray the latter as THEM, for him they are US, relatives. In early Soviet literature, the image of ‘sleeping’ Asia was widespread enough, and the region was thus to be awakened with bayonets and machine guns — to turn into the ‘red’ East as part of an ideologically unified Soviet state. In this regard, Vasiliev was standing away from the mainstream, since he never viewed Asia as a backward or dormant territory. That was rather an ancient, millennia-old, mysterious country, his homeland. Orientalist poems by Pavel Vasiliev (Hunting with Golden Eagles, Jut, Melon Field near Semipalatinsk, Camel, etc.) also deviate from the mainstream, since they emphasize ethnic and cultural specificities of the Kazakhs — an indigenous people of the Asian frontier — and this somewhat contradicted the Soviet policy of depreciating indigenous cultures of Asia. *Conclusions.* The insight into Orientalist motifs of Vasiliev’s poetry attests to the latter were influenced by transcultural nature of the poet’s artistic worldview, since his creative mind was shaped within the Kazakh-Russian frontier.

Keywords: Orientalism, Pavel Vasiliev, Asian frontier, transcultural literature, mainstream, socialist ideology, us, them

Acknowledgements. The reported study was granted by Margulan University (Republic of Kazakhstan), agreement no. 3 of 1 July 2022.

For citation: Temirgazina Z. K., Andryushchenko O. K., Aselderova R. O., Nikolaenko S. V. Pavel Vasiliev — A Poet of the Asian Frontier: Specifics of Orientalist Motifs Revisited. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 232–244. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Введение

Ориенталистику чаще всего определяют как науку, исследующую духовную и культурную историю Востока, а не его географическое или экономическое положение. Исследование начиналось с изучения письменных памятников Древнего Востока и их толкования, т. е. в классическом понимании это филологическая и герменевтическая дисциплина [Конрад 1966: 3–4].

В работе Э. В. Саида «Ориентализм» [Сайд 2021], которая оказала существенное влияние на исследования Востока во всем мире, ориентализм преподносится в ином ключе. Он определяется в качестве геополитического дискурса, создаваемого Западом с целью покорения и аккультурации Востока. Частью его выступает доктрина

расового неравенства. Э. В. Саид говорит о взаимовлиянии Востока и Запада: «Как географические, так и культурные сущности — не говоря уже о сущности исторической — таких мест, регионов, географических областей, как „Восток“ (Orient) и „Запад“ (Occident), созданы человеком. Поэтому, как и сам Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию осмыслиения, образный ряд и лексикон, которые придали ей реальность и существование на Западе и для Запада. Так две этих географических сущности поддерживают и в определенной степени отражают друг друга» [Сайд 2021: 13].

В советской академической науке существовало несколько другое понимание ориентализма, он традиционно отождествлялся

с востоковедением: «Востоковедение (или ориенталистика) — исторически сложившаяся в Европе наука, комплексно изучающая историю, экономику, языки, литературу, искусство, религию, философию, памятники материальной и духовной культуры Востока» [Брагинский 1974: 43].

В русской литературе наблюдается неослабевающий интерес к восточным мотивам, они обнаруживаются в творчестве многих русских писателей и поэтов, начиная от В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского и др. Литературоведами исследована концептосфера ориентального дискурса в русской литературе XIX в. от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского [Алексеев 2015].

Ю. М. Лотман рассмотрел проблему отношения Востока и Запада в позднем творчестве М. Ю. Лермонтова [Лотман 1985]. Значительный интерес у исследователей вызывал ориенталистский дискурс в русской литературе и культуре конца XIX — начала XX вв. Они отмечают, что формирование ориенталистского художественного мировоззрения поэтов «Серебряного века» находилось под влиянием философии Вл. Соловьева, в которой основной идеей было всеединство и синтез культур Востока и Запада [Концова 2003: 3–4; Чач 2012: 4–6].

Актуальной в сегодняшней науке остается тема специфики русского ориентализма. Так, ей посвящена книга «Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)» [Русский ориентализм 2019], в которой показана широкая география постсоветских исследований: Центральная Азия, Турция, Индия, Урало-Поволжский регион. «Важно, что ориентализм русский имеет принципиальные отличия от своих западных аналогов. Здесь Восток иначе воспринимали, иначе трактовали и иначе творили. Без понимания этого, равно как и без комплексного анализа русского ориентализма как такового невозможно адекватно понять и описать сложную природу художественного взаимодействия культур на территории Российской империи...» [Резван 2019: 11–12].

Поскольку основной целью нашей статьи является изучение ориенталистских мотивов в творчестве советского русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937), важными для нас остаются два вопроса: особенности ориентализма в раннесо-

ветскую эпоху и влияние условий азиатского фронтира на творчество писателя. Павел Васильев родился в Казахстане, в г. Зайсан, вырос и сформировался как творческая личность в Павлодаре, т. е. в условиях казахско-русского пограничья. Это оказало значительное влияние на формирование его творческих и художественно-эстетических взглядов, на транскультурный характер его мировоззрения и миропонимания.

С. Н. Абашин подчеркивал одну из особенностей русского ориентализма: «...В русском ориентализме, который основан на идеи „цивилизаторской миссии“ России на Востоке, легко распознаются элементы социалистического (народнического, марксистского и др.) дискурса с его специфическими идеями освобождения от гнета правящих классов, формационных переходов, социально-экономической эволюции» [Абашин 2005: 47]. В большевистской идеологии была сделана попытка связать в единую концепцию идею колониального угнетения и идею классовой эксплуатации народов. В этой концепции впервые в качестве объекта, вместо инородцев и туземцев, появляются «коренные народы».¹ Этот изначально противоречивый дискурс должен был отображать отношения империи с коренными народами, их место и роль в составе Советского Союза.

В 1920–1930-х гг. советской идеологией создавался антicolonиальный образ СССР, велась борьба за равноправие народов, хотя бы формальное, шла борьба с «великодержавным шовинизмом» [Фомин 2021: 39; см. также: Номогоева 2021]. К реализации этой тенденции в литературе приложил руку и М. Горький, который в эти годы был идейным знаменем пролетарской культуры и оказывал сильнейшее влияние на формиро-

¹ «Оформленное и зафиксированное в законодательной практике в 1822 г. понятие „инородцы“ — один из ключевых терминов „колониального словаря“ имперской администрации, позднее „инородцы“ были заменены на „туземцев“, а в советское время — на „коренные народы“, что тем не менее не изменило содержания политических практик, осуществлявшихся метрополией / центром, и не помешало „инородческому“ дискурсу оказывать существенное влияние на ранние советские проекты по нациестроительству и модернизации бывших восточных окраин страны» [Васильцов 2019: 31].

вание мировоззренческих и идеологических основ советской политики в области литературы и культуры. И. А. Фомин пишет: «Как инструмент национальной политики рассматривалось и изменение содержания и канонов литературного процесса: важно было произвести резкий разрыв с прошлым и в литературе, которая в имперский период, по словам М. Горького, зачастую относилась к „инородцам“ снисходительно, смотрела на них „сверху вниз“ [...], утвердить новый облик всех народов империи, в том числе народов Средней Азии» [Фомин 2021: 39].

В социалистической идеологии этой эпохи, синтезированной с неоромантической колониальной концепцией, популяризировались носители передовых идей — неутомимые борцы за светлое будущее. И огромную роль в этом призвана была сыграть литература, которая должна была создавать образы героев — борцов, выполняющих цивилизаторскую миссию «советского человека», в том числе в диком Туркестане — в условиях географического фронтира, где сталкиваются две различные национальные культуры и традиции. К. С. Соколов пишет об этой трансформации советской идеологии: «Из соединения неоромантической стилистики с актуальным вариантом господствующей идеологии к началу 30-х гг. в советской поэзии складывается особый тип ориентального фронтального дискурса, утрачивающего злободневность по мере модернизации советского фронтира» [Соколов 2019: 123].

Граница соприкосновения России и Азии, т. е. азиатский фронт, характеризуется тем, что социокультурные процессы имели здесь синтезирующий и гибридный характер, тесное соприкосновение русских и азиатов в одном географическом топосе приводило к смешению языковых и культурных традиций, а также к их конфликту [Temirgazina, Khamitova, Orazalinova 2016: 319]. В подобной мультикультурной среде формировалась транскультурная литература, представляющая собой органичный симбиоз нескольких культур и ментальностей. Образ Другого, который в традиционном ориентализме носил экзотический характер, в транскультурной литературе азиатского фронтира не был экзотическим, непонятным, потому что он являлся частью Своего.

Несмотря на то, что изучению творчества П. Н. Васильева посвящено несколько диссертаций литературоведческого и лингвопоэтического плана [Мадзигон 1966; Ивлева 1990; Шаймарданова 1990; Хомяков 2007; Попова 2016] и десятки статей, ориенталистские тенденции в его произведениях, включая поэмы, не анализировались. В перечисленных выше работах отмечается знание П. Н. Васильевым казахской культуры, казахского языка и фольклора, включение казахизмов в художественные тексты. Из этого выводится тезис о евразийском характере его творчества. Попробуем рассмотреть этот тезис более глубоко и детально. Как известно, сутью концепции евразийства является идея объединения истории, культуры, географии, экономики и ментальности Европы и Азии, которая характеризуется как уникальная черта России [Савицкий 1997: 4–5; Трубецкой 2007: 5–17]. Ориенталистская теория отличается от евразийства сосредоточенностью прежде всего на проблематике Востока, не ограниченной определенными сферами его общественной, духовной, культурной и хозяйственной жизнедеятельности. Таким образом, наше исследование, как мы полагаем, восполняет существенный пробел в изучении творчества П. Н. Васильева.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы П. Н. Васильева [Васильев 2009а; Васильев 2009б]. В статье не разграничиваются жанры стихотворений и поэм, так как ориенталистские тенденции генерируются мировоззренческими взглядами автора и не зависят от жанровой разновидности произведения. В письме к А. Е. Крученых П. Н. Васильев четко определяет свою идеологическую и мировоззренческую позицию, когда объявляет основной задачей советской литературы, ее «единственным смыслом — работу на социализм» [Васильев 2009б: 490]. Ориенталистские мотивы одинаково прослеживаются в художественной проблематике как стихотворений, так и поэм. Так, в поэме «Христолюбовские ситцы» воплощается одна из идей раннесоветского ориентализма об «окультуривании» и освоении азиатских степей в ходе их индустриализации: речь идет о строительстве на казахской

земле текстильного комбината. Этой же идеи посвящены стихотворения («Павлодар», «Путь на Семиге», «Евгений Стэнман» и т. п.).

Методологической основой исследования стали положения теории ориентализма, разработанные в зарубежной и российской науке. Частью академического литературного ориентализма сегодня стала концепция транскультурной литературы, которая включает литературу пограничья, к которой мы относим творчество Павла Николаевича Васильева [Темиргазина, Ибраева 2021: 291–293].

Используя историко-литературный и текстологический методы, мы рассмотрели поэзию П. Н. Васильева с точки зрения отражения в ней советского ориентализма начала 1930-х гг. Транскультурный характер его творчества повлиял на воплощение в нем социалистических ориенталистских тенденций и определил их специфику. Реализация советской идеологии по отношению к коренным народам Азии, в частности к туркменам в произведениях писателей, входящих в состав «восточных» бригад, направленных в 1930-е гг. в азиатские республики, рассматривалась нами для сопоставления с произведениями Павла Васильева. Сравнение дало нам возможность установить сходство и различие ориенталистских практик в творчестве П. Н. Васильева и других писателей раннесоветского периода.

Особенности ориенталистских мотивов в произведениях П. Н. Васильева

Цивилизаторская миссия в азиатском фронтире

Ориентализм советских писателей А. П. Платонова, В. А. Луговского, Н. С. Тихонова, П. Г. Косярева, Г. А. Санникова и многих других, отправленных в 1930-х гг. в составе «туркестанских» писательских бригад в азиатские республики для реализации социалистической национальной политики, как бы это ни было удивительным, подпитывался творчеством Редьярда Киплинга. Его творчество и, в частности, его идея «бремени белого человека», вынужденного выполнять на Востоке цивилизующую миссию, неожиданно стали очень популярными в среде советских пролетарских писателей в 1920–1930-х гг. «Интерес к творчеству „певца британского империализма“ пере-

жил революцию и, вопреки очевидной противоположности политических взглядов, воплотился в неоромантическом колониалистском пафосе строителей коммунизма на юго-восточных рубежах советской империи» [Соколов 2019: 125].

В основе советской национальной политики лежит идея историко-антропологического эволюционизма: азиаты, в том числе кочевники, — это отсталые, находящиеся на низшем этапе общественного развития народы. Они находятся на феодальном уровне развития, а возможно, и на уровне первобытнообщинного строя. Так, Петр Косярев в повести «Оазис», сравнивает кибитку и «европейское» жилище — дом, проявляя искреннее непонимание преимуществ кибитки и предпочтая «европейский» дом [Косярев 1934: 27]. Стилизация и реальный фольклорный материал в повести Петра Косярева служат четко определенной цели — создать образец советской ориентальной прозы для русскоязычных читателей, понятный и доступный для них, создающий для них историю и мифологию «красного Востока».

В произведениях советских писателей, входящих в «Альманах к десятилетию Туркменистана», доминирует мысль о необразованности, некультурности восточного человека, для которого «пастбище, табун коней и кибитка» — это «все, что есть на этой земле» [Косярев 1934: 79]. Очевидно, поэтому азиаты в этих произведениях пассивны, молчаливы, неиндивидуализированы и выступают, скорее, объектом, а не субъектом, обладающим волей и сознанием.

В этом отношении важно сравнить отношение Павла Васильева к аборигенам-казахам. В стихотворении «Азиат» он говорит о том, что здесь, в московских гостиных, его друг — казах — смотрится «чужим», но это взгляд москвичей. Себя же лирический герой отождествляет с азиатом, ощущает свое родство с ним и называет их обоих «степными, угрюмыми кавалерами»:

Но мы с тобой во многом схожи...

И я, как ты, такой же гибкий

(«Азиат», 1934)
[Васильев 2009а: 84].

Транскультурное мышление поэта, хорошо знакомого с казахскими обычаями и традициями, выросшего в условиях ка-

захско-русского пограничья, не позволяет ему пренебрежительно, свысока относиться к другу-азиату, считать его «дикарем» [Temirgazina et al. 2020: 5–6]. Он понимает, что они оба чужие здесь. Во второй части стихотворения, насыщенной восточным колоритом, который придают ей многочисленные экзотизмы (*аул, кумыс* и др.), создается образ своего, родного для обоих Востока — родного аула. Этот образ одновременно является экзотическим, чужим для московских российских читателей:

*Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас*

(«Азиат», 1934)
[Васильев 2009а: 84–85].

Индустриализация азиатского фронтира

Дискурс азиатского фронтира ранней советской эпохи построен на тезисе, что борцы за светлое социалистическое будущее Востока (советские специалисты, инженеры, учителя, врачи и т. д.) должны нести «бремя советского человека», т. е. прививать коренному азиатскому населению подлинные ценности и поднимать «красный» Восток [Abzuldinova 2013: 1651–1652; Николаенко 2019: 205]. Эта идея прослеживается и в творчестве Павла Васильева, который провозглашает свою активную неоромантическую поэтическую миссию в эпоху строительства социализма — шагать в ногу с индустриализацией страны:

*С промышленными нуждами страны
Поэзия должна теперь сдружиться*
(«Павлодар», 1927)
[Васильев 2009а: 189].

Поэт представляет цивилизационную роль большевиков в азиатском фронтире как движение к техническому прогрессу — строительству заводов, фабрик, железных дорог, магистралей, которые противопоставляются отсталым в техническом отношении объектам:

*Когтями сжав полынь и дрему,
Гудят чугунные леса —
У первенцев Наркомтяжпрома
Давно окрепли голоса.
Их нянчит мамка-индустрия*
(«Христолюбовские ситцы»)
[Васильев 2009б: 292].

Проводя железные дороги, строя заводы и фабрики, строители (инженеры, рабочие-краснопутиловцы) захватывают пастбища казахов, исконно принадлежащие им и необходимые для выживания кочевников-скотоводов. Технический прогресс, который несет русские, противоречит коренным экономическим интересам казахов, ведет к разрушению привычного им образа жизни и способа хозяйствования. П. Н. Васильев идеализирует большевиков — строителей новой жизни, встречающих на своем пути нечеловеческие трудности, но преодолевающие их:

*Мы строили дорогу к Семиге
На пастбищах казахских табунов...*
(«Путь на Семиге», 1932)
[Васильев 2009а: 173–174].

Сопротивление аборигенов-дикарей строительству новой жизни, техническому прогрессу, индустриализации подавляется огнем и железом, потому что законы Республики и новый мир должны быть обязательно утверждены:

*Мы законы Республики здесь утвердим и
поставим на том,
Чтоб с фабричными песнями этими сладилась осень,
Мы ее и в огонь, и в железо, и в камень возьмем*
(«Евгений Стэнман», 1932)
[Васильев 2009а: 242–243].

При всей революционной направленности в этих строках прослеживается тайное желание, скрытая надежда поэта на то, что индустриализация страны не нанесет ущерба природе и будет находиться с ней в ладу.

Транскультурность творческого мировоззрения не позволяет П. Н. Васильеву изображать в роли Другого близкого ему по духу кочевника-казаха; Другой в его ориенталистском дискурсе — это и часть его самого. Поэтому в роли цивилизованного объекта в его произведениях чаще выступает территория, топос, которую большевики-цивилизаторы оккультуривают, осовременивают, а герой-строитель является его демиургом-творцом:

*Полинные родные пустыри
Завод одел железною листвою*
(«Павлодар», 1927)
[Васильев 2009а: 189].

Этот топос воспринимается покорителями азиатского фронтира как огромное незаселенное пустынное пространство, тысячи верст пустыней, где нет ничего, кроме травы. Эти земли, по убеждению строителей нового мира, требуют хозяйственного освоения и окультуривания:

*Позади пустынное пространство,
Тыщи верст — все звезды да трава*
(«Анастасия», 1933)
[Васильев 2009а: 263].

«Спящая» Азия глазами Павла Васильева

В советской ориенталистской концепции заложена идея заботы об отсталых коренных народах. Их нужно духовно разбудить, культурно просветить, так как они находятся под классовым гнетом и им нужна помощь. В стихотворении «Верблюд» (1931) поэт рисует «спящий» Восток, «дремлющую» Азию с ее ориентальными атрибутами, входящими в стереотипные представления советского читателя о Востоке — восточными бухарскими базарами, минаретами, гаремными плясками, отрублеными головами неверных на шестах:

*И солнцем выжжена мятежная Хива,
И шелестят бухарские базары...
И щит владык, и гром ударов мерных
Гаремным пляскам, смерти, песне в такт,
И высоко подъяты на шестах
Отрубленные головы неверных!*
(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 190–191].

Восток должен быть разбужен для новой социалистической жизни штыками и пулеметами Красной Армии:

*Бессонна жадность деспотов Хивы,
Прошелестят бухарские базары...
Но на буграх лохматой головы
Тяжелые ладони комиссара.
Приказ. Поход. И пулемет, стучи...
Отыскивает шашку басмача*
(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 191].

Верблюд символизирует степную Азию, но она у П. Н. Васильева не спящая, а древняя, величавая, загадочная, таинственная земля. Это его родина, к которой он обращается с нежным признанием в любви и

которую он неустанно воспевает в своей лирике:

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь!*

(«Родительница степь», 6 апреля 1935 г.)
[Васильев 2009а: 376].

Нужно ли будить пулеметами и штыками такую Азию? Любовь поэта к казахским степям и сродненность с Казахстаном приходят здесь в противоречие с тезисами нового социалистического ориентализма. Идеология требует разрушения родного Востока «до основания» для построения нового мира, но внутреннее «я» поэта не согласно с этим, не может смириться с такой реальностью. И это проявляется в образе верблюда — символа его родного Казахстана, в котором явственно проступают симпатия и любовь поэта к Азии:

*Но приглядись, — в глазах его туман
Раздумья и величья долгих странствий...*

(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 190].

В лирике П. Н. Васильева, кроме одного Востока — родной для него Азии, Казахстана, Туркестана, существует и другой Восток — это Индия, далекая и экзотичная. Эти два Востока резко отличаются в васильевской ориенталистике, более того, находятся в оппозиции «родной — неродной», «близкий — далекий», «знакомый — экзотичный»:

*Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары — золотая мгла.
Граненые веками зеркала...*

(«К музе», 1930)
[Васильев 2009а: 162].

И если родной для него казахский Восток «овеществляется» в солончаковых степях, раскосой луне, запахе полыни, ястrebах, коршунах, скакуне, верблюде, в коврах, минаретах, то «вещные» признаки Индии более экзотичны: это павлиньи перья, слоны, золото, граненые зеркала.

Советскую страну, «страну счастья» П. Н. Васильев олицетворяет в образе знаменитой героини западноевропейской литературы Беатриче, музы и возлюбленной итальянского поэта XIII в. Данте Алигьери.

Беатриче переводится как «счастливая, несущая счастье». Но васильевская Беатриче, олицетворение Советской страны, огромна, агрессивна, рождена в топоте конницы под звуки шрапнели:

*Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели*
(«Демьяну Бедному», май 1936 г.)
[Васильев 2009а: 325].

Желая создать позитивный, вдохновленный революционный образ страны счастья — Беатриче, поэт создает пугающий воинственный женский образ. Такой подспудно «видит» П. Н. Васильев Советскую страну, поэтическая интуиция художника не обманывает его и подсказывает ее подлинную античеловеческую сущность.

Ориентализм П. Н. Васильева как отклонение от мейнстрима ранней советской литературы

Сугубо ориенталистским, посвященным казахской национальной традиции является стихотворение «Охота с беркутами» (1931). Лирический герой воспевает бескрайность казахской степи, будто созданной природой для беркутиной охоты:

*Начинаем мы нашу охоту
Под рябым и широким небом...
На степи, никем не измеренной*
(«Охота с беркутами», 1931)
[Васильев 2009а: 348].

Как говорилось выше, для новой социалистической идеологии характерен классовый, а не национальный подход. Соответственно, пролетариат должен представлять в литературе как единый класс, находящийся вне национального принципа. Этой идеологии свойствен отказ от тезисов традиционно понимаемого ориентализма. Писатели сменили ориенталистскую риторику на классовую. Ориенталистские произведения П. Н. Васильева «Охота с беркутами», «Песня о Серке», «Верблюд», «Бахча под Семипалатинском», «Джут», «Плов» и др., написанные с большим знанием национальных казахских традиций, обычаяв и с большой любовью к ним, конечно, противоречат официальным идеологическим установкам

и выбиваются из мейнстрима литературы того времени своей национально-культурной направленностью.

Конституирующими Другим в литературном дискурсе этого времени теперь является не азиат, а купец, кулак, поп, бай, бий или мулла. Лирический герой стихотворения «Расставанье» Мухан отодвигает на второй план свои личные проблемы — расставанье с любимой девушкой, потому что активизировался классовый враг бий. Только что установленный новый советский уклад оказался в опасности, и Мухан должен стать безжалостным и вновь идти воевать:

*Мир старый жив. Еще не все сравнялось.
Что нового? Вновь строит козни бий?
Заседывай коней, забудь про жалость*
(«Расставанье», 1932)
[Васильев 2009а: 221].

Лирический герой обвиняет подругу, расставанье с которой глубоко переживает, в том, что она предала его — *повернула на запад*. Запад изображается как антипод Востоку, Азии и самому лирическому герою — азиату с раскосыми глазами и скулами:

*Ты оттого на запад повернула,
Подставила другому ветру грудь...
Но я бы стер глаза свои и скулы
Лишь для того, чтобы тебя вернуть!*
(«Расставанье», 1932)
[Васильев 2009а: 219].

В массовое сознание внедряются и негативные ориенталистские стереотипы, связанные с ролью религии и духовенства. Писатель Л. Леонов рассказывает о том, что мулла советует для лечения поноса зарезать барана, больному выпить его кровь, баранье мясо и шкуру отдать ему [Туркменистан весной 1932: 429]. Эти же стереотипы транслирует в своей поэзии Павел Васильев: *Хитра рука, сурова мудрость мулл* («Верблюд», 1931) [Васильев 2009а: 190–191].

Мулла не только классовый враг, сопротивляющийся социалистическому строительству, но еще и хитрый, жадный персонаж [Рахимжанов, Акошева, Темиргазина 2020: 267–268]. В критике мулл неоромантическая социалистическая ориенталистика пересекается у Васильева и Леонова с проповеданной повсеместно в СССР борьбой с религией.

Одной из важнейших тенденций ориенталистской литературы этого времени является создание образа азиата — носителя передовой социалистической идеологии, беззаботно сражающегося за нее. Подобные образы должны были демонстрировать прогрессивность социалистической идеологии, насаждаемой в азиатских республиках. Они означали ее проникновение в сознание дикарей-инородцев и рассматривались как начало массового «окультуривания» коренных народов и преобразования азиатского фронтира. В стихотворении «Товарищ Джурбай» Павел Васильев изображает подобного трансформированного «восточного человека», который убедился в превосходстве советской цивилизации и новой большевистской идеологии. Подобные персонажи вместе с большевиками образуют единый фронт в борьбе за Советскую власть, являясь проводниками ее идей среди местного населения. Васильевский герой — активный участник боев за Советскую власть в Казахстане, активный преобразователь азиатского фронтира, строитель железных дорог, заводов и комбинатов, индустриально осваивающий казахские земли. Поэт обращается к нему в соответствии с советской риторикой *товарищ Джурбай*, считает его своим, объединяясь с ним в выражении *нас с тобою*:

*В высокой степной пыли
К озеру Куль и озеру Тыс
Стальные пути легли...
Товарищ Джурбай!
Не нас ли с тобой
Вызывает страна
Опять — как в боях — поименно?*
(«Товарищ Джурбай», 1930)
[Васильев 2009а: 147–148].

Вместе с товарищем Джурбаем лирический герой в любой момент готов ответить на призыв Советской страны *поименно* [Temirgazina 2013: 824].

Выводы

В 20–30-х гг. XX в. складывается своеобразная советская ориенталистская концеп-

ция, эклектичная и противоречивая по своей сути. В ее основе находились, во-первых, классовая идеология, в которой конституирующими Своим был рабочий, бедняк, а Другим — кулак, купец, и, во-вторых, идея оккультуризования, просвещения «советским человеком» «красного» Востока, навеянная творчеством Киплинга, в которой Другим был представитель коренных народов Азии — инородец, туземец. Литературный мейнстрим этого времени формировался именно в рамках подобной идеологии, вырабатывая художественные каноны в соответствии с ней.

Не избежал влияния этой идеологии и Павел Васильев, транскультурная творческая личность которого складывалась в условиях азиатского казахско-русского фронтира. Он также рисовал картины индустриализации и покорения «пустынных» казахских степей, воспевал новую жизнь, которую несет азиатам советская власть. Однако некоторые его произведения выбивались из общей творческой задачи, поставленной перед советской литературой этого времени. Так, в его произведениях азиаты, степняки не выглядят Чужими, Другими, потому что для поэта они Свои, родные. Азия, Казахстан для него не требующая покорения штыками и пулеметами территории, а древняя, загадочная, живущая своей жизнью страна. Выбиваются из идеи общего классового противостояния его стихи традиционно ориенталистской направленности, в которых он со знанием и любовью описывает родную казахскую степь, казахские традиции и обычаи, в то время как он должен был показывать слияние национальных культур в единую советскую культуру, не заостряя внимание читателей на национальной специфике. Причиной подобных отклонений от мейнстрима литературы ранней советской эпохи была транскультурность мировоззрения и миропонимания поэта, художественно-эстетические взгляды которого сформировались в условиях казахско-русского фронтира и представляли собой органичный симбиоз двух культур: русской и казахской.

Литература

Абашин 2005 — Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «... будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не

быть...» // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнёва / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: ОмГУ, 2005. С. 47–102.

- Алексеев 2015 — Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Томск. ун-т, 2015. 348 с.
- Брагинский 1974 — Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 495 с.
- Васильев 2009а — Васильев П. Н. Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения. Алматы: Таугуль-Принт, 2009. 444 с.
- Васильев 2009б — Васильев П. Н. Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 2. Поэмы. Проза. Письма. Алматы: Таугуль-Принт, 2009. 497 с.
- Васильцов 2019 — Васильцов К. С. Россия и «азиатцы»: риторика и практика русского ориентализма // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 17–35.
- Ивлева 1990 — Ивлева И. Д. Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 22 с.
- Конрад 1966 — Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 518 с.
- Концова 2003 — Концова Е. В. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 196 с.
- Лотман 1985 — Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 5–22.
- Мадзигон 1966 — Мадзигон Т. М. Творчество Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966. 21 с.
- Николаенко 2019 — Николаенко С. В. Русский язык — через национальные реалии и культуру // Русистика. 2019. Вып. 17. № 2. С. 198–212. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212
- Номогоева 2021 — Номогоева В. В. Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–1930-е гг. // Oriental Studies. 2021. № 14(6). С. 1154–1164. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164
- Попова 2016 — Попова Н. В. Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 169 с.
- Рахимжанов, Акошева, Темиргазина 2020 — Рахимжанов К. Х., Акошева М. К., Темиргазина З. К. Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 261–271. DOI: 10.25178/nit.2020.4.18
- Резван 2019 — Резван М. Е. «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» (вместо предисловия) // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 7–13.
- Русский ориентализм 2019 — Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 292 с.
- Савицкий 1997 — Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Сайд 2021 — Сайд Э. В. Ориентализм. Современная критическая мысль. Предисловие А. Ихсанова. М.: Музей совр. искусства «Гараж», 2021. 560 с.
- Скосырев 1934 — Скосырев П. Оазис // Айдинг-Гюнлер: альманах к десятилетию Туркменистана, 1924–1934 / редкол.: Г. А. Санников (отв. ред.) и др. М.: Изд. Юбилейной комиссии ЦИК-ТССР, 1934. С. 6–101.
- Соколов 2019 — Соколов К. С. Герой азиатского фронтира в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 123–130.
- Темиргазина, Ибраева 2021 — Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16
- Трубецкой 2007 — Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
- Туркменистан весной 1932 — Туркменистан весной. Альманах 1-й писательской бригады Огиза и «Известий ЦИК СССР», совершившей поездку по Туркменистану весной 1930 г. в составе: Л. Леонова, Вс. Иванова и др. М., Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1932. 497 с.
- Хомяков 2007 — Хомяков В. И. Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 386 с.
- Фомин 2021 — Фомин И. А. Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии // Кунсткамера. № 4(14). 2021. С. 37–51. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
- Чач 2012 — Чач Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 338 с.

- Шаймарданова 1990 — Шаймарданова С. К. Поэтическое слово в контексте Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990. 20 с.
- Abzuldinova 2013 — Abzuldinova G. K. Metaphorization of the Cognitive Domain of Study // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. No. 14(13). Pp. 1648–1653.
- Temirgazina 2013 — Temirgazina Z. K. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // World Applied Sciences Journal. 2013. No. 24 (6). Pp. 822–825.
- Temirgazina, Khamitova, Orazalinova 2016 — Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K. Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2016. No. 7(2). Pp. 317–326.
- Temirgazina et al. 2020 — Temirgazina Z., Niko-laenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G. «Naive anatomy» in the Kazakh Language World Picture in Comparison with English and Russian // XLinguae. 2020. Vol. 13(2). Pp. 3–16.

References

- Abashin S. N. Vladimir P. Nalivkin: ‘...there shall be what is inevitable, and what is inevitable simply cannot fail to be...’. In: Suvorova N. G. (ed.) Russia's Asia: Imperial Personalities and Structures. Collected papers. Celebrating the 50th birthday of Prof. Anatoly V. Remnev. Omsk: Omsk State University, 2005. Pp. 47–102. (In Russ.)
- Abzuldinova G. K. Metaphorization of the cognitive domain of study. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013. No. 14(13). Pp. 1648–1653. (In Eng.)
- Alekseev P. V. Conceptual Framework of Oriental Discourse in Russian Literature, Early-to-Mid 19th Century: From A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky. Tomsk: Tomsk State University, 2015. 348 p. (In Russ.)
- Braginsky I. S. Issues of Oriental Studies: Current Questions of Oriental Literary Criticism. Moscow: Nauka — GRVL, 1974. 495 p. (In Russ.)
- Chach E. A. Orientalism in Social and Artistic Conscience of Silver Age Russian Literature. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2012. 338 p. (In Russ.)
- Fomin I. A. Orientalist discourse in early Soviet fiction about Central Asia. *Kunstkamera*. 2021. No. 4(14). Pp. 37–51. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
- Ivleva I. D. Reality and Its Artistic Presentation in the Poetry of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1990. 22 p. (In Russ.)
- Khomyakov V. I. Artistic View of the World in Pavel Vasiliev's Works: Revisiting the History of Worldview and Stylistic Search in Russian Poetry, 1920s–1930s. Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2007. 386 p. (In Russ.)
- Konrad N. I. The West and the East. Moscow: Nauka, 1966. 518 p. (In Russ.)
- Kontsova E. V. The Poetic ‘Orient’ and Its Peculiarities in Silver Age Russian Literature: K. Bal-
- mont, N. Gumilev, V. Khlebnikov. Cand. Sc. (philology) thesis. Voronezh, 2003. 196 p. (In Russ.)
- Leonov L., Ivanova Vs. et al. Turkmenistan in Spring: An Almanac by the First Crew of OGIZ and Izvestiya TsIK SSSR Writers Who Travelled across Turkmenistan in the Spring of 1930. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1932. 497 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. The East–West issue in the late works of M. Lermontov. In: The Lermontov Collection. Leningrad: Nauka, 1985. Pp. 5–22. (In Russ.)
- Madzigan T. M. [Analyzing] Writings of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1966. 21 p. (In Russ.)
- Nikolayenko S. V. Russian language through the prism of national culture and realities. *Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17. No. 2. Pp. 198–212. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212
- Nomogoeva V. V. The 1920s and 1930s Soviet modernization of Buryat culture and household life revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1154–1164. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164
- Popova N. V. Folklore Traditions in Works of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2016. 169 p. (In Russ.)
- Rakhimzhanov K. Kh., Akosheva M. K., Temirgazina Z. K. Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: An interaction of language, anatomy and culture. *The New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 261–271. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.18
- Rezvan M. E. (ed.) Russian Orientalism: Science, Art, Collections. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. 292 p. (In Russ.)
- Rezvan M. E. ‘Moscow, Astrakhan, Persia, India!’ (In lieu of a preface). In: Rezvan M. E. (ed.)

- Russian Orientalism: Science, Art, Collections. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. Pp. 7–13. (In Russ.)
- Said E. W. Orientalism [: Contemporary Critical Thought]. A. Ikhsanov (foreword). Moscow: Garage Museum of Contemporary Art, 2021. 560 p. (In Russ.)
- Savitsky P. N. The Continent of Eurasia. Moscow: Agraf, 1997. 464 p. (In Russ.)
- Shaimardanova S. K. Poetic Word in Pavel Vasiliev's Contexts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Alma-Ata, 1990. 20 p. (In Russ.)
- Skosyrev P. Oasis. In: Sannikov G. A. (ed.) Ayding-Gyunler: Celebrating the 10th Anniversary of Turkmenistan, 1924–1934. Jubilee almanac. Moscow: TSSR Central Executive Committee (Jubilee Commission), 1934. Pp. 6–101. (In Russ.)
- Sokolov K. S. Hero of the Asian frontier in Soviet poetry of the late 20s – 30s. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 123–130. (In Russ.)
- Temirgazina Z. K. Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations. *World Applied Sciences Journal*. 2013. No. 24 (6). Pp. 822–825. (In Eng.)
- Temirgazina Z. K., Ibraeva Zh. B. An observer in poetic narrative (In the poems of Pavel Vasiliev). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021. No. 72. Pp. 290–307. (In Russ.) DOI: 10.17223/19986645/72/16
- Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K. Didactic features of a learner's English-Russian dictionary of biology development. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016. No. 7(2). Pp. 317–326. (In Eng.)
- Temirgazina Z., Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G. "Naive anatomy" in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*. 2020. Vol. 13(2). Pp. 3–16. (In Eng.)
- Trubetskoy N. S. The Legacy of Genghis Khan. Moscow: Eksmo, 2007. 736 p. (In Russ.)
- Vasiliev P. N. Collected Writings. Vol. 1: Poems. Almaty: Taugul-Print, 2009. 444 p. (In Russ.)
- Vasiliev P. N. Collected Writings. Vol. 2: Poems, Prose, Correspondence. Almaty: Taugul-Print, 2009. 497 p. (In Russ.)
- Vasiltsov K. S. Russia and 'Asiatics': The rhetoric and practice of Russian Orientalism. In: Rezvan M. E. (ed.) Russian Orientalism: Science, Art, Collections. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. Pp. 17–35. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2023. Т. 16. № 1

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 14.04.2023.
Формат бумаги 60x84½. Усл. печ. л. 28,36.
Тираж 100 экз. Заказ 01-2023.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

